

The title and subtitle are enclosed in a decorative, embossed frame that resembles a scroll. The frame has a central rectangular area with wavy, scalloped edges. On the left and right sides, there are vertical scroll-like elements with laurel wreath motifs. The entire design is embossed into the dark green, textured cover of the book.

ЦИЦЕРОН

О СТАРОСТИ
О ДРУЖБЕ
ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

M. TVLLI CICERONIS

CATO MAIOR DE SENECTVTE
LAELIVS DE AMICITIA
DE OFFICIIS LIBRI III

ЦИЦЕРОН

О СТАРОСТИ О ДРУЖБЕ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ

Издание подготовили:

В. О. ГОРЕНШТЕЙН,
М. Е. ГРАБАРЬ-ПАССЕК и С. Л. УТЧЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1974

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов, Д. Д. Благой,
И. С. Брагинский, А. Л. Гришунин, Б. Ф. Егоров,
А. А. Елистратова, Д. С. Лихачев (председатель),
А. Д. Михайлов, Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Д. А. Ольдерогге, Ф. А. Петровский, Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя), С. Д. Сказкин .
Г. В. Степанов, С. Л. Утченко, Г. В. Церетели*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
С. Л. УТЧЕНКО

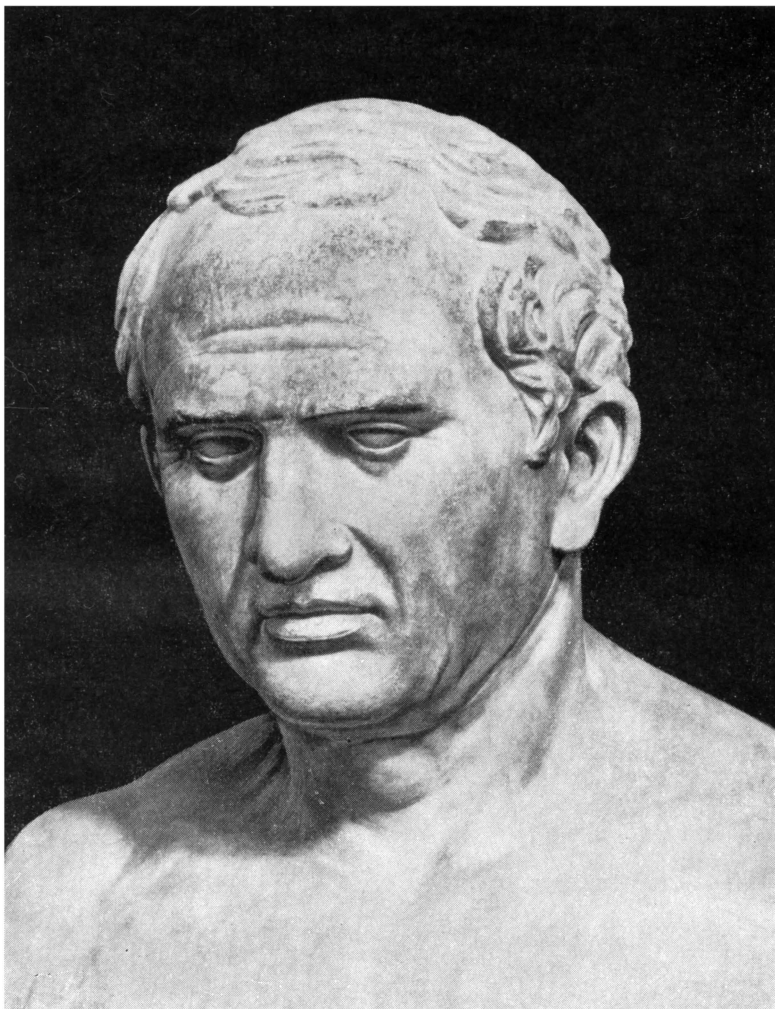
ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемые вниманию читателя три поздних произведения Цицерона — диалог (т. е. беседа) «О старости», диалог «О дружбе» и трактат «Об обязанностях» написаны им на политико-философские темы: о значении старости в жизни человека; о политической мудрости людей преклонного возраста и об их ценности для общества; о дружбе как союзе между гражданами, близкими по политическим взглядам; о нравственных основах государственной деятельности и о гражданском долге; о вопросах морали. В диалоге «О дружбе» и в трактате «Об обязанностях», написанных Цицероном уже после убийства Цезаря, имеются также и отголоски событий времен падения республиканского строя в Риме.

Эти три произведения Цицерона переведены на русский язык не впервые. Трактат «Об обязанностях» («О должностях») был издан в 1761 г. Академией наук в переводе Бориса Волкова; беседа «О дружбе» вышла в 1852 г. в переводе П. Виноградова, а в 1893 г., вместе с беседой «О старости», — в переводе И. Семенова. Переводы Волкова и Виноградова снабжены примечаниями.

Оба диалога и трактат «Об обязанностях» оказали большое влияние на мыслителей и писателей поздней античности, раннего христианства, эпохи Возрождения и на французских просветителей и часто цитируются ими. Представляя собой выдающиеся памятники мировой культуры, они в то же время являются образцами римской прозы.

Комментарий содержит две вводные статьи и примечания

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН
(106—43)
Мрамор. Ватикан

О СТАРОСТИ

(Катон Старший)

*

[Первая четверть 44 г.]

(I, 1) Тит мой, если тебе помогу и уменьшу заботу —
Ту, что мучит тебя и сжигает, запав тебе в сердце,
Как ты меня наградишь? ¹

Ведь мне дозволено обратиться к тебе, Аттик, с теми же стихами,
с какими к Фламинину обращается

Тот человек, что был небогат, но верности полон ².

Впрочем, я хорошо знаю, что ты не станешь, подобно Фламинину,
Так терзать себя, Тит, и денно и ночью заботой ³.

Ведь я знаю твою умеренность и уравновешенность, а то, что ты привез из Афин не только прозвание свое ⁴, но и просвещенность и дальновидность, хорошо понимаю. И все-таки я подозреваю, что тебя иногда чересчур сильно волнуют те же обстоятельства, какие волнуют и меня самого ⁵, но найти утешение от них довольно трудно, и это надо отложить на другое время.

Но теперь мне захотелось написать тебе кое-что о старости. (2) Ведь общее бремя наше — старость, уже либо надвигающуюся на нас, либо, во всяком случае, приближающуюся к нам ⁶, я хочу облегчить тебе, да и самому себе. Впрочем, я твердо знаю, что бремя это, как и все остальное, ты несешь и будешь нести спокойно и мудро. И вот, когда я думал написать кое-что о старости, то именно ты представлялся мне достойным этого дара, которым мы оба могли бы пользоваться сообща. Для меня лично создание этой книги было столь приятным, что оно не только сняло с меня все тяготы старости, но даже сделало ее тихой и приятной. Следовательно, нам никогда не восхвалить достаточно достойно философию, повинуюсь которой человек может в любом возрасте жить без тягот.

(3) О других вопросах я говорил уже немало ⁷ и буду говорить еще не раз; но в этой книге, которую я тебе посылаю, речь идет о старости, причем всю беседу я веду не от лица Тифона, как поступил Аристон Кеосский ⁸ (ведь сказание едва ли показалось бы кому-нибудь убедительным), а от лица старика Марка Катона, чтобы придать своей речи большую убедительность. Рядом с ним я изображаю Лелия и Сципиона, удивляющимися тому, что Катон переносит старость так легко, а его — отвечающим им. Если покажется, что он рассуждает более учено, чем обыкновенно рассуждал в своих книгах, то припиши это влиянию грече-

ской литературы, которую он, как известно, в старости усердно изучал. Но к чему много слов? Ведь речь самого Катона разъяснит тебе все то, что я думаю о старости.

(II, 4) *Сципион*.— Вместе с присутствующим здесь Гаем Лелием я очень часто изумляюсь, Марк Катон, как твоей выдающейся и достигающей совершенства мудрости, так особенно тому, что я ни разу не почувствовал, что тебе тяжка старость, которая большинству стариков столь ненавистна, что они утверждают, что несут на себе бремя тяжелее Этно⁹.

Катон.— Вы, *Сципион* и *Лелий*, мне кажется, изумляетесь не особенно трудному делу. Тем людям, у которых у самих нет ничего, что позволяло бы им жить хорошо и счастливо, тяжек любой возраст; но тем, кто ищет всех благ в самом себе, не может показаться злом ничто основанное на неизбежном законе природы, а в этом отношении на первом месте стоит старость. Достигнуть ее желают все, а достигнув, ее же винят. Такова непоследовательность и бестолковость неразумия! Старость, говорят они, подкрадывается быстрее, чем они думали. Прежде всего, кто заставлял их думать неверно? И право, как может старость подкрасться к молодости быстрее, чем молодость — к отрочеству?¹⁰ Затем, каким образом старость могла бы быть на восьмисотом году жизни менее тяжелой, чем на восьмидесятом? Ибо, когда годы уже истекли, то — какими бы долгими они ни были — неразумной старости не облегчить никаким утешением. (5) И вот, если вы склонны изумляться моей мудрости, — о, если бы она была достойна вашего мнения и моего прозвания!¹¹ — то я мудр в том, что следую природе, наилучшей руководительнице, как бы божеству, и повинуюсь ей; ведь трудно поверить, чтобы она, разграничив прочие части жизни, могла, словно она — неискusstный поэт, пренебречь последним действием. Ведь что-то должно прийти к концу и, подобно ягодам на кустах и земным плодам¹², вовремя созрев, увянуть и быть готовым упасть. Мудрому надо терпеть это спокойно. И право, разве это сопротивление природе не похоже на борьбу гигантов с богами?

(6) *Лелий*.— Но все-таки, — говорю это и от имени *Сципиона*, — так как мы надеемся и, несомненно, хотим дожить до старости, то нам будет очень по сердцу, если ты, Катон, заблаговременно нас научишь, как нам будет легче всего нести все увеличивающееся бремя лет.

Катон.— Да, я сделаю это, *Лелий*, тем более что, как ты говоришь, это будет по сердцу вам обоим.

Лелий.— Конечно, мы хотим этого, если только тебе, Катон, не будет в тягость взглянуть на то, чего ты достиг, пройдя, так сказать, длинный путь, вступить на который предстоит и нам.

(III, 7) *Катон*.— Сделаю это как смогу, *Лелий*! Ведь я часто слышал жалобы своих ровесников (равные с равными, по старинной пословице¹³, очень легко сходятся); так, консуляры *Гай Салинатор*¹⁴ и *Спурий Альбин*¹⁵, можно сказать, мои однолетки, не раз оплакивали и то, что они лишены плотских наслаждений, без которых для них жизнь не в жизнь, и то, что ими пренебрегают те, от кого они привыкли видеть

уважение; мне казалось, что они жаловались не на то, на что следовало жаловаться; ибо если бы это происходило по вине старости, то это же постигло бы и меня и всех других людей преклонного возраста; между тем я знаю многих, кто на старость не сетует, освобождением от оков страстей не тяготится и от пренебрежения со стороны родных не страдает. Нет, причина всех подобных сетований — в нравах, а не в возрасте: у стариков сдержанных, уживчивых и добрых старость проходит терпимо, а заносчивый и неуживчивый нрав тягостен во всяком возрасте.

(8) *Лелий*.— Это верно, Катон! Но, быть может, кто-нибудь мог бы сказать, что тебе, ввиду твоего могущества, богатства и высокого положения¹⁶, старость кажется более сносною, но что это не может быть уделом многих.

Катон.— Это, конечно, имеет некоторое значение, Лелий, но далеко не в этом дело. Так, *Фемистокл*¹⁷, говорят, в жарком споре с неким серифинянином, когда тот сказал, что *Фемистокл* достиг блестящего положения благодаря славе своего отечества, а не своей, ответил ему: «Ни я, клянусь *Геркулесом*, будь я серифинянином, ни ты, будь ты афинянином, не прославились бы никогда». Это же можно сказать и о старости: с одной стороны, при величайшей бедности, старость даже для мудрого быть легкой не может; с другой стороны, для человека, лишённого мудрости, она даже при величайшем богатстве не может не быть тяжкой. (9) Поистине самое подобающее старости оружие, *Сципион* и *Лелий*,— это науки и упражнение в доблестях¹⁸, которые — после того, как их чтили во всяком возрасте,— приносят изумительные плоды после долгой и хорошо заполненной жизни, и не только потому, что они никогда не покидают человека даже в самом конце его жизненного пути (хотя это — самое главное), но также и потому, что сознание честно прожитой жизни и воспоминание о многих своих добрых поступках очень приятны¹⁹.

(IV, 10) Что касается меня, то *Квинта Максима*²⁰ (того, который вернул нам *Тарент*) я в молодости уже старика любил как своего ровесника; этому мужу была свойственна строгость, соединенная с мягкостью, и старость не изменила его нрава. Впрочем, когда я проникся уважением к нему, он еще не был очень стар, но все-таки уже достиг преклонного возраста; ведь он впервые был консулом через год после моего рождения, и вместе с ним — уже консулом в четвертый раз — я, совсем молодой солдат, отправился под *Капую*, а через пять лет — под *Тарент*; затем, через четыре года, я был избран в квесторы и исполнял эту магистратуру в год консулата *Тудитана* и *Цетега* — тогда, когда он, уже очень старый, поддерживал *Цинциев закон* о подарках и вознаграждениях²¹. Военные действия он вел, как человек молодой, — хотя уже был в преклонном возрасте, — и своей выдержкой противодействовал юношеской горячности *Ганнибала*. О нем превосходно написал наш друг *Эний*²²:

Нам один человек промедлением спас государство.

Он людскую молву отметал ради блага отчизны.

День ото дня всё ярче теперь да блестит его слава!²³

(11) А Тарент? Какой бдительностью, какими мудрыми решениями возвратил он его нам! Когда Салинатор, отдавший город и засевший в крепости, в моем присутствии с похвальбой сказал: «Ведь благодаря мне ты, Квинт Фабий, возвратил нам Тарент», — он ответил, смеясь: «Конечно; не потеряй ты его, я никогда не возвратил бы его нам»²⁴. Но и облеченный в тогу, он был не менее выдающимся деятелем, чем ранее был полководцем. Ведь это он, будучи консулом вторично, когда его коллега Спурий Карвилий бездействовал, оказал, насколько мог, сопротивление плебейскому трибуну Гаю Фламинию²⁵, желавшему, вопреки воле сената, подушно разделить земли в Пиценской и Галльской областях. Хотя он был авгуром, он осмелился сказать, что наилучшие авспиции — те, при которых совершается то, что совершается ради благополучия государства, а то, что предлагается в ущерб интересам государства, предлагается вопреки авспициям²⁶. (12) Много превосходных качеств знал я в этом муже, но самое изумительное то, как он перенес смерть сына, прославленного мужа и консуляра²⁷; его хвалебная речь²⁸ у всех на руках. Когда мы читаем ее, то какого философа не станем мы презирать? Но он был поистине велик не только при свете дня и на виду у граждан; он был еще более выдающимся человеком в частной жизни, у себя в доме. Какой дар речи, какие наставления, какое знание древности, знакомство с авгуральным правом! Обширно было и его образование для римлянина: он помнил все войны, происходившие не только внутри страны, но и за ее пределами. Я с таким интересом беседовал с ним, словно уже тогда предугадывал, что после его кончины мне — как это и произошло — учиться будет не у кого.

(V, 13) Почему же я говорю так много о Максиме? Потому что, как вы, конечно, видите, было бы нечестиво говорить, что такая старость была жалкой. Не все, однако, могут быть Сципионами или Максимами и вспоминать о завоевании городов, о сражениях на суше и на море, о войнах, какие они вели, о своих триумфах²⁹. Также и жизни, прожитой спокойно, чисто и красиво, свойственна тихая и легкая старость; такой, как нам говорили, была старость Платона; он умер восьмидесяти одного года, занимаясь писанием³⁰; такой была и старость Исократы, который, как он говорит, на девяносто четвертом году написал книгу под названием «Панафинейская» и после этого прожил еще пять лет³¹. Его учитель, леонтинец Горгий, прожил сто семь лет и ни разу не прерывал своих занятий и трудов³²; когда его спрашивали, почему он доволен тем, что живет так долго, он отвечал: «У меня нет никаких оснований винить старость». Ответ превосходный и достойный ученого человека! (14) Ведь неразумные люди относят свои собственные недостатки и проступки за счет старости. Так не поступал тот, о ком я только что упоминал, — Энний³³:

Так же, как борзый конь, после многих побед олимпийских
Бременем лет отягчен, предается ныне покою...

Со старостью могучего коня-победителя он сравнивает свою. Впрочем, вы можете хорошо помнить его³⁴; ведь через восемнадцать лет после его смерти были избраны нынешние консулы — Тит Фламинин и Маний Ацилий³⁵, а умер он в год второго консулата Цепиона и Филиппа³⁶, после того как я, в возрасте шестидесяти пяти лет, громогласно и не жалея сил, выступил за принятие Вокониева закона³⁷. И вот в семидесятилетнем возрасте (ведь Энний прожил именно столько) он нес на себе два бремени, считающиеся тяжелейшими,— бедность и старость так, словно они его чуть ли не усаждали.

(15) И действительно, всякий раз, когда я обнимаю умом причины, почему старость может показаться жалкой, то нахожу их четыре: первая — в том, что она будто бы препятствует деятельности; вторая — в том, что она будто бы ослабляет тело; третья — в том, что она будто бы лишает нас чуть ли не всех наслаждений; четвертая — в том, что она будто бы приближает нас к смерти. Рассмотрим, если вам угодно, каждую из этих причин: сколь она важна и сколь оправданна.

(VI) Старость отвлекает людей от дел.— От каких? От тех ли, какие ведет молодость, полная сил? А разве нет дел, подлежащих ведению стариков, слабых телом, но сильных духом? Ничего, значит, не делали ни Квинт Максим, ни Луций Павел³⁸, твой отец, тесть выдающегося мужа, моего сына³⁹ А другие старики — Фабриции, Курии, Корункинии⁴⁰ Когда они мудростью своей и авторитетом защищали государство, неужели они ничего не делали? (16) Старость Аппия Клавдия была отягощена еще и его слепотой⁴¹. Тем не менее, когда сенат склонялся к заключению мирного договора с Пирром, то Аппий Клавдий, не колеблясь, высказал то, что Энний передал стихами:

Где же ваши умы, что шли путями прямыми
В годы былые, куда, обезумев, они уклонились⁴²

И так далее— и как убедительно! Ведь стихи эти известны вам, и речь самого Аппия дошла до нас⁴³. И это выступление его относится к семнадцатому году после его второго консулата, а между его двумя консулатами прошло десять лет, и до своего первого консулата он был цензором. Из этого можно понять, что во время войны с Пирром он был уже очень стар, и именно это мы узнали о нем от своих отцов. (17) Таким образом, те, кто отказывает старости в возможности участвовать в делах, не приводят никаких доказательств и подобны людям, по словам которых кормчий ничего не делает во время плавания, между тем как одни моряки взбираются на мачты, другие спуют между скамьями, третьи вычерпывают воду из трюма, а он, держа кормило, спокойно сидит на корме. Он не делает того, что делают молодые, но, право, делает нечто гораздо большее и лучшее; не силой мышц, не проворностью и не ловкостью тела вершатся великие дела, а мудростью, авторитетом, решениями, и старость обыкновенно не только не лишается этой способности, но даже укрепляется в ней.

(18) Или, быть может, я, который и солдатом, и трибуном, и легатом, и консулом участвовал в разных войнах, кажусь вам теперь праздным, когда войн не веду? Но ведь я указываю сенату, какие войны надлежит вести и каким образом: Карфагену, в течение уже долгого времени замышляющему недоброе, я заранее объявляю войну; опасаться его я не перестану, пока не узнаю, что он разрушен. (19) О, если бы бессмертные боги сохранили эту пальмовую ветку для тебя, Сципион, дабы ты завершил деяния своего деда!⁴⁴ Со дня его смерти пошел уже тридцать третий год, но память об этом знаменитом муже сохранят все грядущие годы; он умер за год до моей цензуры, через девять лет после моего консулата, во время которого он был избран в консулы вторично⁴⁵. И неужели стал бы он досадовать на свою старость, доживи он до ста лет? Он, правда, уже не совершал бы ни вылазок, ни бросков, не метал бы копий, не бился бы мечом, но помогал бы своим советом, здравым смыслом, своими решениями. Если бы качества эти не были свойственны старикам, то наши предки не назвали бы высшего совета «сенатом»⁴⁶. (20) В Лакедемоне высшие магистраты называются «старцами»⁴⁷, каковы они и в действительности. А если вы почитаете и послушаете о событиях в других странах, то узнаете, что величайшие государства рушились по вине людей молодых и охранялись и восстанавливались усилиями стариков.

Как вашу погубили вдруг вы славную республику?

Ведь такой вопрос задают в «Волчице» поэта Невия⁴⁸; на него отвечают, помимо прочего, прежде всего так:

Да вот ораторы пошли, юнцов толпа безмозглая⁴⁹.

Опрометчивость, очевидно, свойственна цветущему возрасту, дальновидность — пожилому.

(VII, 21) Но, скажут мне, память слабеет.— Пожалуй, если ты не упражняешь ее и если ты и от природы не сообразителен. Фемистокл помнил имена всех сограждан. Так неужели вы думаете, что у него, когда он состарился, вошло в привычку при встрече называть Аристиды Лисимахом?⁵⁰ Что до меня, то я знаю не только тех, кто жив теперь, но и их отцов и дедов и, читая надмогильные надписи, не боюсь, как говорят⁵¹, «потерять память»; напротив, именно такое чтение воскрешает во мне память об умерших. Да право же, я ни разу не слышал, чтобы какой-нибудь старик позабыл, в каком месте он закопал клад; все то, что их заботит, они помнят: назначенные сроки явки в суд, имена должников или заимодавцев. (22) А правоведа? А понтифики? А авгуры? А философы? Сколь многое помнят они в старости! Старики сохраняют свой ум, только бы усердие и настойчивость у них сохранялись до конца! И это относится не только к прославленным и высокочтимым мужам, но и к частным лицам, живущим спокойно. Софокл⁵² до глубокой старости сочинял трагедии. Так как он из-за этого занятия, казалось, небрежно относился к своему имуществу, то сыновья привлекли его к суду⁵³, чтобы — подобно

тому, как, по нашему обычаю⁵⁴, отцам, дурно управляющим своим имуществом, пользование им запрещается, — суд отстранил его от управления имуществом как слабоумного. Тогда старик, как говорят, прочитал перед судьями трагедию, которую он, только что ее сочинив, держал в руках, — «Эдип в Колоне», и спросил их, кажутся ли им эти стихи сочинением слабоумного; после того, как он прочитал трагедию, по решению судей он был оправдан. (23) Так неужели его, неужели Гомера, Гесиода, Симонида, Стесихора, неужели тех, о ком я уже говорил, — Исократу и Горгия, неужели родоначальников философии — Пифагора, Демокрита, неужели Платона и Ксенократа, неужели впоследствии Зенона и Клеанфа⁵⁵ или того, кого и вы видели в Риме, — стойка Диогена старость заставила умолкнуть и прекратить занятия?⁵⁶ Не вели ли они своих занятий до конца своей жизни?

(24) Далее — оставим эти боговдохновенные труды — я могу назвагь в Сабинской области римлян, деревенских жителей, своих соседей и друзей; без их участия, можно сказать, никогда не производят никаких сколько-нибудь важных полевых работ: ни сева, ни жатвы, ни уборки урожая. Впрочем, это едва ли должно вызывать удивление; ведь ни один из них не настолько стар, чтобы не рассчитывать прожить еще год; но они участвуют и в тех работах, которые, как они знают, им самим пользы уже не принесут:

Для другого поколенья дерево сажает,—

как говорит наш Стаций в «Синэфебах»⁵⁷. (25) И действительно, земледелец, как бы стар он ни был, на вопрос, для кого он сажает, ответит без всяких колебаний: «Для бессмертных богов, повелевших мне не только принять это от предков, но и передать потомкам».

(VIII) Да и Цецилий говорит это о старике, пекущемся о будущих поколениях, лучше, чем в следующих своих стихах:

Да видит Поллукс! Коль иной беды, о старость,
Приход твой не несет, и вот чего довольно:
Ведь в долгий век, чего не хочешь, видишь много⁵⁸,—

и, быть может, и много такого, что хочешь видеть. А впрочем, с тем, чего не хочешь видеть, часто сталкиваешься и в молодости. Но вот высказывание все того же Цецилия, еще более злое:

Я вижу, в старости всего печальней чувство,
Что в эти лета сами мы другим противны⁵⁹.

(26) Скорее приятны, чем противны; ибо подобно тому, как мудрые старики наслаждаются общением с молодыми людьми, наделенными хорошими природными качествами, и более легкой становится старость тех, кого юношество почитает и любит⁶⁰, так молодые люди ценят наставления стариков, ведущие их к упражнениям в доблести⁶¹, и я хорошо понимаю, что я не менее приятен вам, чем вы мне.

Итак, вы видите, что старость не только не пребывает в бездеятельности и праздности, но даже трудоспособна и всегда что-нибудь совершает и чем-то занята,— разумеется, тем, к чему каждый стремился в течение всей своей жизни. Так, Солон⁶², как видим, в стихах своих хвалится тем, что он на старости лет каждый день постигает что-нибудь новое; я и сам так поступил, уже стариком изучив греческую литературу⁶³. Я взялся за нее с ненасытностью, словно стремился утолить свою давнишнюю жажду, дабы познать именно то, чем теперь, как видите, пользуюсь как примерами. Когда я услышал, что Сократ поступил так же и стал играть на лире, то и я захотел обучиться этому же; ведь древние обучались игре на лире; но литературой я, несомненно, занялся усердно.

(IX, 27) Даже теперь я силами уступаю молодому человеку (ведь это было второе положение о пагубных последствиях старости) не больше, чем в молодости уступал быку или слону. Что у тебя есть, тем тебе и подобает пользоваться, и все, что бы ты ни делал, делать в меру своих сил. Найдутся ли слова, заслуживающие большего презрения, чем слова Милона Кротонского?⁶⁴ Он, уже стариком, смотрел на упражнения атлетов на ристалище, затем взглянул на свои руки и, говорят, прослезившись, сказал: «А ведь они уже мертвы!» Право, не столько они, сколько ты сам, пустослов! Ведь известность приобрел не ты сам, а твои бедра и руки. Ничего подобного не говорили ни Секст Элий⁶⁵, ни многими годами ранее Тиберий Корунканий, ни недавно Публий Красс⁶⁶ — люди, составлявшие законы для граждан. Между тем они сохранили свой разум до самого последнего вздоха. (28) Оратор, пожалуй, может ослабеть к старости; ведь его деятельность требует не только ума, но и голоса и сил. Правда, звучностью голоса можно блистать и в старости; сам я качества этого не утратил и поныне, а мои лета вы знаете⁶⁷. Но все же старику подобают спокойные и сдержанные слова; изящная и плавная речь красноречивого старика уже сама по себе находит слушателей. Если же ты сам не в силах произнести ее, то все же можешь давать наставления Сципиону и Лелию. И право, что может быть приятнее старости, окруженной вниманием юношества? (29) Неужели мы не признаем за старостью даже и таких сил, чтобы она могла обучать молодых людей, их воспитывать и наставлять к выполнению всяческих задач, связанных с долгом? Что может быть более славно, чем именно такая деятельность? Лично мне Гней и Публий Сципионы⁶⁸ и два твоих деда, Луций Эмилий⁶⁹ и Публий Африканский⁷⁰, казались баловнями судьбы, так как их всюду сопровождали знатные юноши, и всех наставников в высоких науках надо считать счастливыми, даже если они состарились и ослабели. Впрочем, упадок сил сам по себе вызывается пороками молодости чаще, чем недугами старости: развратно и невоздержно проведенная молодость передает старости обессиленное тело⁷¹. (30) У Ксенофонта Кир, тогда уже очень старый⁷², перед смертью сказал, что он никогда не чувствовал, чтобы он в старости стал более слаб, чем был в молодости. Сам я в детстве, помнится, видел Луция Метелла, который, будучи избран в верховные понтифики через четыре года после своего второго консулата, ведал этим жречеством в те-

чение двадцати двух лет и даже в последние годы жизни был настолько полон сил, что ему не приходилось с сожалением вспоминать о молодости⁷³. Не буду я говорить, о себе, хотя старости это и свойственно, а нашему возрасту прощательно. (X, 31) Разве вы не знаете, что у Гомера Нестор весьма часто упоминает с похвалой о своих доблестях? Ведь он видел уже третье поколение людей⁷⁴, и ему нечего было опасаться, что он, говоря о себе правду, покажется чересчур заносчивым или чересчур болтливым. И в самом деле, как говорит Гомер,

Речи, из уст его вещей, сладчайшие меда лилися⁷⁵.

Для того, чтобы они были приятны, он не нуждался в силе тела. Да и сам знаменитый вождь Греции⁷⁶ нигде не высказывает желания иметь десятерых воинов, подобных Аяксу, а желал бы иметь десятерых, подобных Нестору: если бы это ему удалось, то Троя — он не сомневается — вскоре пала бы⁷⁷.

(32) Но возвращаюсь к себе: мне уже восемьдесят четвертый год. Хотел бы я иметь возможность похвалиться тем же, чем и Кир, но все же могу сказать одно: хотя я уже не обладаю такими же силами, какими обладал тогда, когда был солдатом во время Пунической войны, или квестором во время той же войны, или консулом в Испании, или четыре года спустя, когда я как военный трибун сражался под Фермопилами в год консулата Манья Ацилия Глабриона⁷⁸, все-таки, как вы сами видите, старость не совсем ослабила и изнурила меня: ни Курии, ни рограм⁷⁹, ни друзьям, ни клиентам⁸⁰, ни гостеприимцам⁸¹ силы мои не изменяют. Ведь я никогда не соглашался со старинной и часто приводимой пословицей, советующей становиться стариком рано, если хочешь пробыть стариком долго; лично я предпочел бы прожить как старик меньше времени, а не стать стариком раньше, чем стану им в действительности. Поэтому до настоящего времени еще не нашлось человека, для которого я — если он захотел со мною побеседовать — оказался бы занят.

(33) Но, скажут мне, сил у меня меньше, чем у каждого из вас обоих. — Но ведь даже и вы не так сильны, как центурион Тит Понций⁸². Разве он поэтому превосходит вас? Только бы каждый пользовался своими силами умеренно и тратил их, насколько может; право, он тогда не будет особенно страдать от их недостатка. Милон, говорят, вступил на ристалище в Олимпии, неся на плечах быка. Что предпочел бы ты получить в дар: такую же силу мышц или силу ума Пифагора?⁸³ Словом, пользуйся этим благом, пока обладаешь им; когда же его не станет, не сожалей о нем. Или молодые люди, быть может, должны сожалеть об отрочестве, а более зрелый возраст — о юности? Жизнь течет определенным образом, и природа идет единым путем, и притом простым, и каждому возрасту дано его время, так что слабость детей, пылкость юношей, строгость правил у людей зрелого возраста и умудренность старости представляются, так сказать, естественными чертами характера, которые надлежит приобретать в свое время. (34) Ты, Сципион, думается мне, знаешь, как поступает гостеприимец твоего деда Масинисса⁸⁴, а ведь

ему уже исполнилось девяносто лет: отправившись в путь пешком, он уже не садится на коня; выехав верхом, он уже не сходит с коня; ни дождь, ни холод не заставят его покрыть себе голову; его тело отличается необычайной сухостью⁸⁵; поэтому он выполняет все обязанности и дела царя. Так упражнение и воздержность могут даже в старости сохранить человеку некоторую долю его былых сил.

(XI) Старость не обладает силами? — От старости сил и не требуется. Поэтому законы и установления освобождают наш возраст от непосильных для нас обязанностей⁸⁶. Следовательно, нас не только не заставляют делать то, чего мы не можем, но даже и напрягать свои силы настолько, насколько мы можем.

(35) Но, скажут мне, многие старики столь слабы, что они не в состоянии выполнить ни одной обязанности и вообще никакого дела, полезного для жизни. Но ведь это — недостаток, не старости свойственный, а обычный при слабом здоровье. Как слаб силами был сын Публия Африканского — тот, который усыновил тебя! Какое хрупкое здоровье было у него! Вернее, он был вообще лишен его. Будь иначе, он был бы вторым светилом государства: к величию духа, унаследованному от отца, прибавилось более широкое образование. Что же, в таком случае, удивительного в том, что старики иногда слабосильны, если этого не могут избежать даже молодые люди? Старости надо сопротивляться, Лелий и Сципион, а недостатки, связанные с нею, возмещать усердием; как борются с болезнью, так надо бороться и со старостью: следить за своим здоровьем, (36) прибегать к умеренным упражнениям, есть и пить столько, сколько нужно для восстановления сил, а не для их угнетения⁸⁷. При этом надо поддерживать не только тело, но в гораздо большей степени ум и дух; ведь и они, если в них, как в светильник, не подливать масла, гаснут от старости; тело наше, переутомленное упражнениями, становится более тяжелым; но ум от упражнений становится более гибок. Ведь Цецилий, говоря о глупых стариках в комедиях⁸⁸, имеет в виду доверчивых, забывчивых, расслабленных, а это — недостатки не старости вообще, а старости праздной, ленивой и сонливой. Как наглость и разврат свойственны молодым людям больше, чем старикам (не всем молодым, однако, а только непорядочным), так старческая глупость, обыкновенно называемая сумасбродством, свойственна только пустым старикам, а не всем.

(37) Над четырьмя могучими сыновьями, над пятью дочерьми, над таким большим домом, над столь обширной клиентелой главенствовал Аппий⁸⁹, слепой и старый; ибо дух у него был напряжен, как лук, и он, слабея, не поддавался старости; он сохранял среди своих близких не только авторитет, но и власть: его боялись рабы, почитали свободные люди, любили все; в его доме были в почете нравы и дисциплина, полученные от предков. (38) Ведь старость внушает к себе уважение, если защищается сама, если охраняет свои права, если не перешла ни под чью власть⁹⁰, если она до своего последнего вздоха главенствует над окружающими ее близкими. Подобно тому, как я одобряю молодого человека, в котором есть что-то стариковское, так одобряю я старика, в котором есть

что-то молодое; тот, кто следует этому правилу, может состариться телом, но духом не состарится никогда.

Я работаю над седьмой книгой «Начал»; собираю все воспоминания о древности, теперь особенно тщательно обрабатываю речи, произнесенные мною при защите во всех знаменитых делах; рассматриваю авгуральное, понтификальное и гражданское право; много занимаюсь и греческой литературой и, по способу пифагорейцев, чтобы упражнять память, вспоминаю вечером все то, что я в этот день сказал, услышал, сделал. Вот упражнения для ума, вот ристалище для мысли! Усердно трудясь над этим, я не особенно страдаю от недостатка сил. Оказываю помощь друзьям, часто прихожу в сенат, добровольно приношу туда плоды зрелого и долгого размышления и защищаю их силами своего духа, а не тела. Но если бы я даже и не был в состоянии выполнять все это, все-таки мне, на моем ложе, было бы приятно размышлять о том, чего я уже не мог бы делать. Но тому, что я имею эту возможность, способствует прожитая мною жизнь: человек, всегда живущий своими занятиями и трудами, не чувствует, как к нему подкрадывается старость; так он стареет постепенно, и неощутимо, и его век не переламывается вдруг, а гаснет в течение долгого времени.

(XII, 39) Следует третий упрек, высказываемый старости: она, говорят, лишена плотских наслаждений. О, превосходный дар этого возраста, раз он уносит у нас именно то, что в молодости всегда наиболее порочно! Послушайте же, избранные молодые люди, давнее изречение Архита Тарентского⁹¹, одного из самых великих и самых прославленных мужей; мне сообщили его, когда я в молодости был в Таренте вместе с Квинтом Максимом⁹². По словам Архита, самый губительный бич, какой природа только могла дать людям,— плотское наслаждение; страсти, жаждущие этого наслаждения, безрассудно и неудержимо стремятся к удовлетворению⁹³; (40) отсюда случаи измены отечеству, отсюда случаи ниспровержения государственного строя, отсюда тайные сношения с врагами; словом, нет преступления, нет дурного деяния, на которые страстное желание плотского наслаждения не толкнуло бы человека; что касается кровосмешений, прелюбодеяний и всяческих подобных гнусностей, то все они порождаются одной только жадью наслаждения⁹⁴; в то время как самое прекрасное, что человеку даровала природа или какое-нибудь божество,— это разум⁹⁵, ничто так не враждебно этому божественному дару, как плотское наслаждение; (41) ведь при господстве похоти нет места для воздержности, да и вообще в царстве наслаждения доблесть утвердиться не может. Чтобы легче понять это, Архит советовал вообразить себе человека, охваченного столь сильным плотским наслаждением, какое только возможно испытать; по его мнению, ни для кого не будет сомнений в том, что этот человек, пока будет испытывать такую радость, ни над чем не сможет задуматься и ничего не постигнет ни разумом, ни размышлением; поэтому ничто не достойно такого глубокого презрения, какого достойно наслаждение, раз оно, будучи сильным и продолжительным, способно погасить свет духа. О том, что Архит говорил об этом в беседе с Гаем Понцием,

из Самния, чей сын в Кавдинском сражении одержал победу над консулами Спурием Постумием и Титом Ветурием⁹⁶, наш гость Непарх Тарентский, который оставался верным другом римскому народу, узнал, по его словам, от старших. При этой беседе будто бы присутствовал афинянин Платон, который, как я установил, приезжал в Тарент в год консулата Луция Камилла и Аппия Клавдия⁹⁷.

(42) К чему говорится все это? Дабы вы поняли, что если разумом своим и мудростью презирать плотское наслаждение мы не можем, то мы должны быть глубоко благодарны старости за то, что она избавляет нас от неподобающих желаний. Ведь наслаждение сковывает нашу способность судить, враждебно разуму, застигает, так сказать, взоры ума, чуждо доблести. Я, хотя и неохотно, исключил из сената брата храбрейшего мужа Тита Фламинина, Луция Фламинина, через семь лет после его консулата, но я признал нужным заклеить разврат⁹⁸. Ведь его, когда он был консулом в Галлии, во время пира распутница упростила, чтобы отрубили голову одному из заключенных, осужденному уголовным судом. Во время цензуры его брата Тита, который был цензором до меня, он ускользнул от кары, но ни я, ни Флакк никак не могли оставить безнаказанной такую гнусную и такую низкую страсть, сочетавшую позор в частной жизни с бесчестьем для империя⁹⁹.

(XIII, 43) Я часто слышал от старших, которые в свою очередь, по их словам, детьми слышали это от стариков, что Гай Фабриций, когда он как посол прибыл к царю Пирру¹⁰⁰, не раз удивлялся тому, что услышал от фессалийца Кинеи: будто в Афинах есть человек, объявивший себя мудрым и утверждающий, что все наши действия надо оценивать с точки зрения наслаждения¹⁰¹; слыша это от Кинеи, Маний Курий и Тиберий Корунканий, по их словам, обыкновенно высказывали пожелание, чтобы он убедил в этом самнитов и самого Пирра¹⁰², так как их будет легче победить, когда они предадутся наслаждениям. Маний Курий был современником Публия Деция, который за пять лет до консулата Мания Курия, будучи консулом в четвертый раз, обрек себя в жертву ради благополучия государства¹⁰³; его знал Фабриций, знал Корунканий. Они, если судить по их жизни и по поступку Деция — того, о котором я говорю, — знали, что есть нечто, от природы прекрасное и достославное, чего надо добиваться ради него самого и чему все лучшие люди должны следовать, отвергнув и презрев наслаждение. (44) Почему же мы так много говорим о наслаждении? Именно потому, что старость, отнюдь не заслуживая порицания, достойна даже величайшей хвалы за то, что она совсем не ищет наслаждений. Она обходится без пиршеств, без столов, уставленных яствами, и без многочисленных кубков; поэтому она не знает и опьянения, несварения и бессонницы.

Но если наслаждению приходится сделать некоторую уступку, так как нам не легко устоять перед его заманчивостью (ведь Платон, по внушению богов, называет наслаждение «приманкой бедствий»^{103а}, потому что люди, по-видимому, ловятся на него, как рыба), то старость, отказываясь от пышных празднеств, все-таки может находить удовольствие в скромных

пирах. В детстве я часто видел, как Гай Дуеллий, сын Марка, — тот, кто первым наголову разбил пунийцев в морском бою¹⁰⁴, — в старости возвращался с пира: ему доставляли удовольствие и восковой светильник, который несли перед ним, и присутствие флейтиста — беспримерное преимущество, которое он себе присвоил, хотя и был частным лицом. Столько своеволия внушала ему слава! (45) Но зачем говорю я о других? Возвращусь теперь к вопросу о себе. Во-первых, у меня всегда были товарищи; ведь товарищества были учреждены в год моей квестуры¹⁰⁵ — после того, как были заимствованы идейские священнодействия в честь Великой Матери¹⁰⁶. И я пировал с товарищами очень скромно, но при этом мы чувствовали, так сказать, пыл, свойственный молодости; но с годами все смягчается, и я стал измерять удовольствие, получаемое от пиршеств, не столько наслаждениями от них, сколько от присутствия друзей и от беседы с ними. Встречу друзей, возлежащих за столом во время пиршества¹⁰⁷, предки наши удачно называли «жизнью вместе», так как она, по их мнению, соединяет людей на всю жизнь; это лучше названий «общая попойка» или «общий обед», данных греками¹⁰⁸, тем самым как будто более всего одобряющими именно то, что как раз здесь менее всего ценно. (XIV, 46) Я же, находя удовольствие в беседе, получаю удовольствие и от ранних пиров¹⁰⁹, и не только с ровесниками, которых осталось уже очень мало, но и с вашим поколением и с вами самими, и я весьма благодарен старости за то, что она усилила во мне жадность к беседе, а жадность к питью и еде уничтожила¹¹⁰. Но если и питье и еда кое-кому даже доставляют удовольствие, — а я не хотел бы показаться человеком, объявившим войну всякому наслаждению, для которого, пожалуй, существует, так сказать, естественная мера, — то я не вижу, чтобы старость была лишена способности ценить даже и эти наслаждения. Мне лично доставляет удовольствие председательствование за столом, введенное нашими предками, и речь, которую, с кубком в руке, произносят с верхнего места¹¹¹, и кубки, как в «Пире» Ксенофонта, «небольшого размера и источающие влагу»¹¹², и летняя прохлада, и, наоборот, солнце или огонь зимой; все это я обыкновенно соблюдаю даже в Сабинской области; изо дня в день приглашаю я соседей к своему столу, и мы проводим за обедом возможно больше времени в разнообразной беседе до поздней ночи.

(47) Но, скажут мне, старики не испытывают столь сильной как бы щекотки от наслаждений. Согласен, но ведь они и не желают ее, а отсутствием того, чего не желаешь, не тяготишься. Софокл, уже под бременем лет, когда его спросили, предается ли он любовным утехам, удачно ответил: «Да хранят меня от этого боги! Я с радостью бежал от них, как от грубого и бешеного властелина»¹¹³. Для людей, падких до таких дел, быть может, неприятно и тягостно быть лишенными их, но для людей, ими удовлетворенных и пресыщенных, быть лишенными их приятнее, чем к ним прибегать; впрочем, лишенным их не чувствует себя тот, кто в них не нуждается; итак, не нуждаться в них, утверждаю я, приятнее. (48) Если именно к этим наслаждениям чересчур охотно прибегает цветущий возраст, то он, во-первых, прибегает к делам пустячным,

как мы уже говорили, во-вторых, к таким, каких старость,— хотя и не пользуется ими широко,— не лишена совсем. Как Турпион Амбивий больше услаждает зрителей, сидящих в первых рядах, но услаждает и сидящих в последнем¹¹⁴, так молодость, глядя на наслаждения на близком расстоянии, радуется им, пожалуй, больше, но ими услаждается в достаточной мере также и старость, глядя на них издали.

(49) Но сколь ценно для души, как бы отслужив под знаменами похоти, честолюбия, соперничества, вражды, всяческих страстей, быть наедине с собой и, как говорится, с самой собой жить! Если она действительно находит пищу в занятиях и знаниях, то нет ничего приятнее старости, располагающей досугом¹¹⁵. Мы видели, как в своем рвении измерить чуть ли не небо и землю тратил последние силы Гай Гал¹¹⁶, близкий друг твоего отца, Сципион! Сколько раз рассвет заставлял его за вычислениями, к которым он приступил ночью, сколько раз ночь заставляла его за этим занятием, начатым утром! Какая была для него радость заранее предсказывать нам затмения солнца и луны! (50) Говорить ли мне о занятиях менее важных, но все-таки требующих остроты ума? Как радовался своей «Пунической войне» Невий!¹¹⁷ Как радовался Плавт «Грубияну», как радовался он «Рабу-обманщику»!¹¹⁸ Видел я и Ливия¹¹⁹, уже стариком; ведь он, за шесть лет до моего рождения поставив свою трагедию в год консулата Центона и Тудитана¹²⁰, прожил до времен моей молодости. Говорить ли мне о занятиях Публия Лициния Красса понтификальным и гражданским правом или о занятиях известного нам Публия Сципиона¹²¹, который несколько лет назад был избран в верховные понтифики? А ведь всех упомянутых мною людей мы видели стариками, горячо увлеченными этими занятиями. А Марк Цетег, которого Энний справедливо назвал «мозгом убеждения»!¹²² Какое рвение к произнесению речей видели мы в нем, уже старике! Какие же наслаждения от пиршеств, или от игр, или от плотской любви можно сравнить с этими наслаждениями? Таковы занятия наукой; у людей разумных и хорошо образованных они с возрастом усиливаются, так что Солону делает честь его стих, о котором я уже говорил¹²³,— что он старится, каждый день узнавая что-нибудь новое. Большого наслаждения, чем это наслаждение для ума, конечно, быть не может.

(XV, 51) Перехожу теперь к наслаждениям от земледелия, доставляющим мне необычайную радость. Им никакая старость не препятствует, и они, как мне кажется, наиболее соответствуют образу жизни мудреца. Ведь сельские хозяева имеют дело с землей, которая никогда не противится их власти и никогда не возвращает того, что получила, не давая прибыли, иногда малой, а чаще более значительной. Впрочем, лично меня радует не только урожай, но и природная сила самой земли: она всякий раз, как примет разбросанные семена в свое размягченное и разрыхленное лоно, сначала обороняет их от света (откуда и название «боронование», выражающее это действие¹²⁴), а затем, согрев их паром, распределяет их и выталкивает своим давлением наружу в виде зеленых побегов, которые, опираясь на волокна корней, постепенно крепнут и, поднявшись

коленчатым стеблем, одеваются оболочками, как бы созревая; освободившись от них, они приносят плоды, устроенные в виде колосьев, и защищают их от клювов птиц оградой в виде остей¹²⁵. (52) Говорить ли мне о рождении, посадке и разрастании виноградных лоз? Не могу радоваться этому (хочу, чтобы вы знали, что служит отдыхом и отрадой моей старости). Не буду касаться самой силы всего того, что родит земля, способная из фигового зернышка, или из ягодки винограда, или из крохотных семян других плодов и растений производить такие мощные стволы и ветки. Разве черенки, ростки, тонкие ветки, отводки и отростки лоз не радуют и не изумляют каждого из нас? А лоза, которая от природы слаба и, без подпорки, стелется по земле? Чтобы выпрямиться, она хватается своими усиками, словно руками, за все, что ей попадет; когда она, блуждая, расползается во всех направлениях, искусный земледелец обрезает ее ножом, не давая ей разрастаться наподобие кустарника и чересчур разветвляться. (53) Таким образом, с началом весны в том, что было оставлено, как бы около колен тонких веток возникает так называемая почка; развиваясь из нее, образуется гроздь, которая, увеличиваясь от сока земли и от солнечного тепла, вначале очень терпка на вкус, затем, созревая, становится слаще и, одетая листьями, не лишается умеренного тепла, но защищается от чрезмерного жара солнца. Может ли быть что-нибудь более радостное, чем эти плоды, и более красивое на вид? Как я уже говорил, меня радует не одна только польза от всего этого, но и разведение лоз и их особенности: ряды подпорок, связывание верхушек, подвязывание и отсаживание лоз, обрезывание одних отростков (об этом я уже говорил), сохранение других¹²⁶. Рассказывать ли мне вам об орошении, о перекапывании и рыхлении земли, благодаря которым она становится намного плодороднее? Говорить ли мне о пользе удобрения навозом? (54) Об этом я писал в своей книге о земледелии¹²⁷. Ученый Гесиод не сказал об этом ни слова, когда писал об обработке земли; но вот Гомер, живший, как мне кажется, многими столетиями ранее, изображает, как Лаерт старался смягчить тоску по сыну, обрабатывая поле и удобряя его навозом¹²⁸. Но сельская жизнь радует нас видом не одних только нив, лугов, виноградников и кустарников, но также и садов, и огородов, пасущегося скота, пчелиных роев и разнообразием цветов. Нас радуют не одни только посадки, но и прививки, самое прекрасное изобретение садоводства¹²⁹. (XVI, 55) Я мог бы вам указать много приятных сторон сельской жизни, но даже и сказанное мною было, чувствую я, чересчур длинным; вы простите это мне: меня увлекла моя любовь к сельскому хозяйству, да и старость, по своей природе, не в меру болтлива; пусть не кажется, что я оправдываю все ее недостатки.

И вот, Маний Курий таким образом провел последние годы своей жизни, уже справив триумфы по случаю побед над самнитами, сабинянами и Пирром¹³⁰; глядя на его усадьбу (она находится недалеко от моей), не могу достаточно удивиться то ли скромности самого Курия, то ли нравам того времени: Курий сидел у своего очага, когда самниты принесли ему много золота; он прогнал их и сказал, что считает делом славы

не иметь золото, а повелевать теми, кто его имеет¹³¹. (56) Могло ли такое величие духа не сделать его старость приятной? Но перехожу к земледельцам, чтобы не уклониться от вопроса о самом себе. В ту пору на полях, бывало, находились сенаторы, то есть старики; ведь Луция Квинкция Цинцинната известили о его назначении диктатором именно тогда, когда он пахал¹³². По его приказу как диктатора начальник конницы Гай Сервилий Агала схватил и казнил Спурия Мелия, стремившегося к захвату царской власти¹³³. Из усадеб в сенат вызывали Курия и других стариков; на этом основании тех, кто вызывал, стали называть «посланцами»¹³⁴. Так неужели жалкой была старость тех, кто находил радость в обработке земли? Во всяком случае, мое мнение — что едва ли возможна старость более счастливая, и не только ввиду сознания исполняемого долга (ведь земледелие приносит пользу всему человеческому роду), но и благодаря получаемому удовольствию, о котором я уже говорил, и полному изобилию всего того, что людям нужно для жизни и для служения богам¹³⁵, так что — раз люди нуждаются в этих благих — мы уже можем примириться с отказом от наслаждений. Ведь у хорошего и рачительного хозяина всегда полны винный погреб, кладовая для масла, как и кладовая для припасов, а в усадьбе полный достаток; она изобилует поросятами, козлятами, ягнятами, курами, молоком, сыром, медом, а сад сами земледельцы называют «вторым окошком». Птицеводство и охота, даже как занятия в свободное время, делают такую жизнь еще более обеспеченной. (57) Надо ли мне и долее говорить о зелени лугов, или о рядах деревьев, или о красоте виноградников и оливок? Закончу коротко: хорошо обработанную землю ничто не может превзойти ни по доходности, ни по красоте. Пользоваться всем этим старость не только не препятствует, но даже призывает и всячески приманивает: и в самом деле, где мог бы этот возраст погреться либо на солнце, либо у огня и, напротив, с большой пользой для здоровья находить прохладу в тени или у воды? (58) Пусть же другие оставят себе оружие, коней, копыа, дубинку и мяч¹³⁶, оставят себе охоту и беговые состязания; нам, старикам, пусть они из своих многочисленных развлечений, оставят игральные кости и кубики¹³⁷, да и это только в том случае, если захотят, так как старость даже и без них может быть счастлива!

(XVII, 59) Книги Ксенофонта весьма полезны во многих отношениях; пожалуйста, читайте их внимательно, как вы и делаете. Какие щедрые похвалы расточает он сельскому хозяйству в книге об управлении имуществом, озаглавленной «Домострой»!¹³⁸ А дабы вы поняли, что наиболее достойным царя он находит интерес к земледелию, я скажу, что в этой книге Сократ рассказывает Критобулу о том, как персидский царь Кир Младший, человек выдающегося ума и прославленный государь, — когда лакедемонянин Лисандр, муж величайшей доблести, приехал к нему в Сарды и привез ему подарки от союзников, — вообще был милостив и добр к Лисандру и даже показал ему огражденный участок земли с тщательно произведенными посадками. Лисандр стал восхищаться и вышиной деревьев, расположенных в виде пяти очков, и обработкой, и чистотой

почвы, и сладостными запахами, распространявшимися от цветов, и сказал, что его изумляет не только усердие, но и искусство того, кто все это измерил и распределил; Кир ответил ему: «Да я сам все это измерил, мои это ряды, мой это план; даже многие из этих деревьев посажены моими руками». Тогда Лисандр, глядя на его пурпурную одежду, на блеск, исходивший от него, и на его персидский убор с множеством золотых украшений и драгоценных камней, будто бы сказал: «Тебя, Кир, по справедливости называют счастливым, так как в тебе с доблестью соединена счастливая судьба»¹³⁹.

(60) Вот какой счастливой судьбой дозволено наслаждаться старикам, и возраст нам не препятствует до глубокой старости усердно заниматься как прочими делами, так и, прежде всего, сельским хозяйством. А Марк Валерий Корвин? Мы знаем, что он продолжал им заниматься до своего столетия¹⁴⁰, когда он, достигнув преклонных лет, стал жить в деревне и обрабатывать землю; между его первым и шестым консулатами прошло сорок шесть лет; таким образом, он занимал магистратуры в течение такого срока, который наши предки считали началом старости. При этом конец его жизни был счастливее его среднего возраста, потому что уважением он пользовался большим, а работы у него было меньше. Ведь венец старости — авторитет.

(61) Каким большим влиянием пользовался Луций Цецилий Метелл, каким пользовался Авл Атилий Калатин!¹⁴¹ Ведь это к нему относится хвалебная надпись:

Все племена согласны в том, что это был
Великий человек в своем народе.

Вам известны все эти стихи, вырезанные на его гробнице. Следовательно, он по справедливости пользуется признанием, раз насчет его заслуг всеобщая молва одина. Каким мужем был верховный понтифик Публий Красс, которого мы видели еще недавно! Каким был Марк Лепид¹⁴², облеченный таким же жречеством! Надо ли говорить о Павле, или о Публии Африканском, или о Максиме, о котором я уже упоминал?¹⁴³ Их авторитет выражался не только в предложениях, вносимых ими, но даже в их кивке головой. Старость, особенно после магистратур, обладает столь великим авторитетом, что она ценнее всех наслаждений юности. (XVIII, 62) Но помните, что я во всех своих рассуждениях прославляю только такую старость, которая зиждется на том, что было заложено в юности. Из этого следует то, что я недавно высказал при полном одобрении всех присутствовавших: жалка была бы старость, если бы она начала защищаться словами; ни седина, ни морщины не могут вдруг завоевать себе авторитет; но жизнь, прожитая прекрасно в нравственном отношении, пожинает последние плоды в виде авторитета. (63) Вот каковы знаки уважения, как будто ничтожные и обыденные: тебя приветствуют, к тебе подходят, тебе уступают дорогу, перед тобой встают, тебя сопровождают, провожают домой¹⁴⁴, с тобой советуются¹⁴⁵. Все это соблюдается и у нас, и в других государствах, и тем строже, чем лучше нравы в каждом из них. Лакедемоня-

нин Лисандр (я только что упоминал о нем) говаривал, что Лакедемон — самая почетная обитель для старости: нигде не относятся к преклонному возрасту с таким вниманием, нигде старость не окружена большим почетом. Более того, по преданию, в Афинах, когда один человек преклонного возраста пришел в театр, переполненный зрителями, то его сограждане не уступили ему места; но когда он приехал в Лакедемон, то те, кто как послы сидели на предназначенных для них местах, говорят, все встали и усадили старика вместе с собою; (64) после бурных рукоплесканий всех собравшихся один из послов сказал, что афиняне правила поведения знают, но следовать им не хотят. В вашей коллегии ¹⁴⁶ много превосходного, но прежде всего то, о чем мы говорим: всякий старший по возрасту высказывается в первую очередь; при этом не только перед теми, кто занимается более высокою магистратуру, но даже и перед теми, кто в данное время облечен империем, пользуются преимуществом авгуры, старшие годами. Какие же плотские наслаждения можно сравнить с наградами в виде авторитета? Те, кто блистательно удостоился этих наград, мне кажется, до конца доиграли драму жизни и в последнем действии не осрамились, как бывает с неискусственными актерами.

(65) Но старики, скажут мне, ворчливы, беспокойны, раздражительны ^{146a} и трудны в общении, а если приглядеться к ним, то и скупы. Это недостатки характера, а не старости. Впрочем, ворчливость и те недостатки, какие я назвал, еще как-то заслуживают оправдания, не по всей справедливости, но такого, какое, по-видимому, можно принять: старики думают, что ими пренебрегают, что на них смотрят сверху вниз, что над ними смеются; кроме того, по своему слабосилию, они болезненно воспринимают всякую обиду. Но все эти недостатки смягчаются добрыми нравами и привычками; это видно как в жизни, так и на сцене — на примере двух братьев из «Адельфов» ¹⁴⁷: какая жесткость у одного и какая мягкость у другого! Дело обстоит так: как не всякое вино, так и не всякий нрав портится с возрастом. Строгость в старости я одобряю, но умеренную, как и все остальное, но никак не жестокость (66) Что касается старческой скупости, то смысла в ней я не вижу: возможно ли что-нибудь более нелепое, чем требовать для себя на путевые расходы тем больше, чем меньше остается пути?

(XIX) Остается четвертая причина, по-видимому, весьма сильно беспокоящая и тревожащая людей нашего возраста, — приближение смерти, которая, конечно, не может быть далека от старости ¹⁴⁸. О, сколь жалок старик, если он за всю свою столь долгую жизнь не понял, что смерть надо презирать! Смерть либо надо полностью презирать, если она погашает дух, либо ее даже желать, если она ведет его туда, где он станет вечен ¹⁴⁹. Ведь ничего третьего, конечно, быть не может. (67) Чего же бояться мне, если после смерти я либо не буду несчастен, либо даже буду счастлив? Впрочем, кто даже в юности столь неразумен, что не сомневается в том, что доживет до вечера? Более того, возраст этот в гораздо большей степени, чем наш, таит в себе опасность смерти: молодые люди легче забывают, более тяжело болеют, их труднее лечить; поэтому до старости до-

живают лишь немногие. Если бы это было не так, то жизнь протекала бы лучше и разумнее; ведь ум, рассудок и здравый смысл свойственны именно старикам; не будь стариков, то и гражданских общин не было бы вообще. Но возвращаюсь к вопросу о надвигающейся на нас смерти: за что же можно упрекать старость, когда то же самое касается и юности? (68) Лично я, в связи со смертью своего прекрасного сына, а ты, Сципион, в связи со смертью братьев¹⁵⁰, которым было предначертано занять наивысшее положение в государстве, узнали, что смерть — общий удел всякого возраста.

Но, скажут мне, юноша надеется прожить долго, на что старик надеяться не может. Неразумны его надежды: что может быть более нелепым, чем принимать неопределенное за определенное, ложное за истинное? Но, скажут мне, старику даже надеяться не на что. Однако его положение тем лучше положения юноши, что он уже получил то, на что юноша еще только надеется: юноша хочет долго жить, а старик долго уже прожил. (69) Впрочем, — о благие боги! — что в человеческой природе долговечно? Возьмем крайний срок, будем рассчитывать на возраст тартесского царя (ведь некогда, как я прочитал в летописях, в Гадах жил некто Арганфоний, царствовавший восемьдесят, а проживший сто двадцать лет¹⁵¹); все, что имеет какой-то конец¹⁵², мне длительным уже не кажется. Ведь когда этот конец наступает, то оказывается, что все прошлое уже утекло: остается только то, что ты приобрел своей доблестью и честными поступками; уходят часы, дни, месяцы и годы, и прошедшее время не возвращается никогда, а что последует дальше, мы знать не можем. Сколько времени каждому дано прожить, тем он и должен быть доволен. (70) Ведь актер, чтобы иметь успех, не должен играть во всей драме; для него достаточно заслужить одобрение в тех действиях, в которых он выступал; так же и мудрецу нет надобности дойти до последнего «Рукоплещите»¹⁵³. Ведь даже краткий срок нашей жизни достаточно долг, чтобы провести жизнь честную и нравственно-прекрасную; но если она продлится еще, то не надо жаловаться на то, что после приятного весеннего времени пришли лето и осень; ведь весна как бы означает юность и показывает, каков будет урожай, а остальные времена года предназначены для жатвы и для сбора плодов. (71) И этот сбор плодов состоит в старости, как я говорил уже не раз, в полноте воспоминаний и в благах, приобретенных ранее. Ведь поистине все то, что совершается сообразно с природой, надо относить к благам. Что же так сообразно с природой, как для стариков смерть? Она поражает и молодых людей, но природа этому противодействует и сопротивляется. Поэтому молодые люди, мне кажется, умирают так, как мощные пламя гасится напором воды, а старики — так, как сам собою, без применения усилий, тухнет догоревший костер; и как незрелые плоды можно срывать с деревьев только насильно, а спелые и созревшие опадают сами, так у молодых людей жизнь отнимается насильем, а у стариков — увяданием. Именно это состояние мне, право, столь приятно, что чем ближе я к смерти, мне кажется, будто я вижу землю и наконец из дальнего морского плавания приду в гавань.

(XX, 72) Впрочем, определенной границы для старости нет, и в этом состоянии люди полноправно живут, пока могут творить и вершить дела, связанные с исполнением их долга, и презирать смерть. Ввиду этого старость даже мужественнее и сильнее молодости. Этим и объясняется ответ, данный Солоном тиранну Писистрату на его вопрос, на что полагаясь, оказывает он ему столь храброе сопротивление; Солон, как говорят, ответил: «На свою старость»¹⁵⁴. Но лучше всего оканчивать жизнь в здравом уме и с ясными чувствами, когда сама природа постепенно ослабляет скрепы, ею созданные. Как разрушить корабль, как разрушить здание легче всего тому, кто их построил, так и человека легче всего уничтожает все та же природа, которая его склеила; ведь всякая склейка, если она недавняя, разрывается с трудом, а если она старая, то легко. Из этого следует, что старики не должны ни жадно хвататься за эту часть жизни, оставшуюся им, ни покидать ее без причины¹⁵⁵. (73) И Пифагор запрещает покидать без приказа императора¹⁵⁶, то есть божества, укрепленный пост, каким является жизнь¹⁵⁷. А мудрый Солон сочинил надмогильную надпись, где он, наоборот, высказывает пожелание, чтобы его друзья не удерживались от проявления скорби и плача после его смерти¹⁵⁸; он, я думаю, хотел, чтобы его близкие любили его. А вот Энний сказал, пожалуй, лучше¹⁵⁹:

Не почитайте меня ни слезами, ни похоронным
Воплем...

Он не находит нужным оплакивать смерть, за которой должно последовать бессмертие.

(74) Ведь какое-то чувство умирания может быть у человека; длится же оно недолго, особенно у старика; но после смерти чувство либо желательно, либо отсутствует совсем. Все это мы должны обдумать еще в молодости, чтобы могли презирать смерть; без такого размышления быть спокоен душой не может быть никто; ведь умереть нам, как известно, придется, — быть может, даже сегодня¹⁶⁰. Как сможет сохранить твердость духа человек, боящийся смерти, ежечасно угрожающей ему? (75) В длинном рассуждении об этом, кажется, нет надобности, если я напомню вам не о Луции Бруте, убитом при освобождении отечества¹⁶¹, не о двоих Дециях, погнавших вперед коней, чтобы добровольно умереть, не о Марке Атилии¹⁶², отправившемся на казнь, дабы остаться верным своему честному слову, данному им врагу, не о двоих Сципионах, пожелавших телами своими преградить путь пунийцам¹⁶³, не о твоём деде Луции Павле, смертью своей искупившем опрометчивость своего коллеги при позорном поражении под Каннами¹⁶⁴, не о Марке Марцелле, которому даже самый жестокий враг не решился отказать в почете погребения¹⁶⁵, а о наших легионах, которые, как я писал в «Началах», с бодростью и твердостью духа не раз отправлялись туда, откуда им, как они понимали, не было суждено возвратиться¹⁶⁶. Значит, того, что презирают молодые люди, и притом не только необразованные, но даже и неотесанные, станут бояться

unius uerū me defecit sed respiciat ipse pfecto lo-
 ca distulit q̄ michi ip̄e cernebat esse uenientū. Quē
 ego mei casū inuēte ferre uisul sum. non quo equo
 animo ferē; sed me ip̄e consolabar existimans non
 longinquū inter nos distulit. distulit ferre. his
 michi respicio. id enim te cū dico. admirari soleo
 distulit. leuē est ferre. nec totum n̄ molata. sed crā
 socanda. Q̄d tū hoc erro. q̄ uniuersos hominū in
 mortales esse credam. libenter. erro. nec michi hūc
 errorem quam uiuo extorqueri uolo. Sū mor-
 tuus ut quidam inuēti philosophi censent
 nichil scire. nā n̄ uerum ne hūc errorem meū
 philosophi mortui uideant. Q̄d si non sunt
 mortales futuri. tū p̄tingit hominū suo tempe-
 orabile est. hāc uerā ueritatē oīū rerū sic uiuū
 de uacū. Sicut autē etatis est. partio tāq̄ fa-
 bulo. cui delectationem fugē debem. p̄teritū ad-
 miranda scruata. hāc hāc delectatione q̄d uerem
 ad quā utinā putamur. ut ea que erant ambū
 ro apū p̄bare possint. Ex p̄licis tū hūc de
 s e n e c e

ЦИЦЕРОН. «О СТАРОСТИ», КОНЕЦ.

Codex Parisinus 18420 (XII в.)

образованные старики? (76) Вообще,— во всяком случае, по моему мнению,— удовлетворение всех стремлений приводит к удовлетворенности жизнью. Определенные желания свойственны детству. Неужели этого же добиваются молодые люди? Некоторые стремления свойственны ранней молодости. Но разве к ним же склонен зрелый возраст, называемый средним? Некоторые стремления свойственны и этому возрасту; но к ним уже не склонна старость; некоторые, так сказать, последние стремления свойственны старости. И вот, как исчезают стремления, свойственные более ранним возрастам¹⁶⁷, так же исчезают и старческие стремления. Всякий раз, как это наступает, удовлетворенность жизнью делает своевременным приход смерти¹⁶⁸.

(XXI, 77) Не вижу, почему бы мне не решиться высказать вам все то, что сам я думаю о смерти, так как я, мне кажется, представляю ее себе тем лучше, чем ближе я к ней. Лично я думаю, что ваши отцы, прославленные мужи и мои лучшие друзья,— твой отец, Сципион, и твой, Лелий¹⁶⁹, живы и притом живут той жизнью, которая одна и заслуживает названия жизни¹⁷⁰. Ибо, пока мы связаны путами в виде тела, мы выполняем, так сказать, задачу, возложенную на нас необходимостью, и тяжкий труд; ведь душа, происхождения небесного, была низвергнута из горней обители и как бы поглощена землей, местом, противным ее вечной божественной природе. Но бессмертные боги, верю я, расселили души в тела людей, чтобы было кому оберегать землю и чтобы эти люди, созерцая распорядок, установленный небожителями, подражали ему своим образом жизни и своей стойкостью. Веровать в это меня побудило не только последовательное рассуждение, но и слава и авторитет прославленных философов¹⁷¹. (78) Я слышал, что Пифагор и пифагорейцы, наши, можно сказать, земляки (некогда их называли италийскими философами), никогда не сомневались в том, что мы обладаем душами, отделившимися от всеобъемлющего божественного духа¹⁷². Мне разъясняли также и то, что в последний день своей жизни высказал о бессмертии души Сократ — тот, которого оракул Аполлона признал мудрейшим из всех людей¹⁷³. К чему много слов? Вот каково мое убеждение, вот каково мое мнение¹⁷⁴: когда столь велика быстрота духа, когда столь велики память о прошлом и предвидение будущего, когда так много искусств, так обширны науки, когда совершенно столько открытий, то природа, содержащая в себе все это, не может быть смертна. А так как дух всегда находится в движении, и движение его не имеет начала, потому что он сам себя движет, то движение это не будет иметь и конца, так как он никогда себя не покинет; а так как природа духа проста и не содержит ничего постороннего, отличного от него и несходного с ним, то разделиться он не может; а раз это невозможно, то он не может и погибнуть; важным доказательством того, что люди многое знают еще до своего рождения, служит то, что они, еще в отрочестве своем, при изучении трудных наук, схватывают бесчисленные предметы так быстро, что кажется, будто они тогда не познают их впервые, а вспоминают и восстанавливают их в своем уме. Как раз это, приблизительно, и говорил Платон.

(XXII, 79) У Ксенофонта Кир Старший, умирая, говорит: «Не думайте, о мои горячо любимые сыновья ¹⁷⁵, что я, уйдя от вас, нигде и никак не буду существовать. Ведь вы, пока я был с вами, души моей не видели, но на основании моих деяний понимали, что она пребывает в моем теле; так верьте же, что она — та же, хотя видеть ее вы не будете. (80) Ведь почести, оказанные прославленным мужам, не оставались бы в силе после их смерти, если бы их души не старались о том, чтобы мы и долее хранили память о них. Лично я никогда не мог согласиться с тем, что души наши, пока пребывают в смертных телах, живут, а выйдя из них, умирают, как и с тем, что душа теряет свою мудрость, покинув лишенное мудрости тело. Напротив, я считал, что душа, когда она, освободившись от какой бы то ни было связи с телом, стала чистой и целостной, только тогда и становится мудрой. Более того, когда естество человека ¹⁷⁶ разрушается смертью, то становится очевидным, куда удаляется каждая из его отдельных частей: все уходит туда, где возникло; одна только душа не появляется никогда — ни тогда, когда она присутствует, ни тогда, когда она удалась. (81) Далее, вы видите, что более всего подобен смерти сон; ведь души людей спящих сильнее всего проявляют свою божественную природу; ибо, когда души людей расслаблены и свободны, они многое предвидят ¹⁷⁷; из этого можно понять, каковы они станут, освободившись от оков тела. Поэтому раз все это так, то чтите меня,— сказал он,— как божество; если же моей душе предстоит погибнуть вместе с телом, то вы все же, страшась богов, оберегающих всю эту красоту вселенной и правящих ею, будете благочестиво и нерушимо хранить память обо мне». Так говорил Кир, умирая; мы же, если хотите, рассмотрим прошлое нашего государства.

(XXIII, 82) Никто никогда не убедит меня, Сципион, в том, что твой отец Павел, что оба твои деда, Павел и Публий Африканский, что отец или дядя Публия Африканского ¹⁷⁸, как и многие выдающиеся мужи, перечислять которых надобности нет, решились бы совершать столь великие деяния,— которые могли бы вызывать воспоминания у потомков,— если бы мужи эти не сознавали, что потомки будут способны к таким воспоминаниям ¹⁷⁹. Уж не думаешь ли ты,— по обыкновению стариков, я хочу немного похвалиться,— что я стал бы брать на себя столь тяжкие труды днем и ночью, во времена мира и войны, если бы моей славе было суждено угаснуть вместе с моей жизнью? Не было ли бы намного лучше прожить жизнь, наслаждаясь досугом и покоем, без какого бы то ни было труда и борьбы? Но моя душа почему-то всегда была в напряжении и направляла свой взор в будущее, словно намеревалась жить тогда, когда уже уйдет из жизни. А между тем если бы души не были бессмертны, то едва ли души всех лучших людей стремились бы так сильно к бессмертной славе. (83) А то обстоятельство, что все мудрейшие люди умирают в полном душевном спокойствии, а все неразумнейшие — в сильнейшем беспокойстве? Не кажется ли вам, что та душа, которая различает больше и с большего расстояния, видит, что она отправляется к чему-то лучшему, а та, чье зрение притупилось, этого не видит? Я, со своей сто-

роны, охвачен стремлением увидеть ваших отцов, которых я почитал и любил, и хочу встретиться не только с теми, кого я знал, но и с теми, о ком я слышал, читал и писал сам¹⁸⁰. Когда я туда соберусь, то едва ли кому-либо будет легко оттащить меня назад и сварить в котле, как это случилось с Пелием¹⁸¹. И если бы кто-нибудь из богов даровал мне возможность вернуться из моего возраста в детский и плакать в колыбели, то я решительно отверг бы это и, конечно, не согласился бы на то, чтобы меня, после пробега положенного расстояния, вернули «от известковой черты к стойлам»¹⁸². (84) И право, какие преимущества дает жизнь? Не больше ли в ней трудностей? Но допустим, что она дает их; ведь она все-таки действительно либо дает некоторое чувство удовлетворенности, либо кладет ему предел. Не хочется мне жаловаться на свою жизнь, как часто поступали многие и притом даже ученые люди¹⁸³, и я даже не раскаиваюсь в том, что жил, потому что жил я так, что считаю себя родившимся не напрасно, и из жизни уйду, как из гостиницы, а не как из своего дома; ибо природа дала нам жизнь как жилище временное, а не постоянное¹⁸⁴. О, сколь прекрасен будет день, когда я отправлюсь в божественное собрание, присоединюсь к сонму душ и удалюсь от этой толпы, от этих подонков! Ведь отправлюсь я не только к тем мужам, о которых я говорил ранее, но и к своему дорогому Катону, которого никто не превзошел ни добротой, ни сыновней преданностью. Я предал сожжению его тело, хотя он должен был бы предать сожжению мое, но его душа, не покидая меня, а оглядываясь назад, поистине удалась в те обители, куда, как она видела, должен прийти и я. Несчастье свое я, казалось, переносил стойко, но не потому, что переносил его спокойно; нет, я утешался мыслью, что наше расставание и разлука будут недолгими.

(85) По этой причине, Сципион — ведь именно этому вы с Лелием, по твоим словам, и склонны изумляться — для меня старость легка и не только не тягостна, но даже приятна. Если я здесь заблуждаюсь, веря в бессмертие человеческой души, то заблуждаюсь я охотно и не хочу, чтобы меня лишали этого заблуждения, улаждающего меня, пока я жив. Если я, будучи мертв, ничего чувствовать не буду, как думают некие неважные философы¹⁸⁵, то я не боюсь, что эти философы будут несмехаться над этим моим заблуждением. Если нам не суждено стать бессмертными, то для человека все-таки желательно угаснуть в свое время; ведь природа устанавливает для жизни, как и для всего остального, меру; старость же — заключительная сцена жизни, подобная окончанию представления в театре. Утомления от нее мы должны избегать, особенно тогда, когда мы уже удовлетворены.

Вот все то, что я хотел сказать о старости. О, если бы вам удалось достигнуть ее, дабы вы то, что от меня услышали, могли подтвердить на основании собственного опыта!

О ДРУЖБЕ

(Лелий)

*

[44 г., после 15 марта]

(I, 1) Квинт Муций, авгур¹, не раз многое рассказывал нам о своем тесте Гае Лелии, хорошо все помня, и в каждой своей беседе, не колеблясь, называл его «Мудрым». После того, как я надел тогу взрослого², мой отец поручил меня Сцеволе, и я, пока мог и пока мне было дозволено, уже никогда ни на шаг не отходил от этого старика. Поэтому я запоминал и его многие глубокие рассуждения, и его короткие и меткие высказывания и старался, воспользовавшись его ученостью, и сам стать ученеe. После его смерти я перешел к Сцеволе, понтифику³, которого осмелюсь назвать самым выдающимся в нашем государстве человеком по уму и справедливости. Но о нем в другой раз. Теперь возвращусь к авгуру.

(2) Помнится, он однажды (это бывало часто), обсуждая многие вопросы,— по своему обыкновению, он сидел у себя в полукруглой комнате⁴,— когда присутствовали я и несколько близких друзей, в своей беседе обратился к событию, бывшему тогда почти у всех на устах. Ты, Аттик, конечно, помнишь,— тем более, что ты много общался с Публием Сульпицием⁵,— каковы были всеобщее изумление и сожаление, когда он, будучи плебейским трибуном, порвал, смертельно возненавидев его, с тогдашним консулом Квинтом Помпеем⁶, с которым он ранее был в теснейших дружеских отношениях. (3) Итак, Сцевола, упомянув именно об этом событии, изложил нам беседу Лелия о дружбе, которую тот вел с ним и со своим другим зятем, Гаем Фаннием, сыном Марка, через несколько дней после смерти Публия Африканского. Мысли, высказанные им в этом рассуждении, я сохранил в памяти и, по своему разумению, изложил в этой книге. Я представил этих людей беседующими друг с другом, дабы не вставлять каждый раз слов «говорю я» и «говорит он» и дабы слушателям казалось, что беседа происходит между людьми присутствующими.

(4) Ты не раз советовал мне написать что-нибудь о дружбе. Предмет этот показался мне достойным как того, чтобы все ознакомились с ним, так и наших с тобою тесных дружеских отношений; поэтому я, по твоей просьбе, весьма охотно выполнил это, чтобы принести пользу многим людям. Но как в «Катоне Старшем»⁷, который я посвятил тебе и где говорится о старости, я представил Катона стариком, ведущим это рассуждение, потому что никто другой, казалось мне, не был более подходящим человеком, чтобы говорить об этом возрасте, чем он, который и сам давно уже был глубоким стариком⁸ и уже в старости занимал очень высокое

положение, так теперь, поскольку мы узнали от своих отцов о достопамятной дружбе между Гаем Лелием и Публием Сципионом, именно Лелий показался мне наиболее подходящим человеком, чтобы вести беседу о дружбе; его рассуждения о ней Сцевола запомнил. Ведь такой вид беседы, основанный на авторитете людей прошлого времени, и притом знаменитых, почему-то кажется более убедительным. Поэтому, когда сам я перечитываю написанное мною, то мне порой начинает казаться, что говорит сам Катон, а не я⁹.

(5) И вот, как тогда я, уже старик, посвятил старику сочинение о старости, так в этой книге я, преданный друг, посвящаю другу сочинение о дружбе. Тогда говорил Катон, в те времена, пожалуй, старейший и умнейший человек; теперь Лелий, и «Мудрый» (таким ведь его считали), и прославившийся как преданный друг, говорит о дружбе. Пожалуйста, на короткое время забудь обо мне и представь себе, что говорит сам Лелий. Гай Фанний и Квинт Муций приходят к своему тестю вскоре после смерти Публия Африканского; они заводят разговор, Лелий отвечает им, и все его рассуждение посвящено дружбе. Читая, его, ты узнаешь самого себя¹⁰.

(II, 6) Фанний.— Ты прав, Лелий, не было лучшего, не было более прославленного человека, чем Публий Африканский. Но ты должен знать, что взоры всех обращены на тебя. Одного тебя называют и считают «Мудрым». Такое прозвание еще недавно дали Марку Катону; во времена, когда жили наши отцы, как мы знаем, мудрым называли Луция Ацилия¹¹; но каждого из них, я бы сказал, по разным причинам: Ацилия — так как его считали знатоком гражданского права; Катона — так как он был опытен во многих областях и была известна глубокая дальновидность его многих высказываний в сенате и на форуме, его стойкость в поступках и остроумие его ответов; по этой причине у него в старости было даже как бы прозвание «Мудрый»¹². (7) Ты же, как полагают, мудр, так сказать, по-иному: не только по своей натуре и нравам, но и по образованию и учености. И тебя склонны называть мудрым не в том смысле, в каком это делает толпа, а как слово это обыкновенно употребляют образованные люди. Как мы знаем, в Греции не было человека, подобного тебе (ведь люди, более глубоко изучающие эти вопросы, так называемых «семерых»¹³ не относят к числу мудрецов), и лишь в Афинах был единственный человек, которого оракул Аполлона признал мудрейшим¹⁴. Твоя же мудрость, по всеобщему мнению, заключается в том, что ты считаешь все свои качества заложенными в тебе самом, а доблесть ценишь превыше событий в жизни человека. Поэтому меня (думаю, что и присутствующего здесь Сцеволу) и спрашивают, как ты переносишь смерть Публия Африканского, — тем более, что в минувшие ноны, когда все мы собрались в садах авгура Децима Брута для своих обычных занятий, тебя не было, между тем ты всегда весьма строго соблюдал этот день и выполнял свои обязанности¹⁵.

(8) Сцевола.— Об этом спрашивают многие, Гай Лелий, как Фанний уже говорил; я же в ответ говорю то, что я заметил: скорбь, испытан-

ную тобою в связи со смертью прославленного мужа и близкого друга, ты переносишь сдержанно; ты не мог не быть потрясен ею, и это было бы несвойственно твоему мягкосердечию; но твое отсутствие в нашей коллегии в ноны я объясняю твоим нездоровьем, а не твоей печалью.

Лелий.— Ты прав, Сцевола, это верно; ведь от этой обязанности, которую я всегда исполнял будучи здоров, огорчение должно было бы меня отвлечь; по моему мнению, стойкому человеку никакое несчастье не может дать повода прервать исполнение какой бы то ни было из его обязанностей. (9) Ты же, Фанний, говоря, что мне приписывают много такого, чего сам я за собой не признаю и на что не притязую, поступаешь дружески; но ты, мне кажется, судишь о Катоне неправильно; ведь мудрым либо не был никто, чему я больше склонен верить, либо если кто-то им и был, то это был именно он. Как он (другие доказательства оставляю в стороне) перенес смерть сына!¹⁶ Я помню Павла¹⁷, видел Гала¹⁸; но ведь они потеряли сыновей отроками, а Катон — уже сложившимся и испытанным мужем. (10) Поэтому подумай и не ставь выше Катона даже того человека, которого, по твоим словам, Аполлон признал мудрейшим¹⁹; ведь первого прославляют за его деяния, второго — за его высказывания. А о себе — буду говорить уже с вами обоими — скажу вот что:

(III) Если бы я сказал, что не испытываю тоски по Сципиону, то пусть мудрые люди²⁰ решат, правильно ли это; но я, конечно, солгал бы; ибо я потрясен утратой такого друга, каким мне, полагаю, никогда не будет никто и, как могу утверждать, конечно, не был никто. Но я не нуждаюсь во врачевании: утешаюсь сам и прибегаю, главным образом, к утешению, заключающемуся в том, что я свободен от заблуждения, от которого обыкновенно страдает большинство людей после кончины их друзей. Со Сципионом, думается мне, никакого несчастья не произошло; оно произошло со мной, если произошло вообще; но страдать из-за своих собственных злоключений свойственно не другу, а себялюбцу²¹. (11) Что касается Сципиона, то кто станет отрицать, что его участь была прекрасна? Ведь если он не хотел избрать для себя бессмертие (а этого он отнюдь не думал), то чего только не достиг он из всего того, что позволяет избрать человеку божественный закон? Ведь те величайшие надежды, какие еще во времена его отрочества возлагали на него сограждане, он уже в молодости превзошел своей необычайной доблестью; консулата он ведь никогда не добивался, но в консулы был избран дважды: в первый раз — до положенного времени, во второй — для себя в свое время, но для государства, можно сказать, поздно²²; ведь он разрушением двух городов, враждебнейших нашей державе²³, устранил возможность войн не только в настоящее время, но и в будущем. Стоит ли мне говорить о его добрейшем нраве — о его уважении к матери, щедрости к сестрам, доброте к родным, справедливости ко всем людям?²⁴ Вам все это известно. А как дорог был он гражданам, показала скорбь во время его похорон. Что же дали бы ему еще несколько лет жизни? Ведь старость, даже и не тяжкая, — насколько я помню, Катон за год до своей смерти беседовал об этом со мною и со

Сципионом²⁵, — все же лишает человека той свежести сил, какой Сципион еще обладал.

(12) Поэтому жизнь его была такова, что к ней — ни в отношении удачи, ни в отношении славы — прибавить нечего, а от чувства близости смерти его избавила ее быстрота. Об этом роде смерти говорить трудно; что люди подозревают, вы знаете²⁶. Все-таки дозволено с уверенностью сказать одно: для Публия Сципиона из многих дней, увенчанных славой и доставивших ему радость, какие он видел в жизни, самым светлым был тот, когда его, по окончании собрания сената²⁷, вечером провожали домой отцы-сенаторы, римский народ, союзники и латиняне²⁸, — в канун его ухода из жизни: он со столь высокой ступени почета как будто переселился к небожителям, а не в подземное царство²⁹.

(IV, 13) Я, право, не согласен с теми, кто недавно начал утверждать, что вместе с телом погибает и душа и что смертью уничтожается все³⁰. Для меня больше значит авторитет древних, вернее, авторитет наших предков, признававших за умершими столь священные права³¹; они, конечно, не поступали бы так, если бы думали, что это не имеет никакого значения для умерших; или авторитет тех, кто жил в нашей стране и своими учениями и наставлениями просветил Великую Грецию, ныне уничтоженную, а тогда процветавшую³²; или же авторитет того, кого оракул Аполлона признал мудрейшим³³ и кто не отстаивал то одно, то другое положение, как он поступал в большинстве вопросов, но всегда утверждал одно и то же: души людей божественны, и для них, когда они покинут тело, открыт обратный путь на небо, тем более беспрепятственный, чем лучше и справедливее был тот или иной человек. Такого же мнения был и Сципион. (14) Ведь за несколько дней до своей смерти, как бы предчувствуя ее, он в присутствии Фила, Манилия и многих других, когда и ты, Сцевола, пришел к нему вместе со мной, в течение трех дней рассуждал о государстве; почти в конце этой беседы он говорил о бессмертии душ и рассказал о том, что он, по его словам, увидев во сне Публия Африканского, узнал от него³⁴. Если это так и если души всех людей в их смертный час с великой легкостью улетают как бы из-под стражи и из оков тела³⁵, то можем ли мы думать, что для кого-нибудь путь к богам был более легок, чем он был для Сципиона? Вот почему скорбеть о его кончине, пожалуй, было бы скорее свойственно завистнику, а не другу. Если же правильно противоположное мнение — будто душа погибает так же, как и тело, и никакого чувства не остается, — то, если в смерти нет ничего хорошего, в ней, несомненно, нет и ничего дурного³⁶. Ведь после утраты чувства получается так, словно Сципион вообще не рождался на свет; однако тому, что он родился, и мы рады, и государство наше, пока будет жить, будет радоваться.

(15) Поэтому, как я уже говорил ранее, участь Сципиона была прекрасна, моя — менее благоприятна, так как было бы справедливее, чтобы я, раньше пришедший в жизнь, из нее раньше и ушел. Но все-таки воспоминания о нашей дружбе настолько радуют меня, что мне кажется, будто я прожил счастливо, так как жил в одно время со Сципионом; с ним

меня связывали заботы о делах и государственных, и частных; с ним у меня были общими и дом, и походы, и то, в чем весь смысл дружбы,— полное согласие в желаниях, стремлениях и мнениях. Поэтому меня радует не столько молва о моей мудрости, о которой Фанний только что упомянул,— тем более, что она не верна,— сколько моя надежда на то, что память о нашей дружбе будет вечна. И это мне тем более по сердцу, что едва ли можно назвать, на протяжении всех веков, три-четыре пары друзей³⁷; так что дружба между Сципионом и Лелием, подобная их дружбе, надеюсь, станет известна потомкам.

(16) Фанний.— Так это и должно быть, Лелий! Но раз ты упомянул о дружбе, а мы располагаем досугом, то ты доставишь мне (надеюсь, и Сцеволе) большое удовольствие, если ты — подобно тому, как ты обыкновенно рассуждаешь о других предметах, о которых тебя спрашивают,— изложишь нам свой взгляд на дружбу: что ты о ней думаешь, как ее оцениваешь, какие наставления ей даешь?

Сцевола.— Да, это доставит удовольствие мне, и именно об этом я и собирался тебя попросить, но Фанний опередил меня. Поэтому ты доставишь очень большое удовольствие нам обоим.

(V, 17) Лелий.— Я не стал бы говорить, что это трудно мне, будь я уверен в себе; ибо и предмет это превосходный, и мы, как сказал Фанний, располагаем досугом. Но кто я такой, вернее, способен ли я к этому? Это — обыкновение ученых людей, в частности — греков: им предлагают вопрос, дабы они рассуждали о нем даже без подготовки; задача эта трудна и требует немалой изощренности. Вот почему о том, что можно сказать о дружбе, вам, по моему мнению, следует спросить у тех, кто в этом искушен³⁸; я же только могу посоветовать вам ставить дружбу превыше всех дел человеческих; ибо нет ничего более свойственного нашей природе и более ценного как в счастье, так и в несчастье.

(18) Но прежде всего я думаю, что дружба возможна только между честными людьми, и говорю это не в прямом смысле, как те, кто рассматривает эти вопросы более тонко³⁹, быть может, и правильно, но едва ли в интересах общей пользы; ведь, по их утверждению, честным человеком может быть только мудрый. Пусть будет действительно так! Но они здесь понимают под «мудростью» именно то, чего ни один смертный пока еще не достиг; мы же должны рассмотреть все то, что связано с опытом и обыденной жизнью, а не воображаемое и желательное. Никогда не скажу я, что Гай Фабриций, Маний Курий и Тиберий Корунканий⁴⁰, которых наши предки считали мудрыми, были мудры в соответствии с мерилом этих философов. Поэтому пусть философы эти сохраняют за собою прозвание «мудрых», и неприятное, и непонятное; пусть они согласятся с нами, что это были честные люди. Но даже этого они не сделают: они будут твердить, что таковыми можно признать только мудрых.

(19) Итак, приступим к рассмотрению вопроса как люди, соображающие несколько медленно, как говорится⁴¹. Тех, кто поступает, кто живет так, что их верность, неподкупность, беспристрастие и щедрость встречают всеобщее одобрение, тех, в ком нет никакой жадности, возвращен-

ности, наглости, кто отличается великой стойкостью (а такими и были те, кого я только что назвал), — вот их мы и должны называть честными людьми, — каковыми их и считали, — так как они, насколько это в человеческих силах, следуют природе, наилучшей наставнице в честной жизни. Ведь я, мне кажется, ясно вижу, что мы рождены с тем, чтобы все мы были как-то связаны друг с другом⁴², и тем теснее, чем ближе к каждому из нас стоит тот или иной человек. Поэтому согражданам мы оказываем предпочтение перед чужеземцами, родственникам — перед людьми сторонними; ведь дружбу между родственниками породила сама природа, но дружба эта недостаточно прочна. Ибо дружба тем сильнее родственных связей, что из родственных связей взаимную благожелательность устранить возможно, а из дружбы возможности этой нет⁴³; ведь если чувство благожелательности пропало, то дружба уничтожается, а родственные связи остаются. (20) Но сколь велика сила дружбы, особенно ясно можно понять вот из чего: в беспредельном обществе, образованном людьми и созданном самой природой, связи между людьми настолько сократились и ограничались, что все узы привязанности соединяют либо только двух человек, либо немногих⁴⁴.

(VI) Ведь дружба не что иное, как согласие во всех делах божеских и человеческих в сочетании с благожелательностью и привязанностью. Бессмертные боги, пожалуй, за исключением мудрости, ничего лучшего людям и не дали. Одни предпочитают богатства, другие — крепкое здоровье, власть — третьи, почести — четвертые, а многие — даже плотские наслаждения. Но последние — удел диких животных, а все то, что я перечисляю выше, тленно и ненадежно; оно зависит не столько от наших замыслов, сколько от прихоти судьбы. Напротив, те, кто видит высшее благо в доблести⁴⁵, судят весьма разумно; именно эта доблесть порождает и поддерживает дружбу, а без доблести дружба совершенно невозможна.

(21) Разъясним теперь понятие доблести с точки зрения обыденной жизни и нашего языка; не станем, подобно некоторым ученым, измерять доблесть великолепием слов и перечислим честных мужей — тех, кто такими считается: Павлов, Катонов, Галов, Сципионов, Филов⁴⁶; повседневная жизнь ими вполне удовлетворяется, а тех, которых вообще нигде не найти, оставим в стороне.

(22) Итак, среди подобных мужей те преимущества, какие дает дружба, столь велики, что я лишь с трудом могу их назвать. Прежде всего, как может «жизнь жизненной» быть, по выражению Энния⁴⁷, если она не находит себе успокоения во взаимной благожелательности друзей? Что может быть слаще, чем иметь человека, с которым ты решаешься говорить, как с самим собой?^{47a} Что пользы от счастливых обстоятельств, если у тебя нет человека, который порадовался бы им так же, как ты сам? А переносить несчастья было бы трудно без того, кто переносил бы их еще более тяжело, чем ты. Наконец, все прочее, чего люди добиваются, каждое в отдельности предоставляет преимущества только в том или ином отношении: богатства — чтобы ими пользоваться; могущество — чтобы тебя уважали; магистратуры — чтобы тебя прославляли; наслаждения —

чтобы ты испытывал радость; здоровье — чтобы ты не страдал и пользовался силами своего тела; дружба же заключает в себе множество благ. Куда бы ты ни обратился, она тут как тут; ее ниоткуда не устранишь; никогда не бывает она несвоевременной, никогда — тягостной; поэтому мы, как говорится, ни к воде, ни к огню⁴⁸ не прибегаем чаще, чем к дружбе. При этом я теперь говорю не о ходячем понятии дружбы, вернее, не о повседневных отношениях дружбы, хотя и они приятны и полезны, но об истинной и совершенной дружбе, какой была дружба между теми людьми, которых называют в числе немногих. Ибо счастливые обстоятельства дружба украшает, а несчастливые облегчает, разделяя их и принимая в них участие.

(VII, 23) Заключая в себе многочисленные и величайшие преимущества, дружба в то же время, несомненно, вот в чем превосходит все другое: она проливает свет доброй надежды на будущее и не дает нам слабеть и падать духом. Ведь тот, кто смотрит на истинного друга, смотрит как бы на свое собственное отображение. Поэтому отсутствующие присутствуют, бедняки становятся богачами, слабые обретают силы, а умершие — говорить об этом труднее — продолжают жить⁴⁹: так почитают их, помнят о них и тоскуют по ним их друзья. Ввиду этого смерть их кажется счастливой, а жизнь их друзей — заслуживающей похвал. Если мы устраним из природы узы благожелательности, то ни дом, ни город не уцелеют; даже обработка земли прекратится. Если это еще непонятно, то все могущество дружбы и согласия можно оценить, взглянув на картину распрей и разногласия. И в самом деле, какой дом столь прочен, какая гражданская община столь крепка, чтобы ненависть и раздоры не могли разрушить их до основания? Все это позволяет судить, как много хорошего в дружбе.

(24) Некий ученый муж, родом из Агригента⁵⁰, в стихах, написанных им по-гречески, говорит, вещал о том, что все существующее в природе и во всем мире и все движущееся природа соединяет, а разногласие разрывает. И все люди понимают это и подтверждают на деле. Поэтому если друг когда-либо нам оказал услугу, подвергаясь опасностям или разделяя их, то кто не превознесет этого величайшими похвалами? Какие одобрительные возгласы недавно раздались со всех мест для зрителей при представлении новой трагедии моего гостеприимца и друга Марка Пакувия⁵¹, когда — в то время как царь не знал, который из двоих Орест, — Пилад называл себя Орестом, а тот настаивал на том, что Орест именно он, как это и было на самом деле! Зрители стоя рукоплескали вымыслу. Как же, по твоему мнению, поступили бы они перед лицом действительности? Сама природа ясно давала понять свою мощь, когда люди на чужом примере признавали справедливость поступка, совершить который сами они не могли.

Вот каковы мои мысли о дружбе, которые я, как мне кажется, мог высказать. Если были высказаны и другие взгляды (думаю, их много), то вы, если найдете нужным, спросите о них у тех, кто изучает эти вопросы.

(25) *Фанний*.— Нет, мы предпочитаем узнать об этом именно от тебя. Впрочем, я не раз спрашивал тех, о ком ты говоришь, и охотно выслушивал их объяснения; но твоя речь как будто соткана по-иному.

Сцевола.— Ты, *Фанний*, сказал бы это еще с большим основанием, если бы недавно присутствовал в загородном именье *Сципиона*, когда обсуждался вопрос о государстве. Каким защитником справедливости выступил он тогда против тщательно отделанной речи *Фила*?⁵²

Фанний.— Но ведь человеку справедливому защищать справедливость было легко.

Сцевола.— А дружбу разве не легко защищать тому, кто прославился тем, что соблюдал ее с необычайной верностью, стойкостью и справедливостью?

(VIII, 26) *Лелий*.— Право, это значит применять силу. Но не все ли равно, каким образом вы меня принуждаете? А вы это делаете, несомненно. Ведь желаниям зятьев, особенно в хорошем деле, противиться трудно и, пожалуй, даже несправедливо.

Итак, когда я размышляю о дружбе, мне часто кажется, что самое важное — разрешить вот какой вопрос: из слабости ли и нужды человек чувствует потребность в дружбе, — чтобы оказанием взаимных услуг получить от другого то, чего он достичь не может, и в свою очередь поступать с ним так же, — или же причина тут другая, именно дружбе свойственная, более древняя, более прекрасная и в большей мере порождаемая самой природой?⁵³ Ведь любовь, от которой дружба и получила свое название⁵⁴, — первый повод к взаимной благожелательности. Ибо пользу мы часто извлекаем даже из таких людей, о которых мы заботимся, притворяясь их друзьями, и к которым мы внимательны в силу обстоятельств; в дружбе же нет ничего деланного, ничего притворного; решительно все искренно и добровольно. (27) Поэтому мне и кажется, что дружба возникла скорее от природы, чем в силу необходимости; в большей степени — от душевной склонности в сочетании с некоторым чувством приязни, чем от размышления о том, сколь большую пользу она принесет. В чем здесь сущность, возможно заметить даже у некоторых зверей, которые в течение определенного времени привязаны к своим детенышам, а те им отвечают привязанностью, так что их чувства вполне явны. У человека же это гораздо виднее: во-первых, по той любви, которая соединяет детей и родителей и может быть разорвана разве только отвратительным преступлением; во-вторых, когда у нас возникает чувство любви, если мы встретились с человеком, вполне подходящим нам по природному характеру, так как мы, как нам кажется, видим в нем как бы светоч чести и доблести.

(28) Нет ведь ничего более привлекательного, чем доблесть, нет ничего, что больше склоняло бы нас к почитанию; ведь мы, конечно, в некоторой степени почитаем — за их доблесть и честность — даже тех, кого мы никогда не видели. Найдется ли человек, который не хранил бы памяти о *Гае Фабриции* и о *Мании Курии*⁵⁵ вместе с чувством любви и благоговения, хотя он их никогда не видел? С другой стороны, найдется ли

человек, который не питал бы ненависти к Тарквинию Гордому, к Спурию Кассию и к Спурию Мелию? ⁵⁶ За владычество в Италии мы не на жизнь, а на смерть воевали с двумя полководцами — с Пирром и с Ганнибалом ⁵⁷: к первому мы, ввиду его доблести, особой неприязни не чувствовали; второго, за его жестокость, наши граждане всегда будут ненавидеть.

(IX, 29) Если честность столь сильна, что мы почитаем ее даже и в тех, кого мы никогда не видели, и, более того, даже и во враге, — то следует ли удивляться тому, что люди бывают тронуты, когда они в тех, с кем могут повседневно общаться, видят доблесть и доброту? Впрочем, любовь укрепляется, когда человеку оказана услуга, когда он усмотрел расположение к себе и когда ко всему этому присоединилась привычка: когда все это прибавилось к уже упомянутому нами первому движению души и расположению, то загорается, так сказать, редкостная доброжелательность. Если кое-кто думает, что она проистекает от слабости — дабы был налицо человек, при чьем посредстве было бы возможно достичь того, чего каждому недостает, — то такие люди предполагают, что дружба, я сказал бы, действительно низкого и далеко не благородного происхождения, раз они утверждают, что она зарождается в связи с нуждой и необходимостью. В этом случае, чем меньше сил чувствовал бы в себе человек, тем больше он был бы склонен к дружбе; но это далеко не так.

(30) Ведь чем больше человек уверен в себе, чем в большей степени наделен он доблестью и мудростью, так что он не нуждается ни в ком и думает, что все зависит от него самого, тем более превосходит он других людей в создании и поддержании дружеских отношений. Что же? Разве Публий Африканский во мне нуждался? ⁵⁸ Нисколько, клянусь Геркулесом! Даже и я в нем не нуждался; но я любил его, восхищаясь его доблестью, а он, в свою очередь, быть может, составив себе некоторое мнение о моем характере, любил меня; привычка укрепила взаимную благожелательность. И хотя к этому последствию присоединились многие и большие преимущества, причины нашего взаимного расположения все же не были связаны с надеждой на них. (31) Ведь если мы склонны к благодеяниям и щедры вовсе не для того, чтобы требовать благодарности (ибо благодеяния своего мы в рост не отдаем, но по натуре своей склонны к щедрости), то мы находим нужным искать дружбы, не движимые надеждой на награду, но потому, что все ее плоды заключены уже в самой приязни.

(32) Те, кто, уподобляясь животным, сводит все к наслаждению ⁵⁹, с нами совершенно не согласны; это и не удивительно: кто во всех своих помыслах дошел до столь низкого и столь презренного предмета, тот не может видеть ничего высокого, ничего прекрасного и божественного. Поэтому исключим их из нашей беседы, но пойдем сами, что чувство любви и приязнь за доброжелательное отношение возникают от природы, когда человек проявил нравственное достоинство. Те, кто его достиг, тесно сближаются между собой, дабы получать пользу от общения с тем, кого они начали почитать, и от его добрых нравов и быть вполне равными с ним в любви и более склонными скорее оказывать услуги, чем требовать награды за них, и дабы это состязание между ними было нравственно-прекрасным.

Таким образом, из дружбы будут извлекаться величайшие выгоды, но возникновение ее — от природы, а не вследствие слабости — будет и более достойным уважения, и более искренним. Ведь если бы дружеские отношения скрепляла выгода, то она же, претерпев изменения, разрывала бы их; но так как природа изменяться не может, то именно поэтому истинная дружба вечна. Возникновение дружбы вы видите; но, быть может, к сказанному мною вы хотите что-нибудь прибавить.

Фанний.— Нет, ты сам продолжай, Лелий! По праву старшего, я отвечаю и за *Сцевола*.

(33) *Сцевола.*— Я вполне согласен с тобой; поэтому послушаем.

(X) *Лелий.*— Так выслушайте же, честнейшие мужи, то, что мы со *Сципионом* обсуждали чаще всего, беседуя о дружбе. Впрочем, он утверждал, что самое трудное — сохранить дружбу до последнего дня жизни; ведь часто бывает, что либо интересы людей не совпадают, либо различны их мнения о положении в государстве⁶⁰; он говорил, что часто изменяется и характер людей: в одном случае — в несчастье, в другом — с годами. Как пример этому он приводил юность: отроки часто отбрасывают самую сильную привязанность вместе с тогой-претекстой; (34) а если привязанность эта сохранится и в молодости, то она все-таки иногда нарушается соперничеством, или женитьбой, или в погоне за каким-нибудь преимуществом, добиться которого и тот и другой не могут; даже если они сохранили дружбу в течение продолжительного времени, то ее часто расшатывает соперничество при соискании магистратур⁶¹; нет худшего бича для дружбы, чем жадность к деньгам, свойственная большинству людей, а между всеми лучшими людьми соперничество из-за почета и славы; на этой почве между лучшими друзьями часто возникала злейшая вражда.

(35) Полный и в большинстве случаев оправданный разрыв происходит в тех случаях, когда от друзей требуют какого-нибудь не порядочного поступка, например быть пособниками в разврате или помощниками в противозаконии; тех, кто в этом отказывает, — хотя они и поступают прекрасно в нравственном отношении, — те, кому они не хотят повиноваться, все же обвиняют в измене долгу дружбы⁶². Те же, кто осмеливается потребовать от друга любой услуги, самим этим требованием своим дают понять, что и они ради друга готовы на все. Из-за их упреков обыкновенно не только прерываются давние дружеские связи, но даже порождается ненависть навеки. И над дружескими отношениями, — говорил *Сципион*, — нависает так много этих, можно сказать, роковых угроз, что избежать всех их, по его мнению, — дело не только мудрости, но и удачи.

(XI, 36) Поэтому рассмотрим прежде всего, если хотите, вопрос о том, как далеко должна в дружбе заходить привязанность. Если у *Кориолана* были друзья, то неужели они должны были, вместе с *Кориоланом*, взяться за оружие против отечества? ⁶³ Неужели *Вецеллину*, добивавшемуся царской власти⁶⁴, неужели *Мелию* друзья должны были помогать? (37) Когда *Тиберий Гракх* вызвал потрясения в государстве⁶⁵, то *Квинт Туберон*⁶⁶ и ровесники-друзья, как мы видели, покинули его. Но когда *Блоссий* из *Кум*⁶⁷, связанный узами гостеприимства⁶⁸ с вашей ветвью

рода, Сцевола, пришел ко мне с целью получить прощение, так как я входил в состав совета при консулах Ленате и Рупилии⁶⁹, то он приводил в свое оправдание то обстоятельство, что он ценил Тиберия Гракха так высоко, что находил нужным исполнять все, чего бы тот ни пожелал. Тогда я спросил его: «Даже если бы он захотел, чтобы ты поджег Капитолий?» — «Никогда — сказал Блоссий, — он не захотел бы этого; но если бы он этого захотел, то я повиновался бы ему»⁷⁰. Вы видите, сколь нечестивы эти слова! И он, клянусь Геркулесом, это сделал и даже большее, чем то, о чем он говорил; ведь он не только повиновался Тиберию Гракху в его безрассудстве, но и руководил им и предоставил себя в его распоряжение не как пособник в его бешенстве, а как зачинщик. В этом безумии он, в страхе перед новым судебным следствием, бежал в Азию, перешел на сторону врагов, понес тяжелую и заслуженную кару за свое преступление перед государством. Следовательно, нет извинения проступку, совершенному ради друга; ибо если посредницей для возникновения дружбы будет молва о твоей доблести, то дружбе будет трудно сохраниться, если ты изменишь доблести.

(38) Поэтому, если мы признаем справедливым уступать друзьям во всем, в чем они этого захотят, и добиваться от них всего, чего захотим мы, то во всем этом не будет ничего дурного — при условии, что мы будем обладать совершенной мудростью. Но мы говорим о друзьях, которые у нас перед глазами, о друзьях, которых мы видим, вернее, о друзьях, о которых нам рассказали, каких встречаешь в обыденной жизни; из их числа нам и надо брать примеры, а более всего из числа тех, кто более других достиг мудрости. (39) Мы знаем, что Пап Эмилий был близким другом Лусцина (нам об этом поведали наши отцы); оба они дважды были вместе консулами, коллегами по цензуре⁷¹. Далее, по преданию, Маний Курий и Тиберий Корунканий были тесно связаны и с ними, и между собой. И мы не можем даже предположить, чтобы кто-нибудь из них решился потребовать от друга чего-либо такого, что было бы противно совести, противно клятве, противно интересам государства. Ведь когда дело идет о таких мужах, то надо ли говорить, что если бы такой муж чего-либо подобного потребовал, то он ничего бы не добился, так как это были высоконравственные мужи, и одинаковым нарушением божеского закона было бы и совершить что-нибудь подобное, уступив просьбам, и об этом попросить? А вот за Тиберием Гракхом пошли Гай Карбон⁷², Гай Катон⁷³ и, во всяком случае, тогда менее всего брат его Гай⁷⁴, в настоящее время совершенно непримиримый.

(XII, 40) Итак, в дружбе должен быть незыблемым закон — не просить друга о бесчестных действиях и самому таковых не совершать, уступая его просьбам; ибо позорно и никак не приемлемо оправдание, относящееся как к другим поступкам, так и к случаю, если кто-нибудь сознается в действиях, во вред государству совершенных ради друга. И вот, Фанний и Сцевола, мы пришли к тому, что мы должны далеко вперед предвидеть грядущие события в государстве.

Уклад нашей жизни намного отклонился от пути и «беговой дорож-

ки»⁷⁵ предков. (41) Тиберий Гракх попытался захватить царскую власть, вернее, даже царствовал в течение нескольких месяцев⁷⁶. Слышал ли, вернее, видел ли когда-нибудь римский народ что-либо подобное этому? О том, что после смерти Тиберия Гракха его друзья и близкие совершили по отношению к Публию Сципиону⁷⁷, я не в силах говорить без слез. Ибо Карбона, ввиду кары, недавно постигшей Тиберия Гракха, мы терпели, как только могли. А чего я ожидаю от трибуната Гая Гракха, предсказывать мне не хочется. Дело идет все хуже и хуже; как только это началось, все стало рушиться и клониться к гибели. Вы видите, какое сильное потрясение устоев произошло еще раньше в связи с введением табличек для голосования — сначала на основании Габиниева закона, а через два года на основании Кассиева⁷⁸. Мне кажется, я уже вижу, что народ отторгнут от сената⁷⁹, что важнейшие дела решаются по произволу толпы. Ибо тому, как беспорядки совершать, будет учиться число людей большее, чем то, какое будет учиться им противодействовать.

(42) Почему я говорю об этом? Потому что без союзников таких попыток не делает никто. Следовательно, честных людей надо наставлять в том, чтобы они — если случайно, по неведению, приобретут подобных друзей — не считали себя связанными настолько, чтобы не отказываться от друзей, совершивших какое-нибудь тяжкое преступление; для бесчестных надо установить кару, и притом для тех, кто последует за другим, — кару не меньшую, чем для тех, кто сам будет вожаком в нечестивом деянии. Был ли в Греции кто-нибудь более славен, более могуществен, чем Фемистокл? После того, как он, будучи стратегом во время войны с персами, избавил Грецию от порабощения, а затем вследствие зависти был изгнан, он не стерпел нанесенного ему отечеством оскорбления, которое должен был стерпеть: он поступил так же, как в нашей стране двадцатью годами ранее поступил Кориолан. Но ни одного пособника в действиях во вред отечеству они не нашли. Поэтому оба они покончили с собой⁸⁰.

(43) Итак, подобное согласие между бесчестными людьми не только нельзя оправдывать дружбой; нет, его надо карать любым видом казни, дабы никто не считал дозволенным последовать за другом, дошедшим до войны против отечества; но именно это, если судить на основании событий, рано или поздно произойдет⁸¹; меня же то, что с государством станет после моей смерти, заботит не меньше, чем нынешнее положение в нем.

(XIII, 44) Итак, да будет незыблемо установлен вот какой первый закон дружбы: будем просить друзей о нравственно-прекрасном⁸², будем совершать ради друзей нравственно-прекрасные поступки; даже не будем ждать, чтобы нас о них просили; стремление оказать услугу пусть всегда будет, промедления в этом пусть не будет; давать совет будем смело и без колебаний. В дружбе авторитет друзей, склоняющих к хорошему, пусть будет всемогущ, и для увещевания следует его прилагать не только откровенно, но и резко, если обстоятельства потребуют этого; ему следует повиноваться.

(45) Ибо некоторые люди, которых, как я слышал, в Греции считали мудрыми, высказывали, мне думается, странные мысли⁸³ (ведь нет пред-

мета, которого они не исследовали бы крайне хитроумно): одни полагают, что чересчур тесных дружеских отношений надо избегать, дабы одному не приходилось тревожиться за многих; у каждого-де достаточно и даже чересчур много своих дел, не в меру впутываться в чужие тяжко; самое лучшее — держать вожжи дружбы возможно более ослабленными; их можно натянуть или отпустить, когда захочешь; ведь главное для счастливой жизни — безмятежность, наслаждаться которой душа не может, если она как бы мучится родами одна за многих⁸⁴.

(46) Другие, как говорят, в утверждениях своих еще менее достойны человека (этого положения я только что вкратце коснулся): по их словам, дружеских отношений надо добиваться ради защиты и помощи, а не из добродетельности и приязни; поэтому чем меньше твердости духа в человеке и чем у него меньше сил, тем в большей мере домогается он дружеских отношений; ввиду этого слабые женщины ищут защиты в дружеских отношениях больше, чем мужчины; бедные — больше, чем богатые; несчастные — больше, чем те, кого считают счастливыми.

(47) О превосходная мудрость!⁸⁵ Солнце, думается мне, удаляют из мира те, кто дружбу удаляет из жизни; ведь ничего лучшего, ничего более приятного, чем дружба, мы от бессмертных богов не получали. В чем, собственно говоря, заключается пресловутая безмятежность, как будто приятная, но в действительности, по многим причинам, заслуживающая осуждения? Ведь не подобает человеку, во избежание беспокойств, ни отказываться от какого-нибудь нравственно-прекрасного дела или поступка, ни, взяв его на себя, от него отказаться. Ибо если мы бежим от заботы, то мы должны бежать от доблести, которая, неминуемо сопровождаясь некоторой заботой, презирает и ненавидит все себе противоположное, как доброта — злонамеренность, как воздержанность — разврат, как малодушие — храбрость. Вот и видишь, что несправедливости более всего огорчают справедливых людей, трусость — храбрых, подлость — честных. Следовательно, благородной душе свойственно радоваться добру и страдать от зла. (48) Поэтому если мудрый испытывает душевную боль, — а он действительно испытывает ее, если только мы не думаем, что из его души вырвано все человеческое, — то зачем полностью устранять из жизни дружбу лишь для того, чтобы она не причиняла нам кое-каких тягот? И в самом деле, если подавлять всякое движение души, то какое будет различие, уже не говорю — между животным и человеком, но между человеком и пнем, или камнем, или любым предметом такого же рода?⁸⁶ Ведь не надо слушать тех, кто хочет, чтобы доблестное сердце было жестоким и как бы железным⁸⁷; наоборот, как во многих случаях, так и в дружбе оно нежно и податливо, так что при счастье друга оно, так сказать, расширяется, а при его несчастье сжимается. Поэтому та тревога, какую часто испытываешь за друга, не бывает столь сильна, чтобы устранить из жизни дружбу, — не более сильна, чем опасения, способные заставить нас отказываться от доблестей, потому что они приносят нам кое-какие заботы и неприятности.

(XIV) Но человек завязывает дружбу, как я говорил выше, если ему

начинает светить какой-то намек на доблесть, с которой сближается и сродняется подобная ей душа; всякий раз, как это случается, привязанность возникает непременно.

(49) И право, что может быть более нелепым, чем услаждаться многими пустыми вещами, как почет, как слава⁸⁸, как красивые здания, как одежда и уход за телом, а душой, наделенной доблестью, душой, которая способна и любить, и, так сказать, воздавать взаимностью, не услаждаться больше, чем всем другим? Ведь нет ничего более приятного, чем награда за благожелательность, чем взаимность стремлений и услуг. (50) Далее, если прибавить,— а это можно прибавить с полным на это основанием,— что ничто не привлекает, не притягивает к себе с такой силой, с какой сходство склоняет к дружбе, то мы, конечно, согласимся с правильностью положения, что честные люди любят честных и привязываются к ним, близким им как бы по сродству и по природе. Ведь ничто так не стремится к подобному себе и не привлекает его к себе сильнее, чем это делает природа. По этой причине, Фанний и Сцевола, я и думаю, что между честными людьми как бы неминуемо возникает доброжелательность, источник дружбы, созданный природой. Но эти же добрые чувства могут относиться и к множеству людей. Ведь доблесть не бесчеловечна, не отказывается служить людям, не горда — та доблесть, которая обыкновенно защищает целые народы и о них ревностно заботится; она, конечно, не поступала бы так, будь ей чужда любовь к народу.

(51) Более того, мне лично кажется, что люди, основывающие дружеские отношения на пользе⁸⁹, уничтожают приятнейшие узы дружбы. Ведь нас услаждает не столько польза, полученная при посредстве друга, сколько самая привязанность друга, и то что для нас сделал друг, приятно тогда, когда он сделал это из расположения к нам. И мы настолько далеки от того, чтобы поддерживать дружеские отношения по причине своей нужды в помощи, что люди, менее всего нуждающиеся в богатстве и средствах, а особенно в доблести другого человека, который им может оказать наибольшую защиту,— самые щедрые и самые склонные к благодеяниям. И, пожалуй, даже совсем не надо, чтобы друзья никогда и ни в чем не испытывали недостатка. И в самом деле, в чем проявилась бы моя преданность, если бы Сципион никогда не нуждался в моем содействии — ни во времена мира, ни в походах? Итак, не польза привела к дружбе, а дружба — к пользе.

(XV, 52) Итак, не надо слушать людей, пресыщенных удовольствиями⁹⁰, если они когда-нибудь станут рассуждать о дружбе, которой они не познали ни на деле, ни в мыслях. Да найдется ли — привожу богов и людей в свидетели! — человек, который хотел бы быть окружен всяческими сокровищами и жить в полном изобилии и при этом никого не любить и самому не быть любимым никем? Такова, несомненно, жизнь тираннов⁹¹, в которой невозможны ни верность, ни привязанность, ни уверенность в прочной доброжелательности; в ней все всегда вызывает подозрения и тревогу⁹²; места для дружбы нет. (53) И действительно,

кто будет любить человека, которого он боится, или человека, который,

по его мнению, боится его? Правда, к тираннам проявляют хотя бы притворное уважение, но только временно. Если же они, как бывает в большинстве случаев, оказываются низложенными, вот тогда и становится ясным, как мало у них было друзей. Находясь в изгнании, Тарквиний будто бы сказал, что он только тогда понял, кто был ему верным другом и кто неверным, когда он уже не мог воздать ни одним, ни другим.

(54) Впрочем, меня удивляет, как у него, при его гордости и надменности, вообще могли быть друзья. И как его нрав не мог привлечь к нему истинных друзей, так богатства многих могущественных людей исключают возможность верности в дружбе. Ведь Фортуна не только слепа сама⁹³, но и в большинстве случаев ослепляет своих баловней; поэтому они, можно сказать, не знают границ в своей гордости и своенравии, и более несносного человека, чем неразумный богач, быть не может. Очевидно также и то, что люди, ранее бывшие обходительными, меняются, достигнув империя⁹⁴, власти и удачи; они пренебрегают старыми дружескими связями и благоволят к новым.

(55) И что может быть более бессмысленным, чем, обладая богатствами, средствами, влиянием, приобретать все то, что приобретается за деньги,— лошадей, слуг, великолепные одежды, драгоценные сосуды⁹⁵, но не приобретать друзей, наилучшего и прекраснейшего, так сказать, украшения жизни? И в самом деле, приобретая все остальное, люди не знают, ни для кого они все это приобретают, ни для кого трудятся; ведь все это достанется более сильному, а дружба остается постоянным и надежным достоянием каждого; таким образом, даже если сохранятся другие блага, представляющие собой как бы дары Фортуны, все-таки жизнь, необлагороженная и оставшаяся без друзей, приятной быть не может. Но об этом достаточно.

(XVI, 56) Теперь нам надо установить, какие пределы и как бы границы следует соблюдать в дружбе, О них, как мне известно, было высказано три различных мнения⁹⁶; ни одного из них я не одобряю. Одно — что мы должны относиться к другу так же, как к себе самому; другое — что наша доброжелательность к друзьям должна быть равна их доброжелательности к нам и ей соответствовать; третье — что сколь высоко человек ставит себя сам, столь же высоко его ставят друзья. (57) Ни к одному из этих трех мнений вполне присоединиться я не могу. Первое — что каждый должен относиться к другу так, как относится к себе,— неверно. Как много мы ради друзей делаем такого, чего никогда не сделали бы ради себя! Просить за них человека недостойного, умолять его⁹⁷ или резко нападать на кого-нибудь и с жаром его преследовать⁹⁸ — все это недостаточно прекрасно в нравственном отношении, когда касается нас самих, но становится прекраснейшим, когда касается друзей, и часты случаи, когда честные мужи поступаются и соглашаются поступиться многими преимуществами, чтобы ими воспользовались их друзья, а не они сами.

(58) Второе мнение определяет дружбу по равенству оказываемых услуг и добрых намерений. Это значит чересчур точно и мелочно рас-

числять дружбу⁹⁸, чтобы сравнялся счет полученного и данного. Более богата и щедра, думается мне, истинная дружба; она не соблюдает старого правила не давать больше, чем получила сама; ведь не надо опасаться что-нибудь потерять, что-нибудь выронить на землю, сделать для друга что бы то ни было сверх положенного по справедливости.

(59) Третье ограничение — наихудшее: сколь высоко человек ценит себя сам, столь же высоко его ценят друзья. Ведь некоторые люди часто либо падают духом, либо теряют надежду на успех. Так вот, долг друга — не смотреть на друга так, как тот смотрит на себя сам, но приложить все старания к тому, чтобы ободрить друга, павшего духом, и внушить ему добрые надежды и мысли⁹⁹. Итак, для истинной дружбы надо установить другую границу; но сначала я назову то, что Сципион обыкновенно порицал особенно сильно. Он утверждал, что нет высказывания, более враждебного дружбе, чем следующее: «Любить надо, памятуя, что рано или поздно можешь возненавидеть», — и что он не может поверить, чтобы эти слова, как полагают, мог высказать Биант, которого считали одним из семи мудрецов¹⁰⁰; он считал это высказыванием какого-нибудь негодяя, или честолюбца, или человека, стремящегося все захватить в свою власть. И в самом деле, каким образом человек сможет быть другом тому, кому он, по своему собственному мнению, сможет стать недругом? Более того, он непременно будет желать, чтобы его друг возможно чаще совершал проступки и тем самым давал ему возможно больше поводов для порицания; напротив, из-за честных поступков и успехов друзей ему непременно придется огорчаться, страдать и им завидовать.

(60) Таким образом, суждение это, от кого бы оно ни исходило, способно уничтожить дружбу. Скорее надо было посоветовать нам, чтобы мы, приобретая друзей, остерегались когда-либо полюбить такого человека, которого мы рано или поздно могли бы возненавидеть. Более того, если бы мы оказались несчастливы в выборе друга, то, по мнению Сципиона, это скорее следовало бы терпеть, чем заранее думать о времени, когда отношения станут враждебными.

(XVII, 61) Итак, вот в каких границах советую я держаться: и чтобы нравы друзей были безупречны¹⁰¹, и чтобы между друзьями была полная, без каких бы то ни было исключений, общность во всех делах, в помыслах и желаниях; более того, если бы случайно, по воле судьбы, пришлось помочь друзьям в их не совсем справедливых желаниях, — когда дело коснулось бы их гражданских прав или их доброго имени, — то чтобы мы сочли возможным отклониться от прямого пути, только бы это не повлекло за собою величайшего позора для нас¹⁰²; ведь до некоторых пределов оказать снисхождение в дружбе можно. Но нельзя пренебрегать своим добрым именем, и немаловажным оружием надо считать доброжелательность граждан, приобретать которую лестью и угодливостью позорно; но доблесть, которая приносит нам всеобщее расположение, отнюдь не надо отвергать.

(62) Но Сципион — ведь я часто возвращаюсь к нему, так как он постоянно говорил с нами о дружбе, — сетовал на то, что люди, по его

мнению, во всех прочих делах проявляют больше внимания, чем при выборе друзей: сколько у него коз и овец, может сказать каждый, а вот сколько у него друзей, он сказать не может; приобретая коз и овец, люди проявляют заботу, а при выборе друзей небрежны¹⁰³ и упускают из виду, так сказать, признаки и приметы, по которым можно было бы судить о том, насколько тот или иной человек подходит для дружеских отношений. Итак, надо выбирать людей верных, надежных и стойких; таких людей очень мало. О них трудно судить, пока их не испытаешь; но испытывать их приходится, уже находясь в дружеских отношениях с ними. Таким образом, дружба предшествует суждению и устраняет возможность испытания.

(63) Итак, дальновидный человек должен сдерживать свой порыв доброжелательности, как сдерживают бег колесницы; и подобно тому, как люди пользуются обвезженными конями¹⁰⁴, так должен он проявлять свою дружбу после того, как с той или иной стороны будет испытан характер друзей. Часто, когда дело идет даже о малых деньгах, обнаруживается, сколь ненадежны некоторые люди; однако цену другим, которых малые деньги совратить не смогли, мы узнаем, когда дело идет о больших. Но если и найдутся люди, в чьих глазах предпочесть деньги дружбе — подлость, то где найдем мы таких, которые выше дружбы не поставят почестей, магистратур, империя, власти, влияния, так что они, когда перед ними, с одной стороны, будет все упомянутое, а с другой — долг дружбы, решительно не предпочтут всего названного мною? Ведь чересчур слаба природа наша, чтобы пренебречь могуществом. И даже если человек достиг его, презрев дружбу, то он думает, что его проступок забудется, так как он презрел дружбу не без важных на то оснований.

(64) Поэтому истинного друга так трудно обрести среди тех, кто занимает магистратуры в государстве: где найдешь ты человека, который предпочел бы почет, выпадающий на долю друга, своему собственному? А если оставить это в стороне, то каким тяжким, каким трудным кажется большинству людей разделить бедствия другого! Хотя Эний и правильно сказал¹⁰⁵:

Друг верный лишь в неверном деле виден,—

все-таки вот какие два обстоятельства уличают большинство людей в ненадежности и слабости: если они в благоденствии друзьями пренебрегают, а в беде их покидают. Итак, человека, который в обоих случаях окажется твердым, постоянным, стойким в дружбе, мы должны признать принадлежащим к необычайно редкой и едва ли не божественной породе людей.

(XVIII, 65) Основание стойкости и постоянства, которых мы ищем в дружбе,— верность; ведь неверное не может быть стойким. Кроме того, надо выбирать своими друзьями людей открытых, общительных и способных к сочувствию, то есть таких, которых волнует то же, что и тебя. Все это способствует верности; ведь переменчивый и изворотливый ум быть верным не может, да и человек, которого не волнует то же, что и тебя, и чей характер не похож на твой, не может быть ни верным, ни стойким. Надо еще прибавить, что этот человек не должен ни находить

удовольствие в том, чтобы обвинять другого¹⁰⁶, ни верить выдвинутым обвинениям. Все это имеет отношение к стойкости, о которой я уже долго говорю. Так подтверждается сказанное мною вначале — что дружба возможна только между честными людьми. Ведь честному человеку, которого в то же время можно называть мудрым, свойственно соблюдать в дружбе вот какие два правила: во-первых, избегать всего поддельного и притворного; благородному человеку более пристало даже ненавидеть, чем выражением лица скрывать свое мнение; во-вторых, не только отвергать обвинения, кем-то выдвинутые, но также и самому не быть подозрительным, всегда предполагая, что его друг совершил какой-то проступок. (66) И к этому присоединяется, так сказать, приветливость в беседе и характере¹⁰⁷, далеко не малая приправа к дружбе. Напротив, сосредоточенность и всегдашняя суровость, правда, придает людям вес, но дружба должна быть более непринужденной, более свободной, более мягкой и более склонной ко всяческой ласковости и доступности¹⁰⁸.

(XX, 67) Здесь возникает один довольно трудный вопрос: следует ли новых друзей, достойных нашей дружбы, порою предпочитать старым — подобно тому, как мы предпочитаем молодых коней одряхлевшим? Сомнение, недостойное человека! Ведь в дружеских отношениях не должно быть пресыщения, какое бывает в других случаях: самая старая дружба подобно винам, хорошо переносящим долгое хранение, должна быть наиболее услаждающей. И справедливо говорится, что надо съесть вместе много модиев соли¹⁰⁹, дабы долг дружбы оказался исполненным. (68) Что касается новых дружеских связей, то — если они позволяют надеяться, что их плод когда-нибудь появится, как это бывает на растениях, не обманывающих наших ожиданий, — их отнюдь не следует отвергать, но давние надо сохранять; огромна ведь сила давности и привычки. Более того, когда дело даже идет о коне, о котором я только что говорил, то, если этому ничто не препятствует, на коня, к которому мы привыкли, мы садимся охотнее, чем на необъезженного и нового. И привычка имеет значение не только по отношению к живому существу, но и по отношению к неодушевленным предметам, так как нас радует и местность, даже гористая и лесистая¹¹⁰, если мы прожили в ней долго.

(69) Но самое важное — в дружбе быть на равной ноге с нижестоящим. Ведь часто встречаются люди выдающиеся, каким в нашем, я бы сказал, «стаде» был Сципион. И вот, он никогда не ставил себя ни выше Фила, ни выше Рупилия, ни выше Муммия¹¹¹, ни выше друзей, более скромных по положению. Что касается его брата Квинта Максима¹¹², мужа, несомненно, выдающегося, но ему далеко не равного, то Сципион почитал его как вышестоящего, так как тот был старше. Сципион хотел, чтобы его близкие благодаря ему могли занимать более высокое положение.

(70) Вот что все должны делать и вот чему подражать: если они достигли какого-то превосходства в доблести, в уме, в богатстве, то они должны делиться этим с родными, приобщать к этому своих близких; например, если их родители — люди скромного положения, если их родст-

венники — люди недалекие или малосостоятельные, то надо увеличивать их достаток, содействовать их избранию на магистратуры и достижению ими высокого положения. Например, в сказаниях люди, которые некоторое время были в рабстве, так как их предки и происхождение не были известны, а после того, как их узнавали и они оказывались сыновьями богов или царей, все-таки сохраняли привязанность к пастухам, которых они в течение многих лет считали своими отцами. Это, конечно, во много большей мере надо делать по отношению к действительным и истинным отцам. Ведь плоды ума, доблести и всяческого превосходства получаешь в наибольшей мере тогда, когда приобщаешь к этим благам всех своих самых близких людей.

(XX, 71) Следовательно, как люди, в тесных отношениях дружбы и родства занимающие более высокое положение, должны равняться по людям нижестоящим, так эти последние не должны страдать от того, что их близкие превосходят их умом, или богатством, или высоким положением. Большинство же таких людей высказывает всегда либо какие-то жалобы, либо даже упреки, особенно если они могут похвалиться тем, что совершили нечто во исполнение своего долга, дружески и с затратой труда. Право, достойная ненависти порода людей, упрекающих за оказанные ими услуги! Эти услуги должен помнить тот, кому они были оказаны, и о них не должен напоминать тот, кто их оказал ¹¹³.

(72) Поэтому как люди, занимающие более высокое положение, в дружбе должны снисходить, так они должны каким-то образом возвышать людей, занимающих более низкое положение. Ведь находятся люди, делающие дружеские отношения тягостными, так как думают, что ими пренебрегают; правда, это случается только с теми, кто сам считает себя действительно заслуживающим пренебрежения; их надо отвлекать от таких мыслей не только словами, но и поступками.

(73) Для каждого надо делать столько, сколько, во-первых, ты сам можешь выполнить; во-вторых, сколько тот, кого ты любишь и кому помогаешь, может взять на себя. Ведь какое бы высокое положение ты ни занимал, ты не можешь довести всех своих близких до высших магистратур; так, Сципион смог добиться избрания в консулы Публия Рупилия; для брата его Луция он сделать это не смог ¹¹⁴. Даже если ты и можешь добиться для другого всего, что угодно, все-таки надо принимать во внимание, что именно может он взять на себя.

(74) Вообще говоря, о дружеских отношениях надо судить уже сложившимся и созревшим умом и в зрелом возрасте, и если мы в юности увлекались охотой и игрой в мяч ¹¹⁵, то нет надобности считать тесно с нами связанными тех, кого мы тогда любили, так как у них было такое же увлечение. Ведь на этом основании кормилицы и педагоги ¹¹⁶ будут, по праву давности, требовать наибольшего расположения к себе; к ним, конечно, нельзя относиться с пренебрежением, но их надо ценить как-то по-иному. Без этого дружеские отношения оставаться прочными не могут. Ведь различия в характере приводят к различиям в стремлениях ¹¹⁷, несходство которых нарушает дружеские отношения, и единственная при-

чина, почему честные люди не могут быть друзьями дурным, а дурные — честным, заключается в различии их характеров и стремлений, столь значительном, насколько это возможно.

(75) Уместно и посоветовать, чтобы в дружеских отношениях, так сказать, неумеренная благожелательность (это бывает весьма часто) не препятствовала другу достигнуть больших успехов. Так, например, Неоптолем (обратимся снова к сказаниям) не смог бы взять Трою, если бы согласился выслушать советы своего воспитателя Ликомеда, который, со слезами на глазах, пытался помешать его отъезду¹¹⁸. Часто неожиданно возникают важные обстоятельства, заставляющие покидать друзей. Тот, кто хочет воспротивиться этим обстоятельствам, так как ему будет нелегко переносить разлуку, сам малодушен и слаб характером и именно по этой причине несправедлив в дружбе. (76) Итак, во всех случаях надо принимать во внимание и то, чего сам ты требуешь от друга, и то, что ты ему позволяешь требовать от тебя.

(XXI) Иногда происходит и, так сказать, неизбежное несчастье отказываться от дружеских связей (теперь от близости между мудрыми людьми речь наша скатывается к обыденным дружеским отношениям). Пороки друзей часто наносят ущерб то самим их друзьям, то сторонним людям, но дурная слава об этих поступках все же падает на их друзей. Следовательно, такие дружеские отношения надо постепенно прекращать и, как в моем присутствии сказал Катон¹¹⁹, их скорее распарывать, а не рассекать; разве только неожиданно будет совершено какое-нибудь вопиющее противозаконие, так что не пойти на немедленный отказ от дружбы и на разрыв было бы и неправильно, и дурно в нравственном отношении, да и невозможно.

(77) Но если, как это бывает, изменятся либо нравы, либо стремления людей или же между ними возникнут разногласия насчет положения в государстве (ведь теперь, как я только что указал, я говорю не о дружбе между мудрыми, а о дружбе между рядовыми людьми), то надо будет остерегаться, как бы, уже не говорю — не была разорвана дружба, но как бы не возникло вражды. Нет ведь ничего более позорного, чем вести войну с человеком, с которым ты ранее жил в дружбе. Как вы знаете, Сципион из-за меня некогда отказался от дружбы с Квинтом Помпеем¹²⁰, а из-за разногласий в государстве отвернулся от нашего коллеги Метелла¹²¹; в обоих случаях он поступил с полным сознанием своей ответственности и без особенного огорчения.

(78) Вот почему прежде всего надо прилагать старания к тому, чтобы между друзьями не возникало ссор; но если что-либо подобное и произойдет, то к тому, чтобы дружеские отношения казались скорее угасшими, а не растоптанными. Но надо особенно остерегаться и того, чтобы дружеские отношения не превращались в сильную вражду; ведь на этой почве зарождаются оскорбления, злоречие, клевета. Однако если все это будет еще терпимо, то надо будет переносить это во имя прежней дружбы, так чтобы был виноват наносящий оскорбления, а не терпящий их. Вообще охранить себя от всех этих дурных последствий и неприятностей и пред-

отвратить их возможно лишь одним путем: не начинать чересчур быстро дарить свое расположение, и притом людям недостойным.

(79) Достойны дружбы люди, которым присуще то, за что их можно любить. Они встречаются редко; впрочем, все прекрасное редко, а самое трудное — найти что-нибудь такое, что было бы во всех отношениях совершенным в своем роде. Но большинство людей не видит в делах человеческих ничего хорошего, кроме того, что им выгодно, а друзей, как и домашних животных, они особенно любят тех, из которых надеются извлекать наибольшую пользу.

(80) Таким образом, они бывают лишены прекраснейшей и наиболее естественной дружбы, которой люди ищут ради нее самой и по причине ее самой, и не постигают на своем собственном опыте, в чем сущность и ценность этой дружбы. Ведь каждый любит сам себя, и не для того, чтобы самому извлекать какую-нибудь пользу из своей любви к самому себе, но так как каждый сам себе дорог. Если такое же отношение не будет переноситься на дружбу, то истинного друга не найти никогда; ведь истинный друг — как бы «второе я»¹²². (81) Это проявляется у зверей, у пернатых, у рыб, у диких и прирученных животных, у хищников: во-первых, они любят себя (ведь это чувство зарождается одновременно с появлением каждого одушевленного существа); во-вторых, они всячески стремятся к животным той же породы, чтобы соединиться с ними; они делают это с естественным побуждением и с каким-то подобием человеческой любви. Но насколько естественнее чувство это у человека, который и сам любит себя, и ищет другого человека, чью душу он настолько сливает со своей, что делает как бы из двух душ одну!¹²³

(XXII, 82) Но бóльшая часть людей поступает неправильно (чтобы не сказать — бессовестно): они хотят иметь таких друзей, какими сами они быть не могут, и требуют от друзей того, чего сами им не дают. Между тем справедливо, чтобы ты сначала сам был честным человеком, а уже потом искал другого, подобного тебе. Между такими людьми и может укрепиться та прочная дружба, о которой мы говорим все это время, — когда люди, объединенные благожелательностью, сначала преодолевают страсти, которым служат другие, а затем с радостью устанавливают между собой равенство и справедливость, причем один все берет на себя ради другого и никогда не требует от другого ничего, кроме нравственно-прекрасного и справедливого, и они не только почитают и любят, но и уважают друг друга. Ведь наибольшего украшения лишает дружбу тот, кто из нее устраняет уважение.

(83) Поэтому пагубному заблуждению поддаются те, кто думает, что в дружбе широко открыт путь к разврату и всяческим проступкам; дружба дана нам природой как помощница в доблестях, а не как спутница в пороках, дабы доблесть, так как она, будучи одинока, не может достигнуть своей высшей задачи, достигала ее, объединившись с дружбой. Если такой союз между несколькими людьми либо существует, либо существовал, либо будет существовать, то их содружество надо признать самым лучшим и самым счастливым на пути к высшему благу природы. (84) Та-

ков, повторяю, этот союз, которому присуще все то, чего люди находят нужным добиваться: нравственная красота, слава, душевный покой и радость, так что, когда все это налицо, жизнь наша счастлива, а без этого быть счастлива не может. И так как это — наилучшее и наибольшее благо, то, если мы хотим его достигнуть, мы должны упражняться в доблести, без которой нам не достигнуть ни дружбы, ни какого бы то ни было другого предмета своих стремлений; презрев доблесть, люди, думающие, что у них есть друзья, убеждаются в своем заблуждении лишь тогда, когда какое-нибудь их несчастье будет испытанием для этих друзей.

(85) Поэтому (ведь говорить это надо почаще) нужно себе составить мнение о человеке, прежде чем его полюбить, а не полюбить его до того, как составишь себе мнение о нем. Но как во многих других случаях мы платимся за свою неосторожность, так более всего в выборе друзей и в своей привязанности к ним. Мы задним умом крепки и «делаем то, что уже сделано», как говорит старинная поговорка¹²⁴. Ведь мы, взаимно связанные с этими людьми как повседневным общением, так и услугами, на середине пути, из-за какой-нибудь неприятности, неожиданно разрываем дружеские отношения.

(XXIII, 86) Тем большего порицания заслуживает столь беззаботное отношение к делу чрезвычайно важному. Ведь одну только дружбу среди всех прочих отношений между людьми все в один голос восхваляют за ее полезность, хотя многие самой этой доблестью пренебрегают и называют ее в какой-то мере показной и притворной. Ведь богатства презирают многие; это — те, кто довольствуется малым и кого радуют скудная пища и суровый образ жизни. Что касается магистратур, жаждой которых кое-кто воспаляется, то как много людей их презирает, полагая, что нет ничего более пустого, ничего менее надежного! Также и остальное, что кое-кому кажется восхитительным, очень многие не ставят ни во что. Что касается дружбы, то решительно все — и те, кто себя посвятил государственной деятельности, и те, кого услаждают познание и наука, и те, кто на досуге занимается своими делами¹²⁵, наконец, те, кто всецело предался наслаждениям, — одного и того же мнения: без дружбы не существует жизни, конечно если люди хотят жить достойно¹²⁶.

(87) Ибо дружба неведомым образом проникает в жизнь всех людей и ни одному поколению не позволяет обходиться без нее. Более того, если бы кто-нибудь отличался таким суровым и диким нравом, что избегал бы общения с людьми и ненавидел его, — таков, по преданию, в Афинах был некий Тимон¹²⁷, — то такой человек все-таки не утерпел бы, чтобы не поискать кого-нибудь, перед кем он мог бы извергнуть яд своего озлобления. И мы оценили бы это лучше всего в том случае, если бы могло произойти так, чтобы какое-нибудь божество удалило нас из общества людей и поместило где-нибудь в пустыне и там, снабжая нас в полном изобилии всем тем, чего требует природа, лишило нас всякой возможности видеть человека. Кто обладал бы таким каменным сердцем, что смог бы перенести подобную жизнь, и у кого одиночество не отняло бы способности испытывать какие бы то ни было наслаждения?

(88) Поэтому справедливо то, что — если не ошибаюсь — говаривал Архит Тарентский¹²⁸; я слышал это от наших стариков, которые, в свою очередь, слышали это от других стариков: «Если бы кто-нибудь поднялся на небеса и обозрел устройство вселенной и великолепие светил, то это изумительное зрелище¹²⁹ его бы не очаровало; оно было бы гораздо приятнее ему, если бы нашелся человек, которому он мог бы рассказать об этом». Так природа не любит полного одиночества и всегда ищет какой-нибудь опоры. И именно это — самое приятное в каждом близком друге.

(XXIV) Но хотя все та же природа столькими знаками дает нам понять, чего она хочет, ищет, жаждет, мы все-таки почему-то становимся туги на ухо и уже не слышим ее предостережений. Ведь различны и многообразны отношения между друзьями, и в них возникает много поводов для подозрений и обид; в одних случаях их избегать, в других не придавать им значения, в третьих их переносить — вот что свойственно мудрому человеку; порой надо и стерпеть обиду, дабы сохранить в дружбе пользу и веру. Ибо друзей часто приходится и наставлять, и порицать, и все это надо принимать по-дружески, когда это делается доброжелательно¹³⁰.

(89) Но почему-то справедливо то, что в «Девушке с Андроса» говорит мой друг¹³¹:

... друзей

Уступчивость родит, а правда — ненависть.

Правда тяжела, так как она порождает ненависть, которая отравляет дружбу; но уступчивость гораздо тяжелее, так как она, потворствуя проступкам, позволяет другу нестись к пропасти. Величайшая вина, однако, тяготеет на том, кто презирует правду и кого уступчивость толкает на обман. Во всем этом, следовательно, нужны разумность и внимательность — прежде всего чтобы предостережения не были суровы, а затем чтобы порицания не были оскорбительны; но в «уступчивости», — так как я охотно повторяю слова Теренция, — пусть чувствуется приветливость: лезть же, пособница пороков, да будет изгнана, она, которая недостойна, уже не говорю — друга, но вообще свободного человека¹³². Ведь одно дело — жить под властью тирана, другое — в общении с другом.

(90) Что касается человека, чьи уши закрыты для правды, так что он не может слышать правду от друга, то спасти его безнадежно. Хорошо известны и следующие слова Катона (как и многие другие): «Суровые недруги оказывают некоторым людям услуги большие, чем те, какие оказывают друзья, которые кажутся нам мягкими; первые говорят правду часто, вторые — никогда». При этом, вопреки здравому смыслу, предостерегаемые не испытывают неудовольствия, какое должны были бы испытывать, а испытывают такое, от какого они должны были быть свободны; ибо о проступке своем они не сожалеют, но порицание за него им в тягость; уместным было бы противоположное: по поводу вины своей печалиться, поучению радоваться.

кто будет любить человека, которого он боится, или человека, который

(XXV, 91) И вот, как истинной дружбе свойственно и предостерегать, и слышать предостережения, чтобы при этом один высказывал их откровенно, но не сурово, а другой терпеливо и без строптивости их принимал, так самой сильной пагубой в дружеских отношениях надо считать лесть, слащавость, поддакивание; впрочем, есть много названий, какими можно заклеймить этот порок ничтожных и лживых людей, говорящих все что угодно, чтобы доставить удовольствие, и ничего — чтобы сказать правду. (92) Если притворство порочно всегда (ведь оно делает невозможным правдивое суждение и его извращает), то дружбе оно препятствует более всего: оно уничтожает правдивость, без которой название «дружба» не может иметь силы. Ибо если смысл дружбы в том, чтобы многие души как бы сливались в одну, то как это станет возможным, если даже в одном человеке не будет души единой и всегда одной и той же, но она будет разной, переменчивой, многообразной? (93) И право, что может быть столь непостоянным, столь уклончивым, как душа человека, повинующегося, уже не говорю — чувству и воле другого, но даже выражению его лица и его кивку?

«Да» — и я «да»; «нет» — и я «нет». Взял себе за правило
То в конце концов я, чтоб им во всем поддакивать,—

как говорит все тот же Теренций, но от лица Гнафона¹³³. Приобретать себе друзей в таком роде, право, свойственно только пустым людям. (94) Есть много людей, подобных Гнафону, хотя они и выше, чем он, по своему происхождению, богатству и положению; их поддакивание неприятно, всякий раз как к их суетности присоединяется авторитет.

(95) Отличить льстивого друга от истинного и раскусить его возможно, приложив к этому внимание, так же, как отличить все напускное и притворное от искреннего и правдивого. Народная сходка, состоящая из совершенно неискушенных людей, все-таки обыкновенно оценивает различие между популяром, то есть склонным к поддакиванию и ничтожным гражданином¹³⁴, и стойким, суровым и строгим. (96) Какой только лести не вливал недавно Гай Папирий в уши народной сходке, предлагая закон о переизбрании плебейских трибунов!¹³⁵ Я высказался против его предложения. Но о себе говорить не буду; лучше скажу о Сципионе. Как велика — бессмертные боги! — была его строгость, каково было его величие, когда он произносил речь! Его вполне можно было бы назвать вождем римского народа, а не его спутником. Вы ведь присутствовали при этом, и речь его в руках у всех. И вот, угодный народу закон был отвергнут голосованием народа. Далее,— вернусь к себе,— вы помните, каким угодным народу в год консулата Квинта Максима, брата Сципиона, и Луция Манцина¹³⁶ казался закон Гая Лициния Красса о жречествах¹³⁷. Ведь кооптация в коллегии передавалась в ведение народа. К тому же Красс первым начал обращаться к народу, говоря на форуме¹³⁸. И все-таки его льстивую речь легко победил страх перед бессмертными богами, защитником которых был я. И это произошло в год моей

претуры, за пять лет до моего избрания в консулы; так спор был разрешен скорее самим существом дела, а не высшим авторитетом оратора.

(XXVI, 97) И если на сцене, то есть на народной сходке, на которой для вымыслов и намеков очень много места, все-таки обладает силой правда, если она раскрыта и выявлена, то что же должно происходить в дружеских отношениях, которые всецело взвешиваются на весах правды, в дружбе, в которой,—если ты, как говорится, не увидишь открытого сердца¹³⁹ и не покажешь другу своего сердца,—не будет ничего верного, ничего испытанного, причем даже в вопросе, любишь ли ты и любят ли тебя, не будешь знать, насколько это искренно? Впрочем, поддакивание само по себе, хотя и пагубно, повредить все-таки никому не может, разве только тому, кто его принимает и им наслаждается. Таким образом, к речам поддакивающих людей более всего преклоняет свой слух тот, кто поддакивает себе сам и более всего сам этим наслаждается. (98) Доблесть, вообще говоря, любит сама себя; ведь она превосходно знает себя и понимает, сколь она достойна любви. Впрочем, я теперь говорю не о доблести, а о воображаемой доблести. Ведь быть наделенными доблестью желает меньшее число людей, чем число тех, кто желает доблестным казаться. Вот этих людей и наслаждает поддакивание; вот они, слыша слова, придуманные в соответствии с их желанием, считают эти пустые речи свидетельством их заслуг. Следовательно, это вовсе не дружба, когда один не хочет слышать правды, а другой готов лгать. Поддакивание паразитов в комедиях не казалось бы нам остроумным, не будь на свете хвастливых воинов¹⁴⁰:

Ну что, Фаида очень благодарна мне?

Было бы достаточно ответить: «Очень»; он отвечает: «Безмерно». Склонный к поддакиванию все всегда преувеличивает в угоду своему слушателю.

(99) Поэтому, хотя эта ласковая льстивость имеет успех особенно у тех людей, которые сами на нее напрашиваются и ее вызывают, даже людям более строгих взглядов и более стойким все же надо советовать быть настороже, дабы не поддасться на это хитрое поддакивание. Ведь открытого льстеца видит каждый, за исключением разве только круглых глупцов; что касается хитрого и скрытного, то надо всячески остерегаться его и не давать ему втереться к нам в доверие. Ведь узнать его вовсе не легко: он, даже противореча нам, часто поддакивает и лебезит в притворном споре, а под конец сдается и признает себя побежденным,—дабы тому, над кем он издевался, показалось, что сам он был более дальновиден. Но что может быть более позорным, чем позволить издеваться над собой? Надо всячески стараться, чтобы этого не случилось.

Меня ты нынче, закрутив, надула тоньше,

Чем всех преглупых старичков в комедиях¹⁴¹.

(100) Ведь даже в комедиях это глупейшая роль — недалеких и легковверных стариков. Но каким-то образом речь моя от дружеских отношений между совершенными, то есть мудрыми, людьми (я говорю именно

о той мудрости, которая, по-видимому, может стать уделом человека) отклонилась к вопросу о пустых дружеских отношениях. Поэтому возвратимся к первым и на них закончим.

(XXVII) Доблесть, повторяю, доблесть, Гай Фанний и Квинт Муций, и создает, и оберегает дружеские отношения. На ней ведь основано согласие, на ней — стойкость, на ней — постоянство; всякий раз, как она проявляется и проливает свой свет и то же самое видит и узнает в другом человеке, она с ним сближается и, в свою очередь, воспринимает то, что свойственно другому; так разгорается приязнь или дружба (ведь оба эти слова произошли от слова «любить»¹⁴²); но «любить» означает не что иное, как быть расположенным именно к тому, кого любишь, ни в чем не испытывая нужды, не добиваясь никакой пользы для себя; последняя сама расцветает из дружбы, даже если ты не искал ее.

(101) С такой благожелательностью мы в молодости почитали стариков — Луция Павла, Марка Катона, Гая Гала, Публия Насику¹⁴³, Тиберия Гракха¹⁴⁴, тестя нашего Сципиона; она еще ярче светит среди ровесников, например в отношениях между мною и Сципионом, Луцием Фурием, Публием Рупилием, Спурием Муммием. В свою очередь, мы в старости находим покой в привязанности молодых людей, например в вашей, в привязанности Квинта Туберона. Я, со своей стороны, нахожу радость в близкой дружбе с очень молодым Публием Рутилием¹⁴⁵ и с Авлом Вергинием¹⁴⁶. И так как наша жизнь и наша природа устроены так, что одно поколение сменяет другое¹⁴⁷, то более всего следует желать достигнуть, как говорится, известковой черты¹⁴⁸ вместе с теми ровесниками, с которыми ты был как бы выпущен из стойл.

(102) Но так как дела человеческие непрочны и шатки, то всегда надо искать людей, которых мы любили бы и которые любили бы нас. Ведь если уничтожить привязанность и доброжелательность, то жизнь утратит всякую привлекательность. Лично для меня Сципион, хотя его и отняли у нас безвременно, все-таки жив и будет жив всегда; ибо я любил доблесть этого мужа, а она не угасла. И не перед моим только взором стоит она, не только предо мною, который ее всегда как бы осязал, но и для потомков она будет светла и блистательна. Всякий, кто когда-то возьмет на себя, с мужеством или с надеждой, какое бы то ни было значительное дело, вызовет в своей памяти образ Сципиона.

(103) Я, со своей стороны, не обладаю ничем таким, что мог бы сравнить с дружбой Сципиона: в ней я нашел согласие в государственных делах, в ней — советы насчет своих личных дел, в ней же — отдохновение, преисполненное радости¹⁴⁹. Ни разу не обидел я его, насколько я знаю, даже каким-нибудь пустяком, и сам я никогда не услышал от него ничего неприятного. У нас был один дом, одна пища за одним и тем же столом. Не только походы, но и путешествия и жизнь в деревне были у нас общими.

(104) Надо ли мне говорить о наших неизменных стараниях всегда что-нибудь познавать и изучать, когда мы, вдалеке от взоров народа, тратили на это все свои досуги? Если бы живые воспоминания об этом

исчезли вместе с ним, то я никак не смог бы перенести тоску по этому мужу, связанному со мною так тесно и так сильно любившему меня. Но они не исчезли; напротив, они усиливаются и растут благодаря моим размышлениям и воспоминаниям. А если бы я был даже полностью их лишен, то все-таки самый возраст мой служит для меня большим утешением. Ведь предаваться этой тоске очень долго я уже не смогу, а все кратковременное мы должны переносить, даже если оно тяжело.

Вот все то, что я хотел сказать вам о дружбе. А вам я советую ценить доблесть, без которой дружбы быть не может, столь высоко, чтобы, кроме нее, не ставить ничего выше дружбы.

ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ

*

[Октябрь — декабрь 44 г.]

КНИГА ПЕРВАЯ

(1, 1) Хотя ты, сын мой Марк¹, слушая Кратиппа уже в течение года и притом в Афинах, должен отлично знать наставления и положения философии и ввиду необычайного авторитета своего учителя, и ввиду [обаяния] этого города (первый может обогатить тебя знаниями, второй — примерами), все же, раз сам я, с пользой для себя, [интерес ко всему] латинскому всегда сочетал в себе [с интересом ко всему] греческому² и поступал так не только в философии, но и при упражнениях в ораторском искусстве, то так же, по моему мнению, следует поступать и тебе, чтобы быть одинаково способным говорить на обоих языках. Именно в этом я, по-видимому, оказал своим соотечественникам большую помощь, так как не только люди, в греческой литературе несведущие, но и люди, ее изучившие, думают, что они кое-что приобрели и в отношении своего образования, и в отношении своей способности судить. (2) Поэтому ты будешь учиться у главы философов нашего поколения и учиться столько времени, сколько захочешь, а хотеть этого ты должен будешь, пока останешься удовлетворен своими успехами. Все же ты, читая мои сочинения, несколько расходящиеся со взглядами перипатетиков³, так как и они, и я хотим быть последователями Сократа и Платона, в этих вопросах будешь руководствоваться своим собственным суждением (ведь я вовсе не препятствую тебе в этом); но латинскую речь свою ты, читая мои труды, конечно, обогатишь. При этом я вовсе не хочу, чтобы это мое высказывание сочли заносчивым. Ведь если я, уступая в знании философии многим людям, себе приписываю то, что свойственно оратору, — умение говорить к месту, точно и краснó⁴, так как занятию этому я посвятил всю свою жизнь, то я, мне кажется, притязая на это, так сказать, по праву. (3) Поэтому настоятельно советую тебе, мой дорогой Цицерон, внимательно читать мои не только речи, но и книги по философии, которые теперь приобрели почти такое же значение. Сила слова в первых, правда, больше, но надо упражняться и в уравновешенном и умеренном роде речи. И я, право, не вижу, чтобы кому-нибудь из греков до настоящего времени удалось одновременно подвизаться на обоих поприщах и владеть и судебным красноречием, и умением спокойно рассуждать. К числу таких людей можно отнести разве только Деметрия Фалерского⁵, мастера тонко рассуждать, а оратора не особенно блестящего, но все-таки приятного, так что в нем

можно узнать ученика Феофраста⁶. Что касается меня, то, насколько преуспел в обоих этих отношениях я, пусть судят другие; во всяком случае, я занимался и тем, и другим. (4) Лично я думаю, что Платон⁷, если бы захотел посвятить себя судебному красноречию, мог бы говорить весьма убедительно и с очень большим богатством языка, а Демосфен⁸, если бы он сохранил все то, чему научился у Платона, и пожелал это излагать, мог бы делать это краснó и блистательно. Такого же мнения я об Аристотеле⁹ и об Исократе¹⁰; и тот и другой, увлеченные каждый своим занятием, с презрением отнеслись к другому.

(II) Но так как я решил написать кое-что для тебя в настоящее время и еще многое в будущем, хочу начать именно с того, что более всего соответствовало бы и твоему возрасту и моему авторитету. Ибо, хотя в философии многие важные и полезные вопросы были тщательно и подробно рассмотрены философами, широчайшее распространение, мне кажется, находит то, что они завещали и преподавали нам насчет обязанностей. Ведь ни одна сторона нашей жизни — ни дела государственные, ни частные, ни судебные, ни домашние, ни случай, когда ты ставишь вопрос перед самим собой, ни случай, когда ты заключаешь соглашение с ближним, — не может быть свободна от обязанности. И в служении ей вся нравственная красота жизни; в пренебрежении к ней позор. (5) Именно эти вопросы общи всем философам. И действительно, кто, преподавая правил насчет обязанностей, осмелится называть себя философом? Но существуют учения, которые предложенными ими границами добра и зла уничтожают всякое понятие об обязанности¹¹. Ибо человек, определяющий высшее благо как нечто, не имеющее ничего общего с доблестью, и измеряющий его своими выгодами, а не его нравственной красотой, такой человек, если останется верен себе и не будет иногда уступать своей доброй натуре, не сможет служить ни дружбе, ни справедливости, ни щедрости. Но человек, считающий высшим злом боль, конечно, никак не может быть храбрым, а человек, признающий высшим благом наслаждение, — воздержным. (6) Хотя это настолько очевидно, что в рассмотрении не нуждается, я все-таки рассмотрел это в другом месте¹². Итак, школы эти, если бы они захотели оставаться последовательными, сказать об обязанности не смогли бы ничего; твердые, нерушимые и сообразные с природой наставления могут преподавать либо те люди, по чьему утверждению надо стремиться к одной только нравственной красоте, либо те, по чьему утверждению надо стремиться, главным образом, к ней ради нее самой¹³. Преподавание в таком духе свойственно стоикам, академикам и перипатетикам, так как учения Аристона, Пиррона и Эрилла уже давно отвергнуты¹⁴; однако философы эти были бы вправе рассуждать об обязанности, если бы они сохранили какую-либо возможность различать понятия, так что был бы доступ к открытию обязанности. Итак, я, во всяком случае, в настоящее время в этом вопросе следую преимущественно стоикам и притом не как их переводчик; нет, я, по своему обыкновению, буду черпать из этих источников по своему суждению и разумению, сколько и как найду нужным.

(7) Итак, раз все наше рассуждение будет об обязанности, я прежде всего найду нужным определить, что такое обязанность; то обстоятельство, что Панэтий пропустил это, меня удивляет¹⁵. Ведь отправной точкой всякого последовательного изучения любого вопроса должно быть определение, дабы можно было понять, о чем именно рассуждают. (III) Всякое исследование об обязанности — двоякое: с одной стороны, оно имеет в виду предел добра¹⁶; с другой стороны, оно состоит в наставлениях, которыми мы могли бы во всем руководствоваться в повседневной жизни. Вот примеры, относящиеся к первой стороне вопроса: все ли обязанности «совершенны», может ли одна обязанность быть значительнее другой и какие обязанности одинаково важны? Что касается наставлений, преподаваемых насчет обязанностей, то, хотя они и относятся к пределу добра, это все-таки не проявляется, так как они, по-видимому, больше относятся к повседневной жизни. Вот о них-то мне и предстоит дать разъяснения в этих книгах.

(8) Но есть и другое деление понятия обязанности. Ведь говорят о, так сказать, «средней» обязанности и о «совершенной». «Совершенную» обязанность мы, думается мне, можем назвать прямой, так как греки называют ее *κατόρθωμα*, в то время как обыкновенную, которой мы здесь занимаемся, они называют *καθήκον*. Греки определяют их так: то, что является прямым, они определяют как «совершенную» обязанность; «средней» обязанностью они называют такую, исполнению которой можно дать вероятное объяснение¹⁷. (9) Таким образом, по мнению Панэтия, рассуждение о принятии решения бывает трояким. Ибо насчет того, прекрасен ли в нравственном отношении или позорен поступок, который становится предметом обсуждения, возможно сомневаться; при рассмотрении этого вопроса мнения часто противоположны. Но затем мы ставим перед собой и рассматриваем вопрос: благоприятствует ли предмет нашего рассуждения достатку и приятности нашей жизни, средствам нашего существования и богатствам, влиянию, могуществу — всему тому, чем люди могли бы помогать себе и своим близким? Это рассуждение целиком относится к вопросу о пользе. Третий вид сомнений — когда с нравственно-прекрасным, как нам кажется, борется то, что нам кажется полезным; ведь когда польза, как нам кажется, привлекает к себе, а нравственная красота, со своей стороны, призывает к себе, то это приводит к тому, что в нашей душе при рассуждении об этом появляется неуверенность, приносящая нам мучительные соображения за и против. (10) При этом делении, когда пропустить что-либо — величайшая ошибка, два обстоятельства были пропущены. Ведь обыкновенно рассуждают не только о том, прекрасен ли в нравственном отношении тот или иной поступок или позорен, но и о том, который из двух предстоящих нам прекрасных поступков более прекрасен; также и о том, который из двух предстоящих нам полезных поступков более полезен. И вот оказывается, что деление, которое Панэтий признал трояким, должно совершаться по пяти путям. Итак, первый из них относится к нравственно-прекрасному, но и он двоякий; далее,

таким же образом надо будет рассмотреть вопрос о полезном, а после этого сравнить одно с другим.

(IV, 11) Прежде всего, каждому виду живых существ природа даровала стремление защищаться, защищать свою жизнь, то есть свое тело, избегать всего того, что кажется вредоносным, и приобретать и добывать себе все необходимое для жизни, как пропитание, пристанище и так далее. Общи всем живым существам стремление соединяться ради того, чтобы производить на свет потомство, и забота об этом потомстве. Но наибольшее различие между человеком и зверем состоит в том, что зверь передвигается настолько, насколько им движут его чувства, и приспособляется только к окружающим его условиям, очень мало думая о прошлом и о будущем. Напротив, человек, наделенный разумом, благодаря которому он усматривает последовательность между событиями, видит их причины, причем предшествующие события и как бы предтечи не ускользают от него; он сравнивает сходные явления и с настоящим тесно связывает будущее, с легкостью видит все течение своей жизни и подготавливает себе все необходимое, чтобы прожить. (12) Эта же природа силой разума сближает человека с человеком, имея в виду их общую речь и совместную жизнь, и прежде всего внушает ему, так сказать, особенную любовь к потомству, заставляет его желать, чтобы существовали объединения и скопления людей, в них участвовать и, с этими целями, стараться приобрести все необходимое для своих удобств и существования, и притом не только для себя, но и для жены, детей и других людей, которых он любит и должен оберегать; такая забота воодушевляет людей и придает им силы для деятельности. (13) Человеку свойственна прежде всего склонность изучать и исследовать истину. И вот, когда мы свободны от неизбежных занятий и забот, мы хотим что-нибудь видеть, слышать, изучать и находим нужным — для того, чтобы жить счастливо,— познавать вещи либо скрытые от нас, либо изумительные¹⁸. Из этого возможно понять, что для человеческой природы более всего подходит все истинное, простое и искреннее. К этому желанию видеть истинное присоединяется стремление главенствовать, так что человек, хорошо одаренный от природы, соглашается повиноваться только человеку либо наставляющему, либо обучающему его, либо справедливо и законно повелевающему им для общей пользы; так возникают величие духа и презрение к делам человеческим. (14) И это совсем не малая сила его природы и разума — в том, что только одно это живое существо чувствует, что такое порядок, что такое подобающее, какова мера в поступках и высказываниях. И вот, никакое другое живое существо не воспринимает ни красоты, ни привлекательности, ни соразмерности частей всего того, что воспринимается взглядом; природа и разум, перенося это изображение от глаз к душе, находят нужным в гораздо большей степени сохранять красоту, стойкость и порядок в намерениях и поступках и стараются не допускать ничего некрасивого и развратного ни в помыслах, ни в поступках,— чтобы человек ничего не сделал и не задумал, будучи охвачен страстью. Из всего этого слагается и создается то, чего мы ищем,— нравственно-прекрасное, которое, даже если и не встретило

всеобщего одобрения, все-таки в нравственном отношении прекрасно, и мы по справедливости называем это — даже если этого не прославляет никто — по его существу достойным прославления.

(V, 15) Ты видишь уже, сын мой Марк, очертания и как бы лицо нравственной красоты, «которое, будь оно видимо глазом, вызывало бы,— говорит Платон,— необычайную любовь к мудрости»¹⁹. Но все то, что прекрасно в нравственном отношении, происходит от одной из четырех основ; оно состоит либо в способности и искусстве видеть истину, либо в защите человеческого общества, в воздаянии каждому по его заслугам и в верности взятым на себя обязательствам, либо в величии и силе возвышенного и непобедимого духа, либо в порядке и мере, относящихся ко всему тому, что совершается и говорится; на этом зиждутся умеренность и воздержность. Хотя эти четыре основы связаны и переплетены между собою, все же из каждой из них возникают определенные виды обязанностей; так, в ту основу, которая была названа первой, в ту, к которой мы относим мудрость и дальновидность, входят исследование и открытие истины, и именно такая задача свойственна этой доблести. (16) В той мере, в какой каждый человек лучше всего различает, что в каждой вещи самое истинное, и в какой каждый способен отчетливее и быстрее других увидеть и объяснить ее значение, он по справедливости обыкновенно и считается дальновиднейшим и мудрейшим. Вот почему доблести этой подвластна истина, как бы материя, к которой она относится и среди которой находится. (17) На три другие доблести была возложена неперемнная задача создавать и оберегать все нужное для поддержания деятельной жизни, дабы сохранялись общество и объединение людей и выявлялись выдающиеся качества и величие души человека — как в увеличении средств и накоплении полезных вещей для него и его родных, так и, в гораздо большей степени, в презрении именно к этим средствам. Но порядок, стойкость, умеренность и подобные им качества относятся к области нравственной красоты, которая требует деятельности, а не одних только размышлений. И мы, соблюдая в повседневной жизни некоторую меру и порядок, сохраним свою нравственную красоту и все нам подобающее.

(VI, 15) Из четырех положений, на какие мы разделили сущность и смысл нравственной красоты, первое, состоящее в познании истины, более всего относится к человеческой природе. Ведь всех нас влечет к себе и ведет горячее желание познавать и изучать, и мы находим прекрасным превосходить других на этом поприще. Напротив, ошибаться, заблуждаться, не знать, обманываться, как мы говорим, дурно и позорно²⁰. В этом роде деятельности, и естественном, и нравственно-прекрасном, надо избегать двух ошибок; первая состоит в том, что непознанное принимают за познанное и опрометчиво с этим соглашаются. Кто захочет избежать этой ошибки (хотеть этого должны все), тот затратит на рассмотрение тех или иных вопросов должное время и прилежание. (19) Другая ошибка состоит в том, что некоторые прилагают чересчур большое старание и чересчур много труда к познанию темных и трудных предметов, в то же

время не нужных нам. Избегнув этих ошибок, мы по справедливости прославим труд и старания, которые будут приложены в вопросах нравственно-прекрасных и достойных познания. Например, как об астрологе мы слышали о Гае Сульпиции²¹, как геометра мы сами знали Секста Помпея²²; многие известны нам в диалектике, еще большее число людей — в гражданском праве. Все эти науки направлены на исследование истины, но при изучении их отвлекаться от ведения дел противно долгу. Ведь вся заслуга доблести состоит в деятельности²³; но последнюю часто прерывают, и многим людям дается возможность вернуться к изучению; вот тогда умственная деятельность, никогда не знающая покоя, может сохранить нас верными занятиям по познанию даже и без усилий с нашей стороны. И тогда все помыслы наши и движения нашей души будут направлены либо на принятие решений о делах нравственно-прекрасных и относящихся к хорошей и счастливой жизни, либо на занятия, связанные с наукой и познанием. Итак, о первом источнике обязанности мы сказали.

(VII, 20) Из трех остальных самое широкое применение имеет положение, охватывающее узлы между самими людьми и как бы общность их жизни. Это положение делится на два: на справедливость, в которой блеск доблести — величайший и на основании которой честные мужи и получают свое название, и на связанную с ней готовность творить добро, которую тоже дозволяется называть либо добротой, либо щедростью. Но первая задача справедливости — в том, чтобы никому не наносить вреда, если только тебя на это не вызвали противозаконием²⁴; затем — в том, чтобы пользоваться общественной [собственностью] как общественной, а частной — как своей. (21) Ведь частной собственности не бывает от природы. Она возникает либо на основании давнишней оккупации, например, если люди некогда пришли на свободные земли²⁵, либо в силу победы, например, если землей завладели посредством войны, либо на основании закона, соглашения, условия, жребия. Таким образом, Арпинская область называется принадлежащей арпинатам, Тускулская — принадлежащей тускуланцам, нечто подобное бывает и при распределении частных владений. Ввиду этого, — так как частная собственность каждого из нас образуется из того, что от природы было общим, — пусть каждый владеет тем, что ему досталось; если кто-нибудь другой посягнет на что-нибудь из этого, он нарушит права человеческого общества. (22) Но поскольку мы, как превосходно написал Платон²⁶, родились не только для себя, и поскольку на наше существование притязают отчасти наше отечество, отчасти наши друзья, и поскольку — по воззрениям стоиков — земные плоды все произрастают на потребу человеку, а люди рождены ради людей, дабы они могли быть полезны друг другу, то мы должны в этом следовать природе как руководительнице, служить общим интересам, обмениваясь услугами, давая и получая, и знаниями своими, трудом и способностями крепко связывать человеческое общество. (23) Далее, основание для справедливости — верность, то есть стойкость и правдивость в словах и принятых на себя обязательствах. Итак, хотя это кое-кому, быть может, покажется несколько трудным, все-таки решимся подражать

стойкам, ревностно старающимся узнать происхождение слов, и поверим тому, что верность [fides] была названа так потому, что сказанное делается [fit] ²⁷.

Но несправедливость бывает двух видов: один — со стороны тех, кто совершает ее; другой — со стороны тех, кто, хотя и может, не отводит противозакония от тех, по отношению к кому его совершают. Ведь тот, кто, охваченный гневом или каким-либо другим тревожением, противозаконно нападает на кого-нибудь, как бы налагает руку на члена общества; но тот, кто последнего не защищает и с противозаконием не борется, когда может, совершает такой же проступок, как если бы он без помощи оставил родителей, или друзей, или отечество. (24) Именно такие противозакония, которые совершаются умышленно, с целью нанести вред, часто порождаются страхом, когда тот, кто думает повредить ближнему, боится, что ему самому, если он этого не сделает, нанесут какой-нибудь ущерб. Но в подавляющем большинстве случаев люди вступают на путь противозакония, чтобы достичь того, чего они сильно пожелали. В этом проступке самым явным образом сказывается алчность. (VIII, 25) Люди добиваются богатства как ради удовлетворения насущных потребностей, так и ради того, чтобы доставлять себе наслаждения. У таких людей душа более широкая; в них жадность к деньгам направлена на достижение власти и на возможность оказывать благодеяния. Так Марк Красс ²⁸ недавно сказал, что у того, кто желает первенства в государстве, но содержать войско на свои доходы не может, денег далеко не достаточно. Людей услаждает великолепное убранство, как и изысканный образ жизни в сочетании с изобилием. Все это привело к безграничной жажде денег. Преумножение имущества, никому не причиняющее вреда, право, не заслуживает порицания, но всегда должно избегать противозакония. (26) Однако сильнее всего большинство людей доходит до забвения справедливости всякий раз, как ими овладевает желание империя, магистратур, славы. И слова Энния ²⁹:

..Нет священной общности,
Нет и верности во власти царской —

применимы к очень многим людям. Ибо во всем том, в чем многие не могут выдвинуться, соперничество так велико, что сохранить «священную общность» весьма трудно. Это недавно доказало безрассудство Гая Цезаря ³⁰, преступившего все божеские и человеческие законы ради того, что он для себя придумал в своем заблуждении, — ради принципата ³¹. В этом отношении прискорбно, что в самых великих душах и в самых блестящих умах в большинстве случаев возникает жажда магистратур, империя, могущества, славы. Тем более надо остерегаться подобного проступка. (27) Но при всякой несправедливости очень важно, как совершают ее: вследствие ли какого-либо душевного тревожения, большей частью недолгого и внезапного, или с заранее обдуманном намерением? Ведь то, что случается в связи с каким-нибудь неожиданным волнением, менее

тяжко, чем то, что совершают умышленно и после подготовки. Но о противозакониях сказано достаточно.

(IX, 28) Что касается неоказаня защиты и неисполнения долга, то причин для этого обыкновенно больше. Ибо люди не хотят ни вызвать вражду к себе, ни взять на себя труд или расходы, или же им их беспечность, леность, вялость, наконец, кое-какие стремления или занятия мешают в такой степени, что они мирятся с тем, что те, кого они должны защищать, оказываются покинутыми. Поэтому надо быть настороже и не удовлетворяться тем, что Платон сказал о философах³²: так как они заняты исследованием истины и так как то, чего большинство людей усильно добивается и из-за чего они обыкновенно с ожесточением сражаются, философы презирают и не ставят ни во что, то именно поэтому они и справедливы. Ведь они достигают одного вида справедливости — не причинять вреда противозаконием; но они не удовлетворяют другому виду справедливости: поглощенные своим стремлением изучать, они покидают тех, кого должны оберегать. Поэтому даже к государственным делам они, по мнению Платона, готовы приступить только по принуждению. Но было бы справедливее, чтобы это происходило добровольно; ведь именно то, что совершается должным образом, справедливо только при условии, что оно добровольно. (29) Бывают и люди, которые либо в своем стремлении сберечь свое имущество, либо, так сказать, из ненависти к людям³³ говорят, что они своими собственными делами заняты и, казалось бы, не причиняют ущерба никому. Первого вида несправедливости они не совершают, но допускают второй; ибо они отворачиваются от общественной жизни, так как не прилагают к ней ни стараний, ни труда, ни своих способностей.

И вот, так как мы, описав два вида несправедливости, дополнительно рассмотрели причины каждого из них, а до того установили, на чем справедливость основывается, то нам будет легко судить, какова будет наша обязанность при тех или иных обстоятельствах, если мы не будем чересчур себялюбивы. (30) Трудна ведь забота о чужих делах, хотя Хремет у Теренция и «находит, что ему не чуждо ничто человеческое»³⁴; но все же так как нас касающиеся счастливые и несчастные обстоятельства мы воспринимаем и чувствуем сильнее, чем обстоятельства, касающиеся других людей, которые мы видим как бы издалека, то о других людях и о себе мы и судим по-разному. Поэтому правильно учат те, кто запрещает какой бы то ни было поступок, если не знаешь, справедлив ли он; ведь справедливость светит сама по себе; сомнения свидетельствуют о противозаконных помыслах.

(X, 31) Но часто бывают обстоятельства, когда то, что кажется вполне достойным человека справедливого и такого, какого мы называем честным мужем, изменяется и становится свой противоположностью, например вернуть принятую на хранение вещь все еще безумному человеку, исполнить данное ему обещание; что касается всего того, что имеет отношение к истине и к верности слову, то иногда справедливо отказаться и не сдерживать своего слова. Подобаает ссылаться на те основы справедливости,

какие я установил вначале: во-первых, никому не причинять вреда; во-вторых, служить общей пользе. В связи с обстоятельствами это изменяется, изменяется также и обязанность и не всегда остается одной и той же. (32) Ведь случайно можно обещать что-нибудь такое и заключить такое соглашение, что исполнение было бы пагубным либо для того, кому было обещано, либо для того, кто обещал. Ведь если бы Нептун не исполнил того, что он, по преданию, обещал Тесею, то Тесей не потерял бы сына Ипполита; ибо из трех желаний, о которых говорится в сказаниях, это было третье, высказанное им в гневе,— насчет смерти Ипполита. После того, как оно было исполнено, Тесея охватила глубочайшая скорбь³⁵. Итак, нельзя исполнять обещания, пагубные для тех, кому ты что-то обещал, а если они для тебя более пагубны, чем полезны тому, кому ты их дал, то предпочесть лучший исход худшему не противоречит долгу. Так, если ты решил явиться как заступник³⁶ к слушанию дела в суде, а тем временем тяжело заболел твой сын, то не исполнить обещания не будет нарушением долга; скорее тот, кому обещание было дано, преступит свой долг, если станет жаловаться на то, что его покинули. Более того, кто не понимает, что не надо быть твердым в исполнении обещаний, которые человек дал вынужденный страхом, дал обманутый злым умыслом? Впрочем, от большинства таких обязательств нас освобождает преторское право³⁷, от некоторых — законы.

(33) Противозакония часто совершаются в связи, так сказать, с извращением права и в связи с его не в меру тонким, но злостным толкованием. Вот почему выражение: «Высший закон — высшее противозаконие» — уже стало избитой поговоркой³⁸. Много таких проступков совершается и в делах государственных; так поступил тот, кто, заключив перемирие с врагом на тридцать дней, по ночам опустошал его земли, так как заключенное перемирие будто бы относилось к дневному, но не к ночному времени³⁹. Не заслуживает одобрения также и наш соотечественник Квинт Фабий Лабен⁴⁰, если верно, что он или кто-то другой (ведь я говорю только на основании слухов), которого сенат назначил арбитром по проведению границ между Нолой и Неаполем, прибыв на место, убеждал отдельно обе стороны не проявлять жадности, не требовать лишнего и лучше отказаться от своего, чем пожелать чужого. Когда обе стороны исполнили это, между их землями осталась значительная полоса земли. Лабен провел их границы так, как они сами их указали; то, что осталось между их землями, он признал владениями римского народа. Это значит обмануть, а не рассудить. Поэтому во всяком деле надо избегать подобной изобретательности.

(XI, 34) Но некоторые обязанности надо исполнять даже по отношению к тем, кто нам причинил вред. Существует ведь мера в возмездии и наказании, и, пожалуй, будет достаточно, чтобы причинивший зло раскаялся в своем противозаконии — с тем, чтобы и сам он впредь не совершал ничего подобного, и чтобы другие были менее склонны к противозакониям⁴¹. Что касается государственных дел, то строже всего надо соблюдать право войны⁴². Так как существует два способа разрешать

споры, один — путем обсуждения, другой — силой, причем первый свойствен человеку, второй — диким зверям, то ко второму надо обращаться тогда, когда воспользоваться первым невозможно. (35) Поэтому войны надо начинать с целью, не совершая противозаконий, жить в мире⁴³; но после победы надо сохранять жизнь тем, кто во время войны не был ни жесток, ни свиреп; так, например, предки наши даже предоставили права гражданства тускуланцам, эквам, вольским, сабинянам и герникам, но Карфаген и Нуманцию разрушили до основания⁴⁴; к сожалению, они так же поступили и с Коринфом⁴⁵, но я думаю, что они руководствовались какими-то соображениями, главным образом, удобным местоположением города, — как бы со временем уже само местоположение не могло побудить жителей Коринфа начать войну. По моему личному мнению, всегда следует заботиться о сохранении мира, который не таил бы в себе ковов. Если бы насчет этого послушались меня⁴⁶, то у нас все-таки было бы хотя и не наилучшее, то все же какое-то государство, которого теперь нет. И если о тех, кого ты наголову разбил силой, надо заботиться, то тех, кто, сложив оружие, прибегнет к покровительству наших императоров, надо — хотя таран уже пробил стену их города⁴⁷ — принять под свою руку. В этом отношении справедливость была у нас в таком большом почете, что те, кто принимал под свое покровительство городские общины или народы, побежденные во время войны, становились, по обычаю предков, их патронами⁴⁸. (36) Понятие справедливой войны было строжайше определено фециальным уставом римского народа⁴⁹. Из этого можно понять, что справедливой может быть только такая война, которую ведут после предъявления требований или же предварительно возвести и объявили. Император Попилий ведал провинцией⁵⁰, а в его войске сын Катона⁵¹ служил как новобранец. И вот Попилий, признав нужным распустить один легион, уволил и сына Катона, служившего в этом легионе. Но когда тот, желая сражаться, остался в войске, то Катон обратился к Попилию с письмом, в котором просил его — если он согласится на то, чтобы юноша оставался в войске, — обязать его второй воинской присягой, так как, после того как первая утратила силу, он уже не был вправе сражаться с врагами. Вот как строго соблюдались правила при начале военных действий! (37) До нас дошло письмо старика Марка Катона к сыну Марку, где он пишет, что, по его сведениям, консул⁵² уволил его от службы, когда он как солдат находился в Македонии во время войны с Персеем. И вот отец предостерегает сына от участия в сражениях; по его утверждению, сын его, не будучи солдатом, не вправе сражаться с врагом.

(XII) Со своей стороны, обращаю внимание также и на то, что печальная действительность скрашивалась мягкостью слова, так как человека, по прямому значению наименования бывшего государственным преступником, называли гостем⁵³. Ведь в древности гостем называли того, кого мы теперь называем чужеземцем. В XII Таблицах⁵⁴ говорится: «... или день, назначенный для слушания дела с гостем», а также: «по отношению к гостю право заявлять

притязания имеет вечную силу»⁵⁵. Что еще можно прибавить к такой благожелательности — давать столь мягкое название тому, с кем ведешь войну? Впрочем, время уже придало этому названию некоторую жесткость: ибо оно уже перестало относиться к понятию «чужеземец» и сохранило свое значение только применительно к тому, кто идет на нас с оружием в руках.

(38) Но когда не на жизнь, а на смерть сражаются из-за владычества и, ведя войну, ищут славы, все-таки совершенно необходимо наличие тех же оснований, какие я только что назвал законными для объявления войны. Однако войны, в которых дело идет о славе нашей державы, надо вести, воздерживаясь от жестокости. Подобно тому, как при соперничестве между гражданами мы ведем себя по отношению к недругу не так, как по отношению к соискателю (с последним состязание происходит из-за магистратуры и высокого положения, с первым — из-за гражданских прав и доброго имени), так войну с кельтиберами, войну с кимврами⁵⁶ мы вели как войну с недругами — из-за того, кто из противников будет существовать, а не из-за того, кто из них будет повелевать; с латинянами, с сабинянами, с самнитами, с пунийцами и с Пирром мы сражались из-за владычества. Пунийцы нарушали договоры, жесток был Ганнибал⁵⁷, другие были справедливее. Что касается Пирра, то прекрасны были его слова насчет освобождения пленных⁵⁸:

Злата не требую я, и выкупа мне не давайте:
Ведь не торгуя войной, но идя военным походом,
Мы заспорим о жизни мечом, не златом, и вам ли,
Мне ли царить Судьба повелит и что принесет нам,—
Доблестью нам испытать. Так выслушай ты мое слово:
Раз их доблесть в бою пощадило военное счастье,
Их же свободу теперь и я пощажу непременно.
Их отдаю, уводите, дарю: всевышних то воля.

Решение подлинно царское и достойное рода Эакидов⁵⁹.

(XIII, 39) Даже если отдельные лица, вынужденные обстоятельствами, в чем-нибудь обязались перед врагом, то и в этом надо держать слово; например, во время первой пунической войны Регул⁶⁰ — после того, как он, взятый пунийцами в плен, был послан ими в Рим для переговоров об обмене пленными, — прежде всего, тотчас же по приезде, насчет возвращения пленных высказываться в сенате не стал⁶¹, а затем, хотя родные и друзья удерживали его, предпочел возвратиться, чтобы подвергнуться казни, но только не нарушать честного слова, данного им врагу. (40) Во время второй пунической войны десятерых пленников, которых Ганнибал после битвы под Каннами⁶² послал в Рим, клятвой обязав их возвратиться, если они не исходатайствуют выкупа пленных, цензоры, за совершенное ими клятвopеступление, всех пожизненно оставили в сословии эрарных трибунов⁶³, в том числе и того из них, который, давая клятву, навлек на себя вину, прибегнув к обману. Дело в том, что он,

покинув лагерь с дозволения Ганнибала, вскоре возвратился в него, так как он, по его словам, забыл взять какую-то вещь; выйдя из лагеря вторично, он считал себя уже свободным от клятвы; он был свободен от нее только на словах, но не в действительности. Ведь когда дело идет о честном слове, всегда надо думать о своем намерении, а не о своих словах. Величайший пример справедливости по отношению к врагу нам подали наши предки, когда перебежчик от Пирра обещал сенату, что он даст царю яд и умертвит его⁶⁴. Сенат и консул Гай Фабриций выдали перебежчика Пирру. Таким образом, они не одобрили преступного умерщвления даже врага, и притом могущественного, пошедшего войной на Рим по собственному почину. (41) Но об обязанностях, связанных с войной, сказано достаточно.

Вспомним также, что справедливость надо соблюдать и по отношению к людям, стоящим весьма низко. Самые низкие — положение и участь рабов, и правы те, кто советует обращаться с ними, как с наймитами: требовать от них труда, предоставлять им все положенное. Так как противозаконие совершается двумя способами, то есть либо насилием, либо обманом, то обман кажется свойственным жалкой лисице, а насилие — льву. И то и другое совершенно чуждо человеку, но обман более ненавистен. Из всех видов несправедливости все же наиболее преступна несправедливость со стороны тех, кто, прибегая к обману, старается казаться честными людьми⁶⁵. О справедливости сказано достаточно.

(XIV, 42) Теперь, как мы себе наметили⁶⁶, поговорим о благотворительности и щедрости. Из всех качеств именно эти наиболее свойственны натуре человека, но с многими оговорками. Прежде всего надо остерегаться, чтобы эта доброта не вредила именно тем людям, которым, как нам кажется, мы делаем добро, а также и другим людям; затем — чтобы доброта не превышала наших возможностей; далее, надо стараться воздавать каждому по его заслугам; это — основа справедливости; к ней и надо относить все это рассуждение. Ибо тех, кто оказывает людям милость, которая может повредить тому, кому, по-видимому, хотят принести пользу, надо признать не благодетелями и не щедрыми людьми, а несущими гибель потворщиками; те же, кто причиняет вред одним людям, чтобы быть щедрыми к другим, совершают такую же несправедливость, как если бы они присваивали себе чужое имущество. (43) И есть много людей, и притом жаждущих блистательности и славы, отнимающих у одних, чтобы давать другим, и при этом думающих, что они покажут благодетелями по отношению к друзьям, если обогатят их любым способом. Но это столь далеко от исполнения долга, что ничего более противного исполнению долга не найти. Итак, надо следить за тем, чтобы наша щедрость приносила друзьям пользу и не вредила никому. Поэтому передача имущества от законных собственников сторонним людям, совершенная Луцием Суллой, а впоследствии Гаем Цезарем⁶⁷, казаться щедростью не должна; ибо щедрым может быть только законное действие.

(44) Второе положение моей оговорки гласило, что наша доброта не должна превышать наших возможностей, так как желающие быть больши-

ми благодетелями, чем им позволяют их средства, прежде всего совершают проступок, нарушая права своих ближайших родственников; ибо имущество, которое было бы справедливо предоставить и завещать этим последним, они передают сторонним людям. Ведь в такой щедрости в большинстве случаев кроется желание грабить и забирать себе незаконным путем, дабы обладать достаточными средствами для дарения. Можно также заметить, что очень многие люди, не столько щедрые от природы, сколько движимые, так сказать, жаждой славы, делают, желая показаться благодетелями, многое, проистекающее скорее из их склонности к хвастовству, чем из добрых побуждений. Но такое притворство ближе к суетности, чем к щедрости или к нравственной красоте.

(45) Третье положение гласило, что при благотворительности надо руководствоваться заслугами; при этом надо принимать во внимание и характер человека, которому будет оказано благодеяние, и его отношение к нам, и общие черты у него с нами, и его поведение в общении, и услуги, какие он нам уже оказал. Иначе более многочисленные и более важные причины возымеют больший вес. (XV, 46) Но поскольку мы живем не среди совершенных и без исключения мудрых людей, а среди таких, для которых вполне достаточно, если они являются отображением доблести⁶⁸, то, по моему мнению, надо также понять, что нельзя полностью пренебрегать ни одним человеком, в котором могут проявиться хотя бы малые признаки доблести, но что надо уделять людям возможно больше внимания и тем в большей мере, в какой каждый из них наделен следующими доблестями, склоняющими человека к мягкости: умеренностью, воздержностью и той самой справедливостью, о которой уже было сказано многое. Ибо сильный и великий дух в человеке, далеко от совершенства и мудрости, в большинстве случаев бывает чересчур бурным, в то время как упомянутые доблести свойственны именно честному мужу. Вот что можно сказать о нравах людей.

(47) Что касается доброжелательности, с какой к нам могут относиться, то, во-первых, наша обязанность — делать больше всего для тех, кто более всего нас почитает; но о доброжелательности надо судить не так, как судят юноши, — так сказать, по пылу привязанности, но скорее по ее прочности и постоянству. Однако если заслуги людей будут таковы, что мы должны будем не делать первый шаг в добрых отношениях, но за них воздать, то нам надо будет приложить, пожалуй, еще большее старание; ибо нет более повелительной обязанности, чем отблагодарить человека. (48) И если Гесиод велит за то, что мы получили взаймы, по возможности воздавать с лихвой⁶⁹, то как должны мы поступать в ответ на благодеяние? Не следует ли нам подражать плодородным полям, приносящим намного больше, чем они получили? И право, если мы, не колеблясь, оказываем услуги тем людям, которые, как мы надеемся, нам принесут пользу, то как должны мы относиться к тем, кто нам ее уже принес? Ведь если есть два рода щедрости (один — оказать благодеяние, другой — воздать за него), то оказать ли его или не оказывать — в нашей власти; не воздать за него не дозволено честному мужу, конечно

если он может это сделать, не совершая противозакония. (49) Оказанные нам благодеяния надо различать, и нет сомнения в том, что за каждое величайшее благодеяние мы более всего и в долгу. При этом все-таки прежде всего надо взвесить, с каким настроением, рвением и доброжелательностью нам оказали его. Ведь многие люди делают многое, так сказать, опрометчиво, не рассуждая, движимые как бы болезнью⁷⁰ или внезапным душевным порывом, подобным, так сказать, ветру; благодеяния эти, по их значительности, нельзя считать равными тем, какие нам были оказаны по здравом рассуждении, обдуманно и последовательно; но когда мы оказываем благодеяние или за него воздаем, наша величайшая обязанность (если другие условия равны) — помогать именно тому, кто нуждается в помощи более всего; большинство людей поступает наоборот: именно тому, на кого они рассчитывают больше всего, они оказывают услуги даже тогда, когда он в них не нуждается.

(XVI, 50) Но лучше всего человеческое общество и союз между людьми будут сохранены в том случае, если мы будем относиться к каждому с тем большим расположением, чем теснее он с нами связан. Но, чтобы узнать, каковы естественные основы уз между людьми и человеческого общества, надо обратиться к более давним временам; ведь первая основа — та, которая усматривается в общности всего рода людского. Связью этой общности служат разум и дар речи, которые посредством наставления, изучения, взаимного общения, обсуждения и принятия решений сближают и объединяют людей, так сказать, в естественное общество; именно вследствие этого мы, по своей природе, так далеки от зверей, которым, как мы часто говорим, свойственна смелость, например лошадям или львам; но мы не говорим, что им свойственны чувство законности, справедливость, доброта; ибо они лишены разума и дара речи⁷¹. (51) И содружество, действительно широчайше открытое для людей в их взаимоотношениях, для всех в их отношениях со всеми, — это такое, в котором надо соблюдать общность всего того, что природа произвела на потребу всем людям, дабы то, что определено законами и гражданским правом, соблюдалось так, как это было установлено самими законами, а остальное находило уважение в соответствии с греческой пословицей: «У друзей все — общее»⁷². И общее имущество всех людей, по-видимому, именно такого рода; пример его, приведенный Энием насчет одной вещи, можно перенести на очень многие:

Кто путь заблудшему приветливо укажет,
Тот как бы лампу от своей зажжет.
Другому свет подав, себе не светит хуже⁷³.

На одном этом примере Эний учит достаточно ясно, что все то, что мы можем предоставить другим людям без ущерба для себя, надо отдать даже неизвестному нам человеку. (52) Из этого следуют вот какие общие обязанности: не преграждать доступа текущей воде; позволять другому брать огонь от твоего огня⁷⁴; давать раздумывающему честный совет, если он захочет получить его. Все это полезно получающему, дающему не

в тягость. Таким образом, надо и самому пользоваться этими благами, и всегда приносить что-нибудь на общую потребу. Но так как средства каждого из нас малы, а людей, нуждающихся в них, бесчисленное множество, то в повседневной щедрости надо держаться в вышеупомянутых пределах, установленных Энием: «себе не светит хуже», — дабы мы могли быть щедры к своим родным.

(XVII, 53) В человеческом обществе есть много ступеней. И действительно, если оставить в стороне вышеупомянутое беспредельное общество, то существует более близкое нам, основанное на общности племени, народа, языка и теснейше объединяющее людей. Еще более тесные узы — принадлежность к одной и той же гражданской общине. Ведь у граждан есть много общего: форум, храмы, портики, улицы, законы, права, правосудие, голосование; кроме того, общение друг с другом и дружеские связи, а у многих и деловые отношения, установившиеся с многими людьми. Более тесны связи и узы между родными; исходя из вышеупомянутого неизмеримого общества человеческого рода, люди замыкаются в малое и тесное. (54) В то время как от природы общая черта всех живых существ — желание продолжать свой род, первоначальные узы состоят в самом супружестве, далее — в появлении детей, затем в создании одного дома и общего имущества; это уже начало и как бы рассадник государства. В дальнейшем возникают связи между братьями, затем между двоюродными братьями и сыновьями, которые, когда один дом уже не может их вместить, уходят в другие дома, словно в колонии⁷⁵. Затем возникают браки и связи между свойственниками, благодаря чему близких людей становится еще больше. Это появление и распространение потомства служит началом государств. Кровное родство связывает людей взаимной доброжелательностью и привязанностью. (55). Ведь великое дело — иметь одни и те же памятники предков, совершать одни и те же священнодействия, иметь общие места для погребения⁷⁶.

Но из всех обществ нет лучшего, нет более прочного, чем такое, где честные мужи, нравами своими одни на других похожие, связаны дружескими отношениями; ведь нравственно-прекрасное, о котором мы часто говорим, даже если видим это в другом человеке, нас все-таки волнует и делает друзьями тому, кому оно, видимо, присуще. (56) И хотя нас влечет к себе всякая доблесть и заставляет нас любить тех, кому она, как нам кажется, присуща, все же более всего такое действие оказывают справедливость и щедрость. Но ничто так не приятно и неспособно так объединять, как сходство добрых нравов; ведь среди тех, кому свойственны одни и те же стремления и одна и та же воля, один человек восхищается другим человеком так же, как самим собой; при этом исполняется то, чего Пифагор требует от дружбы: чтобы многие были как бы одним человеком⁷⁷. Великой является и общность, которую создают обоюдные услуги; поскольку они взаимны и людям по сердцу, то тех, кто оказывает их друг другу, связывают прочные узы.

(57) Но если взглянуть на все с точки зрения разума и души, то из всех общественных связей для каждого из нас наиболее важны, наиболее

дороги наши связи с государством. Дороги нам родители, дороги дети, родственники, близкие, друзья, но отечество одно охватило все привязанности всех людей. Какой честный человек поколеблется пойти за него на смерть, если он этим принесет ему пользу? ⁷⁸ Тем большего презрения заслуживает дикость тех, кто всяческими преступлениями растерзал отечество и полным уничтожением его занят теперь и был занят в прошлом ⁷⁹. (58) Но если нам предстоит, так сказать, спор и сравнение, дабы мы могли решить, перед кем именно мы в наибольшем долгу, то да будут на первом месте отечество и родители, которым мы обязаны их величайшими благодеяниями, родные, наши дети и все домочадцы, обращающие свои взоры к нам одним и не могущие иметь никакого другого прибежища; далее — родственники, с которыми мы живем в согласии и большей частью разделяем их участь. Поэтому мы должны оказывать в жизни необходимую защиту более всего именно тем людям, которых я назвал выше. Что касается нашего существования и образа совместной жизни, советов, бесед, увещаний, утешений, а порою и упреков ⁸⁰, то они основаны на дружеских отношениях, и приятнейшая дружба — та, которую скрепило сходство нравов.

(XVIII, 59) Но при исполнении всех этих обязанностей надо будет принимать во внимание, что именно более всего необходимо каждому человеку, чего он может и чего не может достичь также и без нас. Поэтому требования родства разных степеней не будут совпадать с требованиями обстоятельств. Ведь существуют обязанности, исполнять которые по отношению к одним людям должно в большей степени, чем по отношению к другим; например, соседу ты поможешь при уборке урожая скорее, чем брату или близкому другу; но если дело возбуждено в суде, то родственника или друга ты будешь защищать скорее, чем соседа. Итак, это и подобное ему надо принимать во внимание при исполнении любой обязанности (к этому надо себя приучить и приобрести опыт), дабы мы могли быть хорошими мастерами по расчислению обязанностей ⁸¹ и видеть, путем сложения и вычитания, что получается в остатке, а из этого будет возможно понять, сколько мы должны каждому. (60) И вот, как ни врачи, ни императоры, ни ораторы, даже если они овладели правилами своего искусства, не могут, без опыта и упражнения, достичь ничего такого, что было бы достойно великой похвалы, так — хотя правила соблюдения долга преподаются (так и сам я поступаю) — все-таки важность дела требует опыта и упражнения. О том, как из этих правовых отношений человеческого общества возникает нравственно-прекрасное, на котором основано исполнение долга, мы сказали, пожалуй, достаточно.

(61) Но надо понять, что — хотя бы представлены четыре положения, из которых проистекают нравственная красота и чувство долга, — самым блистательным кажется то, что было совершено великим и возвышенным умом, презирающим дела человеческие. Поэтому при оскорблениях более всего принято говорить, если это возможно, что-нибудь в таком роде:

Вы ведь, юноши, с душою женской, дева же, с мужскою ⁸²

или что-нибудь в таком роде:

Сальмакидова добыча без пролитья пота, крови! ⁸³

Напротив, восхваляя деяния, совершенные с величием духа и исключительной храбростью, мы прославляем их, я сказал бы, во весь голос. Здесь открывается поприще для раторов — о Марафоне, о Саламине, о Платеях, о Фермопилах, о Левктрах ⁸⁴; здесь наш Кокл, здесь Деции, здесь Гней и Публий Сципионы, здесь Марк Марцелл ⁸⁵, бесчисленное множество других и более всего сам римский народ проявили выдающееся величие духа. Стремление к воинской славе можно усмотреть и в том, что на большинстве статуй мы видим военную одежду.

(XIX, 62) Но если этот душевный подъем, который бывает виден в опасностях и в трудах, чужд справедливости и борется не за всеобщее благополучие, а ради своей выгоды, то он порочен; ибо здесь не только нет места для доблести, но скорее оно есть для дикости, отвергающей какую бы то ни было человечность. Таким образом, стоики дают правильное определение храбрости, говоря, что это — доблесть, сражающаяся за справедливость ⁸⁶. Поэтому ни один из тех, кто славы за храбрость достиг коварством и злым умыслом, хвалы не заслужил; не может быть нравственно-прекрасным то, что лишено справедливости. (63) Превосходная следующая мысль Платона: «Не только знание, чуждое справедливости,— говорит он,— надо называть хитростью, а не мудростью; нет, также и ум, готовый подвергнуться опасности, если его к этому побуждает его жадность, а не всеобщая польза, следует называть дерзким, а не храбрым» ⁸⁷. Поэтому мы и хотим, чтобы храбрые мужи были в то же время великими духом, добрыми и простыми, друзьями правде и ни в коем случае не лживыми; в этом внутренняя ценность справедливости.

(64) Но прискорбно то, что у людей высокого и великого духа легко возникают упорство и непомерное желание первенствовать. Например, у Платона говорится, что нравы лакедемонян были всецело воспламенены жаждой побед ⁸⁸ и что чем большим величием духа человек обладает, тем сильнее хочет он быть первым из всех, вернее, единственным ⁸⁹. Но ведь трудно, когда пожелаешь превзойти всех, соблюдать равенство, в высшей степени свойственное справедливости. Поэтому такие люди и не терпят, чтобы другие превосходили их — ни при обсуждении вопроса, ни на основании публичного права и законов ⁹⁰; в государственных делах они в большинстве случаев оказываются склонными к подкупам и мятежам и ставят себе целью достичь возможно большего могущества, предпочитая превосходить других силой, а не быть равными им своей справедливостью. Но чем последняя труднее, тем она прекраснее; ведь чуждым справедливости нельзя быть ни при каких обстоятельствах. (65) Итак, храбрыми и великодушными надо считать не тех, кто совершает, а тех, кто отвергает противозаконие. Но человек поистине мудрый и великий духом считает нравственную красоту, которой природа добывается более всего, основанной на деяниях, а не на славе, и предпочитает первым быть, а не казаться ⁹¹; и действительно, того, кто повинуется заблуждению

неискушенной толпы, относить к числу великих мужей нельзя. С другой стороны, очень легко толкнуть человека на неправые поступки — и тем легче, чем более высоким духом он обладает в связи с его жадной славой⁹². Это весьма трудный вопрос, так как едва ли найдется человек, который, взяв на себя труды, усугубленные опасностями, не пожелал бы славы как бы в виде награды за свои деяния.

(XX, 66) Вообще говоря, храбрый и великий ум возможно узнать, главным образом, по его двум проявлениям: одно — в презрении к внешним обстоятельствам, так как люди убеждены в том, что человек должен восхищаться, или желать, или добиваться только того, что прекрасно в нравственном отношении и что подобает, и не должен поддаваться ни человеку, ни душевному треволнению, ни судьбе⁹³; другое — в том, что ты, если ты наделен душой, о которой я говорил выше, совершаешь деяния, правда, великие и необычайно полезные, но весьма трудные и преисполненные лишений и опасностей как непосредственно для жизни, так и для многого, имеющего отношение к жизни. (67) Вся блистательность, величие, прибавлю — и польза, связаны со вторым из этих двух проявлений; основание же и причина, делающие людей великими, — с первым; ибо в нем есть нечто, создающее исключительные умы, презирующие дела человеческие. Это можно узнать по двум проявлениям: если человек считает благом только одно то, что прекрасно в нравственном отношении, и если он свободен от какого бы то ни было душевного треволнения⁹⁴. Ведь умение не придавать большого значения и, по определенным и веским соображениям, презирать то, что большинству людей кажется исключительным и достославным, надо признать свойственным храброму и великому духу; что касается того, что нам кажется горестным, что в большом числе и разнообразии встречается в жизни и в судьбе людей, то переносить это, не отступая ни от естественного порядка вещей, ни от достоинства мудрого человека, свойственно могучему духу и великой стойкости. (68) Но неправильно, чтобы тот, кто перед чувством страха не склонялся, склонялся перед своими желаниями и чтобы того, кто себя проявил непобедимым в трудах, побеждали наслаждения. Поэтому надо отказываться от наслаждений и бежать от жажды денег. Ведь ничто так не свойственно скудному и бедному уму, как любовь к богатствам, и нет ничего более прекрасного в нравственном отношении и более великолепного, чем презирать деньги, если их не имеешь, а если их имеешь — обращать их на благие и щедрые дела. Надо остерегаться и жажды славы, о чем я уже говорил; ибо она лишает нас свободы, из-за которой великие духом мужи должны всячески сдерживаться. Даже империя добиваться не надо, вернее, его порой не следует принимать, а иногда надо с себя слагать⁹⁵. (69) Но надо быть свободным от каких бы то ни было душевных треволнений — как от страсти и страха, так и от огорчений, наслаждения для души⁹⁶ и гнева, чтобы достичь душевного спокойствия и безмятежности, приносящих нам как стойкость, так и чувство собственного достоинства.

Но существует и существовало много людей, в поисках спокойствия,

о котором я говорю, отстранившихся от государственных дел и нашедших себе прибежище в бездействии⁹⁷; из их числа знаменитейшие философы⁹⁸ (и притом первые из первых) и некоторые люди суровых и строгих правил не могли мириться ни с нравами народа, ни с нравами первенствовавших людей, и кое-кто из них жил в деревне, удовлетворяясь управлением своим имуществом⁹⁹. (70) Они поставили себе ту же цель, какую ставили себе цари: ни в чем не испытывать недостатка, никому не повиноваться, пользоваться свободой, сущность которой в том, чтобы жить, как хочешь. (XXI) И вот, так как у людей, жаждущих могущества, это — общая черта с этими праздными, о которых я говорил, то одни думают, что смогут достичь этого, если будут располагать большими средствами, другие — если будут довольны своим имуществом, и притом малым. Насчет этого ни мнение одних, ни мнение других вовсе не заслуживает презрения; более того, более безопасна, менее тяжка и менее обременительна для других жизнь людей бездействующих, но более плодотворна для человеческого рода и более способствует достижению известности и высокого положения жизнь тех, кто посвятил себя государственной деятельности и вершению великих дел. (71) Поэтому, пожалуй, можно сделать уступку людям, не берущимся за дела государства, людям, которые, при своем выдающемся даровании, посвятили себя науке, как и тем, кто либо по слабости здоровья, либо по какой-нибудь другой важной причине отстранился от государственных дел, предоставив другим возможность ими ведать и заслуги. Но тем, кто не может сослаться на такую причину, если они, по их словам, презирают то, чем большинство людей восхищается, — империй и магистратуры, не только нельзя, думается мне, ставить это в заслугу, но надо даже вменить в вину; их решение презирать славу и не ставить ее ни во что трудно не одобрить; но они, по-видимому, боятся трудов и тягот и также, так сказать, позора и бесчестия, связанных с неудачами и поражениями. Находятся люди, которые при трудностях не остаются верны себе; они непримиримо презирают наслаждения, но в страдании проявляют слабость; они пренебрегают славой, но оказываются сломленными бесчестием; в последнем случае они недостаточно стойки. (72) Но те, кого природа наделила способностями к деятельности, должны, отбросив всякую медлительность, занимать магистратуры и вершить делами государства; ведь иначе невозможно ни управлять государством, ни проявить величие духа. Что касается людей, берущихся за государственные дела, то они не менее, чем философы (пожалуй, даже и более), должны проявлять величие духа и презрение к делам человеческим, о котором я часто говорю, как и душевное спокойствие и безмятежность, если намерены быть свободны от тревог и прожить, сохраняя свое достоинство и стойкость. (73) Для философов это более легкая задача, так как они в своей жизни менее подвержены ударам судьбы, так как у них меньше потребностей и в случае какого-нибудь несчастья они не могут упасть с такой большой вышины. Поэтому не без причины у людей, занятых государственной деятельностью, возникают душевные волнения (как и стремление вершить более важными делами).

более сильные, чем у людей, пребывающих в бездействии, и тем в большей мере, чем более им приходится проявлять величие духа и умение не поддаваться тревогам. Но тот, кто приступает к тому или иному делу, должен помнить, что ему надо взвесить не только, сколь оно прекрасно в нравственном отношении, но и способен ли сам он совершить его; тут он должен взвесить все, дабы и необдуманно не отчаяться в успехе, и не проявить непомерной самоуверенности ввиду своего честолюбия. Во всех делах, прежде чем к ним приступить, нужна тщательная подготовка.

(XXII, 74) Хотя большинство людей ставит воинские заслуги выше гражданских, с таким мнением вполне согласиться нельзя¹⁰⁰. Ведь многие часто стремились вести войны, будучи охвачены жадной славой, и это в большинстве случаев бывает у людей великих духом и одаренных — тем более если они способны к военному делу и жаждут вести войны; но если мы захотим судить здраво, то на гражданском поприще было много примеров деятельности более значительных и более славных, чем на военном. (75) И право, хотя Фемистокла¹⁰¹ по справедливости прославляют и его имя более знаменито, чем имя Солона¹⁰², и о Саламине говорят как о свидетеле величайшей победы, которую ставят выше решения Солона, на основании которого он впервые учредил Ареопаг¹⁰³, решение это надо считать не менее славным, чем победу под Саламином; ведь она принесла пользу всего один раз, а решение Солона всегда будет служить гражданам на пользу; оно охраняет афинские законы, охраняет установления предков, и Фемистокл не мог бы назвать ничего такого, в чем он поддержал Ареопаг, но последний по справедливости мог бы сказать, в чем он поддержал Фемистокла; ибо войну вели по решению сената — того, который был учрежден Солоном. (76) То же самое можно сказать о Павсании¹⁰⁴ и о Лисандре¹⁰⁵; хотя благодаря их подвигам, как думают, было расширено владычество Лакедемона, все-таки их деяния ни в чем не сравнить с законами и установлениями Ликурга¹⁰⁶; более того, именно благодаря последним у лакедемонян были более верные и более храбрые войска. Мне лично ни во времена моего отрочества не казалось, что Марк Скавр¹⁰⁷ уступал Гаю Марию¹⁰⁸, ни — когда я уже начал заниматься государственной деятельностью — что Квинт Катул¹⁰⁹ уступал Гнею Помпею¹¹⁰; невелика ведь цена оружию за пределами страны, если мудрого совета нет дома. И Публий Африканский¹¹¹, выдающийся муж и император, разрушением Нуманции послужил государству не более, чем ему в то же время послужил Публий Насика¹¹², когда он, будучи частным лицом, убил Тиберия Гракха; впрочем, деяние это, если говорить строго, относится не только к делам внутренним (оно относится и к военным делам, так как было совершено силой и вооруженной рукой); именно это было совершено все-таки по решению, принятому в Городе, и без участия войска. (77) Но вот прекрасные слова, которые, как я узнал, бесчестные люди и завистники обыкновенно подвергают нападкам:

Меч, перед тогой склонись; ветвь лавра, склонись пред заслугой!¹¹³

Не буду говорить о других людях; но не тогда ли, когда именно я стоял во главе государства, перед тогой склонился меч? Никогда ведь испытание для государства не было более тяжким, не было бóльшим спокойствием. Таким образом, благодаря моим решениям и моей бдительности мечи, быстро выскользнувшие из рук дерзновенных граждан, сами упали на землю. Да был ли когда-либо совершен такой великий подвиг на войне? Какой триумф можно с ним сравнить? (78) Ведь мне дозволено, сын мой Марк, похвалиться этим перед тобой, который должен и унаследовать мою славу, и подражать моим деяниям. Муж, несомненно совершивший много воинских подвигов,— Гней Помпей в присутствии множества людей почтил меня признанием того, что он напрасно заслужил бы свой третий триумф¹¹⁴, не будь у него — после благодеяния, мною оказанного государству,— места, где он мог бы его справить. Следовательно, храбрые действия, совершенные в Риме, не уступают храбрости на войне; ведь в первые надо вкладывать даже больше усилий и рвения, чем во вторую.

(XXIII, 79) Вообще говоря, нравственно-прекрасное, которого мы ищем в возвышенной и великой душе, совершается силами духа, а не тела. Все же мы должны упражнять свое тело и блюсти его так, чтобы оно могло повиноваться мудрости и разуму, выполняя поставленные перед ним задачи и перенося лишения. Что касается нравственно-прекрасного, которого мы ищем, то оно целиком связано с нашими заботами и размышлениями; в этом отношении люди, которые стоят во главе государства, будучи облечены в тоги, приносят ему пользу не меньшую, чем та, какую ему приносят те, кто ведет войну. Так, по их совету, в одних случаях войн часто не начинали, в других заканчивали их, а иногда даже объявляли, как это было при третьей Пунической войне, когда был велик авторитет Марка Катона, и притом даже после его смерти¹¹⁵. (80) Поэтому, несомненно, надо искать пути для разрешения спора, а не проявлять решимость на войне; но надо остерегаться, дабы не поступить так скорее в стремлении уклониться от войны, чем из соображений пользы. Войну же надо начинать так, чтобы казалось, что мы не ищем ничего другого, кроме мира. И свойство храброго и стойкого человека, право, в том, чтобы не приходить в смущение при трудностях и, в смятении, не давать себя сбить с исходной позиции¹¹⁶, как говорится, но проявить присутствие духа и осмотрительность и не лишиться рассудка. (81) Впрочем, это относится к духу; но вот что относится также и к великому уму: размышляя, предвидеть будущее, заблаговременно определять, что может случиться хорошего и дурного и что понадобится делать, когда что-нибудь произойдет, и не доводить до того, чтобы когда-либо пришлось сказать: «Об этом я не подумал»¹¹⁷.

Вот дела человека великого и высокого духа, который уверен в своей дальновидности и мудрости; но опрометчиво бросаться в сражение и рукопашную биться с врагом¹¹⁸ — дикость, подобная звериной; однако если обстоятельства и необходимость этого требуют, то надо и не на жизнь, а на смерть сразиться в рукопашном бою и предпочесть смерть рабству и позору.

(XXIV, 82) Что касается разрушения и разграбления городов, то надо строго следить за тем, чтобы не было допущено ни опрометчивости, ни жестокости¹¹⁹. Долг великого мужа— среди потрясений карать виновных, но большинство людей щадить, при любых обстоятельствах оставаться верным справедливости и нравственной красоте. Ведь если, как я уже говорил выше, бывают люди, ставящие воинские заслуги выше деяний на гражданском поприще, то можно найти многих людей, которым опасные и горяча принятые решения кажутся более блистательными и более великими, чем решения, принятые спокойно и продуманные. (83) Вообще никогда нельзя допускать, чтобы мы в бегстве своем от опасности оказались слабы и трусливы; надо также избегать положения, когда мы подвергнемся опасности неоправданно; нелепее этого не может быть ничего. Поэтому мы, вступая на путь опасностей, должны брать пример с врачей, которые при легком недомогании лечат мягко действующими средствами, а при более тяжелых болезнях вынуждены применять опасное лечение, когда исход сомнителен. Поэтому среди спокойствия желать идущей на нас бури свойственно безумному человеку, но встретить бурю любым способом свойственно мудрому, особенно если мы, выяснив положение вещей, можем достичь блага большего, чем то зло, какое возникнет вследствие наших колебаний. Опасны наши действия бывают одни для тех, кто их совершает, другие для государства. (84) И опять-таки одни люди бывают призваны рисковать своей жизнью, другие — своей славой и расположением граждан. Следовательно, мы должны быть более склонны сами подвергаться опасностям, чем подвергать им сограждан, и более готовы сражаться ради чести и славы, чем ради других благ. Однако находилось много людей, которые были готовы отдать за отечество не только свое имущество, но и жизнь, но не соглашались поступиться даже малой частью своей славы, и притом несмотря на требование государства¹²⁰. Так, например, Калликратид¹²¹, после того как был военачальником лакедемонян во время пелопонесской войны и совершил много подвигов, под конец все погубил, не повиновавшись решению тех, кто нашел нужным отвести флот от Аргинусских островов и не давать боя афинянам; он ответил им, что лакедемоняне, потеряв флот, смогут построить другой, но что он не может обратиться в бегство без того, чтобы не покрыть себя позором. Правда, удар этот не был для лакедемонян особенно тяжек, но пагубен был другой — когда могущество лакедемонян пало после того, как Клеомброт, боясь ненависти, опрометчиво вступил в борьбу с Эпаминондом¹²². Насколько лучше поступил Квинт Максим¹²³, о котором Энный писал:

Нам один человек промедлением спас государство.
Он людскую молву отметал ради блага отчизны.
День ото дня все ярче теперь да блестит его слава!

Проступков, о которых мы ведем речь, следует избегать даже в гражданской жизни. Ведь есть люди, которые мнение свое, даже если оно превосходно, все же, из страха перед ненавистью, высказать не решаются.

(XXV, 85) Вообще говоря, тем, кто будет стоять во главе государства, надо руководствоваться двумя наставлениями Платона¹²⁴: одно требует, чтобы они, оберегая интересы граждан, сообразовали все свои действия именно с ними, забыв о собственной выгоде; другое — чтобы они заботились о государстве в целом и при этом, оберегая какую-нибудь одну часть его интересов, не оставляли без внимания остальных; ведь управление государством, подобно опеке, должно быть посвящено пользе тех, кто поручен нам, а не пользе тех, кому поручено оно. И те, кто об одних гражданах заботится, а других оставляет без внимания, вносят в гражданскую общину весьма пагубное начало — мятежи и раздоры; ввиду этого одни оказываются сторонниками народа, другие — сторонниками всех честнейших людей¹²⁵, немногие — сторонниками всех. (86) Отсюда сильнейшие раздоры в Афинах, а в нашем государстве не только мятежи, но и губительные гражданские войны. Гражданин строгих правил, храбрый и достойный первенства в государстве, будет этого избегать и ненавидеть это, всецело посвятит себя служению государству, не станет добиваться богатств и могущества и будет оберегать государство в целом, заботясь обо всех гражданах; он не станет вызывать ненависть или зависть к кому-бы то ни было, прибегая к ложным обвинениям, и вообще будет держаться справедливости и нравственной красоты, так что он, оставаясь верен им, пойдет на любые столкновения и даже согласится умереть, но не откажется ни от чего из того, что я назвал. (87) Весьма жалки честолюбие и соперничество из-за магистратур, о котором превосходно говорится все у того же Платона¹²⁶: «Те, кто соперничает друг с другом из-за того, кому из них управлять государством, поступают так же, как поступили бы моряки, которые стали бы спорить из-за того, кому из них управлять кораблем». И он же учит, что «мы должны считать своими противниками тех, кто на нас пойдет с оружием в руках, а не тех, кто захочет по своему разумению оберегать интересы государства». Таковы были разногласия между Публием Африканским и Квинтом Метеллом¹²⁷, свободные от горечи.

(88) Право, не надо слушать тех, кто сочтет нужным глубоко негодовать на своих недругов и признаёт это свойственным великому духом и храброму мужу; ибо качество, самое похвальное, самое достойное великого и прославленного мужа, — способность смягчаться и милосердие. Среди действительно свободных народов и при равноправии надо проявлять также и доступность и душевную высоту¹²⁸, как говорится, — дабы мы, если мы разгневаны либо на тех, кто назойлив при обращении к нам, либо на тех, кто беззащитен в своих просьбах, не впадали в раздражительность, бесполезную и чреватую ненавистью к нам. И все-таки мягкость и милосердие заслуживают одобрения только при условии, что в интересах государства будет применяться строгость, без которой управлять гражданской общиной невозможно. Однако ни выговор, ни порицание не должны быть оскорбительны и должны иметь в виду интересы не того, кто кого-то наказывает или порицает, но государства. (89) Надо следить и за тем, чтобы тяжесть наказания не превышала тяжести проступка и чтобы не

получалось так, что за одни и те же проступки одних людей постигала кара, а другие даже не были привлечены к ответственности. Но при наказании более всего надо удерживаться от гнева; ведь человек, в состоянии гнева приступающий к наказанию, никогда не сможет соблюсти середину между чрезмерным и малым, которую одобряют перипатетики¹²⁹, и притом справедливо, — только бы они не восхваляли гнева и не говорили, что природа даровала его людям на пользу. Нет, гнев надо во всех случаях отвергать и надо желать, чтобы те, кто стоит во главе государства, уподоблялись законам, которые побуждают к наказанию не гнев, а справедливость¹³⁰.

(XXVI, 90) Также и при обстоятельствах счастливых и соответствующих нашим желаниям будем всячески избегать гордости, надменности и заносчивости. Ибо проявлять неумеренность как в дни несчастий, так и в дни счастья — признак ничтожности. Самая прекрасная черта во всех случаях жизни — ровный характер, всегда одно и то же выражение лица и одно и то же чело; по преданию, такими были Сократ¹³¹ и Гай Лелий¹³². Македонского царя Филиппа¹³³ сын его, несомненно, превзошел подвигами и славой, но доступностью и добротой Филипп, насколько я знаю, превосходил сына. Таким образом, отец всегда был великим, сын весьма часто — дурным, так что, видимо, правильны наставления тех, кто нам советует поступать тем умереннее, чем выше занимаемое нами положение. Панэтий сообщает, что Публий Африканский, его ученик и близкий друг, говаривал: «Подобно тому, как коней, в их дикости необузданных, что объясняется частыми напряжениями во время битв, мы обыкновенно поручаем укротителям, чтобы легче было пользоваться ими, так и людей, распушенных в связи со счастливыми обстоятельствами и самонадеянных, надо как бы вводить в круг разума и философии, дабы они могли оценить всю непрочность дел человеческих и изменчивость судьбы». (91) И даже при самых счастливых обстоятельствах надо очень широко прибегать к советам друзей и придавать им даже большее значение, чем то, какое мы придавали им ранее. И при этих же обстоятельствах нельзя преклонять слух к речам потворщиков и позволять им льстить нам, когда нас легко обмануть; ведь мы считаем себя такими людьми, что нас хвалят справедливо; это порождает неисчислимые проступки, когда люди, возомнив о себе, к своему позору, становятся предметом насмешек и впадают в величайшие заблуждения. Но об этом достаточно.

(92) Итак, мы должны прийти вот к какому выводу: деяния величайшие и требующие величайшего присутствия духа совершаются людьми, стоящими во главе государств, так как их власть распространяется весьма широко и на огромное число людей. Но есть и было много людей, великих духом и даже не занятых делами¹³⁴, которые либо изучают нечто великое, либо пытаются делать это и ограничиваются своими личными делами, либо, занимая среднее место между философами и людьми, правящими государством, получают удовлетворение от своего имущества, не преумножая его, однако, любым способом и не отстраняя своих близких от пользования им, а, наоборот, делясь им с друзьями и с государством, если

в этом когда-либо возникает надобность; только бы имущество это, во-первых, было приобретено честно, без какого-либо позорного или вызывающего ненависть стяжания; затем, было полезным возможно большему числу людей, но только достойных: далее, увеличивалось благодаря разумным действиям, рачительности, бережливости, а его собственник руководствовался щедростью и желанием делать добро, а не своей развращенностью и склонностью к роскоши. Человеку, соблюдающему эти наставления, дозволяется жить великолепно, с достоинством и гордостью и в то же время просто и честно и быть истинным другом людям.

(XXVII, 93) Нам надо теперь поговорить об одном и последнем разделе — о нравственной красоте, в котором рассматривается вопрос о способности уважать людей и, так сказать, об украшениях жизни — о воздержности, об умеренности, о всяческом успокоении душевных треволнений и о соблюдении меры во всем. Положение это содержит то, что по-латински можно назвать *decorum* [подобающее], а по-гречески называется *πρέπον*. Понятие это, по своему смыслу, неотделимо от понятия нравственно-прекрасного; (94) ибо все то, что подобает, прекрасно в нравственном отношении, а то, что в нравственном отношении прекрасно, подобает. Но различие между нравственно-прекрасным и подобающим представить себе легче, чем объяснить. Каково бы ни было подобающее, оно появляется тогда, когда ему предшествовала нравственная красота. Таким образом, не только в этом разделе о нравственной красоте, о которой мы здесь должны изложить свое мнение, но и в трех предшествовавших появляется то, что подобает. Ибо пользоваться благоразумно разумом и словом; то, что делаешь, делать осмотрительно и во всем видеть то, что в нем истинно, и это защищать — все это подобает. Напротив, поддаваться обману, заблуждаться, совершать промахи, делать ошибки¹³⁵ не подобает так же, как сбиваться с пути и терять разум. Все справедливое подобает; напротив, все несправедливое не подобает и позорно. Сходно с этим и положение насчет храбрости: все то, что совершают мужественно и с присутствием духа, достойно мужа и подобает; противоположное этому позорно и не подобает. (95) Вот почему ко всякой нравственной красоте имеет прямое отношение то подобающее, о котором я говорю, и притом так, как оно определяется: не путем, так сказать, отвлеченного рассуждения, а как оно очевидно. И право, существует нечто такое (и это можно усмотреть в каждой доблести), что подобает; отделить это от доблести легче мысленно, чем на деле. Как привлекательность и красоту тела невозможно отделить от здоровья, так это подобающее, о котором мы говорим, все слито с доблестью, но наш ум и воображение отличают одно от другой. (96) Но подразделение это двойное; ибо мы имеем в виду и, так сказать, подобающее вообще, содержащееся во всякой нравственной красоте, и другое, подчиненное первому и относящееся к отдельным частям нравственной красоты. Первое обыкновенно определяют так: подобающее — это то, что сообразно с первенством человека в том отношении, в каком его природа отлична от природы других живых существ. Что касается частных случаев подобающего, подчиненных подобающему в це-

лом, то их определяют так: подобающее — это сообразное с природой, поскольку в нем умеренность и воздержность проявляются с некоторой внешней видимостью свободы.

(XXVIII, 97) Что это понимают именно так, мы можем думать, основываясь на подобающем, к которому стремятся поэты; об этом говорится более подробно в другом месте¹³⁶. Но мы говорим, что поэты верны всему подобающему тогда, когда делается и говорится то, что достойно каждого действующего лица; так, если бы Эак или Минос¹³⁷ сказали:

Пусть будет ненависть,
Лишь был бы страх¹³⁸

или

Он сам — гробница для своих детей¹³⁹,—

то это показалось бы нам неподобающим, так как Эак и Минос, по преданию, были справедливыми людьми. Но, скажут нам, когда Атрей произносил эти слова, они вызвали рукоплескания; ведь такая речь соответствует этой роли. Но о том, что каждому подобает, поэты будут судить применительно к образу того или иного действующего лица, а вот на нас сама природа возложила роль, которой присущи большое достоинство и превосходство над остальными живыми существами. (98) Таким образом, поэты, при большом разнообразии действующих лиц, увидят, что подходит и что подобает даже порочным людям; что касается нас,— так как природа возложила на нас роли людей стойких, умеренных, воздержных и совестливых и так как эта же природа учит нас не быть безразличными к своему поведению в отношении других людей,— то становится очевидным, насколько широко распространяется как подобающее, которое составляет основу всякой нравственной красоты, так и то, что усматривается в каждом виде доблести. Ведь как красота тела, благодаря соразмерности его членов, привлекает наш взор и радуется нас именно тем, что все части тела соответствуют одна другой с некоторым изяществом, так это подобающее, которое светит в жизни, заслуживает одобрения у тех, среди кого мы живем, благодаря порядку и нашей стойкости и воздержности во всех наших высказываниях и действиях. (99) Итак, по отношению к людям — и ко всем наилучшим, и к остальным — надо проявлять, так сказать, уважение. Ибо пренебрегать мнением, какое о себе составил каждый человек, есть проявление не только заносчивости, но и полного нравственного падения. Но в нашем поведении по отношению к людям должно быть различие между справедливостью и уважением. Задача справедливости — не оскорблять людей, задача уважительного поведения — не задевать их самолюбия. Итак, изложив все это, я, думаю, мне, пояснил, что именно мы называем подобающим.

(100) Что касается обязанности, которая вытекает из подобающего, то сперва она следует по пути, приводящему человека к согласию с природой и к верности ей; если мы будем следовать природе как руководительнице, то мы никогда не впадем в заблуждение и будем следовать и

началу, тонкому и пронизательному по своей природе, и началу, соответствующему требованиям человеческого общества, и началу действенному и мощному¹⁴⁰. Но важнейшее значение подобающего — в том положении, о котором мы рассуждаем¹⁴¹; ведь одобрять надо не только движения тела, соответствующие природе, но в гораздо большей степени также и движения души, которые тоже приведены в соответствие с природой. (101) Двойственна ведь сила наших душ и природы: одна часть ее основана на стремлении (по-гречески *ὄρμη*), которое увлекает человека то в одну, то в другую сторону; другая основана на разуме, который учит и объясняет, что надо делать и чего надо избегать. Благодаря этому разум главенствует, а стремление подчиняется ему. (XXIX) Итак, каждый наш поступок должен быть свободен от опрометчивости и небрежности, и мы не должны совершать ничего такого, чего мы не смогли бы оправдать¹⁴²; вот каково в общем определение обязанности. (102) Но надо добиваться того, чтобы наши стремления повиновались разуму, не опережали его и не отставали от него¹⁴³ ввиду человеческой вялости и лени, чтобы они были спокойны и свободны от какого-либо душевного тревожения; благодаря этому засияет свет стойкости и умеренности во всем. Ибо стремления, которые заходят чересчур далеко и, так сказать, переливаясь через край, в своих желаниях или отклонениях от прямого пути недостаточно сдерживаются разумом, несомненно, переходят границу и меру. Ведь они совершенно отвергают повиновение и не покоряются разуму, которому они подчинены по закону природы, они волнуют не только умы, но и тела людей. Достаточно взглянуть на само выражение лиц у людей, охваченных гневом, или у людей, взволнованных либо какой-нибудь страстью, либо страхом или же охваченных непомерным наслаждением; у всех этих людей выражение лица, голос, жесты, все состояние изменяются. (103) Из этого — вернемся к представлению об обязанности — можно понять, что мы должны сдерживать и успокаивать все свои стремления и развивать в себе внимание и тщательность, дабы ничего не делать ни опрометчиво и случайно, ни необдуманно и беспечно.

Ведь природа породила нас с тем, чтобы мы казались созданными не для развлечений и шуток, но для суровости и, так сказать, для более важных и более значительных стремлений. Развлечения и шутки нам, конечно, дозволены, но так же, как сон и другие виды отдыха: тогда, когда мы уже совершили более важные и ответственные дела. Самые шутки не должны быть неумеренными и нескромными, но тонкими и остроумными. Подобно тому, как мы не предоставляем детям полной свободы в их играх, но лишь такую, какая соответствовала бы нравственно-прекрасным поступкам, так и в самой шутке должен светить свет высокого ума. (104) Шутки вообще бывают двух родов: одни — неблагоприятные, наглые, гнусные, непристойные, другие — изящные, тонкие, умные, острые. Шутки этого рода в изобилии встречаются не только у нашего Плавта¹⁴⁴ и в древней аттической комедии¹⁴⁵, но и в книгах философов-сократиков, кроме того, и во многих остроумных высказываниях многих людей, например в собранных Катонем в годы его старости и называемых *апоф-*

тегмами¹⁴⁶. Итак, отличить тонкую шутку от дурной легко. Первая, если ее себе позволяют к месту, в виде отдохновения для ума, достойна человека, вторая вообще недостойна свободного человека, если в ней говорится о постыдных вещах и употребляются непристойные слова¹⁴⁷. Также и при развлечениях надо соблюдать некоторую меру, дабы не растратить всех средств и, в упоении наслаждением, не дойти до какого-нибудь бесстыдства. Наше Марсово поле¹⁴⁸ и охота дают нам нравственно-прекрасные примеры развлечений.

(XXX, 105) Но для рассмотрения всего вопроса об обязанности важно всегда иметь в виду, насколько природа человека выше природы домашних животных и других зверей. Животные не знают никакого иного чувства, кроме наслаждения, и стремятся к нему всем своим существом, но человеческий ум питается учением и размышлением, всегда чего-нибудь ищет или что-либо обдумывает и руководствуется удовольствием, получаемым от возможности видеть и слышать. Более того, если кто-либо чересчур склонен к наслаждениям,— только бы он не принадлежал к породе домашних животных (ведь некоторые — люди не в действительности, а только по названию),— итак, если кто-нибудь движим сколько-нибудь возвышенными стремлениями, то он, хотя и находится во власти наслаждений, из чувства застенчивости всячески скрывает свою склонность к ним. (106) Из этого можно понять, что плотское наслаждение недостаточно достойно человека, стоящего выше животных, и наслаждение это надлежит презирать и отвергать; если же кто-нибудь несколько склонен к наслаждению, то он должен тщательно соблюдать меру в нем. Итак, пища и уход за телом должны быть направлены на сохранения здоровья и сил, а не на наслаждение. И если мы, кроме того, захотим рассмотреть, в чем заключается превосходство и достоинство человеческой природы, то мы поймем, как позорно погрязнуть в разврате и жить роскошно и изнеженно и как прекрасно в нравственном отношении жить бережливо, воздержно, строго и трезво.

(107) Надо понять также и то, что природа возложила на нас как бы две роли; одна из них — общая всем нам ввиду того, что все мы наделены разумом и сознанием своего превосходства, благодаря чему мы стоим выше зверей; из этого проистекает все нравственно-прекрасное и подобающее, и в этом мы находим меру для выяснения своей обязанности; другая роль — та, которая возложена на каждого из нас в отдельности. И как люди бывают очень непохожи один на другого внешне (одни, как мы видим, быстротой своей пригодны для бега, другие силами своими — для борьбы; опять-таки наружности одних присуще достоинство, наружности других — красота), так и в душевном складе бывает еще большее разнообразие. (108) Большое обаяние было у Луция Красса¹⁴⁹ и у Луция Филиппа¹⁵⁰, еще большее, и притом благодаря старанию, у Гая Цезаря, сына Луция¹⁵¹; но в те времена исключительной суровостью отличались Марк Скавр и молодой Марк Друс¹⁵², очень веселым нравом — Гай Лелий¹⁵³, а большим честолюбием и более строгим образом жизни — его близкий друг Сципион. Среди греков приятным, остроумным

и обаятельным собеседником, в своих речах любителем притворяться неосведомленным человеком, по рассказам, был Сократ, которого греки прозвали εἰρων [вопрошающий]¹⁵⁴; напротив, Пифагор и Перикл¹⁵⁵ без какой-либо веселости достигли высшего авторитета. По рассказам, хитер был Ганнибал (из числа пунийцев), а из наших полководцев — Квинт Максим: они умели скрывать, молчать, притворяться, строить ковы, предвосхищать замыслы врага. В этом отношении греки ставят Фемистокла и Ясона из Фер¹⁵⁶ выше всех остальных, а особенно высоко — изворотливость и хитрое поведение Солона, который, желая жить в большей безопасности и принести государству возможно большую пользу, притворился сумасшедшим¹⁵⁷. (109) Есть и другие люди, весьма непохожие на упомянутых, люди простой и открытой души, находящие недопустимым делать что бы то ни было скрыто и коварно, сторонники правды, недруги обману; есть и другие, готовые претерпеть все что угодно, услужить любому человеку, только бы достичь того, чего они хотят; такими, как мы видели, были Сулла¹⁵⁸ и Марк Красс¹⁵⁹. Из числа таких людей изворотливейшим и терпеливейшим человеком, по преданию, был лакедемонянин Лисандр — в противоположность Калликратиду, который встал во главе флота тотчас же после Лисандра; опять-таки каждый человек, весьма искусный в речах, достигает того, что он — хотя и весьма могуществен — кажется обыкновенным; мы видели это у Катулов, отца и сына¹⁶⁰, и у Квинта Муция Манции¹⁶¹. Я слышал от людей старшего поколения, что этим же качеством отличался и Публий Сципион Насика¹⁶² (напротив, его отец, покаравший Тиберия Гракха за его пагубные попытки, далеко не был обходителем в речах, как и Ксенократ¹⁶³, суровейший из философов), и именно по этой причине был велик и знаменит. Бывает неисчислимое множество других случаев несходства природы и нрава, все же отнюдь не заслуживающего порицания.

(XXXI, 110) Каждый, однако, должен быть верен своей натуре, не своим недостаткам, но все же чертам, ему свойственным, дабы ему было легче сохранять то подобающее, которое мы рассматриваем. Надо поступать так, чтобы отнюдь не противиться природе, общей всем людям, и все-таки, сохранив ее, следовать своей собственной — с тем, чтобы (хотя другие стремления значительнее и лучше) сами мы измеряли свои стремления мерой своей природы; нет ведь смысла ни противиться природе, ни преследовать такую цель, какой не можешь достичь. Из этого становится более ясным, что именно представляет собою «подобающее», о котором мы говорим, так как ничто не бывает подобающим наперекор Минерве, как говорится¹⁶⁴, то есть когда природа чему-нибудь противится или что-нибудь отвергает. (111) Вообще говоря, если что-нибудь подобает, то, конечно, более, чем что бы то ни было, подобает уравновешенность как во всей жизни в целом, так и в каждом из наших действий; ты не сможешь ее сохранить, если ты, подражая натуре других людей, изменишь своей. Ведь как мы должны пользоваться тем языком, который нам известен, во избежание того, чтобы нас не осмеяли с полным на это основанием, как это бывает с некоторыми людьми, уснащающими свою

речь греческими словами¹⁶⁵, так мы не должны вносить разлада в свои действия и во всю свою жизнь. (112) И это различие в человеческой натуре имеет такое большое значение, что иногда один человек должен сам осудить себя на смерть, а другой, находящийся точно в таком же положении, не должен. Разве Марк Катон был в каком-либо ином положении сравнительно с другими людьми, которые сдались в Африке Цезарю?¹⁶⁶ Но другим, быть может, поставили бы в вину, если бы они покончили с собой, так как менее строга была их жизнь, а их характер был более уступчив; Катон же, так как природа наделила его необычайной твердостью правил и так как он укрепился в ней по своей неизменной стойкости и всегда оставался верен своему решению, им себе назначенному и принятому, должен был скорее умереть, чем взглянуть в лицо тирану¹⁶⁷. (113) Как много испытал Улисс во время своих долгих скитаний, когда он был в услужении у женщин (если Кирку и Калипсо можно назвать женщинами) и во всех своих речах хотел быть со всеми любезен и всем приятен, а у себя в доме претерпел даже оскорбления от рабов и служанок, чтобы рано или поздно достичь того, чего желал!¹⁶⁸ Но Аякс¹⁶⁹, при том душевном складе, какой ему приписывают, предпочел бы тысячу раз пойти на смерть, но только бы не претерпеть того, что выпало на его долю. Ввиду всего этого каждому надо будет взвесить, каковы его личные качества, применить их и не желать испытать, в какой мере ему подобают качества других людей; ведь каждому более всего подобает именно то, что ему более всего свойственно. (114) Итак, пусть каждый знает свои возможности и будет пронизательным судьей своим хорошим и дурным качествам, дабы не показалось, что актеры пронизательнее нас. Ведь они выбирают себе не наилучшие, но наиболее подходящие им трагедии: те, кто уверен в своем голосе, — «Эпигонов»¹⁷⁰ и «Меда»¹⁷¹; кто уверен в своем жесте, — «Меланиппу»¹⁷² и «Клитемнестру»¹⁷³. Рупилий, которого сам я помню, всегда играл Антиопу, но Эзоп¹⁷⁴ нечасто играл Аякса. Итак, актер поймет это на сцене, но этого не поймет мудрый человек в жизни? Потрудимся же именно над тем, к чему мы будем наиболее способны. Но если необходимость когда-либо заставит нас заняться тем, что будет не по нашим способностям, то нам понадобится приложить все свои заботы, умение обдумывать, внимание, чтобы выполнить свою задачу если и не вполне подобающим образом, то все-таки возможно менее неподобающим. При этом надо не столько стараться следовать хорошим качествам, которые нам не были даны, сколько бежать от пороков. (XXXII, 115) К тем двум ролям, которые я назвал выше, присоединяется третья, которую на нас возлагают те или иные случайности или обстоятельства, и четвертая, которую мы берем на себя по своему собственному решению. Ведь царская власть, империй, знатность, магистратуры, богатства, как и все им противоположное, зависящее от случая, управляется обстоятельствами; но роль, которую мы хотим играть, зависит от нашей воли. Итак, одни посвящают себя философии, другие — гражданскому праву, третьи — красноречию; что касается самих доблестей, то один предпочитает отличиться в одной из них, другой — в другой. (116)

А те, чьи отцы или предки прославились на том или ином поприще, стараются превзойти других людей такими же заслугами; например, Квинт Муций, сын Публия¹⁷⁵, — в гражданском праве, сын Павла, Публий Африканский, — в военном деле. Кое-кто, однако, к заслугам, унаследованным им от отцов, прибавляет и некоторые свои; так, этот же Публий Африканский воинскую славу свою увенчал красноречием¹⁷⁶; так же поступил и Тимофей, сын Конона¹⁷⁷, который, в воинских заслугах не уступая отцу, к заслугам этим прибавил славу ученого и одаренного человека. Но иногда бывает, что некоторые, отказавшись подражать предкам, преследуют ту или иную цель, и в большинстве случаев здесь трудятся люди, ставящие себе великие задачи, произойдя от малоизвестных предков.

(117) Итак, в поисках подходящего мы должны охватить все это умом и помыслами; но прежде всего мы должны решить, кем и какими мы хотим быть и какой вести образ жизни, а это размышление труднее всякого другого. Ведь именно в ранней молодости, когда наша способность судить была очень мала, каждый из нас и определил для себя будущий образ жизни, который он особенно и полюбил. Поэтому человек избирает себе тот или иной образ жизни и жизненный путь раньше, чем может судить, что именно наилучшее. (118) Как говорится у Ксенофонта, приводящего рассказ Продика¹⁷⁸, Геркулес в юности (а этот возраст предназначен природой для избрания жизненного пути, на который человек вступит) удалился в пустынную местность и, сидя там и видя перед собой две дороги, одну — Наслаждения, другую — Доблести, долго раздумывал, по которой из них ему было бы лучше пойти; с Геркулесом, происшедшим из семени Юпитера¹⁷⁹, это, пожалуй, случиться могло, но не с нами, подражающими тем людям, которым каждый из нас решил подражать, и руководствующимися их склонностями и решениями. Но в большинстве случаев мы, усвоив себе наставления родителей, решаем следовать их обыкновению и образу жизни; другие считаются с суждением толпы и избирают, главным образом, то, что кажется самым прекрасным большинству людей; некоторые, однако, — благодаря ли удачливости или хорошим природным качествам — и без родительского воспитания пошли по правильному пути в жизни.

(XXXIII, 119) Но крайне редко встречаются люди, которые, обладая выдающимся и великим дарованием, или превосходным образованием, или и тем и другим, располагали бы также и временем для размышления о том, какой именно путь в жизни им избрать¹⁸⁰; размышляя об этом, каждый должен принять решение всецело в соответствии со своими склонностями. Ибо если мы, при всех своих действиях, как уже было сказано выше, стараемся узнать, что именно подобает нам в соответствии с нашими природными склонностями, то при избрании всего жизненного пути мы должны прилагать гораздо большую заботу к тому, чтобы в течение всей своей жизни оставаться верными себе и, исполняя любую обязанность, не совершить оплошности. (120) Так как при этом наибольшее значение имеет наша натура, а судьба занимает второе место, то,

вообще говоря, при избрании жизненного пути надо принимать во внимание и ту и другую, но в большей степени — свою натуру; ведь она намного более надежна и стойка, так что судьба иногда, как нам кажется, будучи смертна, борется с бессмертной природой. Итак, пусть тот, кто приведет весь намеченный им для себя жизненный путь в соответствие с особенностями своей природы, свободной от пороков¹⁸¹, останется верен себе (ведь это более всего и подобает человеку), если только он не поймет, что при избрании своего образа жизни он ошибся. Если это случится — а это может случиться, — то надо изменить свой образ жизни и намерения. Если обстоятельства помогут такой перемене, то сделать это будет легче и проще; в противном случае надо будет делать это постепенно и шаг за шагом — подобно тому, как, когда дело идет о дружеских отношениях, нас не особенно радующих и не заслуживающих одобрения, мудрые люди находят более подобающим прекращать их постепенно, а не разрывать сразу¹⁸². (121) Но мы, изменив свой образ жизни, должны всячески заботиться о том, чтобы это казалось сделанным нами после зрелого размышления.

Но так как несколько выше было сказано, что надо подражать предкам, то прежде всего должно быть исключено подражание порокам, затем — случаи, когда природа не потерпит подражания кое-каким примерам; так, сын старшего Публия Африканского, усыновивший сына Павла, ввиду слабости здоровья не смог уподобиться своему отцу в такой мере, в какой тот был подобен своему¹⁸³. Итак, если человек не сможет ни выступать защитником в суде, ни привлекать к себе внимание народа речами на сходках, ни вести войны, то он все же должен будет проявлять качества, которые будут в его власти, — справедливость, верность слову, щедрость, умеренность и воздержность, дабы в нем тем не менее чувствовалось отсутствие того, чего он лишен. Но наилучшее наследство, передаваемое детям их отцами и более ценное, чем любое имущество, — слава доблести и деяний; опозорить ее, признаем это, — поступок нечестивый, порок.

(XXXIV, 122) А так как разным возрастам поручаются разные обязанности (одни — молодым людям, другие — старым), то надо сказать несколько слов и об этом различии. Итак, долг юноши — чтить старших годами, а из них избирать наилучших и самых уважаемых, дабы опираться на их мудрость и авторитет. Ибо неосведомленность ранней молодости нуждается в дальновидности стариков, чтобы на ней основываться и ею руководствоваться¹⁸⁴. Но более всего возраст этот надо оберегать от страстей и упражнять в труде и выдержке как для духа, так и для тела, дабы при исполнении юношами как их воинского, так и гражданского долга их настойчивость проявлялась со всей силой. Также и тогда, когда они захотят отдохнуть душой и доставить себе удовольствие, они должны остерегаться невоздержности и помнить о скромности, что для них будет более легким делом, если люди, старшие годами, <не> откажутся участвовать даже в этом. (123) Что касается стариков, то они, по-видимому, должны усилия для своего тела ограничивать, а упражнения для ума

даже увеличивать; но им надо стараться оказывать своей мудростью и дальновидностью возможно большую помощь друзьям и молодежи, а более всего государству. Но более всего старость должна остерегаться бездействия и праздности; если склонность к разврату позорна во всяком возрасте, то в старости она отвратительна; если же к ней присоединяется невоздержность в страстях, то это — зло вдвойне, так как старость и сама покрывает себя бесчестьем, и делает еще более бесстыдной невоздержность молодых людей.

(124) Вполне уместно поговорить и об обязанностях магистратов, частных лиц, граждан и чужеземцев. Итак, прямой долг магистрата — понимать, что он представляет городскую общину и должен поддерживать ее достоинство и честь, соблюдать законы, определять права и помнить, что они поручены его верности. А частному лицу следует жить среди сограждан на основании справедливого и равного для всех права, не быть ни приниженным и унылым, ни заносчивым, а в государственных делах желать всего того, что спокойно и прекрасно в нравственном отношении. Именно такого человека мы обыкновенно и считаем и называем честным гражданином. (125) Что касается чужеземца и поселенца¹⁸⁵, то их обязанность — заниматься только своими делами, не вмешиваться в чужие и менее всего интересоваться положением в чужом государстве. Такими, в общих чертах, будут обязанности, если нас спросят, что именно подобает и что подходит для отдельных лиц, обстоятельств, возрастов. Но более всего подобает в каждом действии и при принятии каждого решения сохранять стойкость.

(XXXV, 126) И вот, так как это подобающее усматривается во всех действиях, высказываниях, наконец, в телодвижениях и осанке и основано на трех вещах — на красоте, на порядке и на одежде, приспособленной для деятельности (все это трудно описать словами, но будет достаточно, если это поймут), и так как на этих трех вещах основано также и старание заслужить одобрение у тех, вместе с кем и среди кого мы живем, то надо сказать несколько слов и об этом. Прежде всего, сама природа, по-видимому, проявила большое внимание к нашему телу, сделав доступными взорам всех людей наши лицо и наружность в целом, в которых выражена наша нравственная красота. Что касается частей тела, предназначенных для отправления естественных нужд, частей тела, которые должны были быть безобразны на взгляд и по своей форме, то природа их прикрыла и спрятала¹⁸⁶. (127) Этому столь тщательному мастерству природы стала подражать стыдливость людей. Ведь то, что природа укрывала, все здоровымяслящие люди делают недоступно человеческому взору и стараются отправления естественные нужды возможно более скрыто; что касается частей тела, пользоваться которыми необходимо, то их и пользование ими не называют их именами. И то, что делать не позорно, только бы это делалось украдкой, называть непристойно. Таким образом, ни открытое совершение этих дел несвободно от распушенности, ни непристойные речи о нем. (128) И право, не следует слушать киников и кое-кого из стоиков, бывших чуть ли не киниками¹⁸⁷; они порицают и высмеивают

нас за то, что мы, говоря о непозорных вещах, употребляем постыдные слова, а позорные вещи называем их именами. Разбойничать, обманывать, прелюбодействовать, по существу, позорно, но об этом говорят без непристойности; прилагать старания насчет детей, по существу, прекрасно в нравственном отношении, но по названию своему непристойно. Эти же философы рассматривают и многое другое по этому вопросу, нанося ущерб стыдливости¹⁸⁸. Мы же следуем природе и избегаем всего того, что оскорбляет наш взор и слух; осанка, походка, способ сидеть, способ возлежать за столом, выражение лица, глаза, движения рук — все это должно оставаться подобающим. (129) При этом надо избегать особенно тщательно двух вещей: как расслабленности и изнеженности, так и грубости и неотесанности. Право, нельзя допускать, чтобы хорошие качества были свойственны только актерам и ораторам, а нам были чужды. Что касается людей, выступающих на сцене, то их обычай, в силу древних правил, требует большой стыдливости, так что без набедренной повязки¹⁸⁹ на сцену не выходит никто; ибо они опасаются, как бы их, если у них случайно откроются некоторые части тела, не увидели в неподобающем виде. По нашему обычаю, взрослые сыновья не моются вместе с отцом, а зятья — с тестем¹⁹⁰. Итак, такую стыдливость надо хранить — тем более что в этом нас наставляет и нами руководит сама природа.

(XXXVI, 130) Есть два вида красоты: одному из них присуще изящество, другому — достоинство; изящество мы должны считать свойственным женщине, достоинство — свойственным мужчине. Следовательно, надо удалять какие бы то ни было внешние украшения, недостойные мужа, и такого же порока надо остерегаться в своих жестах и движениях. Ведь движения, какие мы делаем на палестре¹⁹¹, часто вызывают некоторое неудовольствие, а кое-какие жесты актеров несвободны от пошлости; в обоих случаях хвалят все правильное и простое. Далее, внешнее достоинство надо поддерживать хорошим цветом лица, а цвет лица — телесными упражнениями. Кроме того, надо соблюдать чистоту, которая не должна быть ни неприятной, ни чересчур изысканной, но лишь далекой от грубой небрежности и невоспитанности. Такого же правила надо держаться в одежде, в которой, как и во всем, наилучшее — разумная середина. (131) Надо, однако, остерегаться медлительности и вялости в походке, дабы не походить на носильщиков в шествиях, как и чрезмерной быстроты и спешки, так как, когда ее допускают, появляется одышка, изменяется выражение лица, искажаются его черты; все это ясно указывает на отсутствие стойкости. Но гораздо больше надо стараться о том, чтобы были естественны движения души; мы достигнем этого, если будем следить за тем, чтобы нас не охватывали ни тревожения, ни смертельный страх, и обращать внимание на соблюдение всего того, что подобает. (132) Что касается движений души, то они бывают двойкие: одни связаны с размышлением, другие — со стремлениями. Размышление бывает направлено, главным образом, на поиски истины; стремление побуждает нас к деятельности. Поэтому надо стараться прибегать к размышлению для возможно лучших дел, а стремления подчинять разуму.

(XXXVII) Так как значение речи велико и она бывает двух родов — речь ораторская и беседа, то ораторская речь должна предназначаться для выступлений в суде, на народных сходках, в сенате¹⁹²; беседа будет уместна при встречах, при спорах, в собрании близких друзей; ею должны сопровождаться также и пирушки. Насчет ораторской речи наставления — дело риторов, но не насчет беседы, хотя также и это, пожалуй, возможно. Для занятий с учениками находят наставников; между тем умению вести беседу не учится никто; толпа риторов заполняет все; впрочем, так как насчет слов и мыслей правила известны, то они же будут распространяться и на беседу. (133) Так как для речи мы располагаем голосом, а при пользовании им преследуем две цели — чтобы он был звучен и приятен, то обоих качеств, вообще говоря, надо добиваться от природы; но первое увеличится благодаря упражнению, второе — благодаря подражанию людям, говорящим отчетливо и спокойно. В Катулах не было ничего, что заставляло бы находить в них тонкое понимание литературы, хотя они были образованными людьми; но ведь такими же были и другие; однако они, по всеобщему мнению, превосходно говорили по-латински; речь их звучала приятно, слогов они не отчеканивали и не проглатывали, так что не было ни невнятности, ни манерности; голос у них, при отсутствии напряжения, не был ни тягуч, ни певуч. Речь Луция Красса была более богата и не менее остроумна, но за Катулами признавали не меньшую способность говорить красноречиво. Своим остроумием и шутками Цезарь, брат Катула отца¹⁹³, превзошел всех, так что он именно в судебном красноречии, прибегая к беседе, брал верх над выступлениями других людей. Во всем этом надо потрудиться, если мы ищем того, что подобает.

(134) Итак, пусть наша беседа, в которой наиболее искусны сократики¹⁹⁴, будет спокойна и полна уступчивости; пусть в ней будет приятность. И из нее, право, не следует исключать других людей, словно мы вступили во владение; нет, как и в других случаях, так и во всеобщей беседе надо находить вполне справедливым, чтобы каждый говорил в свою очередь. При этом прежде всего надо принимать во внимание, о чем говорят: если о важных предметах, то в беседу надо вносить строгость; если о забавных, то приятность; но прежде всего следует остерегаться, как бы беседа не открыла какого-либо недостатка в нраве человека, что обыкновенно случается чаще всего тогда, когда с пристрастием говорят об отсутствующих, желая их очернить, и либо изображают их со смешной стороны, либо говорят сурово, злобно и оскорбительно. (135) В большинстве случаев беседуют либо о домашних делах, либо о положении в государстве, либо о занятиях науками и о философии. Итак, надо стараться, чтобы беседа, даже если она станет отклоняться в сторону, снова обратилась к одному из этих предметов, но в соответствии с тем, кто именно присутствует. Ведь мы получаем удовольствие не от одних и тех же вопросов, и не во всякое время, и не в одинаковой степени. Надо обращать внимание и на то, до какого времени беседа доставляет удоволь-

ствие ее участникам, дабы — если было основание к ней приступить — была и мера, чтобы ее закончить.

(XXXVIII, 136) Но подобно тому, как в течение всей нашей жизни нам, с полным на это основанием, советуют избегать треволений, то есть чересчур сильных движений души, не повинующихся разуму, так беседа должна быть свободна от таких движений души, в которых может проявиться гнев, или какое-либо пристрастие, или леность, или безволие и обнаружится что-нибудь в таком же роде, и более всего надо стараться показать, что тех, с кем мы будем вести беседу, мы уважаем и любим. Иногда необходимы даже упреки, причем, пожалуй, бывает нужно повысить голос, воспользоваться более резкими словами и постараться показать, что мы так поступаем в состоянии гнева¹⁹⁵. Но как к прижиганию и отсечению¹⁹⁶, так и к этому виду порицания мы будем прибегать редко, нехотя и всегда только по необходимости, если не окажется возможным лечить иным способом; но все же да не будет места для гнева, посредством которого ничего нельзя совершить справедливо, ничего — обдуманно. (137) В большинстве случаев дозволяется прибегать к мягкому порицанию, но все же со строгостью — с тем, чтобы и проявить суровость, и не допустить оскорблений. Кроме того, надо показать, что суровость упреков была проявлена для пользы именно того человека, которого упрекают. Правильно также, чтобы в тех столкновениях, какие у нас происходят с нашими злейшими недругами, мы, хотя и слышим речи, нами не заслуженные, все-таки сохраняли достоинство и не поддавались гневу. Ведь того, что сопровождается некоторыми треволениями, невозможно ни совершить, оставаясь стойкими, ни оправдать в глазах присутствующих. Некрасиво и прибегать к самовосхвалению, особенно ложному, и среди насмешек слушателей уподобляться «хвастливому воину»¹⁹⁷.

(XXXIX, 138) А так как мы рассматриваем все (во всяком случае, мы хотим этого), то нам следует поговорить и о том, каков должен быть дом человека, окруженного почетом и первенствующего, предназначенный для пользования; этому должен соответствовать план постройки, причем, однако, надо руководствоваться заботой об удобстве и достоинстве. Гнею Октавию, первому в этой ветви рода избранному в консулы, как мы узнали, принесло почет то, что он построил для себя на Палатине превосходный и великолепный дом, который, когда все видели его, казалось, подавал голос за избрание в консулы своего владельца, нового человека¹⁹⁸. Скавр¹⁹⁹, сломав этот дом, сделал пристройку к своим строениям. Таким образом, Октавий первым принес в свой дом консулат, а Скавр, сын выдающегося и прославленного мужа, в свой расширенный дом возвратился не только с неудачей, но и с бесславием и после несчастья. (139) Ведь дом должен придавать достоинство человеку; но последнее нельзя всецело усматривать в доме и не по дому надо почитать его владельца, а по владельцу — дом. И как в других сторонах жизни надо считаться не только с собой, но и с другими людьми, так и в доме прославленного человека, где приходится принимать многочисленных гостей и видеть множество людей и граждан, надо заботиться о помести-

тельности; однако обширный дом часто приносит позор своему владельцу, если он пустынен, а более всего, если некогда, при другом владельце, его обыкновенно посещало множество людей. Ведь очень печально, когда прохожие говорят:

О старый дом! Увы, как не подходит тот
Владелец, что тобой владеет! ²⁰⁰

Впрочем, в наше время можно сказать это во многих случаях ²⁰¹. (140) Кроме того, надо остерегаться, если строишь дом сам, превысить меру в расходах и великолепии. В этой области много зла даже перед нашими глазами. Ведь большинство людей, особенно в этом отношении, усердно подражает людям, первенствующим среди нас, например Луцию Лукуллу ²⁰², выдающемуся мужу. А доблести его кто подражает? Но как много нашлось людей, подражавших великолепию его усадеб! ²⁰³ В убранстве усадеб, несомненно, надо соблюдать меру и вернуться к разумной середине. Эту же разумную середину надо переносить на весь уклад и образ жизни. Но об этом достаточно.

(141) В каждом начинании надо соблюдать три правила: во-первых, подчинять свои стремления разуму, а это более чем что-либо другое способствует соблюдению человеком своих обязанностей; во-вторых, принимать во внимание, сколь важно то, что мы хотим совершить, — дабы не брать на себя забот и трудов ни больших, ни меньших, чем требует дело; в-третьих, соблюдать меру во всем том, что относится к внешнему впечатлению благородства и к достоинству. Ведь наилучшая мера — придерживаться именно того подобающего, о котором мы говорили ранее, и не выходить за его пределы. Из этих трех правил, во всяком случае, самое важное — подчинять стремления разуму.

(XL, 142) Далее нам надо поговорить о распорядке и о благоприятном времени, а они связаны со знанием, которое греки называют *эйтаксией*; это не та, которую мы в переводе называем умеренностью [modestia], от слова «мера» [modus]; нет, это та *эйтаксия*, под которой понимают соблюдение распорядка. Поэтому, дабы мы могли также и ее называть умеренностью, стоики дают такое определение: умеренность есть умение ставить все то, что делается или говорится, на соответствующее место. Таким образом, понятия «распорядок» [ordo] и «подходящее место» [collocatio], по-видимому, будут иметь один и тот же смысл; ибо «распорядок» стоики определяют так: расположение вещей в соответствующих и подходящих для них местах; опять-таки место действия, по их словам, есть соответствие во времени; соответствующее время действия по-гречески называется *эйкайрией*, а по-латински — благоприятным случаем [occasio]. Таким образом, умеренность, которую мы понимаем так, как я сказал, есть умение выбирать время, подходящее для действий. (143) Впрочем, дальновидности, о которой мы говорили вначале, можно дать такое же определение, но здесь мы рассматриваем вопрос о самообладании, воздержности и подобных им доблестях. Итак, о том, что свойственно даль-

новидности, было сказано в свое время. Но о том, что свойственно этим доблестям, о которых мы уже долго говорим, и что относится к уважению и одобрению со стороны тех, среди кого мы живем, надо сказать теперь.

(144) Итак, в действиях надо соблюдать такой порядок, чтобы и в стройной речи, и в жизни все соответствовало и подходило одно к другому; ведь позорно и совсем неправильно вставлять в речь о важном деле слова, уместные на пирушках и двусмысленные. Когда коллегой Перикла по претуре был поэт Софокл, и они встретились для исполнения общих обязанностей²⁰⁴, и Софокл сказал о красивом мальчике, случайно проходившем мимо: «Какой красивый мальчик, Перикл!», — то Перикл очень уместно заметил: «Это верно, Софокл, но претору подобает не давать воли не только своим рукам, но и своим взорам». Если бы Софокл сказал это же при испытании атлетов, он не услышал бы подобного справедливого упрека. Значение места и времени столь велико, что, если бы человек, намеревающийся выступить в суде, стал рассуждать сам с собой в пути и в портике для прогулок²⁰⁵ или сосредоточенно обдумывать что-нибудь другое, он не встретил бы порицания; но если бы он так поступил во время пирушки, то его сочли бы необразованным человеком ввиду его неуместного поведения. (145) Но то, что вовсе не соответствует поведению просвещенного человека, — например, если кто-нибудь запоет на форуме или позволит себе что-либо никак не допустимое, — легко бросается всем в глаза и не требует особого предупреждения и наставлений; что касается проступков, кажущихся незначительными и незаметными многим людям, то их надо тщательно избегать. Как в игре на лире или на флейте сведущий человек обыкновенно замечает даже малый разлад, так и в жизни надо следить за тем, чтобы случайно не было какого-нибудь разлада, и следить даже намного внимательнее, так как соответствие действий важнее и прекраснее соответствия звуков.

(XLI, 146) Итак, подобно тому, как при игре на лире ухо музыканта воспринимает даже малейшую фальшь²⁰⁶, так и мы, желая быть зорки и внимательны и уметь замечать недостатки, часто будем делать важные выводы на основании мелочей. Но по тому, как люди смотрят на нас, как они хмурятся или перестают хмуриться, по их печальному или веселому виду, смеху, говорливости или молчаливости, повышению или понижению голоса и другим подобным признакам мы легко сделаем вывод насчет того, что им подходит и что не соответствует долгу и природе. В этом отношении очень выгодно оценивать те или иные поступки на чужом примере, дабы самому не сделать того, что не подобает другим. Ведь мы почему-то замечаем малейшие проступки других людей лучше, чем свои²⁰⁷. Поэтому при обучении лучше всего поддаются исправлению те люди, чьим порокам их наставники подражают с целью их исправления.

(147) Вполне уместно также, для выбора из того, что у нас вызывает сомнения, обращаться к ученым людям, особенно к искушенным благодаря их опыту, и узнавать их мнение насчет каждой из обязанностей. Ведь

большинство людей, можно сказать, обыкновенно стремится туда, куда их ведет сама природа. В таких случаях надо интересоваться не только тем, что говорит каждый из них, но и тем, что каждый из них думает и по какой причине каждый из них это думает. Ведь подобно тому, как живописцы и ваятели, а также и поэты все хотят, чтобы толпа оценивала их произведения²⁰⁸, дабы они могли исправить то, в чем большинство людей нашло недостатки, и, рассматривая сами и расспрашивая других, стараются выяснить, в чем именно они погрешили, так и мы, на основании суждения других людей, должны очень многое делать, многого делать не должны, многое должны изменять и поправлять. (148) Насчет того, как мы поступим в соответствии с обычаем и гражданскими установлениями, давать наставления надобности нет. Ведь все это само по себе — наставления, и никто не должен впасть в заблуждение, решив, что если Сократ или Аристипп²⁰⁹ совершили или высказали что-нибудь противное обычаю или гражданскому правопорядку, то это же самое дозволено и ему. Ведь те люди достигали подобной вольности своими великими и богами им внушенными качествами. Что касается учения киников, то его надо полностью отвергнуть; ибо оно враждебно совестливости, без которой невозможно ничто правильное, ничто нравственно-прекрасное. (149) Что касается тех, чья жизнь была у всех на виду, проходя в нравственно-прекрасных деяниях, людей с честными намерениями по отношению к государству и с большими заслугами перед ним как в прошлом, так и в настоящем, облеченных той или иной магистратурой или империем, то мы должны их уважать и почитать, во многом считаться с их старостью, оказывать предпочтение тем из них, кто будет магистратом; мы должны знать различие между гражданином и чужеземцем, а в отношении чужеземца принимать во внимание, как он приехал к нам: как частное лицо или официальное? Итак — дабы нам не обсуждать каждого случая в отдельности, — мы должны почитать, охранять и оберегать весь человеческий род в его всеобщем объединении и союзе.

(XLII, 150) Далее, насчет ремесел и заработков — и таких, которые надо считать достойными свободного человека, и презренных²¹⁰ — мы получили в общем следующие заветы: во-первых, порицаются доходы, навлекающие на себя ненависть людей, как доходы сборщиков пошлин и ростовщиков. Недостойны свободного человека и презренны заработки всех поденщиков, чей покупается труд, а не искусство; ведь в этих занятиях самая плата есть вознаграждение за рабское состояние. Презренными людьми надо считать и тех, кто покупает товары у торговцев, чтобы их тотчас же перепродать; ибо они получают доход только в том случае, если сильно обманывают покупателя, а ведь нет ничего более постыдного, чем обман. Все ремесленники занимаются презренным трудом, в мастерской не может быть ничего благородного, и наименьшего одобрения заслуживают ремесла, обслуживающие наслаждения.

Бегут ко мне приветливо торговцы тонкой снедью —
Колбасники, пирожники и рыбник, ..., —

говорит Теренций²¹¹; прибавь к ним, если хочешь, людей, изготовляющих благоволия²¹², плясунов²¹³ и всю игру в кости²¹⁴. (151) Что касается ремесел, в которых нужны бóльшие знания, или ремесел, от которых ожидают немалой пользы, как лека́рство, архитектура, обучение всему нравственно-прекрасному, то они нравственно-прекрасны для тех, чьим знаниям они соответствуют. Но торговлю, если она незначительна, надо считать грязным делом; если же она обширна и прибыльна, когда отовсюду привозится много товаров и многие люди снабжаются ими без обмана, то ее порицать нельзя. Более того, если она, насытившись или, вернее, удовлетворившись полученным доходом, перешла, как это часто бывает, из открытого моря в гавань, а из самой гавани в глубь страны и в земельные владения, то ее, по-видимому, можно хвалить с полным на это основанием²¹⁵. Но из всех занятий, приносящих некоторый доход, сельское хозяйство — наилучшее, самое благодарное, самое приятное, наиболее достойное человека, и притом свободного²¹⁶; так как я достаточно подробно высказался о нем в «Катоне Старшем»²¹⁷, то ты там найдешь все, относящееся к этому вопросу.

(XLIII, 152) Как обязанности возникают из положений, относящихся к нравственной красоте, по-видимому, объяснено достаточно ясно. И вот, между самими нравственно-прекрасными поступками часто могут возникнуть соперничество и сравнение: который из двух нравственно-прекрасных поступков прекраснее? Панэтий пропустил этот вопрос²¹⁸. Ибо поскольку всякая нравственная красота вытекает из четырех положений, первое из которых относится к познанию, второе — к общественному началу, третье — к великодушию, четвертое — к самообладанию, то часто возникает необходимость сравнить их при выборе обязанности.

(153) И вот я и думаю, что обязанности, проистекающие из общественного начала, соответствуют природе больше, чем обязанности, проистекающие из познания, и это можно подтвердить следующим доказательством: если бы на долю мудрого человека выпала жизнь, когда бы он, среди полного изобилия во всем, пользуясь полным досугом, стал наедине с собой оценивать и созерцать все достойное познания, то все-таки, если бы его одиночество было столь полным, что он не мог бы видеть ни одного человека, он ушел бы из жизни²¹⁹. И первая из всех доблестей²²⁰ — та мудрость, которую греки называют *σοφία*. Ведь под дальновидностью, которую греки называют *φρόνησις*, мы понимаем другую доблесть — знание того, к чему надо стремиться, и того, чего надо избегать. А та мудрость, которую я назвал первенствующей, есть знание дел божеских и человеческих²²¹, на котором основаны общность между богами и людьми и союз между одними и другими²²²; если доблесть эта — величайшая, какова она, несомненно, и в действительности, то из этого непременно следует, что обязанность, возникающая из общности, — величайшая. И в самом деле, познание и созерцание природы были бы в каком-то отношении неполными и только начатыми, если бы за ними не последовало действия. И вот, действие это бывает более всего видно в охране интересов людей; оно, таким образом, имеет прямое отношение к человеческому обществу;

поэтому его надо ставить превыше познания. (154) И все лучшие люди доказывают это на деле и так думают. И право, кто столь поглощен изучением и познанием природы вещей, что он — если ему, когда он будет рассматривать и созерцать предметы, достойные познания, неожиданно сообщат о грозной опасности, угрожающей отечеству, которому он может прийти на помощь и оказать содействие, — всего этого не оставит и не отбросит, даже если он думает, что может счесть звезды или измерить вселенную? И он поступит точно так же, если опасность будет угрожать его отцу или другу. (155) Из этого понятно, что занятиям наукой и обязанностям перед нею надо предпочитать обязанности перед справедливостью, имеющие целью пользу людей, дороже которой для человека не должно быть ничего.

(XLIV) И именно те люди, чьи занятия и вся жизнь были посвящены познанию, все же не переставали заботиться о пользе и об интересах людей; ведь они обучили многих людей, дабы они стали лучшими гражданами, более полезными своим государствам; так, например, фиванца Эпаминонда обучал пифагореец Лисис²²³, сиракузянина Диона²²⁴ — Платон, многие обучали многих²²⁵; лично я все то, что отдал государству (если я ему вообще что-то отдал), отдал, приступив к государственной деятельности подготовленным и наставленным своими учителями и их учениями. (156) И учителя обучают и наставляют желающих учиться не только будучи живы и находясь среди нас; нет, они даже посмертно достигают этого же своими сохранившимися сочинениями. Ведь они не пропустили ни одного положения, относящегося к законам, к обычаям, к государственному устройству, так что они, как нам кажется, посвятили свои досуги нашей деятельности. Так эти же люди, преданные изучению науки и мудрости, направляют всю свою проницательность и дальновидность именно на служение людям; также и по этой причине краснó говорить — только бы это говорилось дальновидно — лучше, чем глубочайше мыслить, не проявляя красноречия²²⁶, так как мышление замыкается в самом себе, а красноречие охватывает тех, с кем мы объединены общественными узами. (157) И как рои пчел собираются вместе не ради того, чтобы лепить соты, но лепят соты, потому что они от природы склонны собираться вместе, так и люди, и притом в гораздо большей мере, собравшись вместе ввиду своих природных качеств²²⁷, проявляют изобретательность в своих действиях и помышлениях.

Итак, если доблесть, выражающаяся в защите людей, то есть в общности человеческого рода, не направлена на познание, то познание кажется нам односторонним и бесплодным. (Равным образом величие духа без доброжелательности и без единения между людьми стало бы, так сказать, дикостью и свирепостью.) Таким образом, объединение и общественные узы между людьми берут верх над стремлением к познанию. (158) И не верно то, что кое-кто²²⁸ говорит, будто общественные узы и союз между людьми установлены ввиду необходимости жить, так как мы не можем, без участия других людей, достигать и совершать все то, в чем природа нуждается; и если бы все то, что необходимо для нашего

существования и жизни, доставлялось нам как бы по мановению божественной палочки, как говорится²²⁹, то тогда все самые одаренные люди, оставив все свои дела, всецело обратились бы к познанию и науке. Но это не так; ибо такой человек и бежал бы от одиночества, и искал бы участника в занятиях, и хотел бы то обучать, то учиться, то слушать, то говорить. Следовательно, каждую обязанность, способную оберегать объединение и общественные узы между людьми, надо ставить выше обязанности, состоящей в познании и занятиях наукой.

(XLV, 159) Быть может, следовало бы спросить, надо ли общность эту, в величайшей степени соответствующую природе, всегда ставить выше также и самообладания и умеренности. Не думаю этого. Ведь одни действия столь отвратительны, другие столь позорны, что мудрый человек не совершит их даже ради спасения отечества. Посидоний²³⁰ собрал много таких примеров, но некоторые из них столь скверны, столь непристойны, что кажутся позорными, даже когда о них говорят. Итак, мудрый не совершит их в интересах государства, и государство даже не захочет, чтобы их ради него совершали. Но, к счастью, невозможен случай, когда интересы государства потребовали бы, чтобы мудрый совершил одно из упомянутых действий²³¹. (160) Да будет поэтому твердо установлено, что при рассмотрении обязанностей на первом месте должен быть тот род обязанностей, который зиждется на общественных узах между людьми. И в самом деле, обдуманное действие вытекает из познания и дальновидности; таким образом, действовать обдуманно важнее, чем мыслить дальновидно. Но об этом достаточно. Положение это разъяснено, так что при рассмотрении обязанности нетрудно понять, что чему следует предпочитать. Но в пределах самого человеческого общества существуют ступени обязанностей, а это позволяет понять, какая из них выше других, так что первая довлеет бессмертным богам, вторая — отечеству, третья — родителям, затем, в последовательности, — всем остальным.

(161) Из краткого рассмотрения этих вопросов возможно понять, что люди обыкновенно спрашивают себя не только о том, прекрасно ли в нравственном отношении или же позорно то или иное действие, но и о том, которое из двух предстоящих нам нравственно-прекрасных действий более прекрасно. Панэтий, как я уже говорил выше, вопрос этот пропустил. Но теперь обратимся к дальнейшему.

КНИГА ВТОРАЯ

(I, 1) Как обязанности вытекают из нравственной красоты и из любого вида доблести, я думаю, сын мой Марк, объяснено достаточно хорошо в первой книге. Следующей задачей моей будет рассмотреть те виды обязанностей, которые относятся к поддержанию жизни людей и к их способности располагать тем, чем они пользуются, к их могуществу и богатству. Здесь, как я тогда сказал, возникает вопрос о том, какая из

полезных вещей полезнее и какая наиболее полезна. Я приступлю к рассмотрению этих вопросов, предварительно вкратце высказавшись о своем намерении и о своей точке зрения.

(2) Хотя мои книги возбудили во многих людях стремление не только читать, но и писать, я все же иногда опасаясь, что кое-кому из честных мужей название «философия» ненавистно и они удивляются тому, что я трачу на нее столько труда и времени. Лично я, пока во главе государства стояли люди, которым оно доверилось само, посвящал ему все свои заботы и помыслы. Но тогда, когда надо всем властвовал один человек¹ и не было возможности ни дать совет, ни взять на себя ответственность, я, в конце концов лишившись своих союзников в деле защиты государства, величайших мужей², не стал предаваться ни тоске, которая сокрушила бы меня, если бы я перед ней не устоял, ни, напротив, наслаждениям, недостойным ученого человека. (3) О, если бы государство было в таком положении, какое в нем возникало³, и не оказалось во власти людей, страстно желавших не столько изменить его строй, сколько его ниспровергнуть! Во-первых,— подобно тому, как я обыкновенно поступал, когда государство было неприкосновенно,— я прилагал бы в своей деятельности больше труда, чем к своим писаниям; во-вторых, самые писания свои я посвящал бы не тому, чему посвящаю их теперь, а своей деятельности, как я часто и поступал. Но так как государства, которое обыкновенно было предметом всех моих забот, помыслов и трудов, вообще не существовало, то, разумеется, умолкли и мои сочинения, относившиеся к выступлениям в суде и в сенате⁴. (4) Но так как мой ум не мог быть праздным, то я, смолоду обратившись к этим занятиям, подумал, что могу, с великим для себя почетом, снять с себя бремя огорчений, обратившись к философии. Затратив в молодости много времени на ее изучение⁵, я, после того как начал занимать магистратуры и всецело отдался государственной деятельности, располагал для занятий философией только таким временем, какое мне оставляло трудное положение друзей и государства. И время это я все тратил на чтение; досуга для писания у меня не было.

(II, 5) Итак, среди величайших зол я все-таки, по-видимому, добился вот какого блага: я записывал все то, что не было достаточно известно соотечественникам и в то же время было вполне достойно того, чтобы они это знали⁶. И право, что — во имя богов! — более желанно, чем мудрость, что более замечательно, что лучше для человека, что более достойно его? Тех, кто стремится к ней, называют философами, и философия, если ты захочешь перевести это слово, не что иное, как любопытствие. Что касается мудрости, то она, по определению древних философов, есть знание дел божеских и человеческих, как и причин, от которых они зависят; если кто-нибудь пренебрегает интерес к мудрости, то я, право, не понимаю, что именно считает он нужным прославлять. (6) И действительно, если мы ищем развлечения для души и отдохновения от забот, то что можно сравнить с усилиями тех, кто всегда стремится к чему-нибудь такому, что направлено и способно привести к хорошей и счастли-

вой жизни? Если же имеется в виду стойкость и доблесть, то именно эта наука даст нам возможность достичь того, о чем я говорил выше, или же такой науки не существует вообще. Говорить, что не существует науки о важнейших вопросах, — когда нет ни одного самого маловажного вопроса, в котором было бы возможно без науки обойтись, — свойственно людям, говорящим необдуманно и заблуждающимся в важнейших делах. Но если существует какое-то учение о доблести, то где же искать его, если откажешься от этого вида изучения? Однако это, поскольку я советую заниматься философией, обыкновенно обсуждают более тщательно; я сделал так в своей другой книге⁷; теперь мне надо было только объяснить, почему я, лишенный возможности заниматься делами государства, обратился именно к этим занятиям.

(7) Но мне приходится слышать вопросы, и притом со стороны ученых и образованных людей⁸, — достаточно ли последовательно я поступаю, раз я, говоря, что ничего невозможно узнать в точности, все-таки рассуждаю о других вещах и в это же самое время даю наставления насчет доблести. Я хотел бы, чтобы мое мнение было достаточно хорошо известно им. Ведь я не из тех людей, чей ум блуждает в неопределенности и никогда не знает, чему следовать. Каково было бы наше мышление, вернее, какова была бы наша жизнь после утраты нами мерила не только чтобы рассуждать, но даже чтобы жить? Что касается меня, то подобно тому, как другие люди одно называют определенным, а другое неопределенным, так я, не соглашаясь с ними, одно называю вероятным, другое — противоположным вероятному. (8) Что же в таком случае могло бы препятствовать мне следовать тому, что мне кажется вероятным, а противоположное ему порицать и, избегая заносчивости в своих утверждениях, не допускать необдуманности, весьма далекой от мудрости? Напротив, философы нашей школы обсуждают все вопросы, так как даже вероятное не может стать ясным без сопоставления доводов обеих сторон. Но это, думается мне, было разъяснено достаточно подробно в моем «Учении академиков»⁹. Что касается тебя, мой дорогой Цицерон, то, хотя ты и приобщился к древнейшей и знаменитейшей философской школе, руководимой Кратиппом, который вполне подобен создателям этих прославленных учений¹⁰, я все-таки хотел, чтобы эти наши воззрения, сопредельные с вашими, были хорошо известны тебе. Но теперь продолжим рассмотрение поставленной нами задачи.

(III, 9) Итак, после того как было представлено пять способов исполнения долга, — два из них относятся к подобающему и к нравственной красоте, два — к жизненным благам, средствам, богатствам, возможностям, пятый — к решению при выборе, если названные мною способы между собою, как кажется, когда-либо борются, — то раздел о нравственной красоте исчерпан, и я желаю, чтобы он был тебе хорошо известен. То, что мы рассмотрим теперь, называется полезным. Здесь словоупотребление, соскользнув с прямого пути, постепенно дошло до того, что оно, отделяя нравственную красоту от пользы, устанавливает, что в нравственном отношении прекрасно то, что не полезно, и что полезно то, что в нрав-

ственном отношении не прекрасно; ничего более пагубного для людей в их жизни нельзя было и придумать. (10) Самые авторитетные философы строго, здраво и в нравственном отношении прекрасно различают три следующие положения, нераздельные при размышлении о них: по их мнению, все то, что справедливо, также и полезно; опять-таки то, что в нравственном отношении прекрасно, в то же время справедливо; из этого следует, что все нравственно-прекрасное в то же время и полезно¹¹. Те, кто в этом разбирается слабо, часто восхищаясь изворотливыми и хитрыми людьми, считают лукавство мудростью. Их заблуждение надо рассеять и направить все их мысли на то, чтобы у них появилась надежда понять, что только нравственно-прекрасными намерениями и справедливыми поступками, но никак не обманом и лукавством возможно достичь того, чего они хотят.

(11) Итак, из всего того, что существенно для обеспечения жизни человека, одни предметы — неодушевленные, например золото, серебро, все то, что производит земля, и так далее; другие — одушевленные, обладающие своими стремлениями и наклонностями. Из них одни разума лишены, другие обладают им. Разума лишены лошади, быки, другая скотина, пчелы, труд которых в какой-то мере полезен людям и помогает им существовать. Обладающих разумом делят на два рода: один — это боги, люди — это другой¹². Богов умиловитвят благочестие людей и чистота их жизни; но непосредственно после богов люди могут быть очень полезны людям. (12) Что касается всего того, что способно вредить людям и наносить им ущерб, то деление такое же. Но так как люди не думают, чтобы боги могли причинять вред, то они, исключив богов, полагают, что людям причиняют величайший вред люди. Ведь именно те предметы, которые мы назвали неодушевленными, большей частью и созданы трудом людей; их у нас не было бы, если бы к этому не было приложено умелых рук, и мы не пользовались бы ими без деятельности людей. Ведь ни забота о здоровье человека, ни мореплавание, ни земледелие, ни сбор и сохранение урожая хлебов и других земных плодов не были бы возможны без человеческого труда¹³. (13) Далее, ни вывоза того, в чем у нас изобилие, ни ввоза того, в чем мы нуждаемся, конечно, не было бы, если бы люди не оказывали друг другу этих услуг. По этой же причине люди без труда своих рук не выламывали бы из земли камней, необходимых для наших нужд, и не выкапывали бы

...железа, меди, золота, серебра, глубоко скрытых¹⁴.

(IV) А дома, защищающие нас от сильных холодов и помогающие нам переносить тягостную жару? Откуда человек мог бы вначале их получить и как они впоследствии могли бы оказывать ему помощь, если бы они обрушились от сильной непогоды, или от землетрясения, или ввиду своей ветхости, — если бы совместная жизнь не научила нас при подобных обстоятельствах искать помощи у людей? (14) Прибавь к этому водопроводы¹⁵, отведение рек, орошение земель, сооружение плотин на

реках, рукой человеческой созданные гавани. Откуда могли бы мы получать все это без человеческого труда? Из всего этого и из многого другого очевидно, что выгоду и пользу, какие возможно извлекать из неодушевленных предметов, мы никак не могли бы получать без труда человеческих рук. Наконец, какую выгоду и какие удобства нам могли бы доставлять животные, если бы люди не способствовали этому? Ведь те, кто первый открыл, какую пользу мы могли бы получать от каждого животного, несомненно, были людьми, да и в настоящее время мы без приложения человеческого труда не могли бы ни пасти скот, ни приручать животных, ни оберегать их, ни своевременно извлекать из них пользу. Опять-таки люди истребляют вредных животных и ловят таких, какие могут быть полезны. (15) Зачем мне перечислять множество ремесел, без которых жизнь вообще не была бы возможна? И действительно, кто приходил бы на помощь больным, что служило бы развлечением для здоровых, каковы были бы наша пища и образ жизни, если бы столь многочисленные ремесла не доставляли нам того, благодаря чему намного улучшенная жизнь людей столь далека от всего образа жизни животных? Что касается городов, то без стечения людей действительно не оказалось бы возможным ни строить их, ни населять; благодаря этому были изданы законы и возникли обычаи, а затем были установлены права, равные для всех граждан, и определенный жизненный уклад. Вслед за этим появилась душевная мягкость и чувство уважения к ближнему, так что жизнь стала более обеспеченной, и мы, давая и получая блага и обмениваясь услугами, перестали нуждаться в чем бы то ни было.

(V, 16) Мы рассматриваем это положение более, чем нужно. И право, кому не ясно все то, о чем Панэтий говорит чересчур подробно, — что никто, ни один полководец во время войны и ни один правитель государства во времена мира, не мог совершить ни великих, ни полезных деяний без содействия людей? Панэтий говорит о Фемистокле, Перикле, Кире¹⁶, Агесилае¹⁷, Александре, которые, по его словам, не могли бы без помощи людей совершать столь великие деяния. В вопросе, не вызывающем сомнений, он привлекает свидетелей, совсем ненужных. При этом как мы достигаем большой пользы своей сплоченностью и согласием, так не бывает столь ужасного бедствия, которое не передавалось бы от одного человека другому. Перипатетик Дикеарх¹⁸, великий и разносторонний человек, написал книгу о гибели людей; в ней он, собрав другие причины этой гибели, как наводнения, моровые болезни, скитания в пустынных местностях¹⁹, неожиданное появление множества хищных зверей (от него, как доказывает Дикеарх, погибли некоторые племена людей), затем сравнивает, насколько число людей, истребленных в связи с нападением других людей, то есть в связи с войнами и мятежами, оказалось больше числа людей, погибших от всех других бедствий.

(17) Итак, раз это положение не вызывает сомнений в том, что люди приносят людям и величайшую пользу, и величайший вред, то я делаю из этого вывод, что доблести свойственно привлекать к себе людей и приобщать их к служению их же интересам. Поэтому то, что из числа

неодушевленных предметов, как и при использовании животных, обращается на пользу людям в их жизни, доставляется ремеслами, требующими труда; что же касается людских стараний, подготовленных и направленных на умножение нашего достояния, то их возбуждают мудрость и доблесть выдающихся мужей. (18) И право, всякая доблесть проявляется, можно сказать, трояко: во-первых, в уразумении того, что в каждом случае правдиво и искренно, что подходит для каждого человека, что последовательно, что чем порождается, что служит причиной каждого обстоятельства; во-вторых, в способности обуздывать расстроенные движения души, которые греки называют *πάθη*²⁰, и приводить стремления, которые они называют *ὄρμαι*, к повиновению разуму; в-третьих, в умеренном и правильном обращении с людьми, среди которых мы живем,— с тем чтобы стараниями их мы в полной мере и даже с лихвой получали все то, чего требует природа, и при их же посредстве, если нам причиняют какой-либо ущерб, его устраняли и карали тех, кто попытался нам повредить, и подвергали их самому тяжкому наказанию, какое только допускают справедливость и человечность. (VI, 19) О том, каким именно образом мы можем достичь способности приобретать и сохранять расположение людей, я скажу немного погодя, но кое-что надо вкратце сказать предварительно.

Кто не знает, что судьба весьма могущественна в двух отношениях — в счастье и в несчастье? Ибо, когда веяние судьбы благоприятно для нас, она приводит нас к желанной цели; когда оно противно, нас постигает беда. Итак, эта самая судьба ниспосылает нам и другие, сравнительно редкие случайности: во-первых, со стороны неодушевленной природы — бури, непогода, кораблекрушения, обвалы, пожары; далее, со стороны зверей — удары, укусы, нападения; но все это, как я уже говорил, бывает сравнительно редко. (20) А вот с другой стороны, истребление, какому недавно подверглись три войска²¹, а часто подвергались многие, поражения, нанесенные императорам²², например недавнее поражение, какое потерпел выдающийся и замечательный муж²³; кроме того, ненависть толпы и связанные с нею частые случаи изгнания весьма заслуженных граждан, их несчастья и бегство и, напротив, счастливые обстоятельства, магистратуры, империй, победы; хотя все это зависит от случая, все-таки без помощи и усилий людей это неосуществимо ни в благоприятном, ни в дурном смысле.

Поняв это, мы должны сказать, каким именно образом мы могли бы себе на пользу привлекать и побуждать старания людей. Если моя речь об этом будет чересчур длинна, то пусть ее сопоставят со степенью ее пользы; тогда она, быть может, покажется даже чересчур краткой. (31) И вот, все то, что люди воздают человеку, дабы возвеличить и почтить его, они делают либо из доброжелательности, чтя его по той или иной причине, либо из желания оказать ему почет, предполагая в нем доблесть и находя его достойным возможно большей удачи, либо из чувства доверия к нему и из уверенности в том, что он хорошо заботится об их интересах, либо из опасений его могущества, либо же, наоборот, когда

они от кого-то чего-то ожидают, например, когда цари или народные вожаки сулят какие-то раздачи²⁴, либо, наконец, когда людей привлекают награда и плата, а это самый позорный и самый гнусный образ действий как для тех, кто на него поддается, так и для тех, кто к нему пытается прибегнуть; (22) дурно ведь обстоит дело, когда то, что доблестью достигаться должно, пытаются получить за деньги; но так как это вспомогательное средство иногда необходимо, то мы скажем, как им надо пользоваться, но сначала поговорим о том, что более близко к доблести. Кроме того, люди покоряются империи и власти другого человека по многим причинам. Они руководствуются либо доброжелательностью, либо значительностью оказанных им благодеяний, либо его выдающимися положением, либо надеждой на то, что это им принесет пользу, либо опасениями, что повиноваться их заставят силой, либо привлеченные надеждой на раздачи и обещаниями, либо, наконец, как мы часто видим в нашем государстве, нанятые за плату²⁵.

(VII, 23) Для сохранения и удержания власти самое подходящее из всех средств — быть любимым, самое несообразное — внушать к себе страх. Энный выразил это превосходно²⁶:

...Кого боятся, ненавидят.

Кого возненавидел ты, тому погибнуть ты желаешь.

Ведь против ненависти многих людей не устоять ничьему могуществу; если мы этого ранее не знали, то недавно поняли. И право, не только гибель нашего тиранна²⁷ (из нее можно понять, как низко он пал), которого сокрушенные его оружием граждане терпели, показывает, насколько ненависть людей могущественна, чтобы погубить человека; это показывает и подобная ей судьба других тираннов, из которых, пожалуй, ни один не избежал такой же гибели. Ведь страх — дурной охранитель надолго; напротив, доброжелательность — охранитель верный и притом навсегда. (24) Но тому, кто людей, сокрушенных силой, принуждает своим империем, конечно, приходится прибегать к суровым мерам, например к таким, какие господа применяют к рабам, если не могут справиться с ними иначе; что касается тех, кто в свободной гражданской общине действует так, что их боятся, то они — само безумие. Ибо хотя законы раздавлены могуществом одного человека, хотя свобода уstraшена, однако они рано или поздно поднимутся либо в связи с безмолвными суждениями²⁸, либо в связи с тайным голосованием при выборах магистратов²⁹. Ведь укусы временно утраченной свободы глубже укусов сохраненной³⁰. Итак, изберем образ действий, дающий величайшие возможности, и притом не только для нашей безопасности, но и для приобретения нами богатства и могущества — с тем, чтобы страха не было, а расположение к нам сохранялось. Так мы с необычайной легкостью достигнем всего, чего только пожелаем, — как в личных делах, так и в государственной деятельности.

И действительно, те, кто захочет, чтобы их боялись, сами неминуемо будут бояться именно тех, кто будет бояться их. (25) Что же? От какого мучительного страха, как можно себе представить, должен был страдать Дионисий Старший³¹, который, опасаясь ножей своих цирюльников, прижигал себе волосы раскаленным углем? А Александр из Фер?³² В каком душевном смятении должен был он жить? Как говорится в летописях, он, хотя и очень любил свою жену Фиву, все же, идя с пира к ней в спальню, приказывал варвару, и притом, как написано, клейменному фракийскими знаками, идти с обнаженным мечом перед ним и посылал вперед своих телохранителей рыться в ящичках у этой женщины и искать оружие, которое она могла спрятать среди одежды. О несчастный человек! Ведь он думал, что клейменный варвар ему вернее, чем супруга. И он не ошибся: именно она и убила его, заподозрив его в том, что у него есть наложница. Право, нет власти, столь могущественной, чтобы она, если на людей давит страх, могла быть продолжительной. (26) Свидетель этому — Фаларид³³, чья жестокость получила наибольшую известность, Фаларид, погибший не жертвой коварства, как Александр, о котором я только что говорил, не от руки нескольких человек, как наш тиранн; нет, против него поднялось все население Агригента. А разве македоняне не покинули Деметрия³⁴ и все поголовно не перешли на сторону Пирра? А разве несправедливо властвовавших лакедемонян почти все их союзники неожиданно не покинули и не оказались праздными зрителями несчастья, постигшего их под Левктрами?³⁵

(VIII) Предпочитаю вспоминать подобные случаи, относящиеся к чужеземцам, а не к согражданам. Однако пока держава римского народа зиждилась на благодеяниях, а не на противозакониях, и пока мы вели войны либо в защиту союзников, либо за владычество, и исход войны был либо мягок, либо соответствовал необходимости³⁶, то гаванью и прибежищем для царей, народов и племен был сенат, а наши магистраты и императоры старались снискать величайшую хвалу уже за одно то, что они справедливо и верно защищали провинции и союзников. (27) Вот почему можно было с бóльшим основанием говорить о нашем покровительстве над всеми странами, а не о нашем владычестве. От этого обыкновения и от этих правил мы постепенно отказывались уже и ранее, но после победы Суллы утратили их полностью; ведь любое деяние по отношению к союзникам перестало казаться несправедливым после того, как по отношению к гражданам была проявлена столь сильная жестокость. Таким образом, во времена Суллы за нравственно-прекрасным делом последовала дурная в нравственном отношении победа³⁷. Ведь он, водрузив копье, осмелился сказать, продавая на форуме имущество честных и состоятельных мужей и, во всяком случае, граждан, что он продает свою военную добычу³⁸. После него нашелся человек, который в нечестивом деле, в силу еще более отвратительной победы, не забирал в казну имущество отдельных граждан, а захватывал целые провинции и области по одному только праву — на их несчастье³⁹. (28) Итак, после того как чужеземные народы были истерзаны и погублены, мы увидели, как —

в качестве доказательства утраты нами своего владычества — во время триумфа несут изображение Массилии и справляют триумф после победы над городом, без чьей помощи наши императоры еще ни разу не справили триумфа после войн за Альпами⁴⁰. Я напомнил бы еще о многих случаях нечестивых деяний по отношению к союзникам, если бы солнце когда-нибудь видело что-либо более недостойное, чем одно это⁴¹. Кару, следовательно, мы несем заслуженную. Ведь если бы мы не оставили преступлений многих людей безнаказанными, то столь сильного произвола никогда не мог бы проявить один человек, от которого имущество унаследовали немногие люди⁴², а страсти — многие негодяи. (29) Ведь в семени гражданских войн и поводе к ним недостатка не будет никогда, пока низко падшие люди будут вспоминать о пресловутом окровавленном копье и надеяться увидеть его вновь; тот же Публий Сулла⁴³, после того как потрясал им во время диктатуры своего родственника, через тридцать шесть лет не отшатнулся от еще более преступного копья; другой человек, во время первой диктатуры бывший писцом, во время второй был городским квестором⁴⁴. Из этого мы должны понять, что, пока подобные награды будут возможны, гражданские войны не прекратятся никогда. Поэтому стоят и сохранились одни голые стены Города, и даже они теперь боятся величайших преступлений; что касается государства, то его мы утратили полностью⁴⁵. И несчастья эти постигают нас (ведь нам надо вернуться к намеченному рассуждению) в то время, когда мы предпочитаем, чтобы нас боялись, а не любили и чтили. Если все это могло постигнуть римский народ вследствие его несправедливого владычества, то что должны думать отдельные лица?

Так как очевидно, что доброжелательность сильна, а страх слаб, то нам далее надо рассмотреть, какими средствами нам было бы легче всего достичь желанного расположения народа наряду с почетом и доверием. (30) Но в этом не все мы нуждаемся в равной степени; ибо каждый, в соответствии с избранным им путем в жизни, должен решить, нужно ли ему, чтобы его любили многие, или же для него достаточно, если это будут немногие. Следовательно, несомненно одно (и это — первое и самое необходимое): надо располагать близкой дружбой верных людей, любящих и ценящих нас. Ведь это — единственное, в чем нет большого различия между выдающимися и обыкновенными людьми, причем и те и другие должны добиваться этого равным образом. (31) В почете, в славе и в доброжелательности граждан одинаково нуждаются, пожалуй, не все люди, но все-таки если кто-нибудь достигает их, то это помогает как в других отношениях, так и в снискании дружбы.

(IX) Но о дружбе было сказано в моей другой книге, под названием «Лелий»; теперь поговорим о славе; хотя и о ней идет речь в двух моих книгах⁴⁶, мы все-таки коснемся этого вопроса, так как при ведении более важных дел слава оказывает людям огромную помощь. Итак, наивысшая и совершенная слава зависит от следующих трех условий⁴⁷: если народ любит нас; если он нам доверяет; если он, наряду с некоторым восхищением нами, считает нас достойными магистратур. Все это —

если говорить просто и кратко — достигается в глазах толпы почти такими же путями, какими и в глазах отдельных лиц. Но есть и другой путь, чтобы подойти к толпе: суметь как бы влиться в сердца всех людей.

(32) Из названных мною трех условий рассмотрим сначала наставления насчет доброжелательности; ее достигают, главным образом, благодеяниями⁴⁸; во вторую очередь, доброжелательность заслуживают готовностью совершать благодеяния, хотя средств для этого, пожалуй, и недостаточно; но любовь толпы необычайно сильно возбуждается уже одной молвой и толками о щедрости, благотворительности, справедливости, верности слову и обо всех доблестях, связанных с мягкостью нрава и доступностью⁴⁹. И в самом деле, так как именно то, что мы называем нравственно-прекрасным и подобающим, нравится нам само по себе, волнует всех людей своей сущностью и внешним проявлением и как бы светит ввиду наличия названных мною доблестей, то именно поэтому тех, в ком мы предполагаем эти доблести, сама природа заставляет нас любить. Вот каковы важнейшие основания для расположения народа; кроме того, могут быть и кое-какие менее веские основания.

(33) Доверие можно снискать двумя качествами: если нас признают дальновидными и справедливыми. Ведь мы чувствуем доверие к тем людям, которые, как мы думаем, понимают больше, чем мы, и которые, как мы верим, предвидят будущее и всякий раз, когда что-нибудь случается и положение становится опасным, способны найти выход из него и своевременно принять решение; ибо люди считают это полезной и истинной дальновидностью. С другой стороны, к справедливым и верным людям, то есть к честным мужам, мы чувствуем доверие при условии, что они не вызывают у нас подозрения насчет их склонности к обману или к противозаконию. Поэтому мы и думаем, что вполне правильно поручить им свое благополучие, достояние, детей. (34) Из этих двух качеств более могущественна в деле снискания доверия справедливость, так как она, даже без дальновидности, достаточно убедительна; дальновидность без справедливости бессильна в этом отношении. Ибо чем человек изворотливее и хитрее, тем больше ненависть и подозрения навлекает он на себя, после того как его перестанут считать порядочным. По этой причине справедливость в сочетании с пронизательностью будет иметь для снискания доверия столько сил, сколько захочет; справедливость без дальновидности будет очень могущественна; без справедливости бессильна дальновидность.

(X, 35) А дабы никто не удивлялся, почему я — хотя всем философам известно, да и сам я не раз рассуждал о том, что человек, обладающий одной доблестью, обладает ими всеми⁵⁰, — теперь доблести разделяю, как будто может быть справедлив человек, в то же время не дальновидный, я скажу, что одно дело — точность, когда истину как таковую оттачивают при обсуждении, другое дело — когда мы приспособляем всю свою речь к всеобщему мнению. Поэтому я говорю здесь об этом, уподобляясь черни и одних называя храбрыми, других честными, третьих дальновидными мужами. Ведь когда мы говорим о мнении народа, то надс

пользоваться народными и избитыми словами; так же поступал и Панэтий. Но вернемся к предмету своего рассмотрения.

(36) Итак, из трех условий для снискания славы третье состояло в том, чтобы нас, восхищаясь нами, признавали достойными магистратур. Вообще люди восхищаются всем тем, что, как они заметили, величественно и превзошло их ожидания, в частности — если они усматривают со стороны отдельных лиц какие-либо неожиданные для них хорошие качества. Поэтому они обращают свои взоры и возвеличивают необычайной хвалой тех мужей, в которых они, по их мнению, усматривают, так сказать, выдающиеся и исключительные доблести, но смотрят свысока и презирают тех, в ком, по их мнению, нет ни доблести, ни мужества, ни упорства. Правда, презирают они не всех тех, о ком они дурного мнения. Ведь тех, кого они считают бесчестными, злоречивыми, склонными к обману и готовыми совершать противозакония, они совсем не презирают, но дурного мнения о них. Поэтому, как я уже говорил, люди презирают тех, кто «ни себе, ни другому»⁵¹ [не полезен], кто не трудится, ни о чем не старается, ни о чем не заботится. (37) Но люди восхищаются теми, кого они считают превосходящими других доблестью и чистыми как от какого бы то ни было позора, так и от пороков, устоять перед которыми другим людям нелегко. Ибо плотские утехи, эти обольстительнейшие повелительницы, отвлекают от доблести души большинства людей, а когда к ним приближаются горящие головни страданий, то очень многие люди ужасаются сверх всякой меры. Жизнь и смерть, богатство и бедность волнуют всех сильнеешим образом. Когда тем, кто высоким и великим умом своим смотрит на все это во всех отношениях свысока, представляется какое-нибудь великое и нравственно-прекрасное дело, то оно всецело привлекает их к себе и овладевает ими. Кто тогда не восхитится блистательностью и красотой их доблести?

(XI, 38) Итак, подобное превосходство ума вызывает у людей большое восхищение, а справедливость, на основании каковой одной доблести людей называют честными, более чем что-либо другое кажется толпе, так сказать, чудодейственной, и притом с полным на это основанием. Ведь не может быть справедлив человек, который боится смерти, боится боли, боится изгнания, боится бедности, или человек, который противоположное всему перечисленному ставит выше справедливости. И люди восхищаются больше всего тем человеком, которого нельзя соблазнить деньгами; того, в ком они усмотрели такое качество, они считают прошедшим испытание огнем⁵². Поэтому те три условия для снискания славы, которые мы привели, все создает справедливость: она создает доброжелательность, так как справедливость хочет быть полезна возможно большему числу людей; по этой же причине она создает верность слову и вызывает у людей восхищение, так как справедливость глубоко презирает все то, к чему рвется большинство людей, воспламененное алчностью. (39) Кроме того, — во всяком случае, по моему мнению, — весь образ жизни и ее правила требуют помощи со стороны людей, и прежде всего для того, чтобы были люди, с которыми можно было бы вести дружескую беседу, а это

трудно, если не будешь производить впечатления честного мужа. Поэтому также и человек одинокий и живущий в деревне нуждается в молве о своей справедливости, и даже тем более, что если такой молвы о нем не будет, то его будут считать несправедливым, и такие люди, не огражденные защитой, будут страдать от многих противозаконий. (40) Также и тем, кто что-либо продает, покупает, отдает в наем, вообще заключает какие-то соглашения, для ведения дел необходима справедливость; значение ее так велико, что даже те, кто существует злодеяниями и преступлениями, не могут жить без крупницы справедливости. Ибо тот из них, кто украдет или отнимет что-нибудь у человека, вместе с которым разбойничает, не оставит для себя места даже среди разбойников, а так называемого архипирата⁵³, если он не станет делить добычу поровну, его товарищи могут убить или покинуть. Более того, у разбойников, говорят, существуют даже законы, которым они повинуются и подчиняются. Так, благодаря справедливому дележу добычи иллирийский разбойник Бардулис⁵⁴ — о нем пишет Феопомп⁵⁵ — обладал большими богатствами; гораздо большими обладал луситанец Вириат⁵⁶; перед ним отступили даже наши войска и императоры; претор Гай Лелий — его обыкновенно называют Мудрым — разбил его наголову и настолько сломила его жестокость, что вполне мог передать ведение войны своим преемникам. И так как значение справедливости столь велико, что она укрепляет и усиливает даже власть разбойников, то сколь велико должно стать ее значение при наличии законов, правосудия и прочного государственного строя!

(XII, 41) Мне, во всяком случае, кажется, что не только у мидян, о которых повествует Геродот⁵⁷, но и у наших предков царской властью некогда, в интересах справедливости, облакали людей высокой нравственности⁵⁸. Ибо народ, когда он во времена мира терпел притеснения от более могущественных людей, прибегал к защите со стороны какого-нибудь одного человека выдающейся доблести, который, не допуская противозаконий по отношению к бедным людям, установлением справедливости обеспечивал равноправие между людьми, занимавшими высшее положение, и людьми, занимавшими низшее⁵⁹. Для издания законов основание было такое же, что и для избрания царей. (42) Права люди ведь всегда искали равного; ибо иначе вообще не существовало бы права. Если люди добивались такого права от одного справедливого и честного мужа, они были довольным им; но так как это им не удавалось, то были придуманы законы, дабы они со всеми людьми всегда говорили одним и тем же языком^{59a}. Итак, повелителями своими народ, очевидно, обыкновенно избирал людей, о чьей справедливости он был высокого мнения. А если они к тому же считались и дальновидными, то не было ничего такого, чего народ, под их руководством, находил бы невозможным достичь. Следовательно, надо всячески соблюдать и охранять справедливость, и притом как ради нее самой, — ведь иначе справедливости не существовало бы вообще, — так и ради того, чтобы возвеличить свой почет и свою славу.

Но как существует способ не только наживать деньги, но и помещать их в дело, дабы они давали нам постоянную возможность произво-

дить расходы не только необходимые, но и свидетельствующие о нашей щедрости, так и славу надо приобретать и помещать разумно. (43) Впрочем, Сократ превосходно сказал, что ближайший и как бы укороченный путь к славе — в том, чтобы стараться быть таким, какими хотят считаться⁶⁰. И если кое-кто думает, что притворством, пустым показным поведением и неискренними не только речью, но и выражением лица возможно достичь прочной славы, то такие люди глубоко заблуждаются. Истинная слава пускает корни, которые разрастаются; при мнимой все быстро опадает, подобно цветам, и ничто притворное не может быть длительным. Свидетелей этому — и в том и в другом случае — очень много, но мы, ради краткости, ограничимся одной ветвью рода. Тиберий Гракха, сына Публия⁶¹, будут прославлять, пока сохранится память о деяниях римлян, но его сыновья при жизни своей не снискали одобрения, а после их смерти их относят к числу людей, убитых по справедливости. Итак, кто захочет снискать истинную славу справедливого человека, должен исполнять обязанности, налагаемые справедливостью. Каковы они, было сказано в предыдущей книге⁶².

(XIII, 44) Но для того, чтобы нам было легче всего казаться такими, каковы мы в действительности, — хотя важнее всего, чтобы мы были такими, какими хотим считаться, — все-таки надо преподавать кое-какие наставления. Ведь если у кого-нибудь с раннего возраста есть основания носить знаменитое имя, либо перешедшее к нему от отца (как это, думается мне, было с тобою, мой дорогой Цицерон!), либо связанное с какими-нибудь счастливыми обстоятельствами, то все люди устремляют на него взоры и хотят знать, что он делает и как живет, причем — словно он освещен ярчайшим светом — не могут оставаться скрытыми ни его высказывания, ни его поступки. (45) Напротив, те люди, чья ранняя юность, вследствие их незнатного и темного происхождения, протекает в неизвестности, как только становятся молодыми людьми, должны ставить себе высокие цели и стремиться к ним честными усилиями; они будут так поступать с тем большей твердостью духа, что этот возраст, уже не говорю — не вызывает ненависти к себе, но даже встречает благосклонное отношение. Итак, первый благоприятный отзыв о молодом человеке на его пути к славе мог бы быть достигнут его воинскими подвигами⁶³; на этом поприще многие отличились во времена наших предков. Ведь войны происходили, можно сказать, всегда. Твое поколение было современником войны, в течение которой одна сторона оказалась крайне преступной, другая — неудачливой⁶⁴. Однако, когда во время этой войны Помпей назначил тебя начальником отряда конницы⁶⁵, ты заслужил большую похвалу и от этого великого мужа и от войска за свою верховую езду, метание копья и выносливость во всех лишениях, связанных с войной. И все-таки эта заслуженная тобою хвала утратила свое значение одновременно с падением государства. Но я начал эту речь, имея в виду не тебя одного, но вообще всех юношей. Поэтому перейдем к тому, что нам остается рассмотреть.

(46) И вот, как при других видах деятельности умственный труд

имеет гораздо большее значение, чем физический, так те цели, которые мы преследуем своим дарованием и разумом, людям более по сердцу, чем те, какие мы преследуем силой своих мышц. Итак, первое речительство за нас бывает связано с нашей умеренностью, затем с нашей сыновней любовью и доброжелательностью к родным. Но легче всего, и притом с наилучшей стороны, бывает узнать юношей, которые поступили под руководство прославленных и мудрых мужей, пекущихся о благе государства. Если юноши эти общаются с ними постоянно, то это заставляет народ думать, что они уподобятся тем, кого они себе выбрали для подражания. (47) Посещения дома Публия Муция⁶⁶ послужили для юного Публия Рутилия⁶⁷ порукой в бескорыстии и знании права. Ведь Луций Красс, хотя он был еще очень молод, не заимствовал от других, но сам снискал себе величайшую хвалу всем известным и славным обвинением⁶⁸ и в том возрасте, в каком юноши, упражняющиеся в красноречии, обыкновенно заслуживают похвалу (мы знаем это насчет Демосфена), Луций Красс доказал, что он на форуме уже превосходно выполняет задачу, к которой он тогда еще мог успешно подготовиться у себя дома.

(XIV, 48) Но так как речь бывает двух родов (один — это беседа, другой — речь ораторская⁶⁹), то нет никаких сомнений в том, что речь ораторская имеет большее значение в деле снискания славы; ведь именно ее мы называем красноречием; но все-таки трудно выразить, в какой мере ласковость и доступность беседы привлекают к себе сердца людей. До нас дошли письма трех, по преданию, дальновиднейших человек — Филиппа к Александру, Антипатра к Кассандру и Антигона к сыну Филиппу⁷⁰, в которых они советуют снискивать расположение толпы доброжелательной речью и склонять солдат на свою сторону, ласково обращаясь к ним. Что касается речи, которую держат перед народом во время прений, то она часто приносит славу в глазах у всех. Ведь речь богатая и мудрая сильно восхищает людей; слушатели думают, что произносящий ее понимает суть дела и разбирается в нем лучше, чем другие. Но если речи свойственна убедительность в сочетании с умеренностью, то это — самое изумительное, что только может быть, и тем более если это присуще молодому человеку. (49) Но хотя бывает много видов дел, требующих красноречия, и в нашем государстве многие юноши, говоря и перед судьями, и перед народом, и перед сенатом, снискали славу, все-таки наибольшее восхищение вызывают речи в суде. Задача их двоякая; ведь их цель — обвинение и защита: хотя большей хвалы заслуживает защита, слушатели все-таки весьма часто одобряли и обвинение. Я только что говорил о Крассе. В юности так же поступал и Марк Антоний⁷¹. Обвинительная речь прославила и красноречие Публия Сульпиция⁷², когда он привлек к судебной ответственности Гая Норбана, мятежного и ни к чему не пригодного гражданина.

(50) Так поступать часто нельзя, но всегда можно только либо в интересах государства, как поступали люди, названные мною раньше, либо с целью покарать, как поступили двое Лукуллов⁷³, либо с целью защиты, как поступил я ради сицилийцев⁷⁴, а ради сардинян, в деле Альбуция,

Юлий⁷⁵. При обвинении Мания Аквиллия приобрело известность и рвение Луция Фуфия⁷⁶. Итак, будем обвинять лишь один раз и, конечно, не часто! Но если найдется человек, который будет вынужден так поступать чаще, то пусть он оказывает эту услугу государству, карать чьих недругов чаще всего не предосудительно; но все-таки должна быть мера. Стремление угрожать гражданским правам⁷⁷ многих людей, по моему мнению, свойственно жестокому человеку, вернее, даже не человеку вообще. Согласиться на свое назначение в качестве обвинителя и опасно для него самого, и даже позорно для его доброго имени⁷⁸. Таков был удел Марка Брута⁷⁹, человека очень знатного, сына выдающегося знатока гражданских права (51) Надо строго соблюдать и вот какое правило, относящееся к обязанностям: никогда не возбуждать в суде дела, угрожающего гражданским правам невиновного человека; ведь ты, не пойдя на преступление, сделать это никак не сможешь. Ибо что так бесчеловечно, как обращать на погибель и уничтожение людей красноречие, дарованное нам природой для защиты их благополучия? И все же если этого надо избегать, то иногда следует считать совместимой со своей совестью защиту человека виновного, только бы он не был злодеем и нечестивцем. Этого хочет большинство людей, это допускает обычай, и с этим мирятся и человеческие чувства. Дело судьи — при разборе дел всегда следовать правде; дело защитника — иногда защищать правдоподобное, даже если это не вся правда. Я не осмелился бы написать это, особенно в сочинении по философии, если бы строжайший из стоиков, Панэтий, не был такого же мнения. Но величайшей славы и благодарности заслуживают защитительные речи, особенно если иногда случается так, что оказывается помощь человеку угнетаемому и преследуемому могуществом влиятельного лица, как я поступал в ряде случаев; ведь в молодости я выступил против владычества Луция Суллы, взяв на себя защиту Секста Росция из Америки; речь эта, как ты знаешь, сохранилась⁸⁰.

(XV, 52) Итак, рассмотрев исполнение долга молодыми людьми, способствующее снисканию славы, мы затем должны поговорить о благотворительности и щедрости, которые проявляются двояко. Ведь по отношению к нуждающимся творят добро либо делами, либо деньгами. Более легок второй способ, особенно для состоятельного человека, но первый более прекрасен, более блистателен и более достоин храброго и прославленного мужа. Хотя и тому и другому присуще благородное желание оказать услугу, но деньги мы достаем из сундука, дела же связаны с нашей доблестью, а раздача, которую производят из своего имущества, исчерпывает самый источник доброты. Так доброта уничтожается добротой, и чем больше людей, по отношению к которым ты ее проявил, тем в меньшей степени ты сможешь проявлять ее по отношению ко многим. (53) Наоборот, тот, кто будет благотворителен и щедр своими делами, то есть доблестью и деятельностью, во-первых, будет располагать тем большим числом помощников в добрых делах, чем большему числу людей он принесет пользу; во-вторых, своей привычкой делать добро он станет более подготовленным и, так сказать, более искушенным в добрых услу-

гах многим людям. В одном из своих писем Филипп недвусмысленно упрекает сына Александра в том, что тот добивается доброжелательности македонян своей щедростью⁸¹. «Какие соображения — о горе! — внушили тебе, — пишет он, — надежду на то, что тебе будут верны люди, которых ты подкупил деньгами? Или ты стремишься к тому, чтобы македоняне начали надеяться на то, что ты станешь не их царем, а слугой и поставщиком?» Это сказано хорошо — «слугой и поставщиком», так как это позорно для царя; еще лучше, что Филипп назвал раздачу денег подкупом. Ведь тот, кто получает что бы то ни было, становится более дурным человеком и всегда готов рассчитывать на такие же подачки. (54) Он написал это сыну, но я склонен считать это наставлением для всех людей. Поэтому нет сомнений, во всяком случае, в том, что доброта, выражающаяся в труде и деятельности, более прекрасна в нравственном отношении, находит себе более широкое применение и может принести пользу большему числу людей. Иногда все-таки надо давать деньги; этот вид доброты нельзя отвергать совсем, и достойным людям, если они в нужде, мы часто должны уделять кое-что из своего имущества, но осмотрительно и с чувством меры. Ведь многие люди растратили свое состояние, проявив необдуманную щедрость. Что более неразумно, чем старания утратить возможность более долго делать то, что делаешь охотно? К тому же вслед за раздачами совершаются и грабежи⁸². Ведь всякий раз как люди, раздавая, начинают нуждаться в средствах, они оказываются вынужденными забирать себе чужое имущество. Таким образом, желая быть благодетелями ради того, чтобы снискать доброжелательность, они не столько заслуживают преданность тех, кому они что-то дали, сколько навлекают на себя ненависть тех, у кого они это отняли. (55) Поэтому имущество и не следует запирать так крепко, чтобы доброта не могла открыть его, и нельзя держать настолько на виду, чтобы оно было доступно всем; надо соблюдать меру и соотноситься со своими средствами. Вообще мы должны помнить то, что наши соотечественники твердили так часто и что уже стало поговоркой, навязшей в зубах: «Щедрая раздача бездонна». И действительно, какая возможна мера, когда одного и того же требуют и те, кто привык это получать, и еще другие?

(XVI) Вообще говоря, есть два рода людей, склонных раздавать: одни — расточительные, другие — щедрые⁸³. Расточительные — это те, кто проматывает свое состояние на пирушки, на раздачу мяса, на бои гладиаторов, на игры и на травлю диких зверей⁸⁴ — на все то, память о чем они оставляют недолгую или вообще не оставляют никакой; щедрые, напротив, — это те, кто на свои средства выкупают пленных у морских разбойников, берет на себя долги друзей⁸⁵, помогает им при выдаче дочерей замуж и поддерживает друзей при приобретении ими имущества или при преумножении его. (56) Поэтому я и удивляюсь, что Феофрасту^{85а} пришло на ум написать в своей книге «О богатстве», в которой он многое изложил превосходно, такую нелепость: он не жалеет слов, расхваливая великолепие игр для народа, а возможность нести такие расходы считает пользой от богатства. Мне же та польза от щедрости, несколько

примеров которой я привел, кажется и намного большей, и намного более надежной. Насколько строже и справедливее нас порицает Аристотель за то, что мы не изумляемся этой трате денег, цель которой — снискать расположение толпы: «Ведь если те, кого осаждает враг, вынуждены платить за секстарий воды мину⁸⁶, то вначале это кажется нам невероятным, и все удивляются; но когда они хорошо подумают, они оправдают это необходимостью, в то время как при упомянутых огромных тратах и безграничных расходах нас особенно ничто не удивляет, хотя люди и не облегчают ничего безвыходного положения, и никого не возвеличивают, и само развлечение для толпы продолжается короткое и незначительное время и устраивается для ничтожнейших людей, в которых, однако, одновременно с пресыщенностью умирает и воспоминание о наслаждении». (57) Он заканчивает тоже хорошо: «Это по сердцу детям, слабым женщинам и свободным людям, вполне подобным рабам; но человек строгих правил, с определенной точки зрения взвешивающий все происходящее, одобрить это не может». Впрочем, я хорошо знаю, что в нашем государстве еще в хорошие времена укоренился обычай требовать от наилучших мужей блистательного эдилитета. Так, Публий Красс, Богатый⁸⁷, и по своему прозвищу, и в действительности, устроил в год своего эдилитета великолепные игры, а вскоре после этого Луций Красс вместе с Квинтом Муцием⁸⁸, из всех людей самым умеренным человеком, в год своего эдилитета устроил великолепные зрелища. Затем так поступил Гай Клавдий⁸⁹, сын Аппия, а впоследствии и многие другие: Лукуллы⁹⁰, Гортенсий⁹¹, Силан⁹²; но Публий Лентул⁹³ в год моего консулата превзошел всех своих предшественников; с него взял пример Скавр⁹⁴; игры, устроенные моим другом Помпеем в год его второго консулата⁹⁵, были великолепны; какого мнения обо всем этом я, ты видишь.

(XVII, 58) Но все-таки надо избегать подозрения в скупости. Мамерку⁹⁶, богатейшему человеку, отказ от эдилитета принес неудачу при соискании консулата. Поэтому если народ требует игр, а честнейшие мужи, не высказывая такого желания, во всяком случае одобряют это, то устроить игры нужно, но в меру своих средств, как поступил я⁹⁷, как и в случае, если щедростью к народу когда-либо хотят достичь чего-то более важного и более полезного, как это было сделано недавно, когда угощения на улицах, устроенные Орестом (так называемые «десятины»), принесли ему большой почет⁹⁸. Даже Марку Сею⁹⁹ не поставили в вину того, что во время дороговизны хлеба он выдавал народу зерно по цене в один асс за модий; ведь он этим, когда был эдилом, успокоил сильную и давнюю ненависть, понеся вовсе не позорный и небольшой расход. Необычайный почет недавно принесло моему другу Милону то обстоятельство, что он, купив гладиаторов для защиты государства, чья судьба зависела от моего восстановления в правах, пресек все безумные происки Публия Клодия¹⁰⁰. Итак, основанием для раздач бывает либо необходимость, либо польза. (59) Но именно при этом наилучшее правило — разумная середина. Например, Луций Филипп¹⁰¹, сын Квинта, муж вели-

кого ума и высоко прославленный, не раз ставил себе в заслугу то, что он, не устроив никаких развлечений для народа, достиг всех магистратур, считающихся высшими. Это же говорили и Котта¹⁰², и Курион¹⁰³. Также и мне можно поставить это себе в заслугу; ведь сравнительно со значением магистратур, на какие я был избран всеми поданными голосами, и притом в свой год¹⁰⁴,— этого не удостоился ни один из тех, кого я только что назвал,—расходы по моему эдилитету были совсем небольшие. (60) Но предпочтительны расходы на сооружение городских стен, верфей, портов, водопроводов и всего того, что служит государству на пользу. Конечно, то, что в настоящее время нам как бы дается в руки, более приятно, но перечисленное выше более ценно впоследствии. Порицать сооружение театров, портиков и новых храмов мне неловко ввиду моего уважения к памяти Помпея¹⁰⁵, но ученейшие люди не одобряют этого, например даже Панэтий, которому я в этих книгах следовал во многих местах, не переводя его высказываний, и Деметрий Фалерский, порицающий Перикла, первого человека Греции, за то, что он истратил столько денег на знаменитые Пропилеи¹⁰⁶. Но все это я подробно рассмотрел в своих книгах «О государстве»¹⁰⁷. Итак, все эти раздачи, по существу своему, порочны, но в связи с обстоятельствами бывают необходимы, и именно тогда и надо сообразоваться со своими возможностями и соблюдать разумную меру.

(XVIII, 61) При раздачах другого рода, порождаемых щедростью, мы в разных случаях не должны поступать одинаково. В одном положении находится человек, которого постигла беда, в другом — желающий улучшить свое положение и не страдающий от несчастий. (62) Добрага должна будет быть более склонна помогать людям, которых постигла беда,— если только они не заслужат этой беды. Что касается тех, кто захочет получить помощь не для того, чтобы не быть повергнут на землю, но для того, чтобы достичь более высокого положения, то мы, если говорить вообще, отнюдь не должны быть глухи к их просьбам, но, выбирая подходящих людей, должны судить здраво и быть внимательны. Ведь Энный превосходно сказал¹⁰⁸:

Дела благие, но направленные дурно, я сочту дурными..

(63) Что касается того, что было сделано для честного и благодарного человека, то плоды этого мы получаем как от него самого, так и от других людей. Ведь если не допускать опрометчивости, то щедрость очень по сердцу людям, и большинство из них восхваляет ее тем усерднее, что доброта каждого выдающегося человека — общее прибежище для всех. Поэтому и надо стараться оказывать возможно большему числу людей благодеяния, память о которых они передадут детям и потомкам, так что им нельзя будет быть неблагодарными. Ведь человека, не помнящего оказанных ему благодеяний, все ненавидят и думают, что несправедливость, отпугивающая людей от благородных поступков, совершается и по отношению к ним, а человек, ее совершающий,— враг всем неиму-

щим людям. Впрочем, доброта эта, состоящая в выкупе пленников из рабства и в помощи неимущим, полезна и государству; так обыкновенно поступало наше сословие¹⁰⁹, о чем, как мы видим, подробно написано в речи Красса¹¹⁰. Итак, это обыкновение проявлять доброту я ставлю гораздо выше щедрости при устройстве зрелищ. Первое свойственно людям строгих правил и великим, вторая — льстецам перед народом, которые как бы щекочут наслаждением низменные чувства толпы. (64) Но человеку будет к лицу, если он, давая, будет щедр, взыскивая, не будет жесток, а во всех деловых соглашениях, продавая и покупая, нанимая и отдавая в наем, по отношению к соседям и к владельцам смежных земель¹¹¹ будет справедлив, доступен, многие из своих прав будет уступать многим людям, а тяжб, насколько это будет дозволено и, пожалуй, даже несколько больше, чем будет дозволено, станет страшиться. Ведь немного поступиться своим правом иногда не только признак щедрости, но порою и выгодно. Но имущество свое надо беречь; допускать его разорение позорно; однако не должно возникать подозрения в отсутствии щедрости и в алчности. Ведь уметь быть щедрым, не лишаясь своего имущества, несомненно, — величайшая польза от денег. Феофраст по справедливости высказал хвалу гостеприимству¹¹². Вполне подобает (во всяком случае, по моему мнению), чтобы дом знаменитого человека был открыт для знаменитых гостей; также и государству служит украшением, если в нашем Городе чужеземцы не испытывают недостатка в этом роде щедрости. Между тем тоже необычайно полезно, чтобы те, кто хочет нравственно-прекрасным путем быть могущественным, при посредстве своих гостей, пользовались весом в глазах чужеземных народов благодаря своим богатствам и влиянию. Феофраст пишет, что в Афинах Кимон¹¹³ оказывал гостеприимство и землякам лакийцам; он строго-настрого приказал своим управителям усадеб предоставлять все необходимое каждому лакийцу, приехавшему в его усадьбу.

(XIX, 65) Напротив, благодеяния трудом, а не раздачей оказываются как государству в целом, так и отдельным гражданам¹¹⁴. Ибо предупредить проигрыш дела в суде, помогать советом и в этой области знания приносить пользу возможно большему числу людей необычайно важно для укрепления своего положения и влияния. Таким образом, как многие наилучшие черты характера наших предков, так и знание и истолкование превосходно составленного гражданского права всегда были в величайшем почете; теперь блистательность этого знания, которое до нынешнего смутного времени было достоянием первых граждан, уничтожена, как и магистратуры, как и все ступени высокого положения, и это тем прискорбнее, что произошло это в такое время, когда был жив человек, познаниями своими вполне превзошедший всех своих предшественников, которым он был равен в достигнутом им почете¹¹⁵. Итак, труды эти бывают по сердцу многим людям и способны обязывать людей благодеяниями. (66) Впрочем, к этому искусству примыкает более важное, более приятное и более чтимое — красноречие. И действительно, что может превзойти красноречие либо в связи с восхищением слушателей, либо в связи

с надеждами обездоленных, либо в связи с благодарностью тех, кому была оказана защита? Поэтому предки наши и поставили красноречие, по придаваемому им высокому положению, во времена мира на первое место¹¹⁶. Следовательно, для красноречивого человека, охотно берущего на себя труд и — в соответствии с обычаями наших отцов — без долгих уговоров и безвозмездно ведущего дела многих людей, широко открыта возможность оказывать благодеяния и защищать в суде. (67) Рассматриваемый предмет побуждал меня и по этому поводу оплакивать упадок, чтобы не сказать — гибель, красноречия¹¹⁷, и я сделал бы это, если бы не опасался впечатления, что заявляю какую-то жалобу насчет самого себя. Но мы все-таки видим, какие ораторы умолкли, сколь малочисленны подающие надежду, насколько меньше стало способных, как много наглых! Но так как все и даже многие не могут быть ни сведущими в праве, ни красноречивыми, то им все-таки дозволяется помогать своим трудом многим людям, испрашивая для них милости¹¹⁸, выступая в их защиту перед судьями и магистратами, неусыпно защищая интересы других людей, обращаясь с просьбами именно к правоведам или к защитникам. Кто так поступает, тот приобретает величайшее влияние, и его деятельность находит себе величайшее применение. (68) Насчет одного обстоятельства предупреждать их не надо (ведь это очевидно): быть осмотрительными, когда они захотят помочь другим, — чтобы никого не обидеть. Ведь они часто причиняют вред либо тем людям, которым они не должны его причинить, либо тем, которым причинить вред им не выгодно. Если они делают это нечаянно, то это следует приписать их неосторожности; если сознательно, то — опрометчивости. Надо также, как только возможно, извиняться перед теми, кого ты невольно обижаешь, так как то, что ты сделал, было необходимо, и поступить иначе ты не мог, а ущерб, который, как может показаться, был причинен, надо возместить другими делами и услугами.

(XX, 69) Но так как, приходя людям на помощь, обыкновенно принимают во внимание либо их поступки, либо их имущественное положение, то в толпе и говорят (сказать ведь легко), что мы, оказывая другим благодеяние, сообразуемся с их поступками, а не с их имущественным положением. Слова эти нравственно-прекрасны, но найдется ли человек, который, прилагая старания, не предпочтет интересам бедного и честнейшего человека благодарности состоятельного и могущественного? Наша добрая воля в большей мере обыкновенно обращается к тому, кто, как нам кажется, вознаградит нас с большей готовностью и быстрее. Но мы должны внимательнее разобратся в существе дела. Ведь бедный, если он — честнейший муж, даже если не может нас отблагодарить, несомненно, может сохранить благодарность в своем сердце. Кто-то метко сказал: «Что касается денег, то тот, кто их имеет, их не отдавал; кто их отдал, их не имеет. Что касается благодарности, то поблагодаривший хранит это чувство, а его хранящий поблагодарил»¹¹⁹. Но, скажут мне, люди, считающие себя состоятельными, окруженными почетом и счастливыми, даже обязываться не хотят благодеянием, оказанным им; более

того, они даже думают, что они сами оказали благодеяние, когда такое, и притом немалое, приняли, и даже подозревают, что от них чего-то требуют и ожидают. А прибегнуть к чьему-либо покровительству или быть названными чьими-то клиентами, по их мнению, подобно смерти. (70) Напротив, бедный человек, о котором говорилось выше, думает, что все то, что было сделано для него, относилось лично к нему, а не к его имущественному положению, и старается казаться благодарным не только тому, кто ему оказал услугу, но и тем, от кого он услуг ожидает (ведь нуждается он в помощи многих людей), а оказанной им самим услуги — если он, быть может, ее оказывает — он, говоря о ней, право, не преувеличивает, но даже преуменьшает ее. Надо иметь в виду и следующее: если ты защищал состоятельного человека высокого положения, то чувство благодарности хранит он один или, пожалуй, его дети; но если ты защищал бедного, но порядочного и скромного, то все порядочные люди низкого положения, каких в народе много, видят в этом готовый для них оплот. (71) Поэтому, по моему мнению, обязывать своими благодеяниями честных людей лучше, чем обязывать богатых. Вообще надо стараться быть в силах удовлетворять нужды людей всякого состояния; но если придется сравнивать, то, несомненно, надо следовать примеру Фемистокла, который на вопрос, за кого предпочел бы он выдать дочь — за честного ли человека, но бедного или за не особенно порядочного, но богатого, ответил: «Я лично предпочел бы человека без денег деньгам без человека». Но нравы испортились и пали вследствие преклонения перед богатством¹²⁰. Какое значение имеют для каждого из нас большие размеры богатства? Они, быть может, помогают тому, кто богат. Даже это бывает не всегда; но допустим, что помогают. Такой человек, пожалуй, может удовлетворить свои желания, но как ему сделаться лучше в нравственном отношении? Даже если он будет честным человеком, его богатство все-таки не должно препятствовать ему принимать помощь, только бы оно ему в этом не помогало, и всякое наше суждение о каждом человеке должно быть основано не на том, сколь он состоятелен, но на том, каков он вообще. Последнее правило насчет оказания благодеяний и содействия гласит: не прилагать стараний ни вопреки справедливости, ни в поддержку противозакония; ведь основание для сохранения неизменно доброго имени и для доброй молвы — справедливость, без которой ничто не может быть похвальным.

(XXI, 72) Но так как о благодеяниях по отношению к отдельным лицам мы уже высказались, то теперь нам надо рассмотреть благодеяния по отношению к гражданам в совокупности и по отношению к государству. Одни из них таковы, что относятся к гражданам в совокупности; другие касаются отдельных лиц; последние даже более по сердцу людям. Вообще надо стараться, по возможности, заботиться и о тех и о других, причем об отдельных лицах не в меньшей степени, но так, чтобы это либо было на пользу государству, либо, по меньшей мере, не вредило ему. Так, щедрая раздача зерна Гаем Гракхом¹²¹ истощала эрарий; умеренная раздача, которую производил Марк Октавий¹²², была и терпима,

и необходима плембсу; поэтому она была благодетельна и для граждан и для государства. (73) Человеку, который будет ведать делами государства, прежде всего понадобится следить за тем, чтобы каждый гражданин владел своим имуществом и чтобы имущество частных лиц не подвергалось уменьшению в пользу государства. Пагубно поступил Филипп¹²³, в год своего трибуната предложив земельный закон; он, правда, легко согласился с тем, чтобы его отвергли, и проявил при этом большую умеренность, но во многих своих речах заискивал перед народом, а особенно дурным было его заявление, что «в государстве не найдется и двух тысяч человек, владеющих имуществом». Такая речь преступна, так как она направлена на уравнивание имущества, а возможно ли что-нибудь более пагубное? Ведь именно с той целью, чтобы каждый владел своим имуществом, главным образом и были основаны государства и гражданские общины. Ибо, хотя люди и собирались вместе, руководимые природой, все же именно в надежде на охрану своего достояния они и искали оплота в виде городов¹²⁴. (74) Надо стараться и о том, чтобы не приходилось вводить подати,—наши предки часто должны были делать это ввиду скудности средств в эрарии и постоянных войн,—и весьма заблаговременно принимать меры к тому, чтобы этого не случилось. Если в каком-нибудь государстве возникнет необходимость в таком средстве (предпочитаю говорить именно так, а не предсказывать это нашему государству; впрочем, я теперь рассуждаю не о нашем, а о государстве вообще), то надо будет постараться, чтобы все поняли, что они, если хотят уцелеть, должны покориться необходимости. Также и все те, кто будет стоять у кормила государства, должны будут заботиться об избытке всего необходимого для пропитания. О том, как все это обыкновенно собирают и собирать должны, рассуждать надобности нет. Ведь это очевидно; надо было только коснуться этого вопроса.

(75) Но при каждом исполнении государственной задачи и обязанности самое главное — избежать даже малейшего подозрения в алчности. «О, если бы,—сказал самнит Гай Понций,—судьба сохранила меня до тех времен и я родился тогда, когда римляне уже начали принимать дары! Не потерпел бы я их дальнейшего владычества»¹²⁵. Ему, право, пришлось бы ждать много веков; ведь зло это только недавно проникло в наше государство. Поэтому я вполне мирюсь с тем, что Понций жил именно тогда, раз он действительно был так могуществен. Не прошло и ста десяти лет, как Луций Писон предложил закон о вымогательстве¹²⁶, так как до этого времени такого закона не было. Но впоследствии было издано столько законов¹²⁷, причем каждый следующий был строже предыдущего, столько людей было предано суду, столько их было осуждено, такая тяжкая Итальянская война¹²⁸ была вызвана страхом перед правосудием, так велико было ограбление и разорение союзников после уничтожения законов и правосудия, что мы сильны ввиду слабости других, а не благодаря своей собственной доблести.

(XXII, 76) Панэтий восхваляет Публия Африканского¹²⁹ за его воздержность. Почему бы Панэтию его и не восхвалять? Но он обладал

и другими, более ценными качествами. Хвала за воздержность относится не только к нему, но также и к тем временам. Павел¹³⁰ захватил все огромные сокровища македонян; он привез в эрарий столько денег, что добыча одного императора позволила прекратить взимание податей; но к себе в дом он не привез ничего, кроме вечной памяти о своем имени. Подражая своему отцу, Публий Африканский ни на сколько не преумножил своего состояния, разрушив Карфаген. А Луций Муммий, его коллега по цензуре? Разве он разбогател, уничтожив до основания богатейший город?¹³¹ Он предпочел украсить Италию, а не свой дом; впрочем, после того как он украсил Италию, и дом его кажется мне более украшенным.

(77) Итак,—вернемся в своей речи к тому, от чего мы отклонились в сторону,—нет более отвратительного порока, чем алчность, особенно со стороны первых граждан и людей, стоящих у кормила государства. Ибо превратить государство в источник для стяжания не только позорно, но даже преступно и нечестиво. Поэтому Аполлон Пифийский в том оракуле, какой он дал,—что Спарта погибнет уже из-за одной своей алчности¹³²,—по-видимому, предрек судьбу не одним только лакедемонянам, но и всем богатым народам. Людям, стоящим во главе государства, ничем другим не снискать доброжелательности народа легче, чем воздержностью и сдержанностью.

(78) Но те, кто себя считает сторонниками народа и поэтому либо поднимает земельный вопрос ради того, чтобы согнать владельцев с их земель¹³³, либо находит нужным, чтобы должникам были прощены их долги, расшатывают устои государства и прежде всего согласие¹³⁴, невозможное в тех случаях, когда у одних имущество отнимают, а другим его приносят в дар; затем они посягают на справедливость, которая полностью уничтожается, если никому нельзя иметь свое имущество. Ведь государству и городу свойственно, чтобы каждый свободно и без тревог охранял свое имущество. (79) И при этом падении государственного строя такие люди не снискивают даже благодарности; ибо тот, у кого имущество отняли, им недруг; тот, кому оно было дано, даже скрывает, что хотел его получить; особенно в вопросе о долгах он прячет свою радость, дабы не казалось, что он был несостоятельным должником. Но тот, кто претерпел противозаконие, о нем помнит и не скрывает своего огорчения, и если те, кому имущество было дано неправильно, более многочисленны, чем те, у кого оно было противозаконно отнято, то первые по этой причине отнюдь не пользуются большим влиянием. Ведь о них судят не по числу, а по весу. С другой стороны, какая это справедливость, чтобы землей, которой ранее в течение многих лет и даже веков владели другие, располагал человек, никакой землей не располагавший, и, наоборот, чтобы тот, кто ею располагал, ее утратил?¹³⁵

(XXIII, 80) Из-за этого вида противозакония лакедемоняне изгнали эфора Лисандра и убили царя Агиса¹³⁶, чего в их государстве ранее не случалось никогда, и с того времени там начались столь сильные раздоры, что у них стали появляться тиранны, изгонялись оптиматы, а пре-

восходно устроенное государство разваливалось. И оно не только пало само, но и погубило остальную Грецию вследствие заразности зол, которые, возникнув в Лакедемонне, распространились далее¹³⁷. А наши Гракхи, сыновья Тиберия Гракха, выдающегося мужа, и внуки Публия Африканского? Не погубила ли их борьба из-за земли? (81) Но вот Арата из Сикиона¹³⁸ прославляют по справедливости: он,— когда его городская община уже в течение пятидесяти лет была под властью тираннов,— отправившись из Аргоса в Сикион, овладел городом, тайно войдя в него; после того, как он убил тиранна Никокла, напав на него врасплох, он восстановил в правах сотни состоятельнейших людей, изгнанных из этого города, и приходом своим освободил государство. Но он понимал всю трудность положения, связанную с владением имуществом, так как считал совершенно несправедливым, чтобы те, кого он восстановил в правах и чьим имуществом уже успели завладеть другие люди, испытывали нужду, и так как находил не особенно справедливым лишать людей их владений пятидесятилетней давности, потому что в течение столь долгих лет люди, не совершая противозакония, многим владели по наследству, многим — в силу покупки, многим — как приданым. Поэтому он не признал возможным отнимать имущество у первых и удовлетворять притязания тех, кому оно принадлежало ранее. (82) И вот, так как он понял, что для установления порядка нужны деньги, то он сказал, что хочет съездить в Александрию, и велел оставить все без изменений до своего возвращения; сам он поспешил к гостеприимцу своему Птоломею, который тогда правил как второй царь после основания Александрии. Когда этот выдающийся муж рассказал царю, что хочет освободить отечество, и изложил ему суть дела, он с легкостью получил от богатого царя большую денежную помощь. Привезя эти деньги в Сикион, он ввел в свой совет пятнадцать видных граждан, вместе с которыми он рассмотрел дела и тех, кто владел чужим имуществом, и тех, кто утратил свое, и после оценки владений смог убедить одних, чтобы они предпочли получить деньги и оставили владения, а других,— чтобы они признали получение наличных денег, соответствующих стоимости имущества, для себя более выгодным, чем возврат имущества. Так было достигнуто, что после установления согласия все разошлись без каких бы то ни было нареканий. (83) О великий муж, достойный рождения в нашем государстве! Вот как надо поступать с гражданами, а не делать того, что мы видели уже дважды: водружать копьё на форуме и бросать имущество граждан под ноги глашатаю, чтобы он объявлял о его продаже¹³⁹. А этот грек (это было достойно мудрого и выдающегося мужа) нашел нужным позаботиться обо всех¹⁴⁰; наилучшее решение и мудрость честного гражданина в том и состоят, чтобы не вносить противоречий в интересы граждан и всех их сдерживать, обращаясь с ними одинаково справедливо. Чтобы они бесплатно жили в чужом доме? Почему же? Для того, чтобы,— хотя сам я купил, выстроил дом, слежу за ним, несу расходы,— ты против моей воли пользовался моим имуществом!¹⁴¹ Что это, как не отнимать у одних их имущество, а другим давать чужое? (84) А отмена

долгов? Какова ее цель, что означает она, как не то, что на мои деньги ты купишь себе угодье, что у тебя оно будет, а у меня денег не будет? (XXIV) Поэтому надо заботиться о том, чтобы у людей не было долгов, что может повредить государству; это возможно предотвратить многими способами, но не тем, чтобы — если долги будут — состоятельные люди теряли свое имущество, а должники приобретали чужое. Ведь государство больше, чем на чем бы то ни было, держится на кредите, который совершенно не будет возможен, если уплата денег, взятых займы, не будет обязательна. Никогда еще не было совершено более решительных действий в пользу неуплаты долгов, чем те, что были совершены в год моего консулата. Люди разного рода и звания пытались разрешить этот вопрос оружием и военными действиями; я оказал им такое противодействие, что все это зло было в государстве уничтожено¹⁴². Никогда еще не было более значительных долгов, и никогда не были они уплачены лучше и легче; ибо утрата надежды обмануть повлекла за собою необходимость уплатить. Но тогдашний победитель, в прошлом побежденный¹⁴³, задуманное им тогда, когда оно касалось его интересов, завершил тогда, когда оно их уже не касалось. Страсть совершать зло была в нем так велика, что уже одно это услаждало его, даже если совершать зло у него не было оснований.

(85) Игак, от раздач такого рода, когда одним дают, а у других отнимают, будут далеки те, кто будет оберегать интересы государства и прежде всего постарается о том, чтобы каждый, благодаря равноправию и правосудию, владел своим имуществом, чтобы более бедные люди, из-за своего приниженного положения, не страдали от обмана и чтобы состоятельным ненависть не препятствовала ни владеть их имуществом, ни возвращать его себе; кроме того, они всеми средствами, какими только смогут, как во времена войны, так и в мирные, должны будут возвеличивать государство в его могуществе, протяженности, доходах. Вот дела великих людей, вот что происходило во времена наших предков; те, кто исполняет эти виды обязанностей с вящей пользой для государства, заслужат большую благодарность и славу.

(86) Однако, по мнению стойка Антипатра Тирского¹⁴⁴, недавно умершего в Афинах, Панэтий из числа этих наставлений насчет пользы пропустил два: заботу о своем здоровье и об имуществе. По моему мнению, выдающийся философ пропустил их потому, что следовать им легко; они, несомненно, полезны. Но здоровье люди сохраняют благодаря тому, что знают себя и наблюдают за тем, что им приносит пользу и что им вредит, как и благодаря воздержности в пище и образе жизни, стараясь оберегать свое тело, отказываясь от наслаждений, наконец, благодаря искусству тех, к чьей области знаний все это относится. (87) Что касается имущества, то его следует приобретать только честным путем, сохранять заботливостью и бережливостью и таким же образом преумножать. Все это подробнее рассмотрел Ксенофонт, ученик Сократа, в своей книге под названием «Домострой»¹⁴⁵, которую я приблизительно в твоём возрасте перевел с греческого языка на латинский. Но обо всем

этом — о зарабатывании денег, о помещении их, как и об их использовании, кое-кто из честнейших людей, сидящих под сводом Яна¹⁴⁶, рассуждает лучше, чем любой философ в любой школе. Все это, однако, надо знать; ведь это относится к пользе, о которой мы рассуждаем в этой книге.

(XXV, 88) Но сравнивать полезные вещи (ведь это и есть четвертое положение, пропущенное Панэтием) часто необходимо. Ибо обыкновенно сравнивают и блага для тела с внешними благами, и внешние блага — с благами для тела, и блага для тела — между ними, и внешние блага с внешними. Сравнивая внешние блага с благами для тела, здоровье предпочитают богатству; сравнивая блага для тела с внешними, предпочитают быть богатым, а не обладать величайшей физической силой; сравнивая блага для тела одни с другими, хорошее здоровье ставят выше наслаждения, силы — выше быстроты, а из числа внешних благ славу — выше богатства, доходы от городских владений — выше доходов от сельских. (89) К этому виду сравнений относится и знаменитое сравнение, принадлежащее старику Катону; когда его спросили, что именно самое выгодное для ведения хозяйства, он ответил: «Хорошо разводить скот»; что на втором месте, — «достаточно хорошо разводить скот»; что на третьем месте, — «разводить скот дурно»; что на четвертом месте, — «пахать землю»¹⁴⁷. А когда спрашивавший сказал: «А отдавать деньги в рост?»¹⁴⁸, — то Катон спросил: «А убить человека?» Из этого и из многого другого мы должны понять, что полезные вещи сравнивают часто, и что это четвертое положение, касающееся вопроса об обязанностях, прибавили правильно. (90) Перейдем теперь к тому, что нам остается рассмотреть.

КНИГА ТРЕТЬЯ

(I, 1) Публий Сципион, сын мой Марк, — тот, которого первого прозвали Африканским, говаривал (так о нем написал Катон, бывший почти ровесником его), что он никогда не пользуется досугом в меньшей степени, чем тогда, когда он им пользуется, и никогда не бывает менее один, чем тогда, когда он один¹. Поистине превосходное высказывание, достойное великого и мудрого мужа! Оно показывает, что Сципион имел обыкновение даже на досуге размышлять о делах, а будучи один — сам с собою говорить, так что никогда не бывал праздным и порою не нуждался в беседе с другими людьми. Так два обстоятельства, заставляющие других людей томиться, — досуг и одиночество ему придавали бодрости. Я хотел бы, чтобы и мне было дозволено искренно сказать это же; но если я и не могу, путем подражания, достичь такого большого превосходства ума, то в желаниях своих я, несомненно, очень близок к этому. Ибо я, нечестивым оружием и силой лишенный возможности заниматься государственными делами и выступать в суде, пользуюсь досугом и, по этой причине покинув Город и разъезжая по сельским ме-

стностям, часто бываю один². (2) Но мой досуг нельзя сравнивать с досугом Публия Африканского и мое уединение — с его уединением. Ведь он, отдыхая от достославной государственной деятельности, наконец, стал пользоваться досугом, а от общения с множеством людей удалялся как бы в гавань; между тем мой досуг связан с отсутствием занятий, а не с моим стремлением к покою. И право, что достойное меня мог бы я, после упразднения сената и уничтожения правосудия, делать в Курии или на форуме? (3) И вот я, который когда-то жил, общаясь с величайшим множеством людей и находясь на виду у граждан, теперь, избегая взоров преступников³, заполняющих все, удаляюсь насколько это мне дозволено, и часто бываю один. Но так как я узнал от ученых людей, что надо не только выбирать наименьшее из зол⁴, но и выхватывать из этих последних хорошее, быть может, им присущее, то я потому и пользуюсь своим досугом,— правда, не тем, каким должен был бы пользоваться человек, некогда принесший спокойствие гражданам⁵,— и не склонен проявлять слабость духа в одиночестве вынужденном, а не добровольном. (4) Впрочем, Публий Африканский, по моему мнению, заслуживал большей хвалы. До нас, правда, не дошло ни писанных произведений его ума, ни плодов его досуга, ни даров его уединения. Из этого мы должны заключить, что он, занимаясь умственным трудом и рассматривая вопросы, над которыми он последовательно размышлял, никогда не располагал досугом и не бывал один; я же, не обладая такой большой силой, чтобы в безмолвном размышлении отказываться от своего уединения, посвятил этому труду писателя все свое усердие и заботу. Поэтому я, уже после того как государство было уничтожено, в течение короткого времени написал больше, чем на протяжении многих лет, когда оно было неприкосновенно⁶.

(II, 5) Но если философия в целом, мой дорогой Цицерон, плодотворна и плодотворна, и нет ни одного ее раздела, который не был бы обработан и был бы заброшен, то наибольший урожай и наибольшее изобилие сулит нам ее раздел об обязанностях, из которого вытекают наставления, касающиеся стойкости и нравственной красоты в жизни. Поэтому, хотя я и уверен в том, что ты изо дня в день слышишь и узнаешь все это от нашего друга Кратиппа, первого из философов нашего времени, я все-таки нахожу полезным, чтобы твои уши наполнялись такими речами с разных сторон и чтобы они, если это возможно, не слышали ничего другого. (6) И если так должны поступать все намеревающиеся начать жизнь нравственно-прекрасную, то ты, пожалуй, больше, чем кто бы то ни было. Ведь на тебя возлагают немалую надежду, что ты будешь подражать мне в своей деятельности, большую надежду, что ты уподобишься мне в отношении магистратур, и, пожалуй, некоторую — в отношении славного имени. Кроме того, ты взял на себя тяжелое бремя — пребывание в Афинах и занятия у Кратиппа; так как ты поехал туда как бы для покупки высоких знаний, то твое возвращение ни с чем было бы величайшим позором для тебя и бесчестьем и для этого города, и для твоего наставника. Поэтому, насколько ты можешь напрягать ум, насколько ты можешь при-

лагать труд,—если учение есть труд, а не наслаждение,—настолько старайся так поступать и не допускай, чтобы в то время, когда я снабдил тебя всем необходимым, сам ты оказался изменившим себе. Но об этом достаточно; ведь я часто писал тебе об этом в виде советов; вернемся теперь к последней части в соответствии с предложенным нами делением предмета нашего исследования.

(7) Итак, Панэтий, который, бесспорно, тщательнейше рассмотрел вопрос об обязанностях и которому я, с некоторым исправлением, преимущественно и следовал, Панэтий, предложив три его раздела, чтобы в их пределах люди рассуждали и советовались насчет обязанности, в одном разделе выражая сомнения, прекрасно ли в нравственном отношении или же дурно то, о чем идет речь, во втором — полезно ли оно или бесполезно, в третьем — как мы в случае, если то, что имеет видимость нравственно-прекрасного, борется с тем, что нам кажется полезным, должны отличать одно от другого, насчет двух первых дал разъяснения в своих трех книгах, а насчет третьего написал, что будет говорить об этом впоследствии, но обещания своего не исполнил⁷. (8) Это удивляет меня тем более, что его ученик Посидоний писал, что Панэтий, выпустив в свет эти книги, прожил еще тридцать лет. Меня удивляет, что Посидоний⁸ лишь вкратце коснулся этого вопроса в некоторых своих записях — тем более что, как он пишет, во всей философии это самый важный вопрос. (9) Но я совсем не согласен с теми, кто говорит, что Панэтий вопрос этот не пропустил, а сознательно оставил в стороне, и что писать об этом вообще не следовало, так как, по их мнению, польза никогда не может бороться с нравственной красотой. В связи с этим, с одной стороны, можно сомневаться, надо ли было включать этот раздел, третий по делению Панэтия, или же надо было его вообще опустить; но, с другой стороны, не может быть сомнения в том, что Панэтий вопрос этот поставил, но от его рассмотрения отказался. Ведь тому, кто, разделив весь вопрос на три части, две из них, как он полагает, закончил, непременно должна была остаться для рассмотрения также и третья; кроме того, в конце третьей книги он обещает снова поговорить об этом разделе. (10) К этому присоединяется веское свидетельство Посидония, указывающего в одном из своих писем, что Публий Рутилий Руф⁹, бывший учеником Панэтия, говаривал, что подобно тому, как еще не нашлось живописца, который смог бы закончить ту часть изображения Венеры Косской, которую Апеллес¹⁰ оставил только начатой (ведь красота ее лица не позволяла надеяться, что удастся передать таким же образом красоту других частей ее тела), так того, что Панэтий пропустил и чего он не завершил, ввиду выдающихся качеств того, что он завершил, не продолжил никто.

(III, 11) Поэтому насчет мнения Панэтия сомневаться не приходится; но о том, обоснованно ли присоединил он этот третий раздел к рассмотрению вопроса об обязанностях, рассуждать, пожалуй, можно. Ибо — независимо от того, является ли нравственно-прекрасное единственным благом, как учат стоики, или же, как думают ваши перипатетики, то,

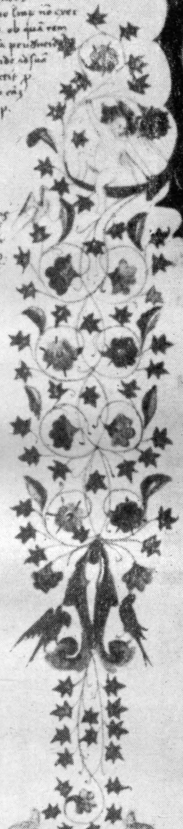
что прекрасно в нравственном отношении, есть высшее благо¹¹ постольку, поскольку все доводы, помещенные с другой стороны, едва ли обладают малейшим весом¹², — не приходится сомневаться в том, что польза никогда не может состязаться с нравственной красотой. Поэтому Сократ, как мы узнали, и был склонен проклинать тех, которые первыми в высказанных ими мыслях разграничили эти вещи, по природе своей связанные между собою. Стоики согласились с ним вплоть до того, что признали, что все нравственно-прекрасное полезно и что не бывает ничего полезного, что не было бы нравственно-прекрасным. (12) И если бы Панэтий был одним из тех, кто утверждает, что доблесть надо проявлять потому, что она полезна людям (как поступают те, кто предметы, достойные их стремлений, измеряет либо доставляемым ими наслаждением¹³, либо отсутствием боли¹⁴), то ему было бы дозволено утверждать, что польза иногда борется с нравственной красотой. Но так как Панэтий — один из тех, кто считает единственным благом то, что прекрасно в нравственном отношении¹⁵, и думает, что от прибавления того, что ему противодействует, так сказать, видимостью пользы, жизнь не становится лучше, а с утратой этого не становится хуже, то он, по-видимому, не должен был вводить такое рассуждение, в котором кажущееся полезным сравнилось бы с нравственно-прекрасным. (13) И действительно, то, что стоики называют высшим благом, — жить в согласии с природой — означает, если не ошибаюсь, следующее: с доблестью сообразоваться всегда, а все остальное, соответствующее природе, выбирать при условии, если оно не противодействует доблести. Раз это так, то некоторые думают, что вводить это сравнение не было оснований и что давать какие-либо наставления насчет этого не следовало вообще.

И именно это нравственно-прекрасное, называемое так по его существу и правильно, свойственно одним только мудрым людям и никогда не может быть отделено от доблести; однако людям, не обладающим совершенной мудростью, совершенная нравственная красота никак не может быть свойственна, но некоторое подобие нравственной красоты быть им свойственно может¹⁶. (14) Обязанности эти, о которых я рассуждаю в этих книгах, стоики называют «средними»; они касаются всех людей и находят себе широкое применение; многие постигают их по доброте своей природы и благодаря своим успехам в учении. Однако обязанность, которую стоики называют «прямой», совершенна и безусловна и, как говорят, «удовлетворяет всем числам»¹⁷; ее может достичь один только мудрый человек. (15) Но когда совершенно что-либо такое, в чем проявляются «средние» обязанности, то оно кажется вполне совершенным, так как толпа обыкновенно не понимает, что именно не соответствует совершенному, а в пределах, в каких она это понимает, думает, что не пропущено ничего. Это же происходит и в поэзии, в живописи и во многих других искусствах: неискушенные люди получают удовольствие и хвалят то, что похвалы не заслуживает, хвалят, пожалуй, по той причине, что эти произведения содержат крупицу хорошего, привлекающую несведущих людей, которые в то же время не в силах судить о недостатках, кроющихся в

каждой вещи. Поэтому они, получив разъяснения от искушенных людей, легко отказываются от своего мнения. (IV) Итак, обязанности эти, которые я рассматриваю в этих книгах, стойки называют нравственно-прекрасными, так сказать, второй степени, не только свойственными мудрым людям, но и общими всему человеческому роду. (16) Вот почему обязанности эти побуждают к доблести всех тех, кому свойственна эта естественная склонность. И когда о двоих Дециях или о двоих Сципионах¹⁸ вспоминают как о храбрых мужах, когда Фабриция¹⁹ или Аристида²⁰ называют справедливым, то в первых не ищут примера храбрости, а во вторых — примера справедливости, словно это были мудрые люди; ведь ни один из них не был мудр так, как мы хотим этим понимать слово «мудрый», да и те, кого считали и называли мудрыми, — Марк Катон и Гай Леллий²¹ не были мудры, как даже и знаменитые семь мудрецов²², но — ввиду постоянного исполнения ими «средних» обязанностей — обладали некоторым сходством с мудрыми людьми и казались ими. (17) Поэтому то, что поистине прекрасно в нравственном отношении, божеский закон не велит сравнивать с противоположным полезному, а то, что мы обыкновенно называем нравственно-прекрасным, то, что соблюдают люди, желающие считаться честными мужами, никогда нельзя сравнивать с выгодными, и мы должны оберегать и сохранять это нравственно-прекрасное, соответствующее нашему пониманию, так как то, что, собственно, и называется нравственно-прекрасным и таковым действительно является, должны оберегать и сохранять мудрые; иначе ведь невозможно сохранить за собой успехи на пути к доблести, если мы добились их. Но это относится к тем людям, которых, ввиду соблюдения ими своих обязанностей, считают честными. (18) Что касается тех, кто все измеряет выгодой и преимуществами и не находит, что это перевешивается нравственной красотой, то они при осуждении обыкновенно сравнивают нравственно-прекрасное с тем, что они считают полезным; честные мужи так обыкновенно и поступают. Поэтому я и думаю, что Панэтий, сказав, что люди при этом сравнении обыкновенно сомневаются, думал именно то, что высказал: они только «имеют обыкновение», но не «должны». И действительно, не только ставить то, что кажется полезным, выше того, что прекрасно в нравственном отношении, но даже сравнивать одно с другим и при этом сколько-нибудь сомневаться в высшей степени позорно²³.

Что же иногда, по-видимому, вызывает сомнения и требует размышления? Мне думается, — если когда-нибудь возникают сомнения насчет сущности того, о чем размышляют. (19) Ведь часто то, что в силу обстоятельств в большинстве считают позорным, позорным не оказывается. Для примера возьмем что-нибудь широко распространенное. Возможно ли большее злодеяние, чем убийство, уже не говорю — человека вообще, более того — близкого человека? Но неужели запятнал себя злодеянием тот, кто убил тиранна, хотя это был и очень близкий ему человек? ²⁴ Римский народ, со своей стороны, не думает этого, он, который из всех достославных поступков именно этот считает прекраснейшим. Значит ли это,

nls x i ulm b Tull' agit d ultima qone
 s an id sit uel: honestu p'emerit aut
 pealogu i quo dicitur filiu sui ad d'fecud
 de q' Tull' p'p'he p'cedit uci p'p' c'ceden
 de se i up' adu'strantiu us d'v'cau d
 Offia iustine off'io p'one q' d'be
 Nunc t' m'bae fact' sui d' d'v'cau i
 orio studiosu i uero l'au no c'ce
 uendu se an ee p. ab qua non
 iud'ba' q'one off'ia p'cedunt
 off'io iust'ce. adu' adu'
 ex'p'at'one p'cedit p.
 h'om'u' aff'ig'ndu' cu
 q' reliquit ee p.
 Et induit ex
 d'p'at' sup'
 off'ia
 Demu h'
 uel filiu
 ad p'ca
 u' d'be q' e' p'cedit
 ee m'p'p'ia d'be
 s'by d'be uero h'
 m'p'p'ia ad d'v'cau
 & s' d'p'at' n'

C. D. aff'ig'ndu' i uero l'au no c'ce
 p'cedunt ee p. 1107. adu' adu' i iulio Cesare

M. T. C. Off'io b'x

Cipionem Mare fili
 cui qui primus affrica
 nus appellatus sit dice
 solutum serupit Caroa
 suo fere e' equalis i iug
 semin' onosu ee q' cu co

simile i d'v'cau iug
 d'p'at' n'q' salu' ee p'p'

osus. nec minus solu q' ai solus eet. Magnifica
 u uox i magno uiro ac sapiente digna. q' redar
 at illu i dono ee negotijs cogitare i iolutudine
 scia loqui solitu. ut neq' cessaret umq' i iterduz
 colloquio alter i no c'cederet. Itaq' due res q' lan
 guore afferit ceteris. illum aciebant. otu i so
 litudo. Vellem nobis hoc item uerel'auer d'v'cau
 Sed si min' imitatione tantam igeny p'stantiā
 tam conseq' possim' uoluntarie certe proxime acc'e
 dimus. Nam i a re. p'fore n'sib'usq' negotijs armi
 nupys uiaq' p'hibita. otium p'sequitur. i ob ea cam
 urbe relicta rura pagrantes sepe soli sum'. Sed n'
 hoc otu i affricam otio. nec hoc solutudo cu illa co
 p'anda e'. Ille n. req'escens aret. p. pulch'rimis mu
 neribo. otu sibi sumebat. ali quanto. i a otu h'ou'i
 frequen'iaq' inuertu tuncq' in p'ctu se i solutudine

Hic l'au' d'v'cau d'p'at' n'
 i iulio Cesare

ЦИЦЕРОН. «ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ», КНИГА ТРЕТЬЯ (НАЧАЛО)
 Турин, Национальная Университетская библиотека. Рукопись XIV в.

что польза взяла верх над нравственной красотой? Наоборот, нравственная красота подчинилась пользе. Итак, дабы мы — если когда-либо с тем, что мы считаем нравственно-прекрасным, по-видимому, вступит в борьбу то, что мы называем полезным,— могли разрешить вопрос, не совершая ошибки, надо установить, так сказать, формулу²⁵; следуя ей при сравнении, мы никогда не погрешим при исполнении своего долга. (20) И формула эта будет вполне соответствовать положениям и учению стоиков; в этих книгах мы следуем ему потому, что, хотя представители Старой Академии²⁶ и ваши перипатетики, которые когда-то ни в чем не расходились с академиками, ставят нравственно-прекрасное выше того, что кажется полезным, все же те, кто считает все нравственно-прекрасное в то же время и полезным и не считает полезным того, что не прекрасно в нравственном отношении, рассматривают эти вопросы более блистательно, чем те, для кого нравственно-прекрасное не полезно, а полезное не прекрасно в нравственном отношении²⁷. Но нам наша Академия предоставляет большую свободу, так что нам дозволено с полным на это правом отстаивать все то, что нам кажется наиболее вероятным. Но я возвращаюсь к формуле.

(V, 21) Итак, отнять что-нибудь у ближнего и, будучи человеком, увеличить свое достояние, нанеся ущерб другому человеку, более противно природе, чем смерть, бедность, боль, другие беды, которые могут поразить либо наше тело, либо наши внешние блага; ибо это прежде всего уничтожает совместную жизнь людей и человеческое общество. Ведь если все мы будем охвачены стремлением грабить ближнего ради своей выгоды и нарушать его интересы, то это неминуемо приведет к распаду того, что в высшей степени сообразно с природой,— человеческого общества. (22) Как в случае, если бы каждый член нашего тела стал думать, что он мог бы быть здоров, впитав в себя здоровье соседнего члена тела, все наше тело неминуемо ослабело бы и погибло²⁸, так, если бы каждый из нас захватил достояние других людей и, в своих интересах, отнял все, что мог бы отнять у каждого из них, человеческое общество и узы между людьми неминуемо были бы уничтожены. Ибо каждому предоставлена возможность добывать все необходимое для жизни именно для себя, а не для другого, не встречая противодействия со стороны природы²⁹; но природа не терпит одного: чтобы мы ограблением других людей увеличивали свои средства, богатства, могущество. (23) И не только природой, то есть правом народов³⁰, но и законами народов, на каковых в отдельных гражданских общинах держится государственный строй, таким же образом установлено, что ради своей выгоды не дозволено причинять вред ближнему. Вот каково назначение, вот какова воля законов: узы между гражданами неприкосновенны; тем, кто разрывает их, законы грозят смертью, казнью, изгнанием, заточением в тюрьму, денежной пеней. И в гораздо большей мере нас к этому приводит сам разум природы, который есть закон божеский и человеческий³¹. Кто захочет повиноваться ему (а ему будут повиноваться все те, кто захочет жить по велению природы), тот никогда не позволит себе пожелать чужого достояния и

взять себе то, что отнял у ближнего. (24) И действительно, высокий и великий дух, а равным образом и дружелюбие, справедливость и щедрость сообразны с природой в гораздо большей мере, чем наслаждение, чем жизнь, чем богатство; презирать и не ставить этого ни во что, сравнительно с общей пользой, свойственно великому и высокому духу. Но ради своей выгоды отнимать что бы то ни было у ближнего более противно природе, чем смерть, боль, другие несчастья в таком же роде. (25) Равным образом, ради спасения всех народов или ради помощи им брат на себя — если это возможно — величайшие труды и тяготы, подражая Геркулесу, которого людская молва, помня о его благодеяниях, приобщила к сонму небожителей³², более сообразно с природой, чем жить в уединении не только без каких бы то ни было тягот, но и среди величайших наслаждений, среди полного изобилия во всем, отличаясь также и исключительной красотой и силой³³. Поэтому все люди самого высокого и самого блестящего ума ставят образ жизни, описанный нами первым, намного выше образа жизни, описанного нами вторым. Из этого следует, что человек, послушный велению природы, нанести вред другому человеку не может. (26) Далее, кто причиняет ущерб ближнему, чтобы самому получить какую-нибудь выгоду, тот либо совсем не думает, что поступает противно природе, либо признает, что бежать от смерти, от бедности, от боли, даже от потери детей, родных и друзей надо в большей мере, чем совершить противозаконие по отношению к кому бы то ни было. Если он думает, что посягать на интересы людей не противно природе, то зачем нам обсуждать этот вопрос с тем, кто в человеке совершенно уничтожает человеческое начало? Но если он признает, что этого, конечно, надо избегать, но что смерть, бедность и боль — вещи, намного худшие, то он заблуждается, считая всякий ущерб, относящийся к нашему телу или имуществу, более тяжким, чем любой ущерб, относящийся к нашей душе.

(VI) Итак, у всех людей должна быть лишь одна цель: одна и та же польза для каждого в отдельности и для всех сообща; если каждый станет рвать ее себе, то вся общность человеческой судьбы будет нарушена. (27) Более того, если природа велит человеку хотеть, чтобы о другом человеке, кем бы он ни был, была проявлена забота уже по одной той причине, что он — человек, то, по велению все той же природы, польза должна быть общей для всех людей. Раз это так, то все мы подчиняемся одному и тому же закону природы, а если именно это так, то закон природы, несомненно, воспрещает нам посягать на интересы ближнего. Но первое справедливо; следовательно, справедливо второе. (28) Бессмысленно ведь то, что кое-кто говорит: у отца или у брата он, ради своей выгоды, не отнимет ничего, но его отношение к другим гражданам иное. Такие люди решают, что у них ни в отношении прав, ни в отношении всеобщей пользы никакого союза с согражданами нет, каковое мнение полностью нарушает союз в виде гражданской общины. Те, кто утверждает, что надо считаться с согражданами, но не с чужеземцами, разрывают всеобщий союз человеческого рода, а с его уничтожением

уничтожаются в корне благотворительность, щедрость, доброта, справедливость; людей, уничтожающих все это, надо признать нечестивыми также и по отношению к бессмертным богам. Ведь эти люди ниспровергают установленное богами человеческое общество, теснейшей связью которого служит убеждение, что природе более противно, чтобы человек в своих интересах отнимал что-либо у человека, чем чтобы он испытывал всяческие несчастья, либо внешние, либо для его тела, либо даже для его души, несчастья, чуждые справедливости; ведь одна эта доблесть — властительница и царица всех доблестей.

(29) Быть может, кто-нибудь спросит: «Значит, мудрый человек, если бы он умирал от голода, не отнял бы пищу у другого человека, не пригодного ни на что?» — Конечно, нет; ведь мне жизнь моя не полезнее, чем сознание того, что я не вправе посягнуть в своих интересах на кого бы то ни было³⁴. — «Как? Если бы у Фаларида³⁵, жестокого и свирепого тиранна, честный человек, чтобы самому не умереть от холода, мог отнять одежду, то разве он не сделал бы этого?» Разрешить подобные вопросы очень легко. (30) Ибо, если бы ты ради своей пользы отнял что-нибудь у человека во всех отношениях бесполезного, то ты поступил бы бесчеловечно и в нарушение закона природы; но если бы ты был таким человеком, что мог бы принести большую пользу государству и человеческому обществу в случае, если бы остался жив, то — если бы ты именно с этой целью что-нибудь отнял у ближнего — это не заслуживало бы порицания. Но если таких условий налицо нет, то каждый должен переносить свое несчастье, но не лишать ближнего его благ. Итак, нет ни болезни, ни бедности, ни подобных им зол, природе более противных, чем похищение, вернее, желание чужого имущества; но пренебрежение к общей пользе противно природе; ибо оно противозаконно. (31) Поэтому сам закон природы, охраняющий и оберегающий интересы людей, конечно, определит, что средства, необходимые для жизни, от человека праздного и бесполезного должны передаваться мудрому, честному и храброму мужу; ведь если он погибнет, то его смерть нанесет большой ущерб всеобщим интересам; но этот муж должен делать это так, чтобы сам он, будучи о себе высокого мнения и ценя себя, не видел в этом оснований для противозакония. Так, он всегда исполнит свой долг, заботясь о пользе людей и о том, о чем я часто упоминаю, — о человеческом обществе. (32) Ведь насчет Фаларида судить очень легко. Ибо с тираннами никакие узы нас не соединяют; вернее, тиранны нам глубоко чужды, и вовсе не противно природе ограбить, если сможешь, того, кого в нравственном отношении прекрасно убить³⁶, и вся эта порода людей, несущая гибель и нечестивая, подлежит изгнанию из человеческого общества. И действительно, как мы отсекаем некоторые члены тела, если они и сами начали терять кровь и как бы дух, и наносят вред другим членам тела, так эту звериную дикость и свирепость в человеческом образе³⁷ надо отделять от всеобщей, так сказать, человечности нашего тела. Подобного рода вопросами являются все те, в которых рассматривается должное поведение при разных обстоятельствах.

(VII, 33) Панэтий, думается мне, осуществил бы свое намерение рассмотреть такие вопросы, если бы ему не помешала какая-то случайность или какое-то занятие. Для разрешения этих вопросов мы дали в предыдущих книгах достаточно наставлений, и из них можно усвоить себе, чего надо избегать, так как это позорно, и чего не надо избегать, так как это нисколько не позорно. Но так как мы на свой начатый и почти законченный труд ставим как бы конек крыши, то — подобно тому, как геометры обыкновенно не все доказывают, но требуют, чтобы с ними кое в чем соглашались, дабы им было легче развивать желаемые положения³⁸, — так и я прошу тебя, мой дорогой Цицерон, если можешь, согласиться со мною в том, что надо стремиться к одному только нравственно-прекрасному ради него самого. Но если Кратипп тебе этого не позволяет, то ты, конечно, согласишься со мною в том, что к нравственно-прекрасному надо стремиться больше всего ради него самого³⁹. Для меня достаточно любого из этих положений, и то одно, то другое кажется мне более вероятным, а помимо них вероятным мне не кажется ничего. (34) И прежде всего Панэтия следует оправдывать вот в чем; он не говорил, что полезное иногда может бороться с нравственно-прекрасным (ведь божеский закон ему этого и не дозволил), но — то, что полезным кажется. Он часто доказывает, что действительно не бывает ничего полезного, которое в то же время не было бы нравственно-прекрасным, и ничего нравственно-прекрасного, которое в то же время не было бы полезным, и говорит, что жизни людей еще не поражал ни один бич, более тяжкий, чем мнение тех людей, которые разграничили эти понятия⁴⁰. И вот, не для того, чтобы мы когда-либо предпочли полезное нравственно-прекрасному, но для того, чтобы мы могли безошибочно отличить одно начало от другого, если они когда-нибудь окажутся на нашем пути, он и выдвинул это кажущееся, но не действительно существующее противоречие. Итак, этот оставленный нам раздел мы закончим без чьей-либо помощи, но «своим оружием», как говорится⁴¹. Ведь после Панэтия в сочинениях, попавших в мои руки, по этому разделу не написано ничего такого, с чем я действительно мог бы согласиться.

(VIII, 35) Итак, всякий раз, когда мы сталкиваемся с какой-нибудь видимостью пользы, мы неизбежно волнуемся. Но если ты, отнесясь к этому внимательно, увидишь, что к тому, что принесло видимость пользы, присоединился позор, то от пользы отказываться не следует, но надо понять, что там, где налицо позор, пользы быть не может. И если ничто так не противно природе, как позор (ведь природа желает всего прямого, соответствующего ей самой и стойкого и отвергает все противоположное этому), и ничто так не соответствует природе, как польза, то в одном и том же деле, конечно, не может быть и пользы, и позора. Опять-таки, если мы рождены для нравственной красоты и должны либо стремиться, к ней одной, как думал Зенон⁴², либо находить, что она во всех отношениях перевешивает все остальное, как полагал Аристотель⁴³, то нравственно-прекрасное непременно должно быть либо единственным, либо высшим благом; но то, что есть благо, несомненно, полезно; следовательно,

все то, что прекрасно в нравственном отношении, полезно. (36) Поэтому заблуждение, в какое впадают непорядочные люди, когда они захватывают что-нибудь такое, что им показалось полезным, тотчас же отдаляет их от нравственно-прекрасного. Это порождает удары кинжалами, отравления, подделку завещаний, хищения, казнокрадство, ограбление и разорение союзников и граждан; это порождает желание непомерных богатств, нестерпимого могущества, наконец, — даже в свободных государствах — стремление к царской власти, отвратительнее и хуже которого не придумать ничего. Ведь люди эти, обманываясь в своих суждениях, выгоды видят, а кары, уже не говорю — налагаемой законами, от которой они часто уклоняются, но кары, связанной с самим позором (а это — самое горькое⁴⁴), не видят. (37) Поэтому да будут изгнаны из нашей среды люди, рассуждающие так; ибо все они — преступники и нечестивцы; ведь они рассуждают о том, следовать ли им тому, что, как они видят, прекрасно в нравственном отношении, или же сознательно запятнать себя злодеянием; ведь уже в самом сомнении кроется дурное деяние, хотя они до него и не дошли. Итак, рассуждать вообще не следует о вопросах, о которых позорно даже рассуждать.

Кроме того, из всякого обсуждения надо изгонять надежду и мысль что-нибудь скрыть или утаить; ведь мы, если мы сколько-нибудь преуспели в философии, должны быть достаточно твердо убеждены в том, что мы, если бы и смогли что-либо скрыть от всех богов и людей, все-таки ни в чем не должны допускать ни алчности, ни противозакония, ни произвола, ни несдержанности. (IX, 38) В связи с этим Платон вводит повествование о Гиге⁴⁵: после того, как земля разверзлась от сильных ливней, Гиг спустился в расщелину и, как гласит предание, увидел там бронзового князя с дверьми на боках; открыв двери, он нашел там мертвеца необычно большого роста с золотым перстнем на пальце; он снял с него этот перстень и надел его себе на палец (а был он царским пастухом), затем присоединился к другим пастухам; всякий раз, как он поворачивал чашечку перстня к ладони, он становился невидим для других, но сам видел все; повернув перстень в его правильное положение, он снова становился видим. Исползовав преимущества, какие ему давал перстень, Гиг совершил прелюбодеяние с царицей, с ее помощью убил царя, своего господина, и уничтожил всех тех, кто, по его мнению, мешал ему, причем во время всех этих преступлений никто не мог его видеть; так, благодаря обладанию перстнем, он неожиданно стал царем Лидии. И вот, если бы этим перстнем обладал мудрый человек, то он не счел бы дозволенными себе проступки большие, чем те, какие он совершал бы, не обладая перстнем; ибо честные мужи стремятся к нравственно-прекрасному, а не к тайному. (39) По этому поводу некоторые философы⁴⁶, отнюдь не дурные, но недостаточно проникательные, говорят, что Платон представил нам придуманный и вымышленный рассказ. Как будто он утверждает, что это действительно произошло или произойти могло! Смысл этого рассказа о перстне и этого примера следующий: если никто не будет знать, если никто даже не заподозрит, что ты совершаешь какое-нибудь деяние ради

богатства, ради могущества, ради господства, ради страсти, если ни богам, ни людям о нем никогда не будет известно, то совершишь ли ты его? Философы эти утверждают, что совершить его невозможно, хотя это вполне возможно; но я спрашиваю: будь возможно то, что, по их словам, невозможно, как именно поступили бы они сами? Они настаивают очень неумело, утверждают, что это невозможно, и стоят на своем; что означают эти слова, они не видят. Ведь когда мы спрашиваем, что они сделали бы, если бы смогли скрыть свои поступки, то мы не спрашиваем, могут ли они скрыть их, но как бы пускаем в ход, так сказать, орудия пытки, так что, если они ответят, что при условии безнаказанности они совершат то, что им будет выгодно, то они признают себя способными на преступление; если они дадут отрицательный ответ, то они согласятся с тем, что надо избегать всего позорного как такового. Но вернемся теперь к предмету своего рассуждения.

(X, 40) Часто возникают положения, приводящие умы в смущение видимостью пользы, когда люди рассуждают не о том, надо ли им отказаться от нравственной красоты ради значительности пользы (ведь именно это и бесчестно), но о том, возможно ли совершить кажущееся полезным, не покрыв себя позором. Когда Брут лишил империя своего коллегу Коллатина, могло показаться, что он поступает несправедливо; ведь во время изгнания царей Коллатин был союзником Брута и его помощником в осуществлении им своих замыслов⁴⁷. Но когда первые граждане решили уничтожить родню Гордого, имя Тарквиниев и память о царской власти⁴⁸, — а это было полезно, — то позаботиться об отечестве было делом столь прекрасным в нравственном отношении, что даже Коллатин должен был это одобрить. Таким образом, польза возымела силу по причине нравственной красоты, без которой даже польза не была бы возможна. (41) Но в случае с царем, основавшим Город⁴⁹, положение было иное. Ведь его побудила видимость пользы: когда ему показалось, что единолично царствовать более полезно, чем вместе с другим человеком, он убил брата⁵⁰. При этом он погряз и братские чувства, и человечность, дабы иметь возможность осуществить то, что ему казалось полезным, но таковым не было. И все-таки он в свое оправдание сослался на постройку стены; это была видимость нравственной красоты, не правдоподобная и совсем не подходящая. Следовательно, он совершил проступок. Скажу это с дозволения Квирина⁵¹ или Ромула. (42) Но мы не должны поступаться своими выгодами и передавать их другим людям, когда сами нуждаемся в них; нет, каждый должен соблюдать свою выгоду, не совершая противозакония по отношению к ближнему. Хрисипп⁵² правильно сказал об этом, как и обо многом другом: «Тот, кто бежит по стадиону, должен всячески напрягать силы, как только может, чтобы победить, но отнюдь не должен подставлять ногу сопернику или отталкивать его рукой; так и в жизни вполне справедливо, чтобы каждый добивался всего, что ему нужно; отнимать это у ближнего он не вправе».

(43) Но более всего обязанности нарушаются в дружеских отношениях, когда не воздать того, что по совести воздать можешь, и воздать

то, что было бы несправедливым, противно долгу. Насчет всех подобных случаев наставление кратко и дать его легко. Ибо всего того, что кажется полезным — магистратур, богатств, наслаждений и прочего в этом же роде никогда нельзя предпочитать дружбе. Но честный муж ничего не сделает ради друга ни во вред государству, ни в нарушение своей клятвы и честного слова, даже если будет судьей по самому делу своего друга; ведь он отказывается от роли друга, когда берет на себя роль судьи. Он исполнит свой долг перед дружбой лишь настолько, что предпочтет, чтобы дело его друга было правым, и даст возможность выступать по делу столько времени, сколько дозволяют законы⁵³. (44) Но когда он, поклявшись, должен вынести судебное решение, то ему следует помнить, что он призывает в свидетели божество, то есть, как сам я думаю, свой разум⁵⁴, божественнее которого само божество ничего не даровало человеку⁵⁵. Прекрасен поэтому завещанный нам предками обычай просить судью (о, если бы мы его сохранили!) сделать то, что он может сделать по совести. Просьба эта относится к тому, что, как я только что сказал, судья может сделать для друга сообразно с нравственной красотой; ибо, если приходится делать все то, чего хотят друзья, то такие узы надо считать не дружбой, а разговором. (45) Но я говорю об обыкновенных дружеских отношениях; ведь среди мудрых мужей, достигших совершенства, ничто подобное не возможно. Пифагорейцы Дамон и Финтий, по рассказам, относились друг к другу так, что когда тиранн Дионисий⁵⁶ назначил день казни одного из них, и приговоренный попросил его об ее отсрочке на несколько дней, чтобы обеспечить своих близких, то другой поручился за него — с тем, чтобы умереть, если тот не возвратится. Когда он вернулся к назначенному сроку, то тиранн, изумленный их взаимной верностью, попросил их принять его третьим в их дружеский союз⁵⁷. (46) Итак, когда то, что в дружбе кажется полезным, сравнивают с нравственно-прекрасным, то видимость пользы не должна иметь значения, а нравственная красота должна возыметь силу; но когда в дружбе потребуют того, что в нравственном отношении не прекрасно, то совестливость и верность слову надо будет предпочесть дружбе. Так совершится выбор обязанности, предмет нашего рассмотрения.

(XI) Но в делах государственных очень часто, под предлогом пользы, совершают ошибки, как поступили наши предки, разрушив Коринф⁵⁸. Еще более жестоко поступили афиняне, постановив, чтобы у жителей Эгины, сильной флотом, были отрублены большие пальцы на руках⁵⁹. Афинянам это показалось полезным; ведь Эгина, ввиду своего близкого расположения, сильно угрожала Пирею. Но ничто жестокое не бывает полезным; ведь человеческой природе, которой мы должны следовать, наибольший недруг — жестокость. (47) Дурно поступают и те, кто препятствует чужеземцам жить в городах и изгоняет их, как Пенн поступил некогда⁶⁰, а Папий недавно⁶¹. Не дозволять, чтобы не-гражданин считался гражданином, справедливо; закон об этом предложили мудрейшие консулы Красс и Сцевола⁶². Но запрещать чужеземцам жить в Городе поистине

бесчеловечно. Прекрасны случаи, когда видимостью пользы для государства пренебрегают ради нравственной красоты. В нашем государстве множество таких примеров. Это бывало часто, а особенно во время второй пунической войны: после поражения под Каннами наше государство проявило большее мужество, чем когда бы то ни было в счастливые времена: ни признаков страха, ни слова о мире⁶³. Сила нравственной красоты так велика, что затмевает видимость пользы. (48) Когда афиняне никак не могли выдержать натиска персов и постановили, оставив город, отправить жен и детей в Трезену, перейти на корабли и посредством флота защищать свободу Греции, они побили камнями некоего Кирсила, советовавшего им остаться в городе и принять Ксеркса⁶⁴. А ведь Кирсил, казалась, руководствовался пользой, но ее не было, так как нравственная красота ее отвергала. (49) После победы в войне с персами Фемистокл сказал в собрании, что он придумал план, спасительный для государства, но что его не должны знать все; он потребовал, чтобы народ назначил человека, которому он мог бы его сообщить; был назначен Аристид⁶⁵. Фемистокл сказал ему, что есть возможность тайно поджечь флот лакедемонян, который они вытащили на сушу в Гифее; это непременно сокрушило бы могущество лакедемонян. Услышав это, Аристид пришел в собрание, где его с нетерпением ждали, и сказал, что совет Фемистокла весьма полезен, но далеко не прекрасен в нравственном отношении. Поэтому афиняне, не признав совета Фемистокла нравственно-прекрасным, не нашли его даже полезным и все его предложение, которого они ранее даже не выслушали, они, по совету Аристиды, отвергли. Они поступили лучше, чем мы, освободившие пиратов от их повинностей и держащие союзников на положении данников⁶⁶. (XII) Итак, пусть остается в силе положение: позорное не полезно никогда — даже и тогда, когда того, что считаешь полезным, достигаешь; ведь именно то обстоятельство, что позорное считают полезным, и пагубно.

(50) Но, как я уже говорил, часто возникает положение, когда польза, казалась бы, противится нравственной красоте, так что надо подумать, совсем ли она противится ей или же ее возможно соединить с нравственной красотой. Такого рода следующие вопросы: например, если честный человек во времена недостатка зерна, голода среди жителей Родоса и необычайной дороговизны съестных припасов привез из Александрии на Родос большое количество зерна и в то же время знает, что многие купцы вышли из Александрии, и видел груженные зерном корабли, державшие путь на Родос, то скажет ли он об этом жителям Родоса или же, благодаря своему молчанию, продаст свое зерно по возможно более высокой цене? Мы воображаем себе мудрого и честного человека, ставим вопрос о размышлениях и соображениях того, кто не стал бы скрывать положение вещей от жителей Родоса, если бы находил это позорным, но не уверен в том, что его молчание не будет позорным.

(51) В подобных случаях Диоген Вавилонский, великий стоик строгих взглядов, высказывает одно мнение, а его ученик Антипатр⁶⁷, умнейший человек, — другое. Антипатр находит нужным раскрывать все, дабы поку-

пающий знал то, что известно продающему; Диоген же думает, что продающий должен, в пределах, установленных гражданским правом, о недостатках своего товара сообщать, а в остальном поступать добросовестно и, так как он продает, стараться продать возможно выгоднее для себя. «Я привез товар, выставил его, продаю его не дороже, чем другие, быть может, даже дешевле, так как его запас у меня большой. Кому наносу я ущерб?» (52) Антипатр выдвигает противоположные соображения: «Что ты говоришь? И ты,— хотя ты должен заботиться о людях и служить человеческому обществу, хотя ты рожден с тем условием и обладаешь такими природными качествами (повиноваться и следовать им ты обязан), что твои интересы должны быть всеобщими, а всеобщие интересы, в свою очередь,— твоими⁶⁸,— скроешь от людей то, что им выгодно и принесет изобилие?» Диоген, возможно, ответит: «Одно дело — скрыть, другое — умолчать, и я теперь от тебя не скрываю, если тебе не говорю, какова природа богов, каков предел добра (а знать это тебе было бы полезнее, чем знать, что цены на пшеницу низки); но я не должен говорить тебе все то, что тебе было бы полезно услышать». — (53) «Наоборот, должен, если ты действительно помнишь, что между людьми существуют узы, установленные природой». — «Помню,— скажет Диоген,— но разве узы эти таковы, что у людей не должно быть ничего их собственного? Если они именно таковы, то мы даже не должны продавать что бы то ни было, но можем только дарить». (XIII) Как видишь, при всем этом обсуждении вопроса не говорится: «Хотя это и позорно, я все-таки поступаю так, потому что это мне выгодно». Но одна сторона говорит, что это выгодно при условии, чтобы это не было позорным; по утверждению другой, по той причине, что это позорно, поступать так нельзя.

(54) Допустим, что честный человек продает дом из-за его кое-каких недостатков, о которых сам он знает, но другие люди не знают. Допустим, что строение это нездоровое, но считается здоровым, и люди не знают, что во всех комнатах выползают змеи, что здание это из дурного материала и может обвалиться; но об этом никто, кроме владельца, не знает⁶⁹. Я спрашиваю: если продавший не сказал этого покупателям и продал строение за гораздо большую цену, чем рассчитывал, то разве он поступил несправедливо или, вернее, бесчестно? «Да, конечно,— отвечает Антипатр.— Что это, как не неуказание пути заблудившемуся⁷⁰ (в Афинах это карается проклятием от имени городской общины⁷¹) — позволить покупателю понести ущерб из-за своего заблуждения и стать жертвой обмана? Это даже нечто худшее, чем не указать правильного пути; ведь это значит сознательно ввести ближнего в заблуждение». (55) Диоген возражает ему: «Разве тебя заставляла покупать тот, кто этого тебе даже не посоветовал? Он объявил о продаже того, что ему не нравилось; ты же купил то, что тебе нравилось. Если того, кто объявляет о продаже „хорошей и хорошо построенной усадьбы“, не считают обманщиком, если усадьба эта скверная и построена неправильно, то тем меньше оснований считать обманщиком того человека, который не стал расхваливать свой дом. Ибо какой возможен обман со

стороны продающего там, где налицо суждение покупателя? Но если не надо нести ответственность за все сказанное, то надо ли, по твоему мнению, нести ответственность за то, что сказано не было? И действительно, что глупее положения, когда продающий сообщает о недостатках продаваемой им вещи? И что так нелепо, как предположение, что глашатай, по приказанию собственника, объявит: „Продаю дом, пораженный мором“?» (56) Итак, в некоторых сомнительных случаях одна сторона защищает нравственную красоту, другая говорит о пользе, утверждая, что совершить кажущееся полезным не только прекрасно в нравственном отношении; более того, не совершить этого даже позорно. Вот частое кажущееся разногласие между полезным и нравственно-прекрасным. Одно от другого надо ограничивать; мы изложили это не для постановки вопроса, а для разъяснения его. (57) Итак, по моему мнению, ни торговец зерном не должен был скрывать обстоятельства дела от родосцев, ни человек, продававший дом,— от своих покупателей. Правда, умолчать еще не значит скрыть, но значит это тогда, когда ты ради своей выгоды хочешь, чтобы того, что знаешь ты, не знали те, для кого знать это важно. И кто не видит, что представляет собою стремление скрыть и какому человеку оно свойственно? Конечно, не человеку открытой души, простому, свободно рожденному, не честному мужу, но скорее лукавому, темного происхождения, ловкому, лживому, коварному, хитрому, сутяге, плуту. Не пагубно ли заслужить столько названий пороков и еще другие, более многочисленные?

(XIV, 58) Но если надо порицать людей, о чем-то умолчавших, то что должны мы подумать о солгавших? Римский всадник Гай Каний, человек, не лишенный остроумия⁷² и достаточно образованный, приехав в Сиракузы, как он уверял, не по делам, а для отдыха, не раз говорил там о своем желании купить небольшое загородное имение, куда он мог бы приглашать друзей и где мог бы развлекаться без помехи со стороны посетителей. Когда молва об этом распространилась, то некий Пифий, державший в Сиракузах меняльную лавку, сказал ему, что продажного имения у него, правда, нет, но что Каний, если хочет, может пользоваться его имением как своим, и заодно пригласил его на пир к себе в имение на следующий день. Когда Каний принял его приглашение, то Пифий, как меняла влиятельный человек во всех сословиях, позвал рыбаков, велел им в течение следующего дня ловить рыбу около его имения и объяснил им, чего ему от них нужно. Каний вовремя прибыл на пир. Пифий устроил его великолепно. Перед взорами пиравших появилось множество лодок, причем все рыбаки приносили свой улов и бросали рыбу к ногам Пифия. (59) Тогда Каний спросил: «Скажи, пожалуйста, Пифий, что это значит — столько рыбы, столько лодок?» А тот и говорит: «Чему здесь удивляться? Вся рыба, какая только есть в Сиракузах,— в этом месте; здесь изобилие чистой воды; обходить мою усадьбу рыбаки не могут». Загоревшись желанием получить имение, Каний стал уговаривать Пифия, чтобы тот ему продал его. Пифий вначале был несговорчив. К чему много слов? Каний добивается своего. Человек

богатый и жадный, он покупает имение за столько, сколько Пифий за него запросил, и притом со всей обстановкой. На другой день Каний приглашает близких друзей, сам приезжает заблаговременно, но не видит ни одного челна. Он спрашивает ближайшего соседа, не праздничные ли дни у рыбаков, так как ни одного из них он не видит. «Нет, насколько мне известно,— говорит тот,— но здесь обыкновенно рыбы не ловит никто; поэтому я вчера и не мог понять, что произошло». (60) Рассердился Каний, но что мог он сделать? Ведь Гай Аквиллий, мой коллега и близкий друг, тогда еще не предлагал своих формул насчет злого умысла⁷³. Когда его спрашивали, что такое злой умысел, о котором в них говорится, он отвечал: «Когда люди в чем-нибудь одним притворились, а другое сделали». Это сказано превосходно, чего и можно было ожидать от человека, искушенного в определениях. Итак, и Пифий, и все другие, делающие одно и притворяющиеся в другом,— люди вероломные, бесчестные, злонамеренные. Следовательно, ни один их поступок не может быть полезен, раз он запятнан столькими пороками.

(XV, 61) Но если определение, данное Аквиллием, правильно, то из всей нашей жизни надо устранить и стремление притворяться в том, чего нет, и стремление скрывать то, что есть. Поэтому честный человек ни ради того, чтобы на лучших условиях купить, ни для того, чтобы продать, ни в чем не притворится и ничего не скроет. Более того, этот злой умысел карался законами: в делах опеки — XII Таблицами⁷⁴; в случае обмана малолетних — Плеториевым законом⁷⁵; без применения закона — приговорами, в которых прибавляется: «... в соответствии с доверием». В решениях по другим делам особенное значение имеют следующие выражения: при третейском суде насчет имущества жены — «лучше, справедливее», в случае фидуциарного обязательства⁷⁶ — «поступить честно, как делается между честными людьми». Что же следует из этого? Может ли, с одной стороны, в том, что совершается «лучше, справедливее», содержаться хотя бы частица обмана или, с другой стороны, когда говорят «поступить честно, как делается между честными людьми», можно ли совершить что-нибудь по злому умыслу и коварно? Но злой умысел, как говорит Аквиллий, заключается в притворстве. Поэтому при заключении соглашений надо устранять всякую возможность лжи. Продающий не должен прибегать к помощи человека, набавляющего цену, покупающий — к помощи сбивающего ее. И тот и другой, если станут объявлять свою цену, могут ее объявить только один раз. (62) Во всяком случае, когда Квинт Сцевола, сын Публия⁷⁷, попросил, чтобы ему назвали окончательную цену угодья, которое он хотел купить, и когда продававший назвал ее, то Сцевола сказал, что ценит угодье дороже, и прибавил 100 000 сестерциев. Никто не станет отрицать, что это был поступок честного мужа; люди отрицают, что это был поступок мудрого, как и в случае, если бы он что-нибудь продал за более дешевую цену, чем та, за какую мог бы продать. Итак, зло именно в том, что одних считают честными, а других мудрыми людьми. Поэтому Энний и пишет, что щет-

на мудрость того мудреца, который не может быть полезен себе самому⁷⁸. Это было бы верно, если бы я был согласен с Эннием насчет значения слов «быть полезен». (63) Во всяком случае, Гекатон Родосский⁷⁹, ученик Панэтия, в своих книгах «О долге», посвященных им Квинту Туберону⁸⁰, как я вижу, говорит, что обязанность мудрого — заботиться о своем имуществе, не совершая ничего противного обычаям, законам и установлениям; ведь мы хотим быть богаты не только ради себя, но и ради детей, родных и друзей, а особенно ради государства; ведь средства и достояние отдельных лиц составляют богатства гражданской общины. Поступок Сцеволы, о котором я говорил выше, никак не мог бы понравиться Гекатону. Ведь он утверждает, что сам он вообще не был бы способен совершить в своих интересах что-либо недозволенное. Гекатон не заслуживает ни большой похвалы, ни благодарности. (64) Но если и притворство, и стремление скрыть что-либо — злой умысел, то очень малочисленны случаи, когда этого злого умысла налицо нет; если же честный человек — это такой, который приносит пользу, кому только может, и не причиняет вреда никому, то найти такого честного человека, разумеется, нелегко. Итак, никогда не бывает полезно совершать проступки, так как это всегда позорно, а так как в нравственном отношении всегда прекрасно быть честным мужем, то это всегда полезно.

(XVI, 65) В положениях о поместьях наше гражданское право установило, что при их продаже надо называть недостатки, известные продающему; ибо, в то время как на основании XII Таблиц достаточно нести ответственность за то, что было названо словесно⁸¹, причем тот, кто наличие недостатков отрицал, должен уплатить пеню в двойном размере, правоведы назначили ее даже за умолчание. Они установили, что за всякий недостаток, присущий поместью, продавший, если он, зная о нем, не назвал его в точности, должен нести ответственность. (66) Так, например, когда авгуры собирались наблюдать из крепости⁸² авгурии и повелели Титу Клавдию Центумалу, владевшему домом на холме Целии, снести его, так как его высота мешала совершать авспиции, то Клавдий объявил о продаже всех строений; их купил Публий Кальпурний Ланарий. авгуры обратились к нему с таким же требованием. И вот Кальпурний, разрушив строения и узнав, что Клавдий объявил об их продаже уже после того, как авгуры повелели ему их снести, обратился к арбитру с иском насчет всего того, что ему должно быть дано и для него сделано в соответствии с доверием⁸³. Решение вынес Марк Катон⁸⁴, отец нашего современника. (Ведь если других людей надо называть по именам их отцов, то его, породившего такой светоч, — по имени его сына.) И вот он как судья вынес решение: «Так как Клавдий, продавая поместье, об этом обстоятельстве знал, но о нем не сообщил, то он должен возместить убыток купившему». (67) Таким образом, он установил положение, что понятие «доверие» предполагает, что покупающий должен знать о недостатке, известном продающему. Если Катон вынес решение справедливое, то не по праву умолчали ни торговец зер-

ном, о котором была речь выше, ни человек, продававший зараженное строение. Но гражданское право не может охватить подобные случаи умолчания, а то, что оно может охватить, соблюдается тщательно. Мой родственник Марк Марий Гратидиан⁸⁵ продал Гаю Сергию Орате⁸⁶ дом, который он у него же купил несколькими годами ранее. Дом этот был предметом сервитута⁸⁷, но Марий при манципации⁸⁸ об этом не сказал; дело было передано в суд. Интересы Ораты защищал Красс, интересы Гратидиана — Антоний⁸⁹. Красс ссылался на положение закона: «За недостаток, которого продававший сознательно не называл, он должен нести ответственность». Антоний ссылался на требования справедливости: «Так как этот недостаток был хорошо известен Сергию, ранее продавшему этот дом, то говорить о нем надобности не было, и тот, кто знал правовое положение купленного им имущества, обманут не был». (68) Зачем я об этом говорю? Дабы ты понял, что лукавые люди были не по душе нашим предкам.

(XVII) Но законы пресекают лукавые поступки одним способом, философы — другим; законы — в тех пределах, в каких могут удержать рукой, философы — в тех, в каких могут удержать благодаря разуму и пронизательности. Итак, разум требует, чтобы люди ничего не делали ни коварно, ни притворно, ни путем обмана. Так не коварство ли расставлять сети, даже если ты не станешь ни поднимать зверя, ни гнать его на них? Ведь звери и сами по себе, без преследования, в них попадают. Значит, ты напишешь объявление о продаже дома, повесишь доску, словно сеть, станешь продавать дом из-за имеющихся в нем недостатков? В сеть эту, по неведению своему, кто-нибудь да попадет. (69) Хотя это, как я понимаю, из-за порчи наших нравов нельзя ни признать позорным, основываясь на обычае, ни воспретить законом или гражданским правом, все же это воспрещено естественным правом. Ведь существуют узы (хотя об этом говорилось часто, но надо говорить почаще), распространяющиеся весьма широко и объединяющие всех людей, более тесные узы между людьми, принадлежащими к одному и тому же племени, более близкие узы между членами одной и той же гражданской общины⁹⁰. Поэтому предки наши и повелили, чтобы было различие между правом народов и гражданским правом⁹¹; гражданское право не является в то же время правом народов, но право народов должно в то же время быть гражданским правом. Но у нас нет подлинного и ясного представления об истинном праве и о настоящей справедливости, и мы пользуемся только их тенью и очертаниями. О, если бы мы следовали хотя бы им! Ведь они проистекают из наилучших примеров, поданных нам природой и правдой. (70) Как велико значение слов: «Да не буду я обманут и да не понесу я убытка из-за тебя и из-за своего доверия к тебе!» Что за золотые слова: «Как честным людям надлежит поступать честно и без обмана!» Но кто такие «честные люди» и что означает «поступать без обмана», — вопрос трудный. Во всяком случае, верховный понтифик Квинт Сцевола говорил, что наибольшей силой обладают все те решения арбитражного

суда, в которых прибавляется: «... на основании доверия», и считал, что слово «доверие» находит широчайшее распространение и встречается в записях об опеке, об обществах, о фидуциарном обязательстве, о поручении, о покупке, о продаже, о найме, о подряде — обо всем том, на чем держится жизнь человеческого общества; что в этих случаях задача выдающегося судьи — установить (тем более, что в большинстве случаев иски бывают встречными), в чем именно одна сторона должна нести ответственность перед другой. (71) Поэтому надо пресекать лукавство и ту злокозненность, которая (во всяком случае, она) хотела бы казаться дальновидностью, но в высшей степени чужда ей и далека от нее. Ведь дальновидность состоит в умении отличать добро от зла, злокозненность же — если все позорное есть зло — ставит зло выше добра. И не в одних только делах насчет поместий гражданское право, основывающееся на природе, карает злокозненность и обман; нет, и при продаже рабов всяческий обман со стороны продающего исключается⁹². Ведь продающий, который должен был бы знать о здоровье раба, о его побегах, о его воровстве, несет за это ответственность на основании эдикта эдилов⁹³. В ином положении находятся наследники. (72) Из этого можно понять, что — поскольку источником права является природа — в соответствии с требованиями природы никто не должен стараться извлекать выгоду из неосведомленности ближнего. И не найти большей гибели для жизни, чем злостное притворство в пронизательности, порождающее неисчислимые случаи, в которых, как нам кажется, полезное борется с нравственно-прекрасным. И действительно, много ли найдется людей, способных, при условии безнаказанности и тайны от всех, удержаться от противозакония?

(XVIII, 73) Рассмотрим этот вопрос, если хочешь, на таких примерах, в которых рядовые люди, быть может, и не усмотрят проступка. Ведь нам в связи с этим предстоит рассуждать не об убийцах, не об отравителях, не о поддельвателях завещаний, не о ворах, не о казнокрадах, которых надо обуздывать не словами и философскими спорами, а оковами и заключением в тюрьму; итак, оценим поступки тех, кто слывет честными людьми. Некие люди привезли из Греции в Рим подложное завещание богача Луция Минуция Басила⁹⁴; чтобы облегчить себе получение наследства, они как сонаследников записали Марка Красса и Квинта Гортенсия, могущественнейших людей того же возраста. Последние, подозревая, что завещание было подложным, но не зная за собой никакой вины, не отвергли этого подарочка, плода чужого преступления. Что же следует из этого? Достаточно ли этого, чтобы они казались чистыми от противозакония? Мне лично этого не кажется, хотя к одному из них, когда он был жив, я был расположен, а к другому, после его смерти, не отношусь с ненавистью⁹⁵. (74) Но так как Басил пожелал, чтобы Марк Сатрий, сын его сестры, носил его имя⁹⁶, и назначил его своим наследником (я говорю о Сатрии, патроне Пиценской и Сабинской областей. О, имя, получившее в те времена позорную известность!⁹⁷), то было несправедливо, чтобы наши первые граждане обладали этим преи-

муществом, а к Сатрию перешло одно только имя. И действительно, если тот, кто не предотвращает и не отводит противозакония, когда может это сделать, совершает противозаконие (вопрос этот я рассмотрел в первой книге⁹⁸), то кем надо считать того, кто не только не отвергает противозакония, но ему даже способствует? Мне лично получение даже действительно завещанного наследства не кажется нравственно-прекрасным, если его добились лукавой ласковостью и притворными, а не искренними услугами.

Но бывает ли так, что иногда в таких делах одно кажется полезным, другое — нравственно-прекрасным? Это неправильно; ведь мера пользы и мера нравственной красоты одни и те же. (75) Кто не понял этого, будет способен на любой обман, на любое преступление. Ведь он, находя, что «вон то, правда, прекрасно в нравственном отношении, но это вот выгодно», вещи, связанные природой, осмелится одни от других отделить из-за своего заблуждения, источника всяческих обманов, дурных поступков и преступлений. (XIX) Поэтому, если бы честный человек обладал такой силой, что мог бы, щелкнув пальцами⁹⁹, вносить свое имя в завещания состоятельных людей, он не стал бы пользоваться этой силой, будь он даже убежден в том, что решительно никто никогда не заподозрит его в этом. Но, скажут мне, дай только Марку Крассу такую власть, чтобы он, щелкнув пальцами, мог быть записан как наследник, когда он в действительности не наследник; да он, поверь мне, запляшет на форуме¹⁰⁰. Но человек справедливый и считающийся у нас честным мужем ни у кого ничего не отнимет, чтобы присвоить себе. Кто изумляется этому, тот готов признать, что ему неизвестно, каков должен быть честный муж. (76) Но если кто-нибудь захочет уяснить себе сложное понятие о своей душе, то он сразу придет к заключению, что честный муж — тот, кто приносит пользу, кому только может, и не причиняет вреда никому, кроме тех, кто противозаконием своим его вызвал на это. Что же? Не причинил ли бы вреда тот, кому посредством яда удалось бы устранить действительных наследников и самому занять их место? — «Значит, ему, — могут сказать, — не следует делать того, что было бы ему полезно, что было бы ему выгодно?» — Наоборот, он должен понять, что незаконное не бывает ни выгодным, ни полезным. Кто не поймет этого, тот не сможет быть честным мужем. (77) В детстве я слышал от отца, что консуляр Гай Фимбрия¹⁰¹ был судьей по делу Марка Лутация Пинтии, несомненно, честного римского всадника, после того, как тот совершил спонсию, гласившую: «Если он не окажется честным мужем, ...»¹⁰². И вот Фимбрия будто бы заявил, что никогда не станет разбирать это дело, чтобы, с одной стороны, не лишать почтенного человека его доброго имени решением не в его пользу, а с другой стороны, не создавать впечатления, будто он определил, что такой-то — честный муж, когда это и без того подтверждается его неисчислимыми услугами и высказанными ему похвалами. И этому честному человеку, которого знал и Фимбрия (не один только Сократ¹⁰³), никак не может показаться полезным что-нибудь такое, что не прекрасно в нравственном отношении. По-

этому такой муж не осмелится, уже не говорю — сделать, нет, даже подумать о чем-либо таком, о чем не осмелится сказать открыто. Не позорно ли, чтобы философы сомневались в том, в чем не сомневаются даже неотесанные люди? У последних сложилась поговорка, уже избитая и старая: когда хвалят чью-нибудь честность и доброту, то говорят, что он достоин того, чтобы «с ним играли на пальцах в потемках»¹⁰⁴. Поговорка эта имеет только один смысл: ничто неподобающее не выгодно, даже если бы ты мог достигнуть его, никем не избалованный. (78) Ты видишь, что мы, следуя этой поговорке, не можем оказать снисхождение ни Гигу¹⁰⁵, ни тому, кто, как я только что придумал, смог бы одним пощелкиванием пальцами сгрести к себе все наследство? Ведь как позорно, хотя его и скрывают, все-таки никак не может стать нравственно-прекрасным, так то, что дурно в нравственном отношении, невозможно сделать полезным, если этому противится и это отвергает природа.

(XX, 79) «Ну, а когда,— спросят нас,— награды очень велики, есть ли основания для проступка? Гай Марий¹⁰⁶,— будучи весьма далек от надежды на избрание в консулы, после своей претуры уже седьмой год терпя неудачу при выборах и, как казалось, не намереваясь когда-либо добиваться консулата,— посланный в Рим Квинтом Метеллом¹⁰⁷, выдающимся мужем и гражданином, обвинил перед римским народом его, своего императора, чьим он был легатом, в затягивании войны; если его, Мария, выберут в консулы, то он, по его словам, вскоре подчинит Югурту¹⁰⁸, живого или мертвого, власти римского народа. И вот он действительно был избран в консулы, но изменил своему честному слову и справедливости, раз он ложным обвинением навлек ненависть на лучшего и достойнейшего гражданина, чьим легатом он был и который послал его в Рим. (80) Даже наш Гратидиан¹⁰⁹ не исполнил долга честного мужа, будучи претором, когда плебейские трибуны, по всеобщему решению, призывали коллегия преторов упорядочить положение с монетой¹¹⁰; ибо в те времена стоимость монеты колебалась так, что никто не мог знать, как велико его имущество. Они сообща составили эдикт с указанием кары и суда и решили, что после полудня они все поднимутся на ростры¹¹¹. Другие разошлись, кто куда, а Марий поднялся со скамей трибунов прямо на ростры и от своего имени один огласил эдикт, составленный ими сообща. И это, если хочешь знать, принесло ему большой почет; во всех городских кварталах ему воздвигли статуи, перед которыми сжигались благовония и горели восковые свечильники. К чему много слов? Никто никогда не был более любим толпой. (81) Вот что иногда может затруднить рассмотрение вопроса: когда то, в чем нарушают справедливость, не кажется особенно важным, а то, что этим порождается,— очень важным; например, Марию не казалось особенно позорным завоевать благосклонность народа в ущерб своим коллегам и плебейским трибунам; между тем по этой причине быть избранным в консулы — а он тогда ставил себе именно эту цель — ему казалось весьма полезным¹¹². Но для всего существует одно правило; желаю тебе твердо усвоить его: либо то, что кажется полезным, не должно быть позорным; либо, если оно позорно,

оно не должно казаться полезным. Что следует из этого? Можем ли мы признать честными мужами как вышеупомянутого Мария, так и Мария Гратиана? Приложи и напруги всю свою пронизательность, чтобы уяснить себе, каковы должны быть, по твоему мнению, образ и облик честного мужа и понятие о нем. Подобаает ли честному мужу лгать ради своей выгоды, злостно обвинять, отнимать что-нибудь, обманывать? Конечно, никоим образом. (82) Итак, есть ли что-нибудь столь ценное, вернее, есть ли какая-либо выгода, столь привлекательная, чтобы можно было согласиться утратить блистательность и имя честного мужа? Может ли эта так называемая польза принести тебе столько, сколько она может у тебя отнять, ославив тебя как честного мужа и лишив тебя верности честному слову и справедливости? И действительно, какая разница, превратится ли человек в зверя или будет, в человеческом образе, проявлять свирепость зверя?

(XXI) А те, кто пренебрегает всем справедливым и нравственно-прекрасным, только бы достичь могущества? Не поступают ли они так же, как поступил тот, кто даже тестем своим пожелал иметь человека, благодаря дерзкой отваге которого он мог бы стать могущественным? ¹¹³ Ему казалось полезным обладать величайшим могуществом ввиду ненависти, какую тот внушал к себе. А у самого тестя всегда были на уста греческие стихи из «Финикиянок», которые я произнесу, как смогу, быть может, и нескладно, но все же так, что будет возможно понять их смысл ¹¹⁴:

Коль право преступать, то можешь ради царства
Его ты преступить; но в прочем долг блюди.

Смертной казни заслужил Этеокл ¹¹⁵, вернее, Еврипид ¹¹⁶, допустивший исключение для одного этого случая, тягчайшего из всех преступлений! (83) К чему нам тогда собирать мелкие проступки — обман при получении наследства, в торговых делах, при продаже? Вот перед тобой человек, страстно пожелавший быть царем римского народа и властелином над всеми племенами и достигший этого! ¹¹⁷ Если кто-нибудь скажет, что это страстное желание прекрасно в нравственном отношении, то он безумен; ведь он одобрит уничтожение законов и свободы и признает их мерзкое и отвратительное упразднение достославным. Но если кто-нибудь заявит, что в государстве, которое свободным было и быть должно, царствовать дурно в нравственном отношении, но полезно тому, кто смог бы осуществить это, то какой бранью, вернее, каким порицанием следовало бы мне попытаться рассеять это столь глубокое заблуждение? И право, может ли — бессмертные боги! — кому-нибудь быть полезным отвратительнейшее и омерзительнейшее отцеубийство отечества ¹¹⁸, хотя человека, запятнавшего им себя, угнетенные им граждане и называют отцом? ¹¹⁹ Итак, польза должна направляться нравственной красотой и притом так, чтобы обе они отличались одна от другой по названию, но по существу своему означали нечто единое.

(84) Не знаю, какая в глазах толпы возможна польза бóльшая, чем от обладания царской властью; напротив, всякий раз, как я начинаю

основывать свое суждение на истине, не нахожу ничего более пагубного для человека, достигшего царской власти незаконным путем. И действительно, могут ли кому-нибудь быть полезны тревоги, волнения, страхи днем и ночью, жизнь среди непрерывных козней и опасностей? ¹²⁰

Власти царской многие враждебны и неверны,
Преданных немного,—

говорит Акций ¹²¹. И какой царской власти? Той, которая, будучи унаследована от Тантала и Пелопа ¹²², была законна. Насколько больше было, по твоему мнению, врагов у того царя, который войском римского народа сам римский народ сломил, а государство, уже не говоря — свободное, но даже повелевавшее племенами, себе служить заставил? ¹²³ (85) Какие, по твоему мнению, были пятна на совести этого человека, какие раны? Но может ли жизнь быть полезна человеку, когда условия его жизни таковы, что тот, кто его лишил бы ее, заслужил бы величайшую благодарность и славу? Если то, что кажется необычайно полезным, в действительности не полезно, так как преисполнено позора и гнусности, то мы должны быть вполне убеждены в том, что полезно одно только нравственно-прекрасное.

(XXII, 86) Впрочем, таково было мнение Гая Фабриция Лусцина, консула во второй раз, и мнение нашего сената — как во многих других случаях, так и во время войны с Пирром ¹²⁴. Когда царь Пирр сам начал войну с римским народом и когда с великодушным и мужественным царем происходила борьба за владычество, от царя в лагерь Фабриция пришел перебежчик и обещал ему — если Фабриций посулит ему награду — так же тайно, как прибыл, возвратиться в лагерь Пирра и отравить царя. Фабриций велел выдать перебежчика Пирру, и сенат воздал ему хвалу за этот поступок. Однако, если мы ищем кажущейся пользы и хотим себе составить представление о ней, то перебежчик этот один положил бы конец трудной войне и уничтожил бы грозного противника нашей державы; но великим позором и срамом была бы достигнутая не доблестью, а преступлением победа над противником, борьбу с которым мы вели из-за славы. (87) Итак, что было бы более полезно, — как Фабрицию, занимавшему в нашем Городе такое же положение, какое Аристид занимал в Афинах, так и нашему сенату, никогда не отделявшему пользы от достоинства, — оружием бороться с врагом или ядом? Если славы ради надо добиваться владычества, то нельзя совершать преступление, в котором славы быть не может; но если самого могущества добиваются любой ценой, то оно не сможет быть полезно, будучи сопряжено с бесчестием. Следовательно, не было полезно внесенное Луцием Филиппом ¹²⁵, сыном Квинта, предложение, чтобы городские общины, которые Луций Сулла, за деньги, постановлением сената объявил свободными, снова стали платить нам дань, а мы не возвращали им денег, уплаченных ими за свое освобождение. Сенат согласился с его предложением. Позор для нашей державы! Ведь честное слово, данное пиратами, надежнее данного сенатом. «Но, — скажут нам, — доходы увеличились; значит, это было полезно». Доколе

будут сметь называть полезным то, что дурно в нравственном отношении? (88) Да могут ли какой бы то ни было державе, которая должна опираться на славу и доброжелательность союзников, быть полезны ненависть и бесславие? Я часто не соглашался даже с другом своим Катон¹²⁶. Он, казалось мне, чересчур непримиримо защищал интересы эрария и взимание дани, во всем отказывал откупщикам¹²⁷, во многом — союзникам¹²⁸ (ведь к последним мы должны быть милостивы; с первым он обращался так, как мы обыкновенно обращаемся со своими колоннами¹²⁹) — тем более, что это единение сословий было важно для благополучия государства. Курион тоже говорил дурно, называя дело транспаданцев правым, но всегда прибавляя: «Пусть возьмет верх польза!» Лучше бы он стал доказывать, что оно неправо, так как оно не полезно государству, чем, говоря, что оно полезно, признаваться в том, что оно — неправо¹³⁰.

(XXIII, 89) Шестая книга труда «Об обязанностях» Гекатона¹³¹ содержит много таких вопросов: достойно ли честного человека не кормить своих рабов во времена величайшей дороговизны съестных припасов? Он рассматривает этот вопрос и в положительном, и в отрицательном смысле, но все-таки под конец определяет обязанность больше с точки зрения пользы, как он понимает ее, чем с точки зрения человечности. Он спрашивает: «Если в открытом море приходится выбросить какой-либо груз, то что лучше: выбросить дорогого коня или жалкого раба, не представляющего ценности?» В первом случае мы руководствуемся заботой о своем имуществе, во втором — человечностью. «Если при кораблекрушении глупый человек ухватится за доску, то станет ли ее у него отнимать мудрый, если сможет?»¹³² Гекатон дает отрицательный ответ, так как это было бы несправедливо.

— «А судовладелец? Отнимет ли он принадлежащую ему вещь?»

— «Никоим образом; не более, чем если бы он захотел в открытом море выбросить за борт плывущего на корабле человека на том-де основании, что корабль принадлежит ему. Ведь корабль, пока не придет в место назначения, принадлежит не судовладельцу, а находящимся на нем людям».

(90) — «А если есть лишь одна доска и двое потерпевших кораблекрушение, причем оба они — мудрые люди, то не должен ли ни один из них не хвататься за нее или один должен уступать ее другому?»

— «Один должен ее уступить другому, но вопрос надо решить в пользу того, для кого остаться в живых важнее либо в его личных интересах, либо в интересах государства».

— «А если условия эти равны для каждого из них?»

— «Тогда спора не будет, но один уступит доску другому по жребию или на основании исхода игры на пальцах».

— «А если бы отец начал грабить храмы или вести подкопы к эрарию, то донес бы сын на него магистратам?»

— «Это, конечно, нечестивый поступок. И все-таки сын должен защищать отца, если он будет обвинен».

— «Следовательно, отечество не обладает преимуществом при исполнении гражданами всех их обязанностей?»

— «Разумеется, обладает; но для самого отечества полезно, чтобы граждане исполняли свой долг перед родителями».

— «А если отец попытается захватить тиранию, предать отечество, будет ли его сын молчать?»

— «Отнюдь нет; он должен будет заклинять отца не делать этого. Если он ничего не добьется, он должен будет упрекать отца, даже угрожать ему. Наконец, если возникнет прямая опасность для существования государства, то отечества благополучие сын предпочтет благополучию отца».

(91) Гекатон задает и такой вопрос: «Если мудрый человек, по недосмотру, примет поддельные монеты вместо настоящих, то станет ли он, убедившись в своем промахе, платить ими долг как настоящими?» Диоген отвечает утвердительно, Антипатр¹³³ — отрицательно; с последним согласен и я. «Должен ли тот, кто продает заведомо забродившее вино, сказать об этом?» Этого не находит нужным Диоген. Антипатр считает это обязанностью честного человека. Вот каковы среди стоиков споры в вопросе о праве. «Надо ли при продаже раба сообщать о его пороках¹³⁴ — не о тех, умолчание о которых, по гражданскому праву, есть основание для возврата раба тому, кто его продал, но вот о каких: лживость, склонность к азартным играм, к воровству, к пьянству?» Диоген находит, что сообщать об этом надо, Антипатр этого не находит. (92) «Если человек, продавая золото, думает, что продает латунь, то должен ли честный человек указать ему, что это — золото, или же может купить за денарий то, что стоит тысячу денариев?»¹³⁵ Уже вполне ясно, и каково мое мнение, и о чем спорят названные мною философы.

(XXIV) Всегда ли надо соблюдать договоры и обязательства, которые, как обыкновенно выражаются преторы, «не заключены ни самоуправно, ни по злему умыслу»?¹³⁶ Предположим, кто-то даст кому-нибудь лекарство от водянки¹³⁷ и заключит с ним соглашение о том, что этот человек, если выздоровеет благодаря этому лекарству, никогда не будет пользоваться им впредь. Если он, выздоровев благодаря этому лекарству, через несколько лет снова начнет страдать этой же болезнью, но от того, с кем он когда-то заключил соглашение, дозволения снова воспользоваться этим лекарством не получит, то как ему надо поступить? Так как тот, кто не дает своего согласия, бесчеловечен и так как он не понес бы никакого убытка, то больному следует заботиться о своем здоровье и жизни. (93) А если завещатель, готовый отказать мудрому человеку сто миллионов сестерциев, предложит ему, прежде чем он получит наследство, среди бела дня на форуме, у всех на глазах, поплясать¹³⁸, и если мудрый обяжется исполнить это, так как иначе завещатель не запишет его как своего наследника, то должен ли мудрый исполнить свое обязательство? Я бы предпочел, чтобы он вообще не давал такого обязательства, и думаю, что это соответствовало бы его достоинству. Так как он обязался, то для него, если он сочтет пляску на форуме для

себя позорной, в нравственном отношении будет лучше вообще не принимать наследства, нежели его принять; разве только деньги эти он жертвует государству в связи с угрожающей ему опасностью, так что даже пляска, раз он намерен помочь отечеству, для него не будет позорна.

(XXV, 94) Не надо исполнять и таких обещаний, которые отнюдь не полезны тем людям, которым они были даны. Солнце (вернемся к сказаниям) обещало своему сыну Фаетону исполнить все, чего бы он ни пожелал. Фаетон пожелал подняться на колесницу отца; он поднялся на нее; и вот, прежде чем остановить ее бег, сгорел, пораженный молнией¹³⁹. Насколько лучше было бы, если бы отец обещания своего не сдержал! А обещание, исполнения которого Тесей добился от Нептуна! Когда Нептун обещал ему исполнить одно из его трех желаний, Тесей пожелал смерти своего сына Ипполита, так как его отношения с мачехой вызвали подозрения у отца. После того, как желание Тесея было исполнено, его охватила глубочайшая скорбь¹⁴⁰. (95) А Агамемнон? После того, как он обрек Диане прекраснейшее существо, которое в этом году могло родиться в его царстве, он заклал ей Ифигению, прекраснее которой не было существа, родившегося в этом году¹⁴¹. Не исполнить такого обещания было бы лучше, чем дойти до столь отвратительного деяния. Поэтому обещание не всегда надо исполнять, а отданное на хранение не всегда надо возвращать. Если кто-нибудь, будучи в здравом уме, отдаст тебе на хранение меч и станет его требовать обратно, помутившись в уме, то отдать меч будет преступлением; долгом твоим будет не отдавать его¹⁴². А если человек отдаст тебе на хранение деньги, а потом объявит войну отечеству, то возвратишь ли ты ему деньги, данные тебе на хранение? Не думаю этого; ведь это было бы деянием во вред государству, которое тебе должно быть дороже всего.

Так многое, по существу своему кажущееся нравственно-прекрасным, в зависимости от обстоятельств быть нравственно-прекрасным перестает: исполнять обещания, быть верным соглашению, возвращать принятое на хранение — все это, переставая быть полезным, становится дурным в нравственном отношении. Впрочем, о том, что кажется полезным, но противно справедливости, так как производит лишь впечатление дальновидности, сказано, думается мне, достаточно. (96) Но так как в первой книге мы вывели обязанности из четырех источников нравственной красоты¹⁴³, то будем придерживаться этих же источников, когда станем доказывать, сколь враждебно доблести то, что полезным кажется, но таковым не является. Мы рассмотрели и вопрос о дальновидности, которой хочет подражать злонамеренность¹⁴⁴, и вопрос о справедливости, которая всегда полезна¹⁴⁵. Остаются два раздела о нравственной красоте: один касается величия и превосходства возвышенной души¹⁴⁶, другой — воспитания души и самообладания благодаря воздержности и умеренности¹⁴⁷.

(XXVI, 97) Улиссу казалось полезным, — во всяком случае, таким его нам представили поэты в своих трагедиях; ибо у Гомера, свидетеля надежнейшего, такого подозрения насчет Улисса нет, — итак, трагедии обви-

няют его в том, что он, притворившись безумным, хотел уклониться от участия в походе¹⁴⁸. Намерение, не прекрасное в нравственном отношении, но полезное, как кое-кто, пожалуй, скажет,— царствовать и в праздности жить на Итаке вместе с родителями, женой и сыном¹⁴⁹. А ты? Думаешь ли ты, что какое-нибудь блистательное деяние, совершенное среди каждодневных лишений и опасностей, сравнится с этим спокойствием? Я, со своей стороны, нахожу нужным последнее презреть и отвергнуть, так как то, что не прекрасно в нравственном отношении, по моему мнению, даже не полезно. (98) Что, по твоему мнению, предстояло бы услышать Улиссу, упорствуй он в своем притворстве? Хотя он и совершил величайшие подвиги на войне, он все же услышал бы от Аякса¹⁵⁰:

Тот муж, который предложил им дать ту клятву,
 Что вам известна всем, один нарушил слово:
 Чтоб на войну нейти, безумным притворился.
 Когда бы Паламеда мудрое прозренье
 Его лукавого бесстыдства не раскрыло,
 Он верности завет и доле нарушал бы.

(99) Право, для него было бы лучше сразиться, уже не говорю — с врагами, но даже с морскими волнами, что он и сделал¹⁵¹, вместо того, чтобы изменить Греции, единой в своей войне против варваров.

Но оставим сказания и примеры, относящиеся к чужим странам, перейдем к событию, касающемуся нас самих. Марк Атилий Регул¹⁵², будучи вторично консулом, в Африке попал в засаду и был взят в плен, когда во главе войска стоял лакедемонянин Ксантипп¹⁵³, а императором был Гамилькар, отец Ганнибала¹⁵⁴; Регула отправили к сенату, после того как он поклялся вернуться в Карфаген, если римляне не возвратят пунийцам некоторых знатных пленников. По приезде в Рим Регул видел кажущуюся пользу, но, как доказывают события, признал ее ложной; она сводилась к тому, чтобы остаться на родине, жить дома вместе с женой и детьми и, считая понесенное им на войне поражение обыкновенной превратностью боевого счастья, сохранять высокое положение консула. Кто отрицает, что это было бы полезно? Кто, по твоему мнению? Величие духа и мужество отрицают это. (XXVII, 100) Неужели ты требуешь более надежных поручителей? Ведь этим доблестям свойственно ничего не бояться, все человеческое презирать, ничего, что может случиться с человеком, нестерпимым не считать. Что же сделал Регул? Явился в сенат, сообщил о возложенном на него поручении, внести предложение отказался: пока он связан клятвой, данной им врагу, он, по его словам, не сенатор. Более того («О, глупец,— быть может, скажет кто-нибудь,— ведь он отвергает то, что ему полезно!»), он сказал, что возвращать пленников не полезно: это молодые люди и хорошие военачальники, а он уже отягчен старостью. После того, как его суждение одержало верх, пленников оставили под стражей, Регул возвратился в Карфаген, и его не остановила ни любовь к отечеству, ни любовь к семье. И ведь он тогда хорошо

знал, что едет к жесточайшему врагу и на мучительнейшую казнь¹⁵⁵, но находил нужным сдерживать клятву. И он, повторяю, когда его умерщвляли, не давая ему спать, был в лучшем положении, чем был бы в случае, если бы оставался на родине стариком-пленником, клятвопреступником-консуляром. (101) Но, скажут мне, он поступил неразумно, раз он не только не предложил отпустить пленников, но даже отсоветовал это. Почему неразумно? Даже если это было в интересах государства? Но может ли то, что не полезно государству, быть полезным какому-нибудь гражданину?

(XXVIII) Отделяя пользу от нравственной красоты, люди извращают то, что составляет основы природы. Ведь все мы ищем пользы, рвемся к ней и никак не можем поступать иначе. И действительно, кто станет избегать полезного? Вернее, кто не будет самым настойчивым образом его добиваться? Но так как мы можем находить полезное только в заслугах, в подобающем, в нравственной красоте, то мы поэтому и считаем все это своей первой и высшей целью¹⁵⁶ и находим название «польза» не столь блистательным, сколь необходимым.

(102) «Какое же значение,— спросит кто-нибудь,— придается клятве? Разве мы боимся гнева Юпитера?»¹⁵⁷ Но это — общее мнение всех философов — не только тех, которые утверждают, что божество не знает забот и не создает их другому¹⁵⁸, но и тех, которые думают, что божество всегда что-нибудь делает и совершает¹⁵⁹, никогда не гневается и никому не причиняет вреда¹⁶⁰. И в чем же мог бы разгневанный Юпитер повредить сильнее, чем сам себе повредил Регул? Значит, религия не обладала силой, которая могла бы уничтожить такую большую пользу. Или он сделал это, чтобы не поступать позорно? Прежде всего — наименьшее из зол!¹⁶¹ Следовательно, в этом позоре не будет столько зла, сколько его было в упомянутой нами пытке. Далее, вот что говорится у Акция¹⁶²:

Слово ты нарушил? —

Не давал я слова, не даю его бесчестным людям.

Хотя говорит это нечестивый царь, но говорит он это превосходно. (103) Они прибавляют также: как мы говорим, что полезным кажется нечто такое, что, по нашему мнению, таковым не является, так они говорят, что нравственно-прекрасным кажется нечто такое, что им не является; так, нравственно-прекрасным кажется поступок, когда человек ради того, чтобы сдержать клятву, возвратился на казнь; но поступок его не становится нравственно-прекрасным, так как совершенное им по принуждению со стороны врагов не должно было иметь силы. Они также прибавляют, что все весьма полезное становится нравственно-прекрасным, даже если оно таковым не казалось. Вот что в общем говорят в порицание поступка Регула. Но рассмотрим первое возражение.

(XXIX, 104) «Бояться, что Юпитер, в гневе своем, может причинить вред, не надо было, так как он не склонен ни гневаться, ни причинять вред». Именно это соображение говорит против клятвы, данной Регулом, не больше, чем против любой клятвы. Но при клятве мы должны при-

нимать во внимание не имеющуюся угрозу, но самый смысл клятвы. Ведь клятва есть утверждение, связанное с религией, а то, что ты твердо обещал как бы при свидетеле в лице божества, надо соблюдать. Ведь здесь дело идет уже не о гневе богов, которого не существует, но о справедливости и верности слову. Энный сказал превосходно ¹⁶³:

О, с крылами Верность мать и Юпитерова клятва!

Следовательно, тот, кто нарушает клятву, оскорбляет божество Верность, которое, по воле наших предков, пребывало на Капитолии по соседству с Юпитером Всеблагим Величайшим ¹⁶⁴, как говорится в речи Катона ¹⁶⁵.

(105) «Но,— скажут нам,— даже в гневе своем Юпитер не повредил бы Регулу больше, чем себе повредил сам Регул». Конечно, если бы зло заключалось только в боли. Но ведь боль, по утверждению самых авторитетных философов ¹⁶⁶, не только не высшее зло, но вообще не зло. Поэтому не порицайте, прошу вас, Регула, их не маловажного, но, пожалуй, убедительнейшего свидетеля. И действительно, какого искать нам более важного свидетеля, чем первенствовавший в римском народе человек, ради соблюдения долга добровольно пошедший на казнь? Что же касается «наименьшего из зол», как они говорят,— когда человек предпочитает позор несчастью,— то есть ли большее зло, чем позор? ¹⁶⁷ Если телесное уродство производит несколько отталкивающее впечатление, то какими огромными должны казаться падение и омерзительность опозоренной души! (106) Поэтому те, кто более рьяно обсуждает эти вопросы, решаются называть позорное единственным злом; те, кто делает это с некоторой снисходительностью, все-таки без всяких колебаний называют это высшим злом ¹⁶⁸. Ведь слова:

Не давал я слова, не даю его бесчестным людям —

были сказаны поэтом ¹⁶⁹ справедливо потому, что тогда, когда дело шло об Атрее, ему пришлось сообразоваться с характером этого действующего лица ¹⁷⁰. Но если они отнесут к себе положение, что честное слово, данное бесчестному человеку, не есть честное слово, то пусть они остерегутся — как бы люди не стали здесь искать лазейки для клятвopеcтупления.

(107) Но и законы войны ¹⁷¹, и верность клятве, даваемой врагу, часто надо соблюдать. В том, насчет чего клятва была дана так, что ее — как мы понимали умом — надлежит исполнить, ее надо соблюдать ¹⁷²; что касается того, насчет чего клятва была дана иначе, то если ее не исполнили, клятвopеcтупления нет. Например, если ты не доставишь морским разбойникам выкупа, обусловленного за свое освобождение, то это не обман, если ты не сделаешь этого, даже поклявшись. Ибо пират относится не к воюющей стороне, а к числу всеобщих врагов всех людей, и на него не должны распространяться ни верность слову, ни клятва.

(108) Ведь ложно поклясться не значит совершить клятвopеcтупление; но того, насчет чего ты «по разумению своей души», — как это, по обычаю

нашему, выражают словами,— поклялся, не сделать есть клятвопреступление. Еврипид сказал тонко ¹⁷³:

Уста клялись, ум клятвою не связан.

Но Регул не должен был нарушить клятвопреступлением условия и соглашения насчет войны и насчет врага. Ведь война эта велась с врагом, на которого распространялись права и законы и в отношении которого действительны и весь фециальный устав ¹⁷⁴, и многие права, касающиеся обеих сторон.

Не будь это так, сенат в прошлом никогда не выдавал бы врагам прославленных мужей в оковах. (XXX, 109) Но, скажут нам, Тит Ветурий и Спурий Постумий, будучи консулами во второй раз, были выданы самнитам за то, что они после неудачного сражения в Кавдинском ущелье и после того, как наши легионы были проведены под ярмом, заключили мир с самнитами; ибо они сделали это без повеления народа и сената ¹⁷⁵. В это же время Тиберий Нумиций и Квинт Мелий, которые тогда были плебейскими трибунами, за то, что мир был заключен с их согласия, тоже были выданы, дабы мир с самнитами можно было отвергнуть ¹⁷⁶. Впрочем, выдачу предложил и поддержал сам Постумий, подлежащий выдаче. Много лет спустя так же поступил Гай Манцин, поддержавший предложение, на основании постановления сената внесенное Луцием Фурием и Секстом Атилием,— о том, чтобы его выдали нумантинцам, с которыми он, без согласия сената, заключил договор; когда это предложение было принято, Манцина выдали врагам. Он поступил в нравственном отношении лучше, чем Квинт Помпей, бывший в таком же положении; благодаря его мольбам закон о его выдаче принят не был ¹⁷⁷. В этом случае кажущаяся польза оказалась сильнее нравственной красоты; в предыдущих над ложной видимостью пользы одержала победу убедительность нравственной красоты.

(110) «Но,— скажут нам,— то, что было совершено под угрозой насилия, не должно было быть действительно».

— Как будто насилие было бы возможно применить к храброму мужу ¹⁷⁸.

— «Так почему же Регул поехал, чтобы предстать перед сенатом,— тем более, что он намеревался посоветовать не отпускать пленников?»

— Вы порицаете именно то, что в его поведении было величайшим. Ведь он не свое решение отстаивал, но взял на себя это поручение ради того, чтобы сенат принял решение; не возьми он сам на себя ответственности перед сенатом, пленники, конечно, были бы возвращены пунийцам. Благодаря этому Регул остался бы в своем отечестве невредимым. Но так как он не считал это полезным отечеству, он и признал нравственно-прекрасным для себя внести упомянутое предложение и претерпеть все. Ибо, что касается утверждения, будто все очень полезное становится нравственно-прекрасным, то было бы правильнее сказать: есть нравственно-прекрасное, а не им становится. Ведь нет ничего полезного, которое в то же время не было бы нравственно-прекрасным, и ничто не прекрасно

в нравственном отношении, так как оно полезно, но — так как оно прекрасно в нравственном отношении — оно полезно. Таким образом, из числа многих изумительных примеров едва ли кто-нибудь назовет пример, более достойный хвалы или более выдающийся, чем этот.

(XXXI, 111) Но во всей заслуге Регула достойно изумления одно: его предложение не отпускать пленных¹⁷⁹. Ведь его возвращение в Карфаген нам теперь кажется необычайным, но при тех обстоятельствах поступить иначе он не мог. Вот почему заслуга эта относится не к человеку, а к обстоятельствам. По воле наших предков, для скрепления честного слова нет уз более прочных, чем клятва. На это указывают законы XII Таблиц¹⁸⁰, указывают священные законы¹⁸¹, указывают договоры, скрепляющие честное слово, данное даже врагу, указывают пометы и замечания цензоров, выносивших насчет клятвы суждения более строгие, чем насчет чего бы то ни было другого¹⁸². (112) Луция Манлия, сына Авла, по окончании его диктатуры плебейский трибун Марк Помпоний привлек к суду за то, что он будто бы продлил себе ее срок на несколько дней; он обвинил его и в том, что он сослал своего сына Тита, впоследствии прозванного Торкватом, и приказал ему жить в деревне¹⁸³. Когда юный сын узнал, что отцу грозит судебное преследование, он, как говорят, примчался в Рим и еще на рассвете пришел в дом к Помпонию. Когда Помпонию об этом сказали, он, думая, что Тит в своем гневе даст ему какую-нибудь улику против отца, встал с постели и, удалив посторонних, велел позвать юношу. Но Тит, войдя, быстро обнажил меч и поклялся тут же убить Помпонию, если тот не поклянется ему прекратить дело против его отца. Помпоний, устрешенный этой угрозой, дал такую клятву. Он доложил народу, объяснил ему, почему он должен отказаться от начатого им дела, и освободил Манлию от обвинения. Так велико было в те времена значение клятвы. Это тот Тит Манлий, который в битве у реки Арно снял с убитого им галла, вызвавшего его на поединок, витое ожерелье и был прозван Торкватом. В год его третьего консулата латиняне были разбиты и обращены в бегство у реки Весерис; это был величайший муж и, при своей глубокой привязанности к отцу, жестокий и суровый к сыну¹⁸⁴.

(XXXII, 113) Но если Регул заслуживает хвалы за соблюдение данной им клятвы, то заслуживают порицания — если они действительно не возвратились — те десять пленников, которых Ганнибал, после битвы под Каннами, отправил к сенату, после того как они поклялись ему возвратиться в лагерь, — в тот, что захватили пунийцы, — если они не исходатайствуют выкупа пленников¹⁸⁵. Сведения о них противоречивы. Так, Полибий¹⁸⁶, наибольший авторитет, говорит, что из десяти знатнейших людей, которые тогда были посланы, возвратилось девять, ничего не добившись от сената; один из них, который вскоре после своего отъезда из лагеря вернулся назад под предлогом, что он там забыл какую-то вещь, остался в Риме. Он пытался доказать, что возвращением своим в лагерь он освободился от данной им клятвы; но это не было верно. Ведь обман отягчает вину за клятвopеступление, но не освобождает от нее. Итак, это была глупая хитрость, превратно подражавшая дальновидности. Вот поче-

ему сенат постановил этого плута и хитреца выдать в оковах Ганнибалу. (114) Но наиболее примечательно следующее: Ганнибал держал в плену восемь тысяч человек, не захваченных им в бою и не разбежавшихся в страхе перед смертью, а оставленных в лагере консулами Павлом и Варроном¹⁸⁷. Сенат постановил их не выкупать, хотя это было возможно за небольшую плату,— дабы внушить нашим солдатам, что они должны либо побеждать, либо умирать. Этот же Полибий пишет, что Ганнибал, узнав об этом, пал духом, раз сенат и римский народ, потерпев поражение, проявили такое большое присутствие духа¹⁸⁸. Так, при сравнении с нравственной красотой кажущееся полезным бывает побеждено. (115) Но Ацилий¹⁸⁹, написавший историю по-гречески, утверждает, что было немало солдат, возвратившихся в лагерь с целью того же обмана, дабы освободиться от данной ими клятвы, и что цензоры заклеили их весьма позорящими замечаниями.

Закончим теперь рассмотрение этого положения. Вполне очевидно, что все совершаемое в состоянии страха, унижения, душевной слабости и бессилия (таково было бы поведение Регула, если бы он либо внес насчет пленников предложение, какое ему казалось нужным в его личных интересах, а не в интересах государства, либо захотел остаться в Риме) не полезно, так как оно гнусно, отвратительно, позорно.

(XXXIII, 116) Остается четвертый раздел — о подобающем, об умеренности, скромности, самообладании, воздержности. Итак, может ли что-нибудь быть полезным, если оно противно этому хору таких доблестей? Однако философы, которых Аристипп¹⁹⁰ назвал киренскими и анникерийскими¹⁹¹, усмотрели высшее благо в наслаждении и признали, что доблесть заслуживает хвалы по той причине, что доставляет наслаждение; после утраты ими своего значения славится Эпикур¹⁹², поддерживавший и отстаивавший почти такие же взгляды. Если мы находим нужным защищать и сохранять за собою нравственную красоту, то с этими философами надо сражаться «в пешем и конном строю», как говорят¹⁹³. (117) Ибо, если не только польза, но и все счастье жизни зиждутся на крепком телосложении и на твердой надежде на это телосложение, как писал Метродор¹⁹⁴, то польза эта, и притом высшая (ведь именно таково их мнение), несомненно, будет бороться с нравственной красотой. Прежде всего, какое место будет предоставлено дальновидности? Такое ли, чтобы она всюду разыскивала удовольствия? Сколь жалкое рабское состояние доблести, обслуживающей наслаждение!¹⁹⁵ Какова, далее, задача дальновидности? Сбирать ли, со знанием дела, наслаждения? Допустим, что ничего более приятного, чем это, нет. Что более позорное можно себе представить? Далее, а тот философ, который называет боль высшим злом? Какое место в его глазах занимает храбрость, представляющая собою презрение к боли и к лишениям? Хотя Эпикур во многих местах говорит о боли достаточно мужественно (он действительно так говорит), все-таки надо считаться не с тем, что он говорит, а с тем, что ему следовало бы говорить в соответствии с разумом, раз он признал пределом блага наслаждение, пределом зла — боль. И он, если послушать

его высказывания о самообладании и воздержности, говорит многое во многих местах, но «вода останавливается», по поговорке¹⁹⁶. Ибо как может восхвалять воздержность тот, кто видит высшее благо в наслаждении? Ведь воздержность — недруг страстям, а страсти — спутницы наслаждения. (118) И все-таки в этих трех видах доблести они не без хитрости, как только могут, выискивают для себя лазейки. Они представляют нам дальновидность как знание, доставляющее нам наслаждение и прогоняющее боль. Также и храбрость они каким-то образом выдвигают вперед, обучая нас презирать смерть и переносить боль. Они вводят и воздержность, правда, без большой легкости, но как только могут; ведь они говорят, что степень наслаждения определяется устранением боли¹⁹⁷. Справедливость колеблется, вернее, оказывается на земле, как и все те доблести, которые усматриваются в узах между людьми и в существовании человеческого общества. Ведь ни доброта, ни щедрость, ни обходительность не возможны (не более, чем дружба), если к ним не стремятся ради них самих, а связывают их с наслаждением или с пользой¹⁹⁸.

Итак, подведем краткий итог сказанному. (119) Как мы доказали, что не существует пользы, которая была бы противна нравственной красоте, так мы утверждаем, что всякое наслаждение противно нравственной красоте¹⁹⁹. Тем большего порицания, по моему мнению, заслуживают Каллифонт и Диномах²⁰⁰, которые подумали, что разрешат спор, если совокупят наслаждение с нравственной красотой, словно скотину с человеком. Не принимает нравственная красота такого соединения, его презирает и отвергает. Да и предела добра и зла, который должен быть прост, невозможно достигнуть смешением совершенно несходных начал, взятых в должных количествах. Но об этом (ведь это — важный вопрос) я говорил в другом месте²⁰¹; вернемся теперь к разбираемому нами вопросу. (120) Как следует разрешать вопрос в случае, когда кажущаяся польза борется с нравственной красотой, рассмотрено выше достаточно подробно. Но если нам скажут, что видимость пользы присуща и наслаждению, то мы ответим, что между ним и нравственной красотой слияния быть не может. Ведь наслаждение, даже если сделать ему уступку, пожалуй, будет обладать какой-то крупницей приправы, но, конечно, не принесет пользы.

(121) Вот тебе, сын мой Марк, дар от отца, по моему мнению, ценный; но это будет зависеть от того, как ты примешь его²⁰². Впрочем, ты должен будешь принять эти три книги как чужеземцев²⁰³ среди твоих записей наставлений Кратиппа. Но как, если бы сам я приехал в Афины (а это действительно произошло бы, если бы отечество громким голосом не отозвало меня с полпути²⁰⁴) и ты не раз услышал мои слова, так ты — ведь в этих свитках до тебя дошел мой голос — уделишь им столько времени, сколько сможешь, а сможешь ты, сколько захочешь. И право, когда я пойму, что тебя радует этот род знаний, то я, надеюсь, вскоре лично буду говорить с тобой о нем, а пока ты будешь вдалеке, — издалека.

Итак, будь здоров, мой дорогой Цицерон, и будь уверен в том, что я глубоко тебя люблю и буду любить еще больше, если ты будешь находить радость в таких сочинениях и учениях.

ПРИЛОЖЕНИЯ

*

ТРАКТАТ ЦИЦЕРОНА «ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ» И ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ГРАЖДАНИНА

Трактат «Об обязанностях» (*De officiis*) — последнее философское произведение Цицерона. Как известно, своими философскими штудиями Цицерон активно занимался в периоды отстранения от государственных дел. Таких периодов «досуга» (*otium*) и в то же время активной творческой деятельности было два: один из них совпадал с господством триумвиров и кануном гражданской войны (вторая половина 50-х годов), другой — с диктатурой Цезаря, включая мартовские иды и начало борьбы с новым тираном Марком Антонием (46—44 гг.). В первый период Цицероном был написан большой трактат по теории красноречия «Об ораторе» (*De oratore*) и два знаменитых диалога, посвященных государствоведческим проблемам, — «О государстве» (*De re publica*) и «О законах» (*De legibus*), во второй — все остальные риторические и философские произведения, в том числе и интересующий нас трактат «Об обязанностях».

Точная датировка этого последнего философского труда Цицерона, несмотря на некоторые указания самого автора, едва ли возможна. Впервые Цицерон упоминает о нем в письме к Аттику, написанном в 20-х числах октября 44 г. из своей Путеольской усадьбы (Письма к Аттику *, 15, 13, 6). В начале ноября он уже сообщает о том, что первые две книги трактата закончены и что он заказал себе «выписки» из сочинения Посидония, необходимые ему для работы над третьей книгой трактата (*Att.*, 16, 11, 4). А еще через какое-то время он снова сообщает Аттику, что получил столь нужные ему и вполне его удовлетворяющие «выписки» (*Att.*, 16, 14, 3). Поэтому можно предположить, что работа над трактатом была закончена (или оставлена) в самые последние дни 44 г.; соображения же, высказываемые некоторыми исследователями относительно того, что Цицерон продолжал работать над своим произведением еще и в 43 г. (даже до осени 43 г.), представляются нам маловероятными — в слишком бурный водоворот событий оказался он вовлеченным с самого начала нового года. Таким образом, вопрос о сроках завершения трактата «Об обязанностях» остается открытым¹.

Какова же была в это время политическая обстановка в Риме и как ее оценивал Цицерон? Мартовские иды пробудили в нем сначала большие

* Далее ссылки на эти письма будут даваться в тексте так: *Att.*

¹ О датировке трактата см.: *M. Gelzer. Cicero. Wiesbaden, 1969, S. 357.*

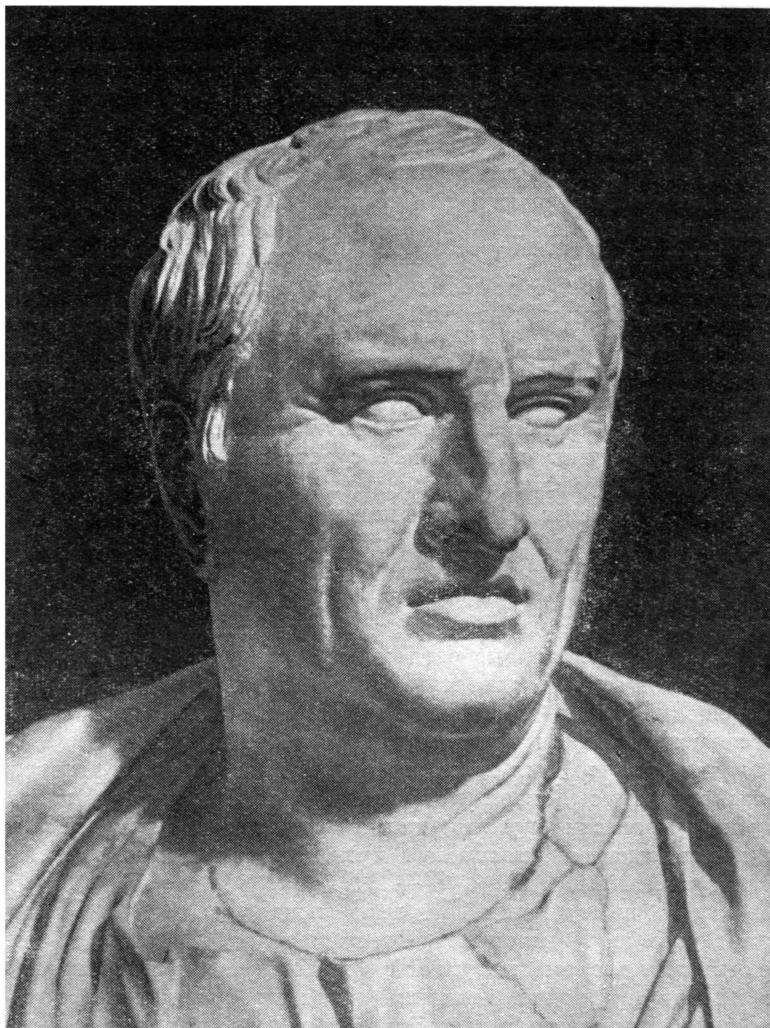
надежды. Убийство тиранна, — а теперь Цицерон называет Цезаря не иначе, как тиранном или царем (гех), — должно было привести к восстановлению *res publica libera* и, следовательно, к восстановлению руководящего положения самого Цицерона в государстве.

Однако в самом непродолжительном времени эти радужные надежды сменились горьким разочарованием. Ближайший же ход событий после убийства Цезаря показал, что заговорщики или, как их иногда называли, «республиканцы», не имеют ни определенной программы действий, ни сколько-нибудь широкой поддержки у населения Рима. На короткое время установилось неустойчивое равновесие между цезарианцами и республиканцами, наметились тенденции компромисса, но очень скоро все же берут верх сторонники убитого диктатора, тем более что их лагерь возглавлялся такой яркой и деятельной фигурой, как Марк Антоний — не только один из ближайших сподвижников Цезаря, но и консул текущего года.

Цицерон понял все это достаточно рано. Уже в начале апреля он почел за благо покинуть Рим. Его письма полны жалоб и сетований на то, что приходится «опасаться побежденных» (Att., 14, 6, 2), что «тиранн пал, но тиранния живет» (Att., 14, 9, 2), что все намеченное Цезарем имеет даже большую силу, чем при его жизни (Att., 14, 10, 1), и, не став его рабами, «мы теперь стали рабами его записной книжки» (Att., 14, 14, 2). В письме к Аттику 22 апреля 44 г. Цицерон пишет: «Опасаясь, что мартовские иды не дали нам ничего, кроме радости отмищения за ненависть и скорбь... О прекраснейшее дело, но, увы, незаконченное!» (Att., 14, 12, 1). И, наконец, несколько позже, в письме к тому же Аттику: «Поэтому утешаться мартовскими идами теперь глупо; ведь мы проявили отвагу мужей, разум, верь мне, детей. Дерево срублено, но не вырвано; ты видишь, какие оно дает побеги» (Att., 15, 4, 2).

Цицерон провел лето 44 г. в своих поместьях. Он колебался между двумя противоположными намерениями: вернуться в Рим или отправиться в Грецию, в Афины, где в это время находился его сын. Обстановка в Риме тем временем существенно изменилась. С одной стороны, положение Марка Антония весьма окрепло: он, ссылаясь на волю покойного диктатора, издавал самовластные распоряжения, имел вооруженную охрану из 6 тысяч человек, ожидал прибытия из Македонии поступающих в его распоряжение легионов и претендовал, по истечении срока своего консулата, на управление Галлией; с другой стороны, наметился раскол внутри единого до сих пор лагеря цезарианцев, росла оппозиция новому тиранну, которая приобрела особую силу и значение в связи с появлением в Риме наследника Цезаря — Гая Октавия. Общая ситуация все более усложнялась.

После долгих колебаний и неудачной попытки отправиться в Грецию морским путем Цицерон решается вернуться в Рим. В его настроении происходит явный перелом (в какой-то мере, очевидно, в результате встречи с Брутом). Вместо недавних сомнений и нерешительности, вместо сознательно проводимой политики абсентеизма он вновь полон энергии и мужества, как в свои лучшие времена. Прекрасно понимая, что ему пред-

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН
(106—43)

Мрамор. Рим, Капитолийский музей

стоит трудная борьба, Цицерон возвращается в Рим, отнюдь не убаюкивая себя возможностью компромисса или примирения. Он готов начать, по его собственному выражению, «словесную войну». Причем он ничуть не сомневается в том, что подобная «война» может в любой момент перерасти в самые настоящие вооруженные действия, т. е. в новую гражданскую войну.

Цицерон вернулся в Рим к 1 сентября 44 г. В этот же день состоялось заседание сената, на котором по инициативе Антония были утверждены новые почести в память убитого диктатора. Цицерон уклонился от участия в этом заседании. Сославшись на усталость после поездки и на общее недомогание, он с утра известил Антония о своем намерении не являться в сенат. Однако Антоний воспринял это как личное оскорбление и заявил, что велит привести Цицерона силой или прикажет разрушить его дом. Конечно, он не исполнил своей угрозы, хотя подобный выпад уже сам по себе был равносителен объявлению войны.

В ответ на это Цицерон явился в сенат на следующий день и в отсутствие Антония выступил против него с речью. Это и была первая из его знаменитых речей, произнесенных в ходе борьбы с Антонием, которые он сам впоследствии назвал «Филиппиками», имея в виду речи Демосфена против Филиппа Македонского (Цицерон, Письма к Бруту, 2, 3, 4; 4, 2; Письма к Аттику, 2, 1, 3; Плутарх «Цицерон», 48; Аппиан, «Гражданские войны» 4, 20).

Первая речь против Антония носила еще весьма сдержанный характер. Цицерон занял пока довольно осторожную позицию. Начало речи он посвятил объяснению своего поведения: изложил причины, побуждавшие его принять решение о том, чтобы на время уехать из Италии, а также причины, в силу которых он изменил это решение (Филиппики *, 1, 6—11). Затем, заявив, что во имя мира и спокойствия он предлагает сохранить в силе распоряжения Цезаря, подразумевая под ними те законы, которые Цезарь успел провести еще при жизни, он одновременно доказывал, что проекты новых законов, вносимые Антонием, противоречат прежним цезаревым распоряжениям (Phil., 1, 10—21).

После своего выступления Цицерон снова уезжает из Рима (в свою усадьбу в ПUTEОЛАХ). Антоний же назначает на 19 сентября новое заседание сената, на котором выступает с большой речью, направленной прямо и резко против Цицерона. Антоний обвиняет Цицерона в том, что тот в свое время вынудил сенат вынести ряд противозаконных смертных приговоров (заговор Катилины), что он был подстрекателем убийства Клодия и поссорил Помпея с Цезарем и, наконец,—самое главное обвинение,— что Цицерон — идейный вдохновитель расправы над Цезарем (Phil., 2, 16—18). Обвинения были достаточно тяжкими: бралась под сомнение вся политическая репутация Цицерона. Становилось ясно, что начинается борьба не на жизнь, а на смерть.

Цицерон отвечал на это выступление Антония новой речью (вторая

* Далее в тексте ссылки на эти речи будут даваться так: Phil.

филиппика), которая построена так, будто она произносилась непосредственно за речью Антония. На самом же деле это был политический памфлет, написанный в путеольской усадьбе в конце октября. Письма к Аттику, в которых Цицерон упоминает об этой речи, свидетельствуют о том, насколько тщательно он работал над ее отделкой (Att., 15, 13, 1—2; 16, 11, 1).

Вторая филиппика — типичная для римских политических нравов инвектива. Цицерон здесь уже не стесняется в выражениях и широко пользуется, как это было в те времена принято, обвинениями сугубо личного характера. Марк Антоний обвиняется в пьянстве, разврате, называется наглцом, негодем, глупцом и даже трусом. Что касается содержания этой инвективы по существу, то она построена в основном на опровержении тех обвинений, которые были выдвинуты Антонием против Цицерона в его сенатской речи 19 сентября, и на встречных обвинениях самого Цицерона. Он грозит Антонию судьбой Катилины и Клодия и уверяет, что Антоний, подобно Цезарю, который, кстати, намного превосходил его во всех отношениях, погибнет смертью, подобающей тираннам (Phil., 2, 114—117).

Работа над второй филиппикой совпала с подготовкой трактата «Об обязанностях». Во всяком случае, в том самом письме к Аттику, где Цицерон говорит об окончании двух книг трактата, речь идет также и о второй филиппике, которую Цицерон уже успел переслать своему другу и даже получил его благоприятный отзыв (Att., 16, 11, 1; 4). В течение ближайших недель трактат был завершён (быть может, без окончательной обработки).

В самом начале декабря 44 г. Цицерон снова возвращается в Рим.

В первых двух филиппиках еще нет прямого призыва к вооруженной борьбе, нет в них и упоминаний об Октавиане, но вскоре оба эти фактора, т. е. неизбежность гражданской войны и роль Октавиана в ней, который может быть успешно противопоставлен Антонию, становятся лейтмотивами всех выступлений и всех действий Цицерона.

Обычно считается, что Цицерон, как всегда в политике весьма недальновидный, и здесь был лишь жалким орудием в руках Октавиана, который использовал его в своих целях и затем, не дрогнув, отбросил. Но нечто подобное всегда говорят о тех, кто потерпел неудачу, о побежденных. Такое мнение возникло еще в самой древности. Плутарх, например, писал о Цицероне следующее: «Он, старик, дал провести себя мальчишке — просил за него народ, расположил в его пользу сенаторов. Друзья бранили и осуждали его еще тогда же, а вскоре он и сам почувствовал, что погубил себя и предал свободу римского народа» (Плутарх, «Цицерон», 46).

Однако подобная уничижительная оценка на сей раз едва ли справедлива. Цицерон в этой своей последней борьбе выступал как опытный и зрелый политик. Что же означал тогда блок с Октавианом? Это была попытка — чрезвычайно перспективная в той обстановке — добиться углубления раскола в лагере цезарианцев, более того — создать блок самих цезарианцев против нового тирана. На кого же можно было делать став-

ку? Кто мог возглавить эту отнюдь уже не «словесную», а вооруженную борьбу? Брут и Кассий находились вне Италии. Консулы Гирций и Пansa, избранные на 43 г., как и некоторые другие сенаторы (в том числе кое-кто из бывших цезарианцев), могли войти в состав политической оппозиции. Но нужен был еще и вождь, причем вождь не только политический, но и военный. На роль вождя политического претендовал сам Цицерон, что касается военного вождя, то в данной ситуации Октавиан уже самым ходом событий был выдвинут как наиболее реальная фигура.

В том-то и состоял политический опыт Цицерона, что он наконец понял недостаточность и бесперспективность одной лишь сенатской оппозиции. Именно поэтому он уже не считал возможным в данной ситуации какой бы то ни было компромисс, примирение, как, скажем, это казалось ему приемлемым выходом в конфликте между Цезарем и Помпеем. Наоборот, он предвидел теперь неизбежность новой гражданской войны и шел ей навстречу. А если так, то силе должна быть противопоставлена сила, войску — войско.

В третьей и четвертой филиппиках Цицерон уже открыто выступает как вдохновитель гражданской войны (эти две речи произнесены еще в 44 г.). С этого момента начинается новый этап борьбы. С этого же момента, т. е. с конца декабря 44 г. по апрель 43 г., вплоть до чествования Цицерона на Капитолии в связи с поражением Антония под Мутиной, и начинается кульминационный период деятельности Цицерона как «борца за республику». «Никогда сила и могущество Цицерона,— писал Плутарх,— не были так велики, как в то время. Распоряжаясь делами по собственному усмотрению, он изгнал из Рима Антония, выслал против него войско во главе с двумя консулами, Гирцием и Пансой, и убедил сенат облечь Цезаря², который, дескать, защищает отечество от врагов, всеми знаками преторского достоинства, не исключая и ликторской свиты» (Плутарх, «Цицерон», 45).

Конечно, в этой характеристике налицо определенная переоценка значения Цицерона и его могущества. Однако он действительно в то время был бесспорным лидером не одной только сенатской оппозиции: все те, кто в той или иной форме выступал против Антония (в том числе и Октавиан со своим войском), признавали его главой движения. Насколько мог быть прочным блок сенатских кругов с военными вождями-цезарианцами (а тем более с самими ветеранами Цезаря), показало весьма недалекое будущее. Но это уже иной вопрос (кстати сказать, гораздо более ясный для нас, кто судит о нем через две тысячи лет, чем для тех, кого он интересовал и близко касался в начале 43 г. до н. э.).

Как бы то ни было, но с конца декабря 44 г. Цицерон в развернувшихся событиях принимал такое деятельное и страстное участие, что ни о каких философских штудиях, ни о какой работе над тем или иным философским трактатом не могло быть и речи.

-----

² Имеется в виду Октавиан.

Трактат Цицерона «Об обязанностях» — одно из наиболее популярных его философских произведений. Если для современников и ближайших потомков Цицерон был в первую очередь непревзойденным мастером слова, стилистом, то в эпоху поздней империи для идеологов христианства он выступает главным образом как философ и моралист. Поэтому нет ничего удивительного в том, что этика Цицерона оказала огромное влияние и даже в какой-то мере легла в основу христианского учения о морали. Нам известно, что один из основоположников этого учения, епископ медиоланский Амвросий (IV в. н. э.), в своем наиболее известном произведении «De officiis ministrorum» настолько близко следует трактату Цицерона «Об обязанностях», что речь должна идти даже не о подражании, но скорее о переложении и приспособлении труда Цицерона для христиан. Причем Амвросий поступал в этом случае с обезоруживающей прямоотой: он заменял приводимые Цицероном примеры из римской истории примерами из истории священной, да иногда «уточнял» отдельные формулировки, если они, с его точки зрения, явно противоречили евангельским положениям.

Трактат «Об обязанностях» пользовался признанием и в совсем иное время, и у совсем иных мыслителей. В эпоху господства рационалистических воззрений, накануне Французской революции, один из наиболее скептических умов века — Вольтер так отзывался о трактате: «Никогда не будет написано более мудрого, более правдивого, более полезного сочинения». Восторженный почитатель Вольтера и активный его корреспондент, Фридрих II, был такого же высокого мнения об этом произведении Цицерона: ««Рассуждение об обязанностях» — лучшее сочинение по нравственной философии, которое когда-либо было или будет написано»³.

Таким образом, еще в XVIII в. трактат Цицерона воспринимался не только как памятник античной мысли и литературы, но и как действенное «пособие» по прикладной морали.

Каково же построение трактата? Самим автором он разделен на три книги. В первой анализируется понятие нравственно-прекрасного (*honestum*), во второй обсуждается вопрос о полезном (*utile*) и в третьей — о конфликте нравственно-прекрасного с полезным, о конфликте, в результате которого всегда должно торжествовать нравственно-прекрасное.

Но если структура произведения ясна и прозрачна, то не столь прост вопрос о его источниках, хотя на первый взгляд и он не представляет особых затруднений. Дело в том, что упоминавшееся выше письмо к Аттику, да и неоднократные ссылки Цицерона в самом произведении, совершенно ясно указывают на два основных источника: для первой и второй книг трактата — Панэтий, для третьей книги — Посидоний. Но можно ли ограничиться только этими бесспорными и лежащими, так сказать, на поверхности источниками?

³ Th. Zielinski. Cicero im Wandel der Jahrhunderte. Leipzig — Berlin, 1908, S. 131—143; 304—308; K. Büchner. Cicero. Bestand und Wandel seiner geistigen Welt. Heidelberg, 1964, S. 439; W. Süß. Cicero. Eine Einführung in seine philosophischen Schriften (mit Ausschluss der staatsphilosophischen Werke). Mainz — Wiesbaden, 1966, S. 143; K. Kumaniecki. Cicerone e la crisi della Repubblica Romana. Roma, 1972, p. 452—517.

Некоторые сомнения, пожалуй, могут быть высказаны даже априорно. Нам хорошо известно, что все остальные философские произведения Цицерона свидетельствуют о его предпочтительном отношении к учению так называемой Новой Академии, а иногда и о весьма скептической оценке или прямой полемике с основными положениями стоицизма. Неужели в данном случае Цицерон «изменил» Академии и полностью перешел на позиции сторонников стоической философии? Это все же маловероятно, и не только из-за «измены» каким-то воззрениям того или иного представителя академической школы, но и из-за «измены» применявшемуся во всех его остальных трактатах самому методу философского рассуждения. Этот метод можно определить как э л е к т и ч е с к и й в том смысле, что Цицерон в целом ряде случаев вполне сознательно стремился объединить взгляды представителей различных школ и направлений, дабы таким путем, как он сам это понимал, избежать догматизма («Об обязанностях»*, 2, 7—8). Уже в одном этом сказывается влияние поздней Академии как на общие воззрения, так и на метод Цицерона.

Но, помимо этих априорных предположений, можно опереться и на более конкретные высказывания самого автора. На первых же страницах своего трактата Цицерон заявляет, что он будет следовать п р е и м у щ е с т в е н н о (а отнюдь не ц е л и к о м!) стоикам, но не как переводчик, а по своему обыкновению, т. е. выбирая из источников лишь то, что, с его точки зрения, представляет наибольший интерес (Off., 1, 6). И при дальнейших ссылаках он не забывает подчеркнуть, что примыкает к Панэтию «во многом» или следует «по преимуществу», но внося некоторые коррективы (Off., 2, 60; 3, 7), и, таким образом, сам намекает на то, что Панэтий если и был основным, то все же не единственным источником. Есть основание считать, что в первых двух книгах трактата наряду с учением Панэтия использованы идеи, характерные для Новой Академии, в частности для такого ее представителя, как Антиох Аскалонский (один из тех, чьи лекции Цицерон слушал в свое время в Афинах). Что касается третьей книги, то некоторые ученые предполагают здесь еще влияние Афинодора (ученика Посидония)⁴.

Жанр трактата «Об обязанностях» для Цицерона необычен. Подавляющее большинство его философских произведений написано в форме диалога, данный же трактат представляет собой наставление сыну. Сын Цицерона, как уже говорилось, находился в то время в Афинах, где слушал лекции философов и раторов, т. е. заканчивал свое «высшее образование». Однако жанр, избранный на сей раз Цицероном, для римской литературы был вовсе не нов: с письменными наставлениями к сыну обращался в свое время один из излюбленных героев самого Цицерона, главное действующее лицо его диалога о старости — Катон Цензорий⁵.

Вместе с тем избранный жанр предопределил в значительной мере своеобразие трактата. Его содержание весьма разнообразно: это и мораль-

* Далее ссылки на это произведение будут даваться в тексте так: Off.

⁴ K. Büchner. Op. cit., S. 439; ср. M. Gelzer. Op. cit., S. 357.

⁵ W. Süß. Op. cit., S. 144.

ные предписания, и отступления политического характера, и исторические примеры, и юридические казусы. Основой и «фоном» всех этих предписаний и примеров служат некоторые общие этические критерии, трактуемые преимущественно — но все же не полностью! — в духе стоического учения. Трактат в целом представляет собой определенный свод правил и норм поведения, рассчитанных, кстати говоря, вовсе не на каких-то особых, выдающихся людей или мудрецов, но на обычных честных и «порядочных» граждан. Так что речь идет об обязанностях, приложимых ко всем людям, ко всем тем, у кого имеется хоть какая-либо «склонность к доблести» (Off., 3,15—16). Поэтому трактат Цицерона, посвященный сыну, не только адресован, но и ориентирован на молодого римлянина, достойного гражданина (*vir bonus*), вступающего на путь государственной карьеры⁶.

На наш взгляд, образ такого идеального (и вместе с тем рядового) гражданина, рисуемый в трактате, — одна из ведущих идей произведения в целом. Более того, образ *vir bonus*, со всеми связанными с этим идеалом обязанностями и нормами поведения (*officia*), со всеми его характерными чертами и качествами (*virtutes*), может рассматриваться как некое своеобразное политическое завещание Цицерона, завещание умудренного жизненным и государственным опытом деятеля, оставляемое им современникам и потомству в один из наиболее напряженных моментов как его личной судьбы, так и судьбы всего римского государства.

Именно по этой причине мы остановимся в данной статье главным образом на проблеме «идеального гражданина», тем более что другие звенья политико-философского учения Цицерона — о наилучшем государственном устройстве и наилучшем государственном деятеле — в свое время были уже нами рассмотрены⁷.

В основе учения Цицерона об обязанностях *vir bonus* лежит представление о высшем благе (*summum bonum*) как о нравственно-прекрасном (греческий термин *τό καλόν*, в переводе Цицерона — *honestum*). В самом начале своего трактата Цицерон подчеркивает, что любой области жизни и деятельности соответствуют свои обязанности, в исполнении которых и состоит нравственный смысл всей жизни (*honestas omnis vitae*). Затем идет полемика с теми, кто считает, что высшее благо не имеет ничего общего с добродетелью, и потому измеряет все своими удобствами (*suīs commodis*), а не моральным критерием (*honestate*). На такой основе невозможно создать учение об обязанностях; это способны сделать лишь те, кто находит, что только нравственно-прекрасное должно быть предметом наших стремлений, или же те, кто находит, что оно должно быть целью наших стремлений хотя бы по преимуществу (Off., 1,5; 6). На этом

⁶ Ibidem, S. 145.

⁷ См. С. Л. Утченко. Политико-философские трактаты Цицерона. — Цицерон. Диалоги О государстве. О законах. М., «Наука», 1966, стр. 153—174.

примере нетрудно проследить перекрещивание влияний Стои и Академии. Те, кто назван вначале (т. е. только *honestas*), — стоики; те, кто упомянут в конце (т. е. по преимуществу), — академики, причем буквально несколькими строками ниже Цицерон заявляет, что он хоть и будет в основном следовать стоикам, но имеет в виду также и академиков, и перипатетиков (*ibid.*). Таково рассуждение Цицерона, дающее обоснование ведущему тезису трактата: все обязанности должны иметь своим источником стремление к нравственно-прекрасному, к высшему благу.

Ригористическое положение Старой Стои гласило: только нравственно-прекрасное есть благо (*μόνον τὸ καλὸν ἀγαθόν*). «Внешних» благ Старая Стоя вообще не признавала. Таким образом, только нравственно-прекрасное и соответствующие ему действия (*κατορθώματα*) — единственное благо, только порок и соответствующие ему действия (*ἀμαρτήματα*) — единственное зло, все же остальное, что лежит между ними, — безразлично (*ἀδιάφορα*). Благо и порок суть такие качества, которые не имеют степеней и градаций; поэтому ими нельзя обладать отчасти, а только или вполне или вовсе не обладать, т. е. можно быть только добродетельным или только порочным.

Римские представления о «нравственном благе», в отличие от этих ригористических категорий Старой Стои, развивались в тесной связи с развитием представлений об идеальном гражданине, о его фамильных и гражданских качествах, добродетелях, обязанностях. Еще Катон, говоря о предках, рисовал идиллический образ земледельца (Катон, «О земледелии», 2), а Саллюстий считал, что в эпоху расцвета римской республики граждане соревновались друг с другом не богатством и надменностью, но славными деяниями на пользу отечеству (Саллюстий, «Заговор Катилины», 7, 1—7). С древнейших времен и до времени Цицерона общественно-политическая деятельность как необходимая черта облика идеального гражданина оставалась обязательным условием теоретических построений подобного рода. Но так как в Риме признанием, апробацией этой деятельности со стороны самого общества был «почет» (*honor*), то понятие нравственно-прекрасного, перешедшее из греческих философских систем, превращается на римской почве в *honestum*, что и было для Цицерона само собой разумеющимся переводом греческого термина *τὸ καλόν*.

Другой термин — понятие стоической этики *καθήκον* («должное») — Цицерон переводит словом *officium* (обязанность). В письмах к Аттику он говорит: «Не сомневаюсь, что «должное» — это «обязанность»; разве только ты предложишь что-нибудь другое, но название «Об обязанностях» полнее» (Att., 16, 11, 4). Кстати говоря, подобный перевод Цицерон давал уже и в своих более ранних произведениях (Fin., 3, 20).

Учение о «должном» свидетельствовало о смягчении ригоризма Старой Стои, видимо, в связи с приспособлением к задачам прикладной морали. Между идеалом «блаженного» (мудрец) и «порочного» человека ставится теперь фигура человека «стремящегося» (*προσώπτων*), а между благими действиями и пороком — надлежащий поступок, «должное» (*τὸ καθήκον*).

Это так называемые «средние действия» (*μέσα*), которые еще Зенон называл *καθήκοντα*. Есть основания полагать, что эта тенденция получила дальнейшее и наиболее полное развитие у представителей Средней (римской) Стои и, в частности, в труде Панэтия «О должном» (*περί τοῦ καθήκοντος*).

Термин «*officium*», которым решил воспользоваться Цицерон, имел в Риме практический и вполне конкретный характер, да и сам Цицерон не понимал его отвлеченно, в смысле какого-то общечеловеческого долга. Его больше занимал вопрос, насколько приложим этот термин к государственным обязанностям. «Разве мы не говорим,— обращался он к Атику в цитированном уже письме (16, 14, 3),— «обязанность консулов», «обязанность сената», «обязанность императора»? Значит прекрасно подходит, или же дай лучшее». Трактат же Цицерона «Об обязанностях» имеет в виду, как уже говорилось, обязанности не человека вообще, но обязанности римского гражданина, достойного члена римской общины.

Такова интерпретация двух основных понятий интересующего нас трактата: нравственно-прекрасное (*honestum*) и должное, обязанность (*officium*). Каково же соотношение этих двух понятий?

По мнению Цицерона, существуют четыре источника, или четыре «части», того, что считается нравственно-прекрасным (*Off.*, 1, 15). Эти четыре части в дальнейшем выступают как четыре основные добродетели стоической этики. Очевидно, Панэтий не внес ничего существенно нового в старостоическое учение о добродетелях, и лишь в незначительно измененном виде оно перешло в трактат «Об обязанностях». В интерпретации Цицерона эти добродетели выглядят следующим образом: на первом месте стоит познание истины (*cognitio*), затем следует «двуединная» добродетель — справедливость и благотворительность (*iustitia* и *beneficentia*), затем величие духа (*magnitudo animi*) и, наконец, благопристойность, умеренность (*decorum*). Из каждой основной добродетели вытекают определенные (и сугубо практические) обязанности. Это и есть обязанности, предписываемые стремлением к главной и конечной цели — к высшему благу.

Мы не будем заниматься подробным анализом всех названных выше добродетелей. Достаточно остановиться лишь на той, которая представляет для нас наибольший интерес и которую сам Цицерон считает как бы «наиболее широким понятием» (*latissime patet ea ratio.*— *Off.*, 1, 20). Речь идет о «двуединной» добродетели — справедливость и благотворительность — и вытекающих из нее обязанностях гражданина. Следует отметить, что Цицерон неоднократно подчеркивает общественный, социальный характер этой добродетели. Все пространное рассуждение, ей посвященное, обрамляется высказываниями о ее общественном значении — подобные высказывания и предваряют, и заключают рассуждение в целом (*Off.*, 1, 20; ср. 60). Следовательно, обязанности, вытекающие из этой «двуединной» добродетели, тоже должны считаться обязанностями общественными, социальными. В конце первой книги Цицерон даже утверждает, что обязанности, вытекающие из «общественного начала» (*ex*

communitate), больше «соответствуют природе» (*aptiora esse naturae*), чем обязанности, вытекающие из познания (*ex cognitione*.— *Off.*, 1, 153).

Чрезвычайно интересно определение существа справедливости (*iustitia*), которое дает Цицерон. «Первое требование справедливости в том, чтобы никому не наносить вреда, если только тебя не вызвали на это несправедливостью; затем в том, чтобы пользоваться общественной [собственностью] как общественной, а частной — как своей» (*Off.*, 1, 20). В этом определении наиболее важна для нас вторая его часть, где сформулировано отношение Цицерона к проблеме собственности.

Частной собственности от природы не бывает, говорит Цицерон, она возникает либо путем оккупации незаселенных земель, либо вследствие победы на войне, либо благодаря законам, договорам, жеребьевке. Государство и собственность изначально связаны друг с другом, и охрана собственности, как учил еще Панэтий, есть причина образования государства. И частная, и государственная собственность закрепляются тем или иным историческим актом, приобретающим затем силу закона. Кто завладевает чужой собственностью, утверждает Цицерон, тот нарушает и оскверняет права человеческой общности (*Off.*, 1, 21).

Итак, Цицерон выступает в качестве защитника и «охранителя» не только частной, но и государственной собственности. Это типично для античного мировоззрения. Самое существо человека как *κοινωνικὸν ζῷον* и смысл цицероновой формулы «пользоваться общественной [собственностью] как общественной, а частной — как своей» требуют не только охранения собственности, но и активного содействия благу всего государства своей деятельностью и своим имуществом. Мы рождены, говорит Цицерон, ссылаясь на Платона, не только для самих себя, но какую-то часть нас по праву требует отечество, другую часть — друзья. Все, что родит земля, — все это предназначено для пользы людей; люди же, в свою очередь, тоже рождены для людей, дабы они могли приносить пользу друг другу, поэтому, следуя природе, необходимо трудиться для общего блага, употребляя все силы и способности на то, чтобы теснее связать людей в единое общество (*Off.*, 1, 22).

Далее Цицерон переходит к рассуждению о двух видах несправедливости. С его точки зрения, существует несправедливость не только тех, кто ее причиняет, но и тех, кто не оказывает помощи потерпевшим несправедливостью. Для борьбы с несправедливостью надо понимать причины зла. Обычно причинами проявления несправедливости бывают страх, жадность к деньгам, честолюбие, жажда славы. Однако забота о своем имуществе, — снова подчеркивает Цицерон, — если только она не вредит другому, вовсе не порок. Обдуманная несправедливость должна караться более сурово, чем внезапный аффект. Мотивы, мешающие борьбе с несправедливостью, бывают, как правило, узкоэгоистического характера, это — лень, нерадение, боязнь неприятностей, нежелание участвовать в общественной деятельности (*Off.*, 1, 23—39). Таким образом, в основе учения Цицерона о справедливости и несправедливости лежит некое представление о неприкосновенности собственности, и потому первой-

шая обязанность заключается в соблюдении и охране этой неприкосновенности. Вот почему Цицерон был всегда ярким противником всяких *tabulae povae* (кассация долгов), всяких аграрных законов и вообще всяких вторжений в священную область собственности.

Определенный интерес в рассуждениях Цицерона, относящихся к обязанностям, вытекающим из понятия справедливости, представляет раздел трактата, посвященный «военной морали». Основные положения Цицерона таковы: война может быть только вынужденным актом и допустима лишь в тех случаях, если переговоры не дают никаких результатов. Причина подобных войн только одна: оборона своего государства, цель же их — прочный мир. В обращении с побежденными следует проявлять человечность; сдавшиеся на милость победителя безусловно имеют право на пощаду. Приводя примеры из истории древнего Рима, Цицерон прославляет предков за то, что они считали войну справедливой лишь тогда, когда при ее объявлении были соблюдены все установления фециального права.

В некотором противоречии с этими высказываниями Цицерон допускает (хоть и с оговорками относительно причин) войны, которые ведутся ради укрепления власти и славы (*Off.*, 1, 38). Это результат убежденности во «всемирно-исторической миссии» Рима (вслед за Полибием и Посидонием). Так вырисовывается новая обязанность, новая черта облика идеального гражданина — обязанность воина, защитника могущества римского государства. А если учесть, что наряду с этим превозносится мирная жизнь и занятие сельским хозяйством, причем говорится, что это самое приятное и самое достойное занятие для свободного человека (*Off.*, 1, 151), то возникает давно уже знакомый — со времен Катона Цензория — староримский идеал земледельца и воина.

Рассуждение о справедливости заканчивается упоминанием о рабах, по отношению к которым, по мнению Цицерона, тоже следует проявлять справедливость. Однако эта справедливость трактуется довольно своеобразно: к рабам следует относиться как к «наемникам» (*ut mercenariis*), т. е. требовать от них работы и предоставлять то, что им «полагается» (*Off.*, 1, 41). К облику *vir bonus*, облику земледельца и воина, добавляется еще одна немаловажная черта — обязанность «справедливого» хозяина, владельца рабов.

Другой «частью», или стороной, социальной добродетели следует считать благотворительность (*beneficentia*), которую еще можно определить как доброту (*benignitas*) или щедрость (*liberalitas*). — *Off.*, 1, 20). Переходя к рассуждению о благотворительности, Цицерон отмечает прежде всего, что нет ничего более соответствующего человеческой природе. Но применение этой добродетели на практике требует определенной осторожности. Цицерон делает три предупреждения: 1) благотворительность (или щедрость) не должна ни вредить тому, по отношению к кому ее проявляют, ни идти за счет других людей; 2) не должна превышать средств самого благотворителя и 3) должна распределяться в соответствии с достоинством того, по отношению к кому ее проявляют (*Off.*, 1, 42—43). Все

это еще раз напоминает нам, что жизнь наша проходит в обществе. И дальше следует чрезвычайно любопытная оговорка: «Но поскольку мы живем не среди совершенных и без исключения мудрых людей, а среди таких, для которых вполне достаточно, если они являются отображением добродетели, то, по моему мнению, надо также понять, что нельзя полностью пренебрегать ни одним человеком, в котором могут проявиться хотя бы малые признаки такой добродетели» (Off., 1, 46).

После этого Цицерон приступает к развитию затронутой выше мысли: жизнь наша проходит в обществе. Подчеркивается, что общество связывает людей союзом, разумом, речью (*societas, ratio, oratio*); этим люди и отличаются от зверей. Человек обязан помогать человеку, но средства отдельных лиц невелики, и потому необходима градация благотворительной деятельности. Она должна быть установлена в соответствии с существующими степенями общности людей. Таких степеней несколько. Не говоря уже о понятии человечества в целом, можно указать на такие более тесные связи: общность племени, происхождения, языка, затем — гражданской общины. Еще более тесной связью следует считать семью. Это первоначальная ячейка общества; из нее вырастает государство. Тезис о развитии государства из семьи был со времени Аристотеля *locus classicus*, и Цицерон тоже представляет себе государство как некий естественно образовавшийся и разросшийся организм (Off., 1, 50—53. cf. 3, 22).

Цицерон подходит к центральной части своего рассуждения о благотворительности. Он устанавливает теперь градацию обязанностей в зависимости от различных форм или степеней человеческой общности. «Из всех общественных связей,— говорит он,— для каждого из нас наиболее важны, наиболее дороги наши связи с государством. Дороги нам родители, дороги дети, родственники, близкие друзья, но отечество одно охватило все привязанности всех людей. Какой честный человек поколеблется пойти за него на смерть, если он этим принесет ему пользу?» (Off., 1, 67). И здесь же приводится некая шкала этих обязанностей, расположенных в зависимости от их значимости: на первом месте стоят обязанности по отношению к отечеству и родителям, затем — к детям, семье и, наконец, к родственникам и друзьям (Off., 1, 58). Так к характерным чертам и обязанностям идеального гражданина прибавляется еще одна и, пожалуй, наиболее специфически римская черта (обязанность): *pietas*, т. е. особое, почти благочестивое отношение к отечеству, семье, близким.

Рассуждение Цицерона о благотворительности снова содержит в себе моменты, свидетельствующие о том, что он следовал стойкам «по преимуществу», но отнюдь не полностью. Например, приводившееся выше изображение относительно жизни в обществе, т. е. о том, что мы живем не среди мудрецов и совершенных людей, а потому должны ценить имеющих более скромные достоинства, гораздо ближе к академической системе, ко взглядам Антиоха (учение о *tria genera bonorum*), чем к ригористическим установкам стойков, даже в их смягченном и модифицированном римской Стоей варианте.

Таковы основные наблюдения, которые могут быть сделаны в отношении облика «идеального гражданина» на основании рассуждений Цицерона о «двуетидной» социальной добродетели — справедливости и благотворительности. Что касается анализа других кардинальных добродетелей, то выводимые из них Цицероном обязанности относятся скорее к его представлениям об облике государственного деятеля, руководителя государства.

Равным образом анализ второй книги трактата ничего не может, на наш взгляд, прибавить принципиально нового к общему облику, к характерным чертам и обязанностям «идеального гражданина». Если первая книга трактата посвящена определению нравственных норм и вытекающих из них обязанностей, то во второй книге речь идет о практическом применении этих норм, т. е. о применении их в сфере «полезного». При этом Цицерон считает, что противопоставление «нравственно-прекрасного» и «полезного» (*honestum* и *utile*) есть величайшее заблуждение. Отсюда вывод: «что нравственно-прекрасно, то, тем самым, уже и полезно», — вывод, подсказанный Новой Академией (в дальнейшем это подчеркивается самим Цицероном. — *Off.*, 2, 10; 3, 20). Этим же путем вся деятельность в сфере полезного «увязывается» с основными добродетелями, определенными в первой книге, например: «кто захочет снискать истинную славу справедливого человека, тот должен выполнять обязанности, налагаемые справедливостью», — и тут же разъяснено: «каковы они — было сказано в предыдущей книге» (*Off.*, 2, 43).

В заключение очень коротко о политических тенденциях трактата. Несомненно обстановка, сложившаяся в Риме после убийства Цезаря, нашла в трактате свое отражение. Для трактата характерна достаточно явная и резкая антицезарианская направленность. Об Антонии здесь нет еще ни слова, но это и понятно: произведение Цицерона было завершено (или оставлено), по существу, в самом начале развертывающейся борьбы, накануне решающих событий. Тем не менее новые опасения автора отражены в трактате: речь должна идти, по-видимому, не только и даже не столько о его антицезарианской направленности (в персонифицированном смысле), сколько об антитиранических тенденциях. В этом и выразился прежде всего поворот в настроении и оценке ситуации самим Цицероном: от кратковременных радужных надежд, через разочарование и скепсис — к страху перед неизбежностью новой тирании.

Еще в самом начале трактата подчеркивается, что слова Энния: «Нет священной общности, нет и верности при власти царской» — убедительно подтверждены примером Цезаря, который ради своего господства и первенствующего положения безрассудно преступил «все божеские и человеческие законы» (*Off.*, 1, 26). Его благотворительность и щедрость, как и Суллы, не могут быть названы ни истинными, ни справедливыми, ибо, награждая деньгами и имуществом одних, они оба отнимали все это у других, причем как раз у законных владельцев (*Off.*, 1, 43).

Во второй книге положение римского государства рисуется самыми мрачными красками. Цезарь постоянно именуется тиранном, поправшим и законы, и свободу, гибель его вполне заслужена, в некотором отношении

он даже хуже Суллы, ибо вел войну по несправедливой и недопустимой причине, а после своей отвратительной победы не только лишил имущества отдельных граждан, но и целые общины. Вот почему если и сохранились еще стены великого Города, то государство (*res publica*) было утрачено полностью (Off., 2, 26—29). А раз государство погибло, перестало существовать, то уже нет места ни праву, ни красноречию, нет возможности принимать участие в общественной жизни. Именно по этим причинам пришлось автору трактата — дабы не предаться тоске или, наоборот, недостойным наслаждениям — заняться философией (Off., 2, 2—4; ср. 2, 65—67).

Крайне резко осуждает Цицерон и программу популяров, вождем которых столь недавно выступал Цезарь. В соответствии с требованиями этой программы подрывались самые основы государства: так, например, землевладельцы несправедливо сгонялись с занимаемых ими участков; особенно же нетерпимы были неоднократные попытки разрешить долговую проблему путем кассации долгов (Off., 2, 78; 84).

В третьей книге снова повторяются утверждения о гибели государства, уничтожении сената и правосудия. Снова оправдывается и даже признается не противоречащим нравственно-прекрасному убийство тиранна (Off., 3, 19; ср. 3, 90) и, наконец, высказывается следующее суждение: «Вот перед тобой человек, страстно пожелавший быть царем римского народа и властелином над всеми племенами и достигший этого! Если кто-нибудь говорит, что это страстное желание прекрасно в нравственном отношении, то он безумен: ведь он одобряет уничтожение законов и свободы и признает их мерзкое и отвратительное упразднение достославным. Но если кто-нибудь заявит, что в государстве, которое свободным было и быть должно, царствовать дурно в нравственном отношении, но полезно тому, кто смог бы осуществить это, то какой бранью, вернее, каким порицанием следовало бы мне попытаться рассеять это столь глубокое заблуждение?» И, заключая это свое высказывание, которое снова должно подтвердить единство нравственно-прекрасного и полезного, Цицерон именует захват единоличной власти, т. е. тиранию, государственной изменой, «убийством отечества» (Off., 3, 83).

Из всего сказанного ясно, насколько все же была сильна ненависть Цицерона к политическому режиму, установленному Цезарем (да и к личности самого диктатора), тем более что ко времени работы над трактатом «Об обязанностях» в римской политической действительности, как мы знаем, сложилась ситуация, явно намекающая на возможность возрождения подобного режима. Вот почему, желая — хотя бы в принципе, в «теории» — нечто противопоставить той действительности, которую он не хотел и не мог принять, Цицерон создает в своем трактате идеализированный образ римского гражданина (*vir bonus*), гражданина, как он называл, «свободного государства» (*res publica libera*). Этот образ — одна из центральных, ведущих идей произведения в целом.

ЦИЦЕРОН В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 49—45 гг. И ДИКТАТУРЫ ЦЕЗАРЯ. ДИАЛОГИ «О СТАРОСТИ» И «О ДРУЖБЕ»

Сокровенные мысли и настроения Цицерона, его политические соображения и оценка положения в Римском государстве нашли яркое отражение в его письмах, отличающихся большими литературными достоинствами, остроумием и юмором, иногда горьким, точным изложением мыслей и описанием переживаний их автора. Письма содержат множество ценных сведений по истории Рима, а также и по истории культуры. Из обширной переписки Цицерона с друзьями, политическими единомышленниками и противниками, должностными лицами, родными и знакомыми до нас дошло 931 письмо; около девяти десятых этого числа писем написано им самим и только одна десятая — его корреспондентами. Некоторая часть писем Цицерона утрачена; кое-какие письма, упоминаемые в источниках, в дошедших до нас сборниках его писем отсутствуют.

Главным корреспондентом Цицерона был Тит Помпоний Аттик, его ближайший друг, богатый римский всадник (см. «О старости», прим. 1). Сборник писем «К Аттику» содержит 454 письма: письма Цицерона к Аттику, письма разных лиц к Цицерону и, в виде приложения, письма некоторых лиц к другим лицам. Во времена особенно тревожные, например, во время гражданской войны, Цицерон пишет Аттику ежедневно и даже дважды в день. «Я говорю с тобой, словно сам с собой», — писал он ему 2 марта 49 г. (Письма к Аттику* VIII, 14, 2; письмо № 346 по изд. АН СССР; ср. «О дружбе», 22). Ценность этих документов для науки неоспорима. Современник и биограф Аттика, историк Корнелий Непот писал: «Тому, кто прочтет письма Цицерона к Аттику, не будет особенно нужно прочитать связную историю тех времен» («Аттик», XVI). Не менее ценна для историка и литературоведа и переписка Цицерона с другими лицами.

Письма Аттика к Цицерону до нас не дошли, и о его взглядах и советах мы можем судить только по ответам и возражениям Цицерона. Возможно, что переписка Цицерона была опубликована в годы правления Октавиана Августа и что в этом участвовал сам Аттик, который и уничтожил свои уцелевшие письма к Цицерону, дабы не скомпрометировать себя в глазах принцепса. В публикации писем Цицерона «К близким»,

---

* Далее ссылки на эти письма будут даваться в тексте так: Att.

несомненно, участвовал и Тирон, вольноотпущенник Цицерона, преданный ему человек (Письма к близким *, XVI, 5, 5; п. 770), а также сын оратора — Марк Цицерон¹.

Тревогу за судьбы римского государства и страх перед надвигавшейся гражданской войной² Цицерон испытывал, еще находясь в Киликии как проконсул. В августе 50 г. он пишет Марку Целию Руфу: «Положение в государстве меня чрезвычайно тревожит... Цезарю я желаю почестей, за Помпея готов умереть; тем не менее дороже всего мне отечество» (Fam., II, 15, 3; п. 274).

Уже возвратившись в Италию, Цицерон писал Аттику 9 декабря 50 г.: «В настоящее время люди сражаются за власть; государство в опасности... Я согласен с Гнеем Помпеем... Но самого Помпея буду склонять к согласию» (Att., VII, 3, 4 сл.; п. 293). 16 декабря он сообщал ему: «За положение в государстве с каждым днем боюсь все больше и больше. Как решительно те римские всадники, те сенаторы, которых я видел, порицают отъезд Помпея [в Кампанию для набора солдат]. Нужен мир. Победа принесет нам много бед и, конечно, тиранию» (Att., VII, 5, 4; п. 295). В письме, написанном на следующий день, он говорит, что, по всеобщему мнению, лучше уступить Цезарю в вопросе о его заочном соискании консулата на 49 г.; сам он спрашивает, почему признали нужным оказать Цезарю противодействие только теперь и почему ранее ему попустительствовали в его стремлении к власти, продлив ему в 55 г. срок наместничества в Галлиях. Он прибавляет, что надо сделать все возможное, чтобы избежать кровопролития, и что ему самому нельзя в такое время отходить от Помпея (Att., VII, 6, 2; п. 296).

В конце декабря 50 г. он отвечает Аттику: «Ты спрашиваешь, есть ли какая-нибудь надежда на примирение. Насколько я понял из пространных рассуждений Помпея, нет и желания. Он думает, что если Цезарь будет избран в консулы даже после роспуска его войск, то в государстве тем не менее произойдут потрясения» (Att., VII, 8, 4; п. 298). 12 января 49 г., когда разрыв между сенатом и Цезарем фактически уже произо-

* Далее ссылки на эти письма будут даваться в тексте так: Fam.

¹ J. Carcopino. Les secrets de la correspondance de Cicéron. Paris. 1947. Т. I, Introduction, p. 9—65; t. II, p. 217—458. К. Kumaniicki. Cicerone e la crisi della Repubblica Romana. Roma. Centro di Studi Ciceroniani. 1972, p. 452—517.

А. И. Доватур. Античные сборники писем Цицерона. «Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту». Перевод и комментарии В. О. Горенштейна, т. I, стр. 403—412. М.—Л., Изд. АН СССР, 1949.

О Цицероне-сыне см. ниже, стр. 209.

Переписка Цицерона и исторические события датированы: до 1 января 45 г. до н. э.— по старому лунному календарю; после 1 января 45 г.— по солнечному (Юлианскому) календарю.

² H. Gelzer. Cicero. Ein biographischer Versuch. Wiesbaden, 1969, S. 243 ff. С. Л. Утченко. Цицерон и его время. М., 1972, стр. 258 сл.

шел, Цицерон пишет Тирону: «Государство еще никогда не было в большей опасности; у бесчестных граждан еще никогда не было более подготовленного полководца... Впрочем, и на этой стороне делаются самые тщательные приготовления... Это происходит благодаря авторитету и стараниям нашего Помпея, который поздно начал бояться Цезаря» (Fam., XVI, 11, 3; п. 300).

Несмотря на свои колебания и недоверие к Помпею, Цицерон в январе 49 г. все-таки принял его предложение выехать в Кампанию, ведать ее приморской полосой и следить за набором солдат (Att., VII, 11, 5; п. 303). О глубокой тревоге Цицерона говорит и его письмо к Аттику от 22 января, написанное уже после того, как Рим был оставлен сенаторами, консулами и Помпеем: «Ты видишь, насколько неспособен как военачальник наш полководец; ... о том, насколько он лишен предусмотрительности, свидетельствуют сами события. Ведь любое соглашение было бы лучше, чем это бегство. Что думает он теперь, не знаю. Бесспорно, он — сама трусость, сама беспорядочность. И вот ни гарнизона, ни места для расположения гарнизона... Для соглашений время упущено... Во всяком случае, мы или наш полководец довели дело до того, что, выйдя из гавани без кормила, отдались во власть буре» (Att., VII, 13, 1—2; п. 306).

Таково и его письмо к Тирону от 26 января 49 г.: «В какой опасности существование мое и всех честных граждан, как и существование государства, ты можешь знать на основании того, что мы оставили свои дома и даже отечество на разграбление и сожжение... Я не согласился принять большее назначение, дабы мои советы сильнее действовали на Цезаря и склоняли его к миру. Но если будет война, то я скорее всего буду начальствовать над лагерем и легионами» (Fam., XVI, 12, 1; 5; п. 312).

Порицая действия Помпея, Цицерон 17 февраля пишет Аттику: «Помоему, ни в одной стране ни один правитель государства или полководец никогда не совершал ничего более постыдного, чем то, что совершил наш друг. О его участии я скорблю. Он оставил Рим, то есть отечество, за которое и в котором было бы прекрасно умереть. Я ... вскоре покину морское побережье и буду ожидать Афрания и Петрея [помпеянцы]... Написав это письмо при свете того же светильника, на котором я сжег твое, выезжаю из Формий к Помпею. Если речь будет о мире, то принесу пользу; если о войне, то кем я буду?» (Att., VIII, 2, 2 сл.; п. 330). 18 февраля Цицерон сетует: «Наш Помпей ничего не сделал разумно, ничего храбро, ничего, прибавлю я, такого, что не было бы противно моему совету и авторитету. Умалчиваю о давнишнем: он Цезаря вскормил, возвеличил, вооружил против государства, способствовал ему в проведении законов путем насилия и вопреки знамениям, присоединил Дальнюю Галлию [как его провинцию]» (Att., VIII, 3, 3; п. 332). 24 февраля он пишет: «Помпей вскормил Цезаря и его же вдруг начал бояться; ни одного условия мира не одобрил; для войны ничего не подготовил; Пиценскую область потерял по своей же вине; забился в Апулию; стал собираться в Грецию, не обратившись к нам и не привлекая нас к

участию в его столь важном, столь неожиданным решении» (Att., VIII, 8, 1; п. 338).

Осуждая обе воюющие стороны, Цицерон писал Аттику 27 февраля 49 г.: «К господству стремились они оба, не старались о том, чтобы граждане были счастливы и жили в почете. И Помпей оставил Рим не потому, что не может его защищать, и Италию не потому, что его вытесняют из нее. Вот что думал он с самого начала: вызвать волнения во всех странах, на всех морях, поднять царей-варваров, привести в Италию вооруженные дикие племена, собрать огромные войска. Создать такое сулланское царство он уже давно стремится... Ты увидишь, что ближайшим летом несчастная Италия будет растоптана и потрясена войсками обоих противников, когда соберутся рабы. Не так страшна проскрипция, о которой возвещают в Луцерии [у Помпея], как гибель всего государства» (Att., VIII, 11, 2; 4; п. 341). В начале мая 49 г. Цицерон писал Марку Целию Руфу: «Пожалуйста, верь мне: после всех этих несчастий я стремлюсь только к тому, чтобы люди, наконец, поняли, что я предпочитал один только мир; что я, отчаявшись в нем, более всего хотел избежать гражданской войны» (Fam., II, 16, 3; п. 390).

О стараниях Цицерона добиться мира между сторонами свидетельствует и Плутарх: «Но беда была неотвратима. Цезарь двинулся на Рим, а Помпей в сопровождении лучших граждан бежал без всякого сопротивления» (Плутарх, «Цицерон», XXXVII. Взять на себя задачу примирить стороны просили Цицерона также сторонники и агенты Цезаря — Луций Корнелий Бальб и Гай Оппий (Att., VIII, 15а; п. 344; IX, 7а; п. 355).

Сам Цезарь тоже хотел видеть Цицерона на своей стороне и сообщил ему об этом в марте 49 г. (Att., IX, 6а; п. 357); Цезарь желал «пользоваться его советом, влиянием, высоким положением, помощью во всем». В своем ответе Цезарю (Att., IX, 11а; п. 365) Цицерон пытается склонить Цезаря к восстановлению мира в стране и заверяет его в своей лояльности и нейтралитете. Позднее, при свидании с Цезарем во второй половине марта, Цицерон проявил твердость и отказался поддерживать в сенате его требования (Att., IX, 18, 1; п. 374).

3 марта 49 г. Цицерон писал Аттику: «Ведь опасность — в гневе обоих противников; победа же настолько неопределенна, что худшее дело [победа Цезаря] кажется мне подготовленным... Размышления о долге меня терзают и терзали до сего времени. Более осторожно, конечно, остаются [в Италии]; более честным считают переправиться [в Эпир, к Помпею]» (Att., VIII, 15, 2; п. 347).

Особую опасность Цицерон видит в возможной победе Цезаря: «Что происходит? Об императоре римского народа говорим мы или о Ганнибале? О, безумный и жалкий человек, никогда не видевший даже и тени прекрасного! И все это он, по его словам, делает ради сохранения достоинства! Но где же достоинство, если не там, где нравственная красота? В нравственном отношении прекрасно, следовательно, иметь войско без официального решения, занимать города, дабы облегчить себе доступ в

отечество, задумать отмену долгов, возратить изгнанников, совершить сотни других преступлений, «чтоб высшую богиню — власть иметь...?» (Att., VII, 11, 1; п. 303). Цицерон сравнивает Цезаря с прославившимся своей жестокостью агригентским тиранном Фаларидом (Att., VII, 12, 2; п. 304).

Не менее жестоким считает он и Помпея: «Что за угрозы муниципиям, поименно честным мужам, наконец, всем, кто останется в Италии! Как часто пресловутое: „Сулла смог, а я не смогу?“... Душа Помпея уже давно сульствует и проскрипствует» (Att., IX, 10, 2; 6; п. 364). «Помпей — одни только проскрипции, одни только суллы» (Att., IX, 11, 3; п. 366). Но Цицерон все-таки отдает предпочтение Помпею: «За царскую власть происходит борьба; в ней обращен в бегство более умеренный царь, более честный и более бескорыстный» (Att., X, 7, 1; п. 385).

О подавленном настроении Цицерона можно судить по следующим двум его письмам к Аттику от мая 49 г.: «О, несчастная жизнь! Бояться так долго — зло большее, чем то, чего боишься» (Att., X, 14, 1; п. 396). «Видел ли ты более несчастного человека? Не говорю большего, дабы не терзать также и тебя, сам мучусь из-за того, что пришло время, когда я уже ничего не могу сделать ни храбро, ни благоразумно» (Att., X, 18, 3; п. 400).

Несмотря на весь свой страх перед возможной победой Помпея, Цицерон все же признал ее меньшим злом, чем возможная победа Цезаря, и, нарушив прямой запрет Цезаря (Att., X, 8; п. 388), в июне 49 г. отплыл из Кампании, ускользнув от надзора цезарианцев, призывавших его оставаться нейтральным (Att., X, 8а, 10; п. 388; 10, 2; п. 391; 12, 1; п. 393), и прибыл в Эпир, где стояли войска Помпея. При этом решении должно было иметь значение и то обстоятельство, что Цицерон, выходец из всаднического сословия, как консуляр и сенатор, читал своим долгом быть на стороне сената, «нашего сословия» (Fam., XV, 2, 4; п. 220; «Об обязанностях», II, 63), в его столкновении с Цезарем.

По свидетельству Плутарха («Цицерон», XXXVIII), в Эпире Помпей не прибегал к услугам Цицерона ни в одном важном деле, а тот не скрывал своего сожаления о переходе на его сторону, за его спиной порицая его планы и позволяя себе остроты на его счет (Макробий, «Сатурналии», 2, 3, 7). В мае 48 г. зять Цицерона, цезарианец Публий Корнелий Долабелла, писал ему из лагеря Цезаря под Диррахием и советовал ему, ввиду безнадёжности дела Помпея, либо перейти на сторону Цезаря, либо удалиться в Афины или в какой-нибудь другой город, которого не коснулась гражданская война (Fam., IX, 9; п. 405).

После сражения под Диррахием, в котором Помпей нанес поражение Цезарю, 9 августа 48 г. под Фарсалом, в Фессалии, произошло сражение, окончившееся разгромом сил Помпея. Помпей бежал в Египет, где был предательски убит 29 сентября.

Цицерон, по нездоровью не принимавший участия в военных действиях под Диррахием, не участвовал и в походе Помпея в Фессалию. Когда в Эпире узнали о поражении Помпея и о его бегстве, Цицерон отказался

принять командование войсками, на что он имел право как консуляр. Он даже пожелал покинуть ряды воюющих, за что сын Помпея едва не обнажил против него меч. Марк Порций Катон отпустил Цицерона в Италию, где он, хотя и был консуляром и проконсулом, жил в Брундисии как политический изгнанник, ожидая возвращения Цезаря, который один мог решить его судьбу.

Дошедшие до нас письма Цицерона из Брундисия говорят о его подавленном настроении и тревоге за общее положение, за себя и свою семью. Так, 27 ноября 48 г. он писал Аттику: «В том, что я отошел от войны, я никогда не раскаивался: жестокость была в них [помпеянцах] столь сильна, союз с варварскими племенами столь силен, что проскрипцию составляли не поименно, а по родам и было решено объявить после победы имущество, принадлежащее всем вам, добычей Помпея» (Att., XI, 6, 2; п. 412).

При возвращении Цезаря в Италию по окончании александрийской войны Цицерон выехал навстречу победителю, прибывшему в Тарент в сентябре 47 г. Цезарь обошелся с Цицероном милостиво и разрешил ему возвратиться в Рим (Плутарх, «Цицерон», XXXIX), куда он прибыл в октябре 47 г. В Риме он оказался отстраненным от государственных дел, так как Цезарь вершил всем единолично. Там Цицерон «помирился со своими старыми друзьями, то есть с книгами» (Fam., IX, 1, 2; п. 454. Варрону). Это были годы вынужденного досуга (otium), отсутствия возможности заниматься государственной деятельностью и выступать в суде. Тогда же он написал ряд сочинений по риторике и философии.

Прощенный Цезарем Цицерон мог еще и еще раз оценить свой выбор во время гражданской войны. «В своем поступке я раскаялся — не столько ввиду того, что опасность угрожала лично мне, сколько из-за многочисленных пороков, с которыми я столкнулся там, куда пришел: во-первых, не было ни достаточных, ни боеспособных военных сил; во-вторых, если не говорить о полководце и о немногих других, остальные во время военных действий проявили алчность, а в высказываниях своих были так жестоки, что я приходил в ужас от мысли, что они могут победить» (Fam., VII, 3, 2; п. 462, Марку Марию). «Знаю, ты всегда был со мной в горести, когда мы видели и огромное зло от гибели войска одного из противников, и вершину всех зол — победу в гражданской войне, а я, право, даже боялся победы тех, к кому мы пришли» (Fam., IX, 6, 3; п. 468, Варрону)³. В сентябре 46 г. Цицерон пишет Авлу Цецине, находящемуся в изгнании в Сицилии: «Вначале я предостерегал Помпея от союза с Цезарем, впоследствии — от разрыва с ним. Я видел, что союз ослаблял силы сената, а разрыв вел к гражданской войне» (Fam., VI, 6, 4; п. 491). Помпеянцу Авлу Манлию Торквату, жившему в изгнании в Афинах, он писал в январе 45 г.: «Хотя расстройство всех дел таково, что каждый глубоко сожалеет о своей участи и предпочел бы быть где угодно, но только

³ Ср. Г. Юлий Цезарь. Записки о гражданской войне, III, 82 сл.; Плутарх, «Помпей», LXVII.

не там, где находится, все же для меня несомненно, что для честного человека величайшее несчастье — пребывание в Риме... Не думаю, что мы тогда оставили отечество, надеясь на награды за будущую победу. Нам казалось, что мы исполняем, так сказать, законный и священный долг» (Fam., VI, 1, 1; 3; п. 542). Он вскоре пишет ему же: «Нет человека, который не подумал бы о том, как сильно надо бояться гнева вооруженного победителя» (Fam., VI, 4, 1; п. 544).

Положение Цицерона осложнилось тем, что ему приходилось оправдываться перед бывшими единомышленниками: «Ведь существуют люди, которые, хотя моя гибель и не принесла бы пользы государству, считают преступлением то, что я жив; которым — я твердо знаю — кажется, что погибло недостаточно много людей...» (Fam., VII, 3, 6; п. 462, Марку Марию).

Цицерон старается убедить себя в преимуществах своего отхода от государственных дел: «Кто не даст мне возможности, когда отечество либо не может, либо не хочет пользоваться моими услугами, вернуться к той жизни, которую многие ученые люди, быть может, и неправильно, считали все же заслуживающей предпочтения даже перед государственной деятельностью? Почему бы мне не предаться, с согласия государства, занятиям, которые, по мнению великих людей, могут освободить нас от общественных обязанностей?» (Fam., IX, 6, 5; п. 468). Цицерон писал это Марку Теренцию Варрону, который, занимаясь наукой больше, чем он сам, все-таки, как последовательный сторонник сената в 46 г. уехал в Испанию и присоединился к сыновьям Помпея.

Прощенный и, казалось бы, обласканный Цезарем Цицерон был вынужден общаться с цезарианцами — «бывать на обедах у тех, кто над нами властвует,... быть рабом обстоятельств» (Fam., IX, 7, 1; П. 461, ему же). Он поддерживает добрые отношения с цезарианцами Гирцием, Кассием и Долабеллой (Fam., VII, 33, 1; п. 471; IX, 18, 1; п. 472). Он старается снискать доверие человека, называть которого по имени он избегает, — «того, в чьих руках власть» (Fam., IX, 16, 3; п. 470), «того, кто могущественнее всех» (Fam., IV, 13, 2; п. 478), т. е. диктатора Цезаря. Он ходатайствует перед ним о прощении или хотя бы об облегчении участи помпеянцев, находящихся в изгнании: Публия Нигидия Фигула, Квинта Лигария, Марка Клавдия Марцелла, Авла Цецины и др.

В сентябре 46 г. Цицерон пишет Лигарию: «Знай, весь труд, все усилия, заботы и рвение я трачу ради твоего восстановления в правах... По просьбе твоих братьев, я пришел рано утром к Цезарю и испытал всю оскорбительность и горечь доступа к нему и встречи с ним... Когда твои братья и близкие лежали у его ног, а я излагал все то, чего требовало твое дело, ... то не только из слов Цезаря, вполне благожелательных, но и по выражению его лица ... я сделал вывод, что в твоём восстановлении в правах не может быть сомнений» (Fam., IV, 9, 2; п. 490).

Консулу 51 г. Марку Марцеллу, жившему в изгнании в Митиленах, Цицерон советовал не считать себя в безопасности и, с согласия диктатора, возвратиться в Италию, так как «мечу дозволено все» (Fam., IV, 9,

4, п. 488). Марцелл не ходатайствовал перед Цезарем о помиловании, за него хлопотали его родные.

В 46—45 гг. Цицерон шлет Авлу Цецине обнадеживающие письма с советами о том, как ему добиться прощения у Цезаря (Fam., VI, 6, 8; п. 491; 8, 1 сл.; п. 527; 7, 1 сл.; п. 532; 5, 2 сл.; п. 537).

Особенно примечательны письма Цицерона к далекому от политики эпикурейцу Луцию Папирию Пету, полные горечи и иронии и в то же время сдобренные остротами; но это — смех сквозь слезы. Так, в июле 46 г., сообщив Пету о том, как к нему относятся Цезарь и близкие к нему люди, он пишет: «Все ненадежно, так как отошли от законности и ни за что нельзя поручиться. Неизвестно, каково будет все то, что зависит от доброй воли, не скажу — прихоти другого человека». Он тут же переходит к описанию званных обедов и вдается в гастрономические подробности (Fam., IX, 16, 3; п. 470). Письмо от августа 46 г. начинается с рассуждений о пирушках и яствах; далее Цицерон пишет: «Утром меня приветствуют многие честные мужи, правда, опечаленные, и нынешние ликующие победители; последние относятся ко мне весьма предупредительно, ласково и любезно. Как только приветствия схлынут, зарываюсь в литературные занятия... Отечество я уже оплакал сильнее и оплакивал дольше, чем любая мать — единственного сына» (Fam., IX, 20, 3; п. 473). «Мы уже четыре года живы по милости, если это милость или жизнь — пережить государство⁴... Произойдет все то, чего пожелают те, кто будет в силе, а сильным всегда будет оружие... Даже сам глава [Цезарь] не знает, что будет; ведь мы в рабстве у него, он — у обстоятельств» (Fam., IX, 17, 1; 3; п. 477). В письмах от октября 46 г. Цицерон пишет Пету о народном юморе, о старших и младших патрицианских родах и о разных событиях в этой среде (Fam., IX, 15; 21; п. 494 и 496).

В ноябре 46 г. он описывает пирушку у их общего знакомого Луция Волумния Евтрапела: «Я лег на ложе в девятом часу и вот царапаю на записных дощечках черновик этого письма к тебе. Ты спросишь, где? У Волумния Евтрапела, и выше меня на ложе Атик, ниже Веррий. Ты удивишься тому, что наша кучка рабов так развеселилась? Что же делать мне? Живи — скажешь ты — литературными занятиями. Уж не думаешь ли ты, что я делаю что-либо иное?.. Ниже Евтрапела легла Киферида. Так на этой пирушке, скажешь ты, был Цицерон, тот, «на кого смотрели греки и чей взгляд они ловили!» Я не думал, клянусь Геркулесом, что она будет. Но даже сократик Аристипп не покраснел, когда ему сказали, что он обладает Лаидой. «Обладаю я ею, не Лаида мною». По-гречески это звучит лучше... Пир доставляет мне удовольствие: на нем я говорю то,

⁴ Выражение «пережить государство» перекликается с выражением «amittere rem publicam» — «утратить государство, лишиться государственного строя», частым у Цицерона, когда речь идет об опасной политической ситуации. Ср. Att., I, 18, 6; п. 24; IV, 18, 2; п. 152; IX, 5, 2; п. 354; Q. fr., I, 2, 15; п. 53; Fam., VI, 2, 2; п. 580; XI, 27, 8; п. 784; речь к народу по возвращении из изгнания, 6; «Об обязанностях», II, 29; II филиппика, 51; См. Chr. Meier. Res publica amissa. Wiesbaden, 1966, S. 1 ff.; 267 ff.

что падает на почву, как говорится, и превращаю вздохи в громкий смех» (Fam., IX, 26, 1 сл.; п. 500). В июле 45 г. Цицерон в письме к Пету обсуждает двусмысленные выражения и непристойно звучащие сочетания вполне пристойных слов; оно содержит и цитаты из литературы (Fam., IX, 22; п. 638).

Как известно, после победы, которую Цезарь в апреле 46 г. одержал под Тапсом над помпеянцами, находившимися в Африке, Марк Порций Катон покончил с собой в Утике, чтобы не сдаваться Цезарю. Несмотря на свою полную зависимость от последнего, Цицерон в 45 г. выпустил в свет памфлет под названием «Катон», в котором он прославлял этого непримиримого деятеля. Марк Брут и Марк Фадий Галл выпустили в свет памфлеты такого же содержания. Цезарь и Авл Гирций ответили на них памфлетами под названием «Антикатон», в которых они возражали Цицерону и другим (Att., XII, 4, 2; п. 467; 41, 4; п. 593; 44, 1; п. 595; XIII, 27, 2; п. 608; 46, 2; п. 667; 50, 1; п. 671; 51, 1; п. 673; «Оратор», 35; Светоний, «Божественный Юлий», 56).

С полемикой о Катоне, возможно, связано письмо Цицерона к Фадию Галлу: «Мне кажется, ты опасаясь, как бы нам не пришлось посмеяться сардоническим смехом. Но послушай — от записной дощечки руку прочь! Учитель [Цезарь] прибудет скорее, чем мы думали. Как бы он не отправил катонианцев в катоний⁴ [подземное царство]!» (Fam., VII, 25, 1; п. 672).

В сентябре 46 г., в связи с тем, что Цезарь в собрании сената согласился помиловать Марка Марцелла и разрешил ему возвратиться из изгнания, Цицерон произнес в сенате речь с прославлением милосердия Цезаря⁵ (речь по поводу возвращения Марка Марцелла; Fam., IV, 4, 3; п. 492). Это было первое выступление Цицерона в сенате во времена диктатуры Цезаря.

В сентябре 46 г. Цицерон произнес в доме у Цезаря речь в защиту изгнанника Квинта Лигария, о котором уже говорилось выше. Во время этого своеобразного суда Цезарь был и судьей, и стороной. Цезарь простил Лигария, но тот впоследствии оказался в рядах заговорщиков. Речь Цицерона в защиту Лигария была выпущена в свет в списках и принята благожелательно (Att., XIII, 9, 2; п. 618; Плутарх, «Цицерон», XXXIX). Эта речь Цицерона дошла до нас.

В ноябре 45 г. Цицерон защищал перед Цезарем бывшего сторонника Помпея, тетрарха Галатии, царя Деиотара; его родственники обвинили его в заговоре на жизнь Цезаря, будто бы составленном им в 47 г., когда Цезарь проезжал через Галатию и воспользовался гостеприимством Деиотара. Речь Цицерона дошла до нас. Исход дела Деиотара неизвестен.

В феврале 45 г. умерла Туллия, единственная и любимая дочь Цицерона⁶. Это было для него тяжким ударом. Он писал Аттику 8 марта: «Ты хочешь, чтобы я оправился от этого горя... Все написанное об облег-

⁵ См. С. Л. Утченко. Указ. соч., стр. 279 сл.

⁶ См. M. Gelzer. Op. cit., S. 290 ff.

чении скорби я прочитал, находясь у тебя в доме. Но скорбь сильнее всякого утешения. Более того, я даже сделал то, чего до меня, конечно, не делал никто: стараюсь найти утешение в работе над литературным произведением; я тебе пришлю эту книгу» (Att., XII, 14, 3; п. 651). Это сочинение Цицерона (Consolatio) до нас не дошло. Цицерон пожелал построить храм в память умершей дочери («апофеоз»), но его намерение осталось неосуществленным. Сервий Сульпиций Руф прислал Цицерону представляющее для нас большой интерес письмо, в котором он пытался утешить его в горе (Fam., IV, 5; п. 560).

Благоволение Цезаря к Цицерону (искреннее или показное) выразилось также и в том, что 19 декабря 45 г. Цезарь, в сопровождении большого числа близких ему людей и многочисленной охраны, посетил его в усадьбе в Кумах. «В беседе не говорилось ни о чем важном, много о литературе» (Att., XIII, 52; п. 682).

В этой обстановке, сознавая свое бессилие изменить что бы то ни было, подвергаясь унижениям, испытывая на себе мнимую благожелательность Цезаря и его окружения, Цицерон, удалившись «в гавань философии» (Fam., VII, 30, 2; п. 696), написал ряд произведений по риторике и философии: в 46 г.— «Парадоксы стоиков», «Подразделения речей», диалог «Брут» и трактат «Оратор»; в 45 г.— «Утешение», «О пределах добра и зла», «Учение академиков», «Тускуланские беседы», «О природе богов»; в 44 г.— «О предвидении», «О роке», «О старости» и, уже после убийства Цезаря, «О славе», «О дружбе», «Топики» и «Об обязанностях» (его последнее произведение).

Цицерон не присутствовал 15 марта 44 г. в Помпеевой курии, когда там перед началом заседания сената был убит Цезарь, и о заговоре против диктатора не знал (Fam., X, 28, 1; п. 819; XII, 3, 1; п. 792; 4, 1; п. 818). Впрочем, он и ранее не скрывал своего желания, чтобы Цезарь умер смертью тираннов (Att., XII, 45, 3; п. 600; XIII, 40, 1; п. 664). По свидетельству историка Кассия Диона (44, 20, 4; 22, 4), убийцы Цезаря вышли из курии на форум с именем Цицерона на устах (см. II Филиппику, 25; 28; 30; 34).

До нас дошла записка Цицерона, предположительно датированная 15 марта 44 г. и, возможно, относящаяся к убийству Цезаря: «Поздравляю тебя, радуюсь за себя... хочу знать, что ты делаешь и что происходит» (Fam., VI, 15; п. 701, Луцию Минуцию Басилу).

После убийства Цезаря вся затаенная ненависть Цицерона к диктатору проявилась с особенной силой: в своих письмах, речах и философских произведениях он часто называет Цезаря царем или тиранном (см., например, Att., XIII, 37, 2; п. 661; XIV, 6, 1 сл.; п. 709; 14, 4; п. 720; Fam., VI, 19, 2; п. 652; XI, 5, 3; п. 810; 8, 1; п. 816; 27, 8; п. 784; XII, 1, 1 сл.; п. 754; ad Brut 1, 4, 5; п. 865; II, 5, 1; п. 841; «Об обязанностях», I, 112; II, 23; III, 83 сл.).

Даже в начале 43 г. Цицерон в своих письмах к участникам убийства Цезаря, Гаю Кассию Лонгину и Гаю Требонию, написанных в одно и то же время, высказывает сожаление о том, что его в свое время не при-

гласили «на великолепный пир в мартовские иды», т. е. на убийство Цезаря: «У нас не было бы остатков», т. е. не уцелел бы и Марк Антоний (Fam., X, 28, 1; п. 819; XII, 4, 1; п. 818).

Большинство философских и риторических произведений Цицерона написано в форме диалога: вначале описывается обстановка, место действия, указывается повод к беседе, перечисляются ее участники, намечаются вопросы, подлежащие обсуждению; затем, после высказываний участников беседы, один из них, старший по возрасту и умудренный опытом, излагает свою точку зрения.

Диалогам Цицерона свойственны легкость изложения, прекрасное построение фраз, богатство слов и оборотов и благозвучие. Кроме того, философские и риторические сочинения Цицерона ценны еще и своими цитатами из дошедших до нас только во фрагментах произведений римских поэтов — Энния, Невия, Цецилия Стация, Пакувия, Акция и других, а также и греческих.

К философским сочинениям Цицерона, посвященным отдельным вопросам практической морали, относятся его диалоги «Катон Старший [или] о старости» и «Лелий [или] о дружбе». Оба диалога носят до некоторой степени личный и даже автобиографический характер, и их можно сблизить с его письмами. Диалоги эти были написаны в 44 г. и посвящены самому близкому другу Цицерона, Титу Помпонию Аттику (см. стр. 193). Они продолжают линию диалога «О государстве» (51 г.); в них те же действующие лица (Сципион Эмилиан, Лелий, Фанний, Сцевола) и сходные высказывания — о служении обществу и государству, о бессмертии человеческой души.

В диалоге «О старости» участвуют:

1. Марк Порций Катон Цензорий (Старший) (234—149); родился в Тускуле; во время второй пунической войны сражался под Капуей и Тарентом; был претором в Сардинии в 198 г., консулом в 195 г., цензором в 184 г. Катон написал трактат «О земледелии» (*De agri cultura*) и сочинение «Начала» (*Origines*) по истории римского государства от основания Рима и по 149 г. Оно содержало и его речи; до нас оно не дошло.

2. Публий Корнелий Сципион Эмилиан (Младший) Африканский Нумантинский, сын Луция Эмилия Павла Македонского, усыновленный сыном Сципиона Африканского Старшего; родился в 185 г.; консул 147 г.; в 146 г., во время третьей пунической войны, взял и разрушил Карфаген; в 134 г. был консулом во второй раз; в 133 г. взял Нуманцию после осады; сторонник нобилитета; противник реформ Тиберия Гракха; ревнитель греческой и римской культуры; скоропостижно умер в 129 г., возможно, был устранен политическими врагами.

3. Гай Лелий (младший), консул 140 г., близкий друг Сципиона Эмилиана; правовед, участник третьей пунической войны. Современники прозвали Лелия Мудрым (*Sapiens*).

О диалоге «О старости» Цицерон упоминает в письмах к Аттику (Att., XIV, 21, 3; п. 729; XVI, 3, 1; п. 778; 11, 3; п. 779) и в диалоге «О предвидении», II, 3, законченном им в 44 г., уже после смерти Цезаря. Это позволяет думать, что диалог «О старости» был написан или, во всяком случае, начат еще до смерти Цезаря; возможно, что он был несколько переработан в июле 44 г. (Att., XVI, 3, 1; п. 778).

Цицерон написал этот диалог, когда ему было 62 года, а Аттику — 65 лет, т. е. когда они уже были стариками, так как, по представлению римлян, старость начиналась в 60 лет.

Условная дата диалога — 150 г., когда Катону было 84 года. В диалоге ему отведена главная роль. Цицерон идеализирует образ Катона, которого он считает образцом древней римской доблести. Сципион и Лелий приходят к Катону и выражают ему свое восхищение тем, как он переносит свою старость. Они вызывают его на беседу о старости. Высказывания Катона звучат как своего рода политическое завещание.

Диалог начинается с обращения к Титу Помпонию Аттику упоминанием его имени в цитате из «Анналов» Энния: в ней собеседник говорит консулу Титу Квинкцию Фламинину:

Тит мой, если тебе помогу и уменьшу заботу —
Ту, что мучит тебя и сжигает, запав тебе в сердце,—
Как ты меня наградишь?

Цицерон прибавляет, что Аттик едва ли «и денно, и ночью» мучится заботой, так как оратору известны его сдержанность и мудрость; он здесь намекает на политическое положение в стране, которое должно тревожить Аттика так же, как тревожит его самого, т. е. на диктатуру Цезаря.

Через весь диалог проходят пять основных линий⁷: 1) за участниками диалога видны Цицерон и Аттик, два философствующих старика, получающих от своего возраста все лучшее, что он может им дать; 2) подчеркивается отношение Катона к грекам; то обстоятельство, что Катон начал в преклонном возрасте изучать греческую литературу, позволяет Цицерону в высказываниях этого старика подчеркнуть радость умственного труда; 3) Катон ссылается на римскую традицию: перед его слушателями проходят, один за другим, деятели Рима, старики, стоявшие во главе государства и совершавшие подвиги на войне; упоминаются и греки — Платон, Горгий, Софокл и другие, даже в глубокой старости не отказывавшиеся от деятельности; 4) прославляется сципионовский кружок ревнителей греческой и римской культуры и литературы; 5) Катону 84 года; он видел смену нескольких поколений людей и подобен гомеровскому Нестору, чье имя тоже называется; при этом Катон прославляет сельское хозяйство и говорит о старике Лаерте, отце Одиссея, возделывающем землю.

⁷ См. К. Büchner. Cicero. Bestand und Wandel seiner geistigen Welt. Heidelberg, 1964. S. 401 ff.

Катон отводит четыре упрека, которые старикам приходится слышать: будто бы старость 1) препятствует деятельности человека; 2) ослабляет его силы; 3) лишает его наслаждений; 4) приближает его к смерти (15). Катон отвергает все эти упреки и говорит о политической активности стариков (15—20), о их деятельности в области литературы (21—23), занятиях земледелием (24—25), воспитанием молодежи (25—27). Говоря о четвертом упреке (66—85), Катон советует либо презирать смерть, если она погашает наше сознание, либо даже желать ее, если она ведет наш дух туда, где он станет вечен. Этим утверждением вечности человеческого духа диалог «О старости» повторяет такое же положение, высказанное в диалоге «О государстве» (VI, 26, «Сновидение Сципиона»). Перечислив выдающихся римлян, отдавших жизнь ради блага отечества, — Луция Юния Брута, Дециев, отца и сына, Марка Атилия Регула, Луция Эмилия Павла, павшего под Каннами, двух Сципионов, павших во время второй пунической войны, и других, — Катон говорит о простых и притом молодых солдатах, совершивших такой же подвиг.

Цицерон устами Катона приводит учение Пифагора о бессмертии человеческой души, как и предсмертные высказывания Сократа, и говорит о земной жизни как о жилище временном, а не постоянном (84), о старости как о заключительной сцене жизни и о смерти как о естественном окончании земного существования человека.

В диалоге упоминаются и цитируются как римские поэты — Ливий Андроник, Энний, Невий, Цецилий Стаций, Плавт и Теренций, так и греческие — Гомер, Гесиод, Стесихор и др. Имеются и заимствования у Ксенофонта («Воспитание Кира», «Домострой»), у Платона («Государство», «Федон», «Пир») и у Геродота.

Особую ценность диалога представляют собой исторические экскурсы в прошлое, в область римской традиции.

Диалог «Лелий [или] о дружбе» принято датировать летом или осенью 44 г. (см. стр. 190 сл.). Цицерон упоминает о нем в диалоге «Катон Старший [или] о старости» (5). В своих письмах к Аттику он об этом диалоге не говорит; очевидно, он писал его в то время, когда оба друга находились в Риме.

На тему о дружбе написаны оба сочинения Аристотеля по этике и сочинение Феофраста «О дружбе», впоследствии утраченное. Оно оказало влияние на Цицерона⁸.

Образ Сципиона Эмилиана и образ Лелия Цицерон использовал еще в июне 62 г., когда его положение пошатнулось в связи с казнью пятерых участников заговора Катилины, совершенной 5 декабря 63 г., хотя и на основании решения сената и в силу чрезвычайных полномочий, предоставленных консулу Цицерону особым постановлением сената (*senatus consultum ultimum*), но без формального суда, в то время как вопрос о

⁸ См. А. Геллий, Аттические ночи, I, 3, 10; Плутарх, О братской любви, 8.

смертном приговоре римскому гражданину подлежал суду центуриатских комиций. В июне 62 г. Цицерон обратился к Гнею Помпею, находившемуся на Востоке после одержанной им победы над царем Митридатом VI, с письмом, в котором он предложил Помпею объединиться с ним в государственной деятельности и ставил его даже выше Сципиона Эмилиана, отводя себе при этом роль Лелия, т. е. мудрого советчика (Fam., V, 7, 3; п. 15). Таким образом, играть роль Лелия Цицерон пожелал уже после своего консулата, высшей магистратуры в Римском государстве. Об ответе Помпея сведений нет.

Главными участниками диалога Цицерона «О государстве», работа над которым была им начата в 54 г. и закончена в 51 г., являются опять-таки Сципион Эмилиан и Гай Лелий.

В диалоге «О дружбе» участвуют:

1. Гай Лелий (см. стр. 185).
2. Квинт Муций Сцевола Авгур (его так называли, чтобы отличать его от его племянника Квинта Муция Сцевола, верховного понтифика), консул 117 г., правовед; зять Лелия.
3. Гай Фанний Страбон, консул 122 г., участник третьей пунической войны; правовед; зять Лелия.

Условная дата диалога — 129 г., вскоре после скоропостижной смерти Сципиона Эмилиана.

Сцевола и Фанний уже были выведены Цицероном как участники диалога «О государстве»; Сцевола — и как участник диалога «Об ораторе» (55 г.).

О дружбе между Сципионом и Лелием Цицерон писал: «В их дружбе соблюдалось своего рода правило: в походах Лелий почитал Публия Африканского, за его исключительную военную славу, как божество; дома Сципион, со своей стороны, чтит Лелия, старшего годами, как отца» («О государстве», I, 18). В «Лелии» Цицерон, имея в виду свою дружбу с Атикком, пишет (5): «Как тогда я, уже старик, посвятил старику сочинение о старости, так в этой книге я, преданный друг, посвящаю другу сочинение о дружбе... Читая это рассуждение, ты узнаешь самого себя».

После вступления, в котором Фанний спрашивает Лелия его мнение о дружбе — что он о ней думает, как ее оценивает, какие наставления ей дает (16), Лелий переходит к рассуждению на основную тему: «Дружба возможна только между честными людьми» (boni⁹; 18; 65) и есть «лучший дар бессмертных богов» (20; 47). Применяя этот политический термин boni, Лелий, т. е. Цицерон, сразу выдвигает на первый план политическое содержание своей беседы: честными людьми (или мужами) следует считать тех, кто отличается верностью, неподкупностью, беспристрастностью, щедростью и стойкостью, свободен от жадности, развращенности и наглости и «следует природе, лучшей наставнице в честной жизни». (19) «Ведь дружба не что иное, как согласие во всех делах божеских и человеческих

⁹ См. вводное примечание, стр. 192.

в сочетании с благожелательностью и привязанностью». При этом доблесть порождает и поддерживает дружбу, а без доблести дружба совершенно невозможна» (20). Понятие доблести (*virtus*) следует определять с точки зрения обыденной жизни: доблестны были опять-таки честные мужи — Катоны, Галы и другие выдающиеся римляне (21). Заклучая в себе многие преимущества, дружба «проливает свет доброй надежды на будущее и не дает нам падать духом» (23). Описав силу дружбы и уз благожелательности, на которых держатся и дом, и город, рассказав об Оресте и Пиладе и отметив величайшую пользу дружбы, Лелий переходит к вопросу о ее возникновении (26): слабостью ли человека порождается она или же причина ее иная? Производя слово *amicitia* (дружба) от слова *amor* (любовь), Лелий утверждает, что дружба возникает вследствие естественной склонности людей к любви, т. е. по велению природы, а не вследствие нужды и из соображений о выгоде (27).

Далее говорится о силе доблести, присущей выдающимся людям (Фабриций, Курий), о законной ненависти к преступным (царь Тарквиний Гордый, Спурий Кассий, Спурий Мелий), о доблестном царе Пирре и жестоким Ганнибале, заслужившем вечную ненависть (28).

Чем более человек уверен в себе, чем более доблестен и мудр он, тем больше превосходит он других людей в приобретении и сохранении дружбы. Таков был Сципион Эмилиан, не нуждавшийся в дружбе Лелия, но любимый им за свою доблесть (30). Такие чувства непонятны людям, склонным к наслаждениям (32).

Затем Лелий рассматривает самую трудную задачу — как сохранить дружбу на всю жизнь. По мнению Сципиона, этому препятствуют многие обстоятельства — материальные соображения, вступление в брак, соперничество при соискании магистратур и, наконец, расхождение в политических взглядах (33 сл.). Приведя ряд примеров из истории Рима, Лелий — и в этом политический интерес диалога — утверждает, что дружбу ни при каких обстоятельствах нельзя предпочесть исполнению долга перед отечеством: ни Спурию Кассию Вецеллину, стремившемуся к единовластию, ни Спурию Мелию, ставившему себе такую же цель, друзья не должны были помогать, как и Тиберию Гракху (37; 39; 41). «Итак для дружбы должен существовать незыблемый закон — не просить друга о бесчестных действиях и самому не совершать таковых, уступая его просьбам» (40).

Далее (41) осуждается «преступление друзей и близких» Тиберия Гракха по отношению к Сципиону Эмилиану. Рассмотрев действия Кориолана и Фемистокла, пытавшихся выступить каждый против своего отечества (42), Лелий устанавливает следующий первый закон дружбы: «будем просить друзей о нравственно-прекрасном, будем совершать ради друзей нравственно-прекрасные поступки» (44).

Лелий отвергает эгоистический, утилитарный подход к дружбе, в частности со стороны эпикурейцев с их стремлением к безмятежности (45 сл.); дружба и привязанность возникают тогда, когда перед людьми «начинает светить какой-то намек на доблесть» (48); услаждаться пустыми вещами,

как почет и слава, как материальные блага, нелепо (49); к дружбе склоняет людей сходство, и снова выдвигается положение, что «честные люди (boni) любят честных и привязываются к ним» (50), т. е. положение о политическом единомыслии.

Ниже (56 сл.) рассматривается вопрос о пределах и границах, какие следует соблюдать в дружбе, разбираются мнения, высказанные на этот счет. По словам Лелия, Сципион особенно порицал мнение, что «любить надо, памятуя, что рано или поздно можешь возненавидеть» (59). Итак, границы в дружбе должны сводиться к требованию, чтобы «нравы друзей были безупречны и между друзьями была полная ... общность во всех делах, помыслах и желаниях» (61). Затем говорится об осматривательности при выборе друзей и о том, следует ли предпочитать новых друзей старым; подробно разбирается и вопрос о равенстве в дружбе между людьми выше- и нижестоящими (69 сл.). Особое внимание уделено вопросу об отказе от дружеских отношений при возникновении политических разногласий (77).

Истинный друг должен быть нашим «вторым я» (80); он никогда не потребует от друга ничего, кроме нравственно-прекрасного (82); дружба нам дана природой как помощница в доблестях, а не как спутница в пороках (83).

Дружба проникает в жизнь всех людей (87 сл.), но для сохранения ее порой приходится сносить и обиды. Высказанная нами правда может породить ненависть к нам. Лелий ссылается на Катона Цензория, сказавшего, что суровые недруги иногда оказывают услуги большие, чем те, какие нам оказывают мягкие друзья (90). Истинная дружба должна быть откровенна и свободна от притворства и поддакивания (91 сл.). Как в дружбе, так и в государственной деятельности должны быть исключены притворство и лесть (95 сл.).

После одобренных цитатами из комических поэтов рассуждений о лести и угодничестве в дружбе (98 сл.) Лелий возвращается к вопросу о значении доблести для дружбы и об уважении к старикам (100 сл.) и заканчивает воспоминаниями о дружбе Сципиона Эмилиана.

Тема о политических взглядах и дружбе приобрела в Риме особенное значение после убийства Цезаря (15 марта 44 г.), когда его сторонники начали объединяться вокруг Марка Антония. В конце августа (или в середине октября) 44 г. Цицерон обратился с письмом к Гаю Матию, своему старому другу и другу Цезаря (Fam., XI, 27; п. 784). В его письме и в ответе Матия (Fam., XI, 28; п. 785) «дается практическая интерпретация философских построений Цицерона из „De officiis“ и „Laelius“, а также имеются два различных и даже резко противоположных толкования officia amicitiae [долг дружбы]»¹⁰.

¹⁰ См. С. Л. Утченко. Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М. 1952, стр. 201 сл. О датировке переписки Цицерона и Матия см: В. Kytzler. Matus nud Cicero. Historia, В. IX, Н. 1, S. 96—121, 1960; Beobachtungen zu den Matus-Briefen. Philologus, В. 104, Н. 1—2, S. 48—62. 1960.

Цицерон пишет Матию (8): «Если Цезарь был царем (я, по крайней мере, думаю именно так), то о твоем долге можно рассуждать в двояком смысле: либо в том, в каком это обыкновенно делаю я,— что твоя верность и доброта достойны похвалы, раз ты чтишь друга после его смерти; либо в том, в каком это делают некоторые,— что свободу отечества надо ставить выше, чем жизнь друга». Матий, поддерживавший дружеские отношения с Цезарем и Марком Антонием, а впоследствии и с Октавианом, отвечает (2), что он «не за Цезарем последовал во время гражданских раздоров, но — хотя его и оскорбляли его притязания — все-таки не покинул друга»; он повторяет возведенное на него обвинение в том, что он скорбит о Цезаре, но при этом выражает сомнение, что «его кончина была полезна для государства», и отстаивает свое право на дружбу с Цезарем как с человеком.

Многие мысли, высказанные Цицероном в его письме к Матию, которое может служить наглядным примером практического применения им своих принципиальных взглядов на сущность дружбы и на предъявляемые к ней требования, близки к положениям, высказанным им в диалоге «О дружбе» (36—44), и даже повторяют их. Это дает основание датировать диалог и переписку между Цицероном и Матием приблизительно одним и тем же временем — августом или же октябрём 44 г.

В этой политической направленности, в подчеркивании значения гражданского долга,—помимо больших литературных достоинств,—и заключается значение диалога Цицерона «Лелий [или] о дружбе».

В. Горенштейн.

ПРИМЕЧАНИЯ

Перевод с латинского сделан по тексту Collection des Universités de France publiée sous le patronage de l'Association Guillaume Budé, Paris: CICERON, Caton l'Ancien (De la vieillesse). Texte établi et traduit par Pierre Wuilleumier, 1961; CICÉRON, L'amitié. Texte établi et traduit par L. Laurand, 1961; CICÉRON, Les devoirs Texte établi et traduit par Maurice Testard. Livre I, 1965; livres II—III, 1970.

Были использованы также и следующие издания: CICERO, De senectute, De amicitia, De divinatione. With an english translation by William Armistead Falconer. Loeb Classical Library. London — Cambridge, Mass, MCMLXIV; M. TULLII CICERONIS Laelius de amicitia dialogus. Mit einem Kommentar herausgegeben von Moritz Seiffert. Zweite Ausgabe besorgt von C. F. W. Müller. Leipzig, 1876 (Hildesheim, 1965); CICERO, De officiis. With an english translation by Walter Miller. Loeb Classical Library. Cambridge, Mass.—London, MCMLVI; M. TVLLI CICERONIS De officiis libri tres. With introduction, analysis and commentary by the late rev. Hubert Ashton Holden. New edition. Cambridge, 1899 (Amsterdam, 1966); MARCVS TVLLIUS CICERO, Vom rechten Handeln. Lateinisch und deutsch. Eingeleitet und übersetzt von Karl Büchner. Zürich und Stuttgart, 1964; M. TVLLI CICERONIS De officiis ad Marcum filium libri tres. Erklärt von Otto Heine. Berlin, 1878; Tutte le opere di CICERONE. Centro di Studi Ciceroniani, Roma: vol. 30, La vecchiezza, L'amicizia. A cura di Guerino Pacitti, 1965; vol. 31, Dei doveri, Delle virtù. A cura di Quintino Cataudella, 1966.

Перевод диалогов «О старости» и «О дружбе» отредактировала М. Е. Грабарь-Пассек.

В примечаниях ссылки на источники даются по параграфам. Хронологические даты — до нашей эры. Греческий текст подлинника выделен в переводе курсивом. Выдержки из законов, постановлений сената, преторских эдиктов и судебных формул набраны в разрядку. Слова в квадратных скобках прибавлены переводчиком. Стихи переведены В. О. Горенштейном, кроме случаев, оговоренных особо. При ссылках на письма Цицерона указан, в дополнение к общепринятым данным, номер письма по изданию: М. Туллий Цицерон. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Перевод и комментарии В. О. Горенштейна, т. I—III. М.—Л., Изд. АН СССР. 1949—1951.

Термин officium мы перевели словом «обязанность» или словом «долг». Термин этот, как и некоторые другие римские политические термины, не поддается вполне точному переводу на русский язык; он означает: обязанность, сознание своей обязанности, чувство долга, исполнение обязанности и долга, добропорядочное поведение и проникнутые сознанием долга действия как в политической жизни, так и в частной.

Некоторые другие термины переведены следующим образом: beneficentia — благотворительность; benevolentia — (благо)-доброжелательность; benignitas — доброта; constantia — стойкость, последовательность; decere — подобать; decorum — подобающее; honestas — нравственная красота; honestum — нравственно-прекрасное, прекрасное в нравственном отношении; intelligentia — пронизательность; moderatio — самообладание; modestia — умеренность; probabile — вероятное; prudentia — дальновидность; sapientia — мудрость; securitas — безмятежность; summum bonum — высшее благо; temperatio — воздержанность; vir bonus — честный муж (человек); vir optimus — честнейший муж (человек), лучший муж (человек), (в глазах Цицерона, сторонник сенатского режима); virtus — доблесть.

О СТАРОСТИ

- ¹ Эний, «Анналы», X, 335 сл. Фален². Слова пастуха, предлагающего свои услуги в качестве проводника консулу 198 г. Титу Квинкцию Фламинину, который вел войну с македонским царем Филиппом V (вторая македонская война, 200—197 гг.). Шутка Цицерона основана на совпадении имен Фламинина и Аттика. См. Цицерон, письма к Аттику, XVI, 3, 1 (778); 11, 3 (799).— Тит Помпоний Аттик (109—32), очень богатый римский всадник, близкий друг Цицерона, занимался коммерческими делами и не принимал прямого участия в государственных делах, но пользовался большим влиянием. Он считался эпикурейцем. Возможно, что он после гибели Цицерона участвовал в выпуске в свет его переписки. При помощи своих рабов-переписчиков Аттик размножал и выпускал в свет и в продажу произведения античных авторов, в том числе и произведения Цицерона. Он занимался также историей и написал «Летопись» (Liber annalis), от которой сохранились фрагменты.— Об Энии см. ниже, прим. 22.
- ² Эний, «Анналы», фр. 338 Фален².
- ³ Эний, «Анналы», фр. 334 Фален².
- ⁴ ...ты привез из Афин не только прозвание свое.— Тит Помпоний прожил в Афинах с 88 г. по 65 г. и поэтому был прозван Аттиком (т. е. Аттическим).
- ⁵ ...обстоятельства, какие волнуют и меня самого...— намек на диктатуру Цезаря.
- ⁶ ...Старость.. приближающуюся к нам...— в это время Цицерону было 62 года, Аттику — 65 лет.
- ⁷ О других вопросах я говорил уже немало...— Цицерон имеет в виду свои сочинения по философии и риторике: «О пределах добра и зла», «Учение академиков», «Парадоксы стоиков», «Тускуланские беседы», «О природе богов», «Об ораторе».
- ⁸ Аристон Кеосский — философ-перипатетик. Тифон (миф.) — сын троянского царя Лаомедонта; его полюбила богиня Эос, испросившая для него у Зевса бессмертие; она забыла испросить для него вечную молодость, и он, мучимый старостью, превратился в кузнечика. См. Овидий, «Любовные элегии», I, 13, 35.
- ⁹ ...несут на себе бремя, тяжелее Этны.— По мифу, гиганты, огромные существа, наделенные необычайной силой, родились от Земли и крови Урана, вытекшей из раны, которую ему нанес его сын Кронос; они были смертны. Гиганты восстали против богов-олимпийцев, чтобы освободить титанов, заключенных Зевсом в преисподнюю. Борьба, во время которой стороны метали друг в друга скалы и даже острова, закончилась поражением гигантов, один из которых оказался погребенным под вулканом Этной. См. Цицерон, «О природе богов», II, 70; «Тускуланские беседы», II, 20; Овидий, «Метаморфозы», I, 151 сл.; «Фасты», III, 439 сл.; Гесиод, «Происхождение богов», 132 сл.; 531 сл.
- ¹⁰ В Риме отрочество (pueritia) считалось до 17 лет, до получения тоги взрослого (toga virilis, t. pura); молодость (adolescencia, iuventus) — до 46 лет; после 46 лет начинался преклонный возраст (aetas seniorum); в 60 лет, по представлению римлян, наступала старость (senectus).
- ¹¹ Цицерон часто называл Катона Старшего мудрым. Ср. «О законах», II, 64; «О дружбе», 6. Этимологически прозвание Cato сближают с catus, acutus (искусный, хитрый). См. Варрон, «О латинском языке», VII, 46.
- ¹² ...подобно ягодам на кустах и земным плодам...— ср. Цицерон, «О предвидении», I, 116.
- ¹³ ...равные с равными... ср. Гомер, «Одиссея», XVII, 218; Платон, «Пир», 18, 3, 195 В; «Федр», 240 С; «Государство», I, 329 А; Квинтилиан, «Обучение оратора», V, 11, 41.
- ¹⁴ Гай Ливий Салинатор — консул 188 г., победитель Антиоха Великого, умер в 170 г. Консуляр (vir consularis) — бывший консул.
- ¹⁵ Спурий Постумий Альбин — консул 186 г.
- ¹⁶ ...виду твоего могущества, богатства и высокого положения...— ср. Цицерон, «О дружбе», 22; «О пределах добра и зла», V, 81.
- ¹⁷ Фемистокл (ок. 528—462 гг.) — афинский государственный деятель, основатель города Пирея, создатель афинского флота; руководил военными действиями во время

- греко-персидской войны; победитель в сражении при Саламине. В 471 г. был изгнан будто бы за измену. См. *Плутарх*, «Фемистокл», XVIII. См. *Цицерон*, речи: В защиту Архия, 20; В защиту Сестия, 141; В защиту Скавра, 3; письма к Аттику, VII, 11, 3 (303); IX, 10, 3 (364). *Сериф* — островок из группы Киклад.
- ¹⁸ *...науки и управление в доблестях...* — ср. *Цицерон*, речь в защиту Архия, 16.
- ¹⁹ Ср. ниже, 62; 71; «Тускуланские беседы», I, 109; III, 61.
- ²⁰ *Квинт Фабий Максим Веррукс Кунктатор (Меджитель)* — консул пять раз, диктатор в 217 г., отличился во время второй пунической войны. См. *Цицерон*, «О государстве», I, 1; письмо к Аттику, II, 19, 2 (46). — Ганнибал удерживал город Тарент с 212 г. по 209 г.
- ²¹ *Публий Семпроний Тудитан* и *Марк Корнелий Цетег* — консулы 204 г. *Цинциев закон* (lex Cincia) — плебисцит, предложенный плебейским трибуном Марком Цинцием Аминентом в 204 г.; запрещал защитникам в суде брать вознаграждение и подарки.
- ²² *Квинт Энний* (239—169) — родом из Рудий (Ю. Италия), автор «Анналов» (Летопись) в 18 книгах и ряда трагедий и комедий. От его произведений сохранились фрагменты. Энний ввел дактилический гексаметр, заменив им старинный сатурнийский стих. Он был близок к римскому нобилитету. По утверждению Цицерона, был погребен в усыпальнице Сципионов. См. *Цицерон*, речь в защиту поэта Архия, 22; «Об ораторе», II, 276; *Гораций*, Послания, II, 1, 50.
- ²³ *Энний*, «Анналы», XII, 370 сл. *Фален*²; «*Людская молва*» — осуждение за медлительность в войне против Ганнибала. Ср. «Об обязанностях», I, 84; письмо к Аттику; II, 19, 2 (46); *Овидий*, «Фасты», II, 240; *Вергилий*, «Энеида», VI, 846; *Ливий*, XXII, 39, 18.
- ²⁴ Цицерон перепутал здесь (как и в диалоге «Об ораторе», II, 273) с Марком Ливием Салинатором Марка Ливия Маката. См. *Ливий*, XXVII, 25; 34; *Плутарх*, «Фабий», XXIII.
- ²⁵ *Гай Фламиний* — плебейский трибун в 232 г., консул 223 и 217 гг. Предложенный им закон был первым известным нам земельным законом в истории Рима.
- ²⁶ *...предлагается вопреки авспициям.* — Официальные акты (созыв комиций, назначение диктатора, избрание интересса, выступление войска в поход и пр.) требовали предварительного вопрошения воли богов — авспиций или авгурий. По представлению римлян, о ней можно было узнать на основании небесных явлений, полета и крика птиц, поедания корма священными курами, необычного поведения людей. Право авспиций вначале принадлежало царю, впоследствии — магистратам, обличенным империем. Различались auspicia urbana, совершавшиеся внутри померия (сакральная городская черта Рима), и a. bellica, совершавшиеся в походе и перед боем; a. impetrativa, полученные магистратом при нарочитом наблюдении, и a. oblativa, о которых сообщила авгур, наблюдавший их. В Риме авспиции совершались на авгуракуле, особом месте в крепости (агх). Авспиции совершались в присутствии жреца-авгура, истолковывавшего их. Уже одного заявления магистрата, что он приступил к авспициям (нунциация), было достаточно, чтобы комиции были отложены. Его заявление, что знамение неблагоприятно, называлось обнунциацией. Право нунциации и обнунциации было установлено Элиевым-Фуфиевым законом в середине II в. Этим правом злоупотребляли в политических целях. Авгуры составляли коллегию.
- ²⁷ *...сына, прославленного мужа и консуляра.* — *Квинт Фабий Максим*, консул 213 г. См. *Плутарх*, «Фабий», XXIV.
- ²⁸ Как при государственных похоронах (funus publicum), так и при похоронах, устроенных родными умершего (f. privatum), процессия, проходя через форум, останавливалась, и ближайший родственник умершего произносил *речь*, прославляя заслуги его и его предков (laudatio funebris).
- ²⁹ *Триумфом* назывался религиозный акт, торжество в честь Юпитера Капитолийского, приуроченное к возвращению полководца, одержавшего решительную победу над внешним врагом. До получения согласия сената на празднование триумфа полководец находился в окрестностях Рима (ad Urbem) и должен был получить на день триумфа империй в Риме (impetium in Urbe), о чем издавался особый курианский закон. Шествие открывали сенаторы и магистраты; за ними шли трубачи, несли предметы военной добычи, изображения взятых городов, вели быков для жертвоприношения и

наиболее важных пленников в оковах. За ними в триумфальной колеснице, запряженной четверкой белых коней, в расшитой тоге стоя ехал триумфатор с веткой лавра в руке; он изображал собою Юпитера и надевал его одежду, взятую в храме; его лицо было выкрашено в красный цвет (как на древних изображениях Юпитера); государственный раб держал над его головой золотой веноч. Колесницу верхами сопровождали сыновья триумфатора; за нею шли ликторы со связками, обвитыми лавром. За полководцем ехали верхами его военные трибуны и легаты. Шествие замыкали солдаты, распевавшие песни, иногда с насмешками над триумфатором. Процессия вступала в Рим через Триумфальные ворота, проходила через Большой цирк, forum boarium, Велабр и форум. На Капитолийском склоне пленников уводили и обыкновенно казнили в Мамертинской тюрьме. В Капитолии триумфатор приносил белых быков в жертву Юпитеру Капитолийскому и слагал с себя веноч. Его имя вносили в списки триумфаторов (fasti triumphales). Он получал право появляться в расшитой тоге (toga triumphalis) во время общественных игр.

³⁰ Платон (429—348) — ученик Аристотеля и основатель Академии.

³¹ Исократ (род. в 436 г.) — афинский оратор, ученик Сократа, покончил с собой в 338 г., после поражения греков под Херонеей, нанесенного им македонянами.

³² Горгий (ок. 483—476) — ритор и софист. См. Цицерон, «Оратор», 38; 176.

³³ Энный, «Анналы», XII, 374 сл. Фален². Перевод Ф. А. Петровского. Когда Энный писал это в 172 г., ему было 67 лет.

³⁴ ...вы можете хорошо помнить его... — в год смерти Энния Сципиону было 16 лет, Лелию — 17.

³⁵ Тит Квинций Фламиний и Маний Ацилий Бальб — консулы 150 г.

³⁶ Имеется в виду консулат Гнея Сервилия Цепиона и Квинта Марция Филиппа (169 г.).

³⁷ ...принятие Вокониева закона. — Закон, проведенный в 169 г. плебейским трибуном Квинтом Воконием Саксой; он лишил женщин права наследовать после гражданина первого разряда, т. е. владевшего имуществом в 100 000 ассов, и ограничивал легацию (право отказывать денежные суммы). См. Цицерон, «О государстве», III, 17; Гай, Институции, II, 226; 272. О речи Катона см. Ливий, Периха ХLI.

³⁸ О Квинте Максиме см. выше, 10 сл. Луций Эмилий Павел — консул 182 и 168 гг., победитель Персея, царя Македонии, приемный отец Сципиона Эмилиана.

³⁹ ...тестя выдающегося мужа, моего сына. — Марк Порций Катон Лициниан (умер в 152 г.) был женат на дочери Луция Эмилия Павла.

⁴⁰ Гай Фабриций Лусцин — консул 282 и 278 гг. Маний Курий Дентат — консул 290, 275 и 274 гг. Тиберий Корунканий — консул 280 г.; первый верховный понтифик из плебеев. В глазах Цицерона образцы древней римской доблести.

⁴¹ Аппий Клавдий Слепой — цензор 312 г., консул 307 и 296 гг. Он построил дорогу между Римом и Капуей и водопровод (Via Appia; Aquae Appiae). Его выступление против заключения мира с Пирром относится к 280/279 гг. См. Цицерон, речь в защиту Целия, 33 сл.; «Брут», 55; 61; «Тускуланские беседы», IV, 4; V, 112.

⁴² Энный, «Анналы», 202 сл. Фален². Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.

⁴³ ...речь самого Аппия дошла до нас. — Цицерон, «Брут», 61.

⁴⁴ ...дабы ты завершишь деяния своего деда! — Ср. Цицерон, «О государстве», VI, 11 сл. (Сновидение Сципиона).

⁴⁵ ...был избран в консулы вторично. — Публий Корнелий Сципион Африканский Старший родился в 235 г., был консулом в 187 и 183 гг.; см. также 29; 61; 82.

⁴⁶ Слово «сенат» означает собрание стариков. Ср. Цицерон, «О государстве», II, 15.

⁴⁷ ...высшие магистраты называются «старцами». — Имеется в виду герусия, в которую входили граждане не моложе 60 лет.

⁴⁸ Гней Невий (ок. 270—204) — римский поэт, автор поэмы «О пунической войне» и ряда трагедий и комедий на римские сюжеты (fabula praetextata). От его произведений до нас дошли фрагменты.

⁴⁹ Невий, «Ромул» (или «Волчица», «Lupus»; предложено также и чтение «Ludus»); фр. 7 сл. Риббекк². Перевод Ф. А. Петровского.

⁵⁰ Аристид (540—468) — афинский стратег и государственный деятель; отличился при победе над персами на Марафонской равнине в 490 г., стал архонтом в 489 г.

- был изгнан; по возвращении из изгнания участвовал в боях под Саламином и под Платеей; был прозван Справедливым. *Лисимах* — отец Аристиды.
- ⁵¹ ...«потерять память»... — поговорка; возможно, поверье: кто читает эпитафии, т. е. уходит в прошлое, тот забывает настоящее и перестает его понимать. Ср. *Цицерон*, «О пределах добра и зла», V, 3; *Петроний*, Сатиры, 43; 75.
- ⁵² *Софокл* (496/5—406) в 468 г. при состязании поэтов как драматург одержал победу над Эсхилом; в 441 г. над ним одержал победу Еврипид. Из приписываемых Софоклу 123 драм до нас дошло полностью семь: «Трахинянки», «Антигона», «Эдип-тиранн», «Электра», «Аякс», «Филоклет», «Эдип в Колоне».
- ⁵³ ...сыновья привлекли его к суду... Эту версию современные ученые считают недостоверной.
- ⁵⁴ ...по нашему обычаю... — т. е. по законам Двенадцати Таблиц. См. [*Цицерон*.] «Риторика к Гереннию», I, 83; *Цицерон*, «О подборе материала», II, 148.
- ⁵⁵ О времени жизни *Гесиода* точных сведений нет (VIII в. ?). Поэт *Симонид* прожил 90 лет, поэт *Стесихор* — 85; философ-атомист *Демокрит* — 104 г.; стоик *Зенон* — 98; стоик *Клеанф* — 99. Ср. *Цицерон*, «О государстве», II, 20; «Об ораторе», III, 59; «Оратор», 176.
- ⁵⁶ *Диоген* Вавилонский — философ-стоик; родился в Селевкии около 240 г. Вместе с академиком *Карнеадом* и перипатетиком *Критолаем* участвовал в посольстве, отправленном в 156 г. из Афин в Рим с ходатайством об уменьшении штрафа. В один из приездов *Диогена* в Рим цензор *Катон* изгнал его. См. *Цицерон*, «Об ораторе», II, 155; 157; 160; «О государстве», III, 9; «Тускуланские беседы», IV, 5; *Плутарх*, «Катон», XXII сл.
- ⁵⁷ *Цецилий Стаций* (230—168) — комический поэт; фр. 210 Риббекк². Комедия «Синэфебы» (дружбы юности) написана под влиянием *Менандра*. Ср. *Цицерон*, «Тускуланские беседы», I, 31.
- ⁵⁸ *Цецилий*, «Ожерелье», фр. 173 сл. Риббекк². Подражание одноименной комедии *Менандра*.
- ⁵⁹ *Цецилий*, «Эфесец», фр. 28 сл. Риббекк². Подражание одноименной комедии *Менандра*.
- ⁶⁰ ...старость тех, кого юношество почитает и любит... — ср. *Цицерон*, «О дружбе», 101.
- ⁶¹ ...молодые люди ценят наставления стариков, ведущие их к упражнениям в доблести... — ср. *Цицерон*. «Об обязанностях», I, 122; *Ксенофонт*, «Меморабиллии», II, 1, 33.
- ⁶² *Солон* (около 640—560) — афинский законодатель, архонт 594 и 593 гг. см. ниже, 50; 72 сл.; «Об обязанностях», I, 75; *Плутарх*, «Солон», XXXI. Один из «семи мудрецов Греции».
- ⁶³ См. выше, 3; «Об ораторе», III, 135.
- ⁶⁴ *Милон Кротонский* — знаменитый атлет; см. ниже, 33. Его имя взял как прозвание плебейский трибун 57 г. *Тит Анний Папиан*. См. *Цицерон*, речь в защиту *Милона*.
- ⁶⁵ *Секст Элий Пет Кат* — консул 194 г. См. *Энний*, «Анналы», фр. X, 331 Фален²; *Цицерон*, «О государстве», I, 30; III, 33; «О законах», II, 59; «Об ораторе», I, 198; «Брут», 78; «Тускуланские беседы», I, 18; письмо к близким, VII, 22 (762).
- ⁶⁶ *Публий Лициний Красс* — верховный понтифик, консул 205 г., знаток понтификального права. См. *Ливий*, XXX, 1, 5.
- ⁶⁷ Об ораторском искусстве *Катона Старшего* см. *Цицерон*, «Брут». 63 сл.; 68; «Оратор», 55 сл.
- ⁶⁸ *Гней Корнелий Сципион Кальв* — консул 222 г., и *Публий Корнелий Сципион* — консул 218 г.; пали в Испании в 212 г. *Публий Сципион* был отцом *Сципиона Африканского Старшего*. Ср. *Цицерон*, «О государстве», I, «Тускуланские беседы», I, 110; «Об обязанностях», I, 61; 121; III, 16; I речь о земельном законе, 5; речь в защиту *Бальба*, 34; речь в защиту *Планция*, 60.
- ⁶⁹ *Луций Эмилий Павел* — консул 219 и 216 гг.; в 216 г. пал под *Каннами* во время второй пунической войны, в сражение, начатое его коллегой *Гаем Теренцием Варроном*. Это отец *Луция Эмилия Павла Македонского*. См. ниже, 75; «Тускуланские беседы», I; 89; «Об обязанностях», III, 114.
- ⁷⁰ Сын *Публия Африканского Старшего* усыновил младшего сына *Луция Эмилия Пав-*

- ла Македонского. Усыновленный стал именоваться Публием Корнелием Сципионом Эмилианом. См. «Об обязанностях», I, 121; «Брут», 77.
- ⁷¹ Ср. Гомер, «Одиссея», XIV, 214.
- ⁷² Ксенофонт (род. в 427 г., ум. после 355 г.) — ученик Сократа, историк, философ и военный деятель. Здесь, как и ниже (§ 89), основываясь на «Воспитании Кира» Ксенофонта, Цицерон допускает ошибку: Кир Великий (Старший) царствовал с 558 г. и пал в сражении в 529 г.
- ⁷³ Луций Цецилий Метелл — консул 251 и 247 гг., верховный понтифик. См. ниже, 61.
- ⁷⁴ Нестор — царь Пилоса. См. Гомер, «Илиада», I, 250; «Одиссея», III, 245.
- ⁷⁵ Гомер, «Илиада», I, 249. Перевод Н. И. Гнедича.
- ⁷⁶ ...знаменитый вождь Греции... — Агамемнон. Аякс — сын Теламона, один из участников Троянской войны.
- ⁷⁷ Гомер, «Илиада», II, 370.
- ⁷⁸ Маний Ацилий Глабрион, — консул 191 г., в 191 г. в Греции одержал победу над войсками Антиоха III. О карьере Катона см. выше, 10; 18.
- ⁷⁹ Курия — выступления в сенате, часто собиравшемся в Гостилиевой курии. Ростры — выступления на форуме перед народом. Ораторская трибуна на форуме была в 338 г. украшена носовыми частями (таранами, рострами) вражеских кораблей, и ее стали называть рострами. См. ниже, прим. 104.
- ⁸⁰ Клиентела и патронат — в древнейшую эпоху отношения между патрицием и зависевшими от него людьми, возможно, из покоренного населения: патрон покровительствовал и помогал клиентам, а они поддерживали его при соискании магистратур и пр. Впоследствии — отношения между влиятельным лицом и его вольноотпущенниками, в большинстве своем уже римскими гражданами, или городской общиной, между бывшим наместником провинции и ее населением, между полководцем, завоевавшим данную область, и ее городскими общинами. Патронат был преемственным в данной ветви рода. Ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 36.
- ⁸¹ Узы гостеприимства (hospitium) существовали как между отдельными лицами, так и между родами; в последнем случае они передавались от поколения к поколению; внешним выражением их была tessera hospitalis, пластинка из свинца или обожженной глины с указанием родового имени. Существовало также и hospitium publicum, гостеприимство, оказывавшееся городскими общинами Италии и провинций римским магистратам, сенаторам, бывшим наместникам.
- ⁸² Тит Понций был известен своей физической силой. Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», I, 9; Луцилий, Сатиры, фр. 89 Маркс; Макробий, «Сатурналии», III, 16, 3.
- ⁸³ Ср. 23, 38, 78. Атлет Милон, современник Пифагора, считался его учеником. О Пифагоре см. ниже, прим. 172.
- ⁸⁴ Нумидийский царь Масинисса во время третьей пунической войны принимал у себя Сципиона Эмилиана; во время второй пунической войны он принимал Сципиона Африканского Старшего. См. Цицерон, «О государстве», VI, 9.
- ⁸⁵ Сухость тела считалась признаком здоровья. См. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 99.
- ⁸⁶ ...законы и установления освобождают наш возраст от непосильных для нас обязанностей. — Римские граждане, достигнув 46 лет, увольнялись с военной службы и переходили в старший разряд своей центурии.
- ⁸⁷ Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», II, 64.
- ⁸⁸ Ср. «О дружбе», 99; Цецилий Стаций, фр. 243 сл. Риббекк².
- ⁸⁹ ...над... клиентелой главенствовал Анний... — Имеется в виду Анний Клавдий Слепой, цензор 312 г. Из его сыновей трое были консулами; четвертый сын, Тиберий Клавдий Нерон, был предком императора Тиберия.
- ⁹⁰ ...если она не перешла ни под чью власть... — в подлиннике глагол mancipare, термин, относящийся к древнейшему способу передачи прав собственности в присутствии пятерых свидетелей из числа римских граждан и весовщика. Приобретавший права собственности ударял по весам слитком меди (впоследствии медным ассом) и произносил торжественную формулу. Эта процедура называлась mancipatio per aes et libram. Манципация производилась и при заключении брака путем купли-продажи (coemptio), при древней форме займа (пехум, см. «Об обязанностях», II, прим. 85)

- и при продаже члена семьи в рабство («за Тибр»), возможной в древнейшие времена на основании *patria potestas*, т. е. неограниченной власти (в том числе и власти жизни и смерти) над всеми домочадцами, принадлежавшей главе ветви рода (*pater familias*). Мандипационная сделка совершалась и при *testamentum per aes et libram*: завещатель передавал в домашней обстановке все свое имущество (*familia*) стороннему лицу, которое называлось «покупателем имущества» (*familiae emptor*); после смерти завещателя «покупатель» распределял наследственную массу в соответствии с волей завещателя.
- ⁹¹ *Архит Тарентский* (около 400 г.) — государственный деятель, полководец, математик и механик. Ср. *Цицерон*, «О государстве», I, 16; 59 сл.
- ⁹² ...я... был в Таренте вместе с *Квинтом Максимом*... — в 209 г. См. выше, 10 сл.
- ⁹³ Ср. *Цицерон*, «Об обязанностях», I, 123; «Тускуланские беседы», IV, 12.
- ⁹⁴ Ср. *Цицерон*, «О пределах добра и зла», I, 44.
- ⁹⁵ Ср. *Цицерон*, «Об обязанностях», III, 44; «Парадоксы стоиков», I, 14.
- ⁹⁶ *Кавдинское сражение* — в 321 г. Ср. *Цицерон*, «Об обязанностях», II, 75 и прим. 195; III, 109.
- ⁹⁷ *Луций Камилл* и *Аппий Клавдий* — консулы 349 г. *Неарх* — философ-пифагорец. Платон приезжал в Тарент в 367 и 361 гг. Цицерон, по-видимому, допускает ошибку.
- ⁹⁸ ...я признал нужным заклеить разврат. — Это произошло в 184 г., когда Катон был цензором вместе с Луцием Валерием Флакком. *Луций Квинкий Фламиний* был проконсулом в Цисальпинской Галии в 192 г. *Тит Фламиний* был цензором в 189 г.; см. выше, 1. См. *Ливий*, XXXIX, 42 сл.; *Плутарх*, «Катон», XVII; «Фламиний», XVIII.
- ⁹⁹ ...страсть, сочетавшую позов в частной жизни с бесчестием для империя. — *Imperium*. В древнейшую эпоху совокупность прав царя. В эпоху республики полнота власти высших магистратов (диктатор, консул, претор, проконсул, пропретор), ограниченная коллегиальностью и годичным сроком, а в пределах померия (сакральная городская черта города Рима) также и правом интерцессии со стороны коллегии плебейских трибунов и правом провокации (апелляция к народу), которым обладал римский гражданин. Империй слагался из права авспиций (см. прим. 26), набора войска и командования им, созыва куриатских комиций, права принуждения и наказания и юрисдикции. Различался *imperium domi* (власть в пределах померия) и *imperium militiae* (полнота власти вне померия — в Италии и провинциях как в мирное, так и в военное время). Магистрату, уже облеченному гражданской властью (*potestas*) империй предоставлялся особый куриатским законом (*lex curiata de imperio*). Лицо, облеченное империем, не имело права входить в пределы померия. В I в. единый империй сохранился лишь у наместников провинций; он не был ограничен ни интерцессией, ни коллегиальностью, ни правом провокации и мог продолжаться больше года. Под *imperium infinitum, i. maius* разумели верховное командование с особыми полномочиями.
- ¹⁰⁰ ...когда он... прибыл к царю *Пирру*... — Это произошло в 280 г., до поездки Кинеем послом в Рим. Ср. выше, 15 сл.; «Тускуланские беседы», I, 59.
- ¹⁰¹ ...действия наши надо оценивать с точки зрения наслаждения... — Имеется в виду Эпикур (342—270); ср. ниже, 85. Цицерон относился к учению Эпикура отрицательно. См. *Цицерон*, «О пределах добра и зла», II, 7; «Тускуланские беседы», II, 15; 17 сл.; 28; 44; III, 28; 32; 37 сл.; 41 сл.; 44; 46; 49; V, 26; 31; 73; 93; 108 сл. письма к близким, XIII, 1, 3 сл. (198); XV, 19, 2 (545); к Аттику, XIII, 38, 1 (662).
- ¹⁰² О *Маних Курии* и *Тиберии Корункании* см. прим. 40. Самниты и царь Пирр были союзниками Тарента.
- ¹⁰³ *Публий Деций Мус* (сын) — консул 312, 308 и 297 гг. Это событие произошло в 295 г. в битве под Сентином. Его отец пожег себя в битве под Везувием. См. ниже, 75. Ср. *Цицерон*, «Тускуланские беседы», I, 89; «Об обязанностях», I, 61; III, 16; речи: В защиту Сестия, 48; филиппики: V, 48; XI, 13; XIII, 27.
- ^{103a} Платон... называет наслаждение «приманкой бедствий»... — См. Платон, «Тимей» 67 D.

- ¹⁰⁴ *Гай Дуеллий* (Дуилий) — консул 260 г.; одержал морскую победу под Милами; она была увековечена сооружением роstralной колонны на римском форуме. См. *Цицерон*, «О государстве», I, 1; *Валерий Максим*, III, 6, 4; IV, 3, 5. См. прим. 79.
- ¹⁰⁵ *Товарищества были учреждены в год моей квестуры...* — в 205 г. *Товарищества* (societates) — объединения римских граждан в пределах трибы, чаще всего преследовавшие культовые цели. Впоследствии их стали использовать и в политических целях (подкуп избирателей при выборах магистратов).
- ¹⁰⁶ *Божество Великую Матерь богов* (Идейская Матерь, Кибела) олицетворение мощи растительности на земле, чтили во Фригии. Во время второй пунической войны будто бы нашли указание в книгах Сивиллы, что Ганнибала удастся вытеснить из Италии только после того как из Пессинунта в Рим будет перевезен «черный камень», фетиш богини. Это было совершено торжественно в 204 г. Кибеле был построен храм на Капитолийском холме. В ее честь были учреждены празднества Мегалесии (4—10 сентября). Ее культ носил оргнастический характер. Катон был противником иноземных культов. См. *Цицерон*, «О пределах добра и зла», V, 64; «О законах», II, 22; речи: В защиту Целия, 1; Об ответе гаруспиков, 24; 27; *Овидий*, *Фасты*, IV, 350 сл.
- ¹⁰⁷ *...возлежавших за столом во время пиршества...* — во время пира древние возлежали, опираясь на левый локоть. См. *Гораций*, *Оды*, I, 28, 8; *Сатир*, II, 4, 39.
- ¹⁰⁸ *...названный «общая попойка» или «общий обед»...* — Буквальный перевод слов convivium, συνῆσιον, συμπόσιον.
- ¹⁰⁹ *...Получаю удовольствие и от ранних пиров...* — В Риме обед начинался в 9-м часу дня (от восхода солнца). Рано начинавшиеся пиры считались данью чревоугодию. Ср. *Цицерон*, речи: В защиту Мурены, 13; В защиту поэта Архия, 26; письмо к Аттику, IX, 1, 3 (349).
- ¹¹⁰ Ср. *Платон*, «Государство» I, 328 D.
- ¹¹¹ *...речь... произносят с верхнего места...* — Пирующие размещались на трех ложах, стоявших под прямым углом одно к другому вокруг стола (триклиний). На каждом ложе было по три места. Наиболее почетным было среднее ложе, а на нем его нижнее место, называвшееся консульским.
- ¹¹² *...кубки «небольшого размера и источающие влагу»...* — См. *Ксенофонт*, «Пир», II, 26.
- ¹¹³ Ср. выше, 22, *Платон*, «Государство», I, 359 в.
- ¹¹⁴ *Луций Амбивий Турпион* — актер; выступал главным образом в комедиях Теренция. Первый каменный театр в Риме был построен через столетие после воображаемого времени диалога.
- ¹¹⁵ *...нет ничего приятнее старости, располагающей досугом.* — Otium — отказ от государственной деятельности и от дел вообще и жизнь на досуге с занятиями философией и литературой. Противоположное понятие — negotium, деятельность. Ср. *Цицерон*, «Об обязанностях», I, 69; III, 1; II речь о земельном законе, 9; письмо к Аттику, II, 16, 3 (43).
- ¹¹⁶ *Гай Сульпиций Гал* (Галл) — военный трибун у Луция Эмилия Павла Македонского; как астроном предсказал затмение Луны, которое должно было произойти в ночь перед боем под Пидной (168 г.); консул 166 г. Ср. *Цицерон*, «О государстве», I, 24 сл.; 30; «Об ораторе», I, 228; «Брут», 78; 90; «О дружбе», 9; 21; 101. *Ливий*, XLIV, 37.
- ¹¹⁷ Ср. выше, 20; «Брут», 75.
- ¹¹⁸ *Тит Макций Плавт* (254—184) — автор «комедий плаща» (fabula palliata), написанных на сюжеты из повседневной жизни, часто под влиянием греческих образцов. До нас дошло 20 комедий Плавта.
- ¹¹⁹ *Луций Ливий Андроник* (таково его полное имя после отпуска на волю) — пленный грек, вольноотпущенник Луция Ливия Салнатора; перевел на латинский язык «Одиссею» и написал ряд комедий и трагедий, подражания греческим образцам; они известны только по названиям и ничтожному числу фрагментов. Здесь речь идет о его первой пьесе на латинском языке. Ср. *Цицерон*, письмо к близким, VII, 1, 2 (127).
- ¹²⁰ *Гай Клавдий Центон* и *Марк Семпроний Тудитан* — консулы 240 г.
- ¹²¹ *О Крассе* см. выше, прим. 66. *Публий Корнелий Сципион Насика Коркул* — консул

- 162 и 155 гг., цензор 159 г., написал историю войны с Персеем. См. Цицерон, «Брут», 79; 213; «Тускуланские беседы», I, 18.
- 122 Энный, «Анналы», IX, 308 Фален². Ср. выше, 10; «Брут», 59.
- 123 ...стих, о котором у уже говорил...— ср. выше, 26.
- 124 ...название «боронование», выражающее это действие...— В подлиннике надуманная этимология: *ossatio* — боронование; *ossaesage* — держать в темноте, затемнить.
- 125 Ср. Цицерон, «О природе богов», II, 19; Варрон, «О сельском хозяйстве», I, 48.
- 126 Ср. Катон, «О земледелии», 33; Варрон, I, 8; 31.
- 127 Ср. Катон, «О земледелии», 29; 36 сл.
- 128 См. Гомер, «Одиссея», XXIV, 226. Ср. Цицерон, «О государстве», II, 17; «Тускуланские беседы», I, 3.
- 129 Ср. Катон, «О земледелии», 40.
- 130 ...справив триумфы по случаю побед над самнитами, сабинянами и Пирром...— в 290 и 275 гг. Ср. выше, 15; 43.
- 131 См. Энный, «Анналы», XII, 373 Фален²:

Тот, кого никто ни мечом не осилил, ни златом.

- Ср. Цицерон, «О государстве», III, 6; Валерий Максим, IV, 3, 5.
- 132 Луция Квинция Цинцинната известили о его назначении диктатором именно тогда, когда он пахал.— Это произошло в 458 г. (первая диктатура Цинцинната). Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», II, 12; Ливий, III, 26.
- 133 Гай Сервий Структ Агала — помощник диктатора Луция Квинция Цинцинната; убил римского всадника Спурия Мелия, обвиненного в стремлении к единовластию. Ср. Цицерон, речи: I речь против Катилины, 3; О доме, 86; В защиту Сестия, 143; В защиту Милона, 8; II филиппика, 26; письмо к Аттику, II, 24, 3 (51); «О дружбе», 28; 36; Ливий, IV, 13 сл.
- 134 ...стали называть «посланцами».— *Viatores*. Эту этимологию повторяют Плиний Старший («Естественная история», XVIII, 21) и Колумелла («О земледелии», I, предисловие, 18).
- 135 Подражание Ксенофону, «Домострой», V, 2, как и в конце § 57 (V, 9).
- 136 Дубина и мяч служили новобранцам для упражнений. См. Ювенал, Сатиры, VI, 247.
- 137 Римляне пользовались для безобидных и для азартных игр таранными костями крупного и мелкого скота (*talus*, *astragalus*) и кубиками (*tesserae*), подобными современным; последние на каждой стороне были снабжены числами (очками) от I до VI. Играющие бросали кости и кубики из кубка на доску. Исход игры определялся суммой чисел на кубиках или стороной, на которую падала таранная кость, имевшая шесть сторон, различных по величине и форме. «Кости» применялись естественные или же изготовлялись из обожженной глины, кости, камня, металла. Для игры применялось два или три кубика. См. Плавт, «Хвастливый воин», 164; Цицерон, II филиппика, 56; Гораций, Оды, III, 24, 58; Авл Геллий, «Аттические ночи», I, 20, 4. Азартные игры были в Риме воспрещены.
- 138 «Домострой».— Цицерон в молодости перевел этот труд Ксенофонта на латинский язык. Ср. «Об обязанностях», II, 87. О Сократе см. ниже, 78.
- 139 Кир младший оказал помощь спартанскому флотоводцу Лисандру во время пелопоннесской войны (407—405). Ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 76; Плутарх, «Лисандр», IX; Ксенофонт, «История Греции», I, 6, 1; «Домострой», IV, 20.
- 140 Марк Валерий Корвин — был консулом шесть раз на протяжении 348—299 гг. Средний возраст — от 46 и до 60 лет.
- 141 О Луции Цецилии Метелле см. выше, 30; Авл Атилий Калатин был консулом в 258 и 254 гг., диктатором в 249 г. Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», II, 116; «Тускуланские беседы», I, 13.
- 142 Марк Эмилий Лепид — был консулом в 187 и 175 гг., верховным понтификом — с 180 г.
- 143 Имеются в виду Луций Эмилий Павел Македонский (ср. 15; 49; 77; 82); Публий Сципион Африканский Старший (ср. 19; 29; 82); Квинт Фабий Максим (ср. 10 сл.; 15; 39).

- ¹⁴⁴ Об этом обычае ср. *Плавт*, «Три монеты», 481; *Ювенал*, Сатиры XIII, 54; *Валерий Максим*, II 1, 9.
- ¹⁴⁵ Ср. *Цицерон*, речь в защиту Мурены, 25 сл.; «О законах», I, 14.
- ¹⁴⁶ В *вашей коллегии...*— В коллегии авгуров, в состав которой входили *Сципион Эмилиан* и *Гай Лелий*.
- ^{146a} Ср. *Гораций*, «Наука поэзии», 169 сл.
- ¹⁴⁷ «*Адельфы*» — комедия *Теренция*; впервые была поставлена в 160 г.; см. 42 сл.; 873 сл.— *Теренций* родился в Карфагене около 195 г. и был впоследствии рабом *Публия Теренция Лукана*. При отпуске на волю он получил имя *Публия Теренция Афра*, т. е. африканца.
- ¹⁴⁸ Ср. *Цицерон*, «О пределах добра и зла», V, 39; «Тускуланские беседы», I, 90.
- ¹⁴⁹ Ср. *Цицерон*, «О дружбе», 14; «Тускуланские беседы», I, 26; 117.
- ¹⁵⁰ Сводные братья *Сципиона Африканского* умерли в отроческом возрасте через несколько дней после триумфа их отца, *Луция Эмилия Павла Македонского*. Ср. *Цицерон*, «О дружбе», 90; *Плутарх*, «Эмилий Павел», XXXV; *Ливий*, XLV, 40 сл.
- ¹⁵¹ *Тартес* — финикийская колония в Испании; ее главный город — *Гады* (н. Кадикс). Об *Арганфонии* см. *Геродот*, История, I, 163; *Валерий Максим*, VIII, 13.
- ¹⁵² Ср. *Цицерон*, речь по поводу возвращения *Марка Марцелла*, 27.
- ¹⁵³ ...мудрецу нет надобности дойти до последнего «*Рукоплещите*». Таким обращением к зрителям оканчиваются все дошедшие до нас комедии *Плавта* и *Теренция*. Ср. *Гораций*, «Наука поэзии», 155; *Светоний*, «Божественный Август», 99; *Квинтилиан*, «Обучение оратора», VI, 1, 52.
- ¹⁵⁴ Ср. *Плутарх*, «Солон», XXXI; «Должны ли старики участвовать в государственной деятельности?» 794 F; *Цицерон*, «Брут», 27. О *Солоне* см. также 26; 50; 73. *Писистрат* — афинский тиран (560—527). О тираннии см. «О дружбе», прим. 90.
- ¹⁵⁵ ...хвататься за эту часть жизни... не покидать ее без причины. — Имеется в виду отрицательное отношение стоиков к самоубийству. См. *Цицерон*, «О пределах добра и зла», III, 61; «Тускуланские беседы», I, 74.
- ¹⁵⁶ Ср. *Платон*, «Федон», 6; *Цицерон*, «О государстве», VI, 3; «Тускуланские беседы», I, 20.— *Император* — во времена республики высшее почетное военное звание, которое солдаты (также и сенат) присваивали своему полководцу после решительной победы над врагом. Здесь метафора.
- ¹⁵⁷ О *пифагорейзме* ср. 23; 38 сл.; 78; «О государстве», VI, 15; речь в защиту *Скавра*, 4 сл.; *Платон*. «Федон», 3.
- ¹⁵⁸ Ср. *Цицерон*, «Тускуланские беседы», I, 34; 117; *Плутарх*, «Солон и Попликола», сопоставление, 1.
- ¹⁵⁹ *Энний*, Эпиграммы, фр. 17 сл. *Фален*². Перевод В. И. Модестова. Ср. «Тускуланские беседы», I, 34; 117.
- ¹⁶⁰ Ср. *Цицерон*, «Тускуланские беседы», I, 14; 91; V, 15.
- ¹⁶¹ *Луций Юний Брут* — по преданию был убит во время военных действий против *Тарквиниев*. См. *Цицерон*, «Тускуланские беседы», I, 89; *Ливий*, II, 2.
- ¹⁶² *Марк Атилий Регул*, взятый в плен пунийцами в 255 г., был послан ими в Рим в 250 г. для переговоров об обмене пленными. Высказавшись в сенате против обмена, он возвратился в Карфаген, где был предан мучительной казни. Ср. *Цицерон*, «Об обязанностях», I, 39; III, 99; «О пределах добра и зла», II, 65; речь в защиту *Сестия*, 127.
- ¹⁶³ См. выше, 29 и прим. 68.
- ¹⁶⁴ См. выше, 29 и прим. 69.
- ¹⁶⁵ *Марк Клавдий Марцелл* — консул пять раз (222—208), завоеватель Сиракуз; был убит в 208 г. в сражении под *Венусией*. *Ганнибал* отослал его прах в серебряной урне его сыну. См. *Цицерон*, «Тускуланские беседы», I, 89; *Плутарх*, «Марцелл», XXX.
- ¹⁶⁶ Ср. *Цицерон*, «Тускуланские беседы», I, 101; о «Началах» см. выше, 38; 83.
- ¹⁶⁷ Ср. выше, 2; 4; 33; 60.
- ¹⁶⁸ См. также 5; 33; 71 сл.; 85.
- ¹⁶⁹ Имеются в виду *Луций Эмилий Павел Македонский*, консул 182 и 168 гг., и *Гай Лелий*, консул 190 г.

- ¹⁷⁰ Ср. ниже, 82; «Тускуланские беседы», I, 75; «О государстве», VI, 14; речь в защиту Сквара, 4 сл.
- ¹⁷¹ Имеются в виду Платон и Пифагор. Ср. «Тускуланские беседы», I, 26; 36; 39; 49.
- ¹⁷² Пифагор (вторая половина VI в.) — родился на Самосе в эпоху тираннии Поликрата, союзника египетского фараона Амасиса. Благодаря связям с Египтом он мог ознакомиться с основными интервалами струнных инструментов, а также и с архитектурой и скульптурой Египта; в последних давались числовые отношения размеров деталей здания (или частей тела), выраженных в некоторых единицах (модулях). Таким образом, числа (у Пифагора целые) являлись «природой всех вещей». Пифагору принадлежит также и учение о метемпсихозе, т. е. о переселении души из одного живого существа в другое; тем самым душа бессмертна. Переехав в конце VI в. в Южную Италию, Пифагор основал тайное общество, для вступления в которое требовалась предварительная подготовка.
- ¹⁷³ Сократ — родился в 469 г. недалеко от Афин; был осужден на смерть в 399 г. Основы его философского учения нам передал Платон. См. выше, 26; 59; «О дружбе», 13; Платон, «Апология», 21 А.
- ¹⁷⁴ Далее следуют доказательства бессмертия души. Ср. Цицерон, «О государстве», VI, 26 сл.; «Тускуланские беседы», I, 43; 57; 68; 71; IV, 31; «О предвидении», II, 128. Платон, «Федр», 72 E, 78 B; 245 C; «Федон», 72 E — 73 B; 78 сл.
- ¹⁷⁵ ...горячо любимые сыновья... — Камбиз и Танаоксар. См. выше, 30; Ксенофонт, «Воспитание Кира», VIII 7, 17 сл.
- ¹⁷⁶ См. Цицерон, «О пределах добра и зла», V, 33.
- ¹⁷⁷ Ср. Цицерон, «О предвидении», II, 119 сл.
- ¹⁷⁸ Отец — это Луций Эмилий Павел Македонский; деды — Луций Эмилий Павел, консул 219 и 216 гг., павший под Каннами, и Сципион Африканский Старший; отец и дядя Сципиона Старшего — это Публий Корнелий Сципион, консул 218 г., и Гней Корнелий Сципион Кальв, консул 222 г., павшие в Испании во время второй пунической войны. Ср. 15; 19; 29; 49; 61; 75; 77; 83.
- ¹⁷⁹ Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 32 сл.; речи: В защиту Рабирия, 29; В Защиту Архия, 26; 29; Платон, «Пир», 208 D.
- ¹⁸⁰ Ср. выше, 15; 49; 61; 77; 82. намек на «Начала». См. выше, 38; 75.
- ¹⁸¹ ...как это случилось с Пелием.— По мифу, Медея, желая покарать Пелия, отнявшего престол у своего брата Эсона, отца Ясона, уговорила дочерей Пелия омолодить его, разрезав его тело на части и сварив их в котле. Ср. Цицерон, «Об ораторе», III, 217; Плавт, «Раб-обманщик», 869; Овидий, «Метаморфозы», VII, 162.
- ¹⁸² ...от известковой черты к стойлам.— Поговорка. Во время бегов в цирке колесницы начинали состязание от стойл, делали семь кругов и останавливались у известковой черты, проведенной на беговой дорожке. Ср. Цицерон, «О дружбе», 101; «Тускуланские беседы», I, 15.
- ¹⁸³ Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 83; Гомер, «Илиада», XVII, 446; «Одиссея», XVIII, 130; Софокл, «Эдип в Колоне», 1225; Еврипид, «Алkestида», 802.
- ¹⁸⁴ Ср. Цицерон, «О государстве», VI, 9; «Тускуланские беседы», I, 51; 117 сл.
- ¹⁸⁵ ...некие... философы.— Эпикурейцы. Ср. выше, 43; «О предвидении», I, 62; «Тускуланские беседы», I, 55; см. «О дружбе», прим. 59.

О ДРУЖБЕ

¹ См. Цицерон, VIII филиппика, 31; «Об ораторе», II, 296; 281; «Брут», 102.

² Тога — шерстяная верхняя одежда римских граждан — мужчин и детей. Кусок ткани овальной формы, который по определенным правилам обертывали вокруг тела. Курульные (старшие) магистраты носили тогу с пурпурной каймой (toга praetexta), как и дети. На 17-м году жизни мальчик сменял детскую тогу на белую (toга virilis, t. libera, t. pura). После этого его имя вносили в списки членов трибы. Выбеленную мелом тогу (t. candida) носили лица, добивавшиеся избрания на магистратуры («кандидаты»).

- ³ Квинт Муций Сцевола — сын консула 133 г. Публия Муция Сцеволы (не смешивать с Квинтом Муцием Сцеволой «Авгуром»), плебейский трибун 106 г., консул 95 г., проконсул провинции Азия; был проскрибирован Суллой в 82 г. и убит; автор труда о гражданском праве, учитель Цицерона. Ср. Цицерон, «Об обязанностях», III, 62.
- ⁴ *Hemicyclium, exhedra* (греч.), полукруглая комната, примыкающая к портику дома; служила для дневного пребывания и бесед с друзьями. См. Цицерон, письмо к близким, VII, 23, 3 (916).
- ⁵ Публий Сульпиций — плебейский трибун 88 г., предложил закон о распределении новых граждан по всем 35 трибам; он предложил также поручить верховное командование в войне против Митридата Понтийского Гаю Марию (отняв его у Суллы). По возвращении Суллы в Рим Сульпиций был убит.
- ⁶ Квинт Помпей Руф — консул 88 г. вместе с Луцием Корнелием Суллой.
- ⁷ Диалог «О старости» (или «Катон Старший»).
- ⁸ По представлению римлян, старость наступала в 60 лет; таким образом, старость Катона, прожившего 85 лет, продолжалась четверть века.
- ⁹ Ср. Цицерон, письмо к Аттику, XIV, 21, 3 (729).
- ¹⁰ ...ты узнаешь самого себя.— Намек на дружбу между Аттиком и Цицероном.
- ¹¹ Возможно, что этот Луций Ацилий был правоведом и современником Катона.
- ¹² Ср. Цицерон, «Об ораторе», III, 135; Гораций, Сатиры, II, 1, 65; 72.
- ¹³ Семь мудрецов Греции (VI—V вв.): Биант Приенский, Клеобул Критский, Хилон Спартанский, Периандр Коринфский, Питтак Митиленский, Солон Афинский, Фалес Милетский. Называли также и другие имена. Ср. Цицерон, «О государстве», I, 12; «О законах», II, 60; «Об ораторе», III, 137; «О старости», прим. 62.
- ¹⁴ ...оракул Аполлона признал «мудрейшим».— Имеется в виду Сократ. См. Ксенофонт, «Апология Сократа», 14; Аристофан, «Облака», 144.
- ¹⁵ Децим Юний Брут — консул 138 г. Во II в. авгуры ежемесячно собирались в ноны (5-е или 7-е число месяца); во времена Цицерона этот обычай не соблюдался. Ср. Цицерон, «О природе богов», II, 11; «О предвидении», I, 90.
- ¹⁶ Как он перенес смерть сына! — Имеется в виду Марк Порций Катон Лициниан. См. «О старости», 15 и прим. 39.
- ¹⁷ Я помню Павла... — См. «О старости», прим. 150.
- ¹⁸ ...видел Гала... — См. «О старости», 49 и прим. 116.
- ¹⁹ Сократ, называть которого по имени Цицерон избегает.
- ²⁰ ...мудрые люди... — Имеются в виду стоики, полагавшие, что мудрому человеку судьбы человеческие не должны волновать.
- ²¹ Ср. Цицерон, «Брут», 4 сл.; «Тускуланские беседы», I, 111.
- ²² Сципион Эмилиан был консулом в 147 г., в возрасте 38 лет, и в 134 г.— По Виллиеву закону 180 г. (*lex Villia annalis*), магистратуры предоставлялись только после военной службы, с промежутком в три года между каждой из них: квестура — в возрасте не ниже 27 лет, эдилитет — 30, претора — 33, консулат — 36. По Корнелиеву закону 81 г. (*lex Cornelia de magistratibus*), квестура — не ранее 29 лет, претора (после 10-летнего промежутка) — по достижении 39, консулат — 42 лет, второй консулат — лишь через 10 лет после первого. Избрание в указанном возрасте называлось «в свой год» (*suo anno*). По Виллиеву закону, первый консулат Сципиона не был «до положенного времени». В 132 г. плебейский трибун Марк Пинарий Рука предложил закон о магистратурах; был ли он принят, нам неизвестно. Бывшего консула называли консуляром (*vir consularis*), бывшего претора — преторием, бывшего эдила — эдилицием, бывшего квестора — квесторием, бывшего плебейского трибуна — трибуницием, бывшего цензора — цензорием.
- ²³ ...разрушением двух городов, враждебнейших нашей державе... — Карфаген (в 146 г.) и Нуманция (в 133 г.). Отсюда прозвания Сципиона Эмилиана (*coqnoptina ex virtute* — прозвания за подвиги) — Африканский и Нумантинский.
- ²⁴ Папирия, мать Сципиона, развелась с Луцием Павлом, и Сципион отказался в ее пользу от денег, завещанных ему его приемной бабкой, вдовой Сципиона Старшего; после смерти матери он передал эти деньги сестрам.
- ²⁵ Имеется в виду диалог «О старости».

- ²⁶ Подозревали, что *Сципион Эмилиан* был отравлен сторонниками *Тиберия Гракха*, против земельной реформы которого он выступал. См. *Цицерон*, «О роке», 17 сл.; письма: к брату *Квинту*, II, 3, 3 (102); к близким, IX, 21, 3 (496).
- ²⁷ В этот день *Сципион* выступил в сенате против *Гая Папирия Карбона*, отстаивавшего земельный закон *Тиберия Гракха*. На следующий день его нашли мертвым в его постели. См. *Цицерон*, «Об ораторе», II, 170; *Аппиан*, «Гражданские войны», I, 19 сл.; *Веллей Патеркул*, II, 4; *Плутарх*, «Гай Гракх», X; *Валерий Максим*, VIII, 15, 4.
- ²⁸ *Союзниками (socii)* назывались городские общины Италии, заключившие с Римом союзный договор (*foedus*), обязывавший их предоставлять Риму вспомогательные войска. Договор мог быть равным (*f. aequum*) или неравным (*f. iniquum*): в первом случае союзники юридически были суверенными, во втором признавали над собой величество римского народа (*maiestas populi Romani*), т. е. его власть, и теряли самостоятельность. Городские общины *Лация*, древнейшие союзники Рима (*prisci Latini*), были в особом положении: при переселении в Рим их члены пользовались всеми гражданскими правами. После восстания этих общин против Рима в 340 г. лишь немногие из них сохранили самостоятельность; их члены сохранили только право вступать в брак с римлянами (*ius conubii*) и право торговли с правой защитой (*ius commercii*); остальные общины были превращены в муниципии, т. е. общины с ограниченными правами (*civitas sine suffragio*). Союзники и *латиняне* получили полные права римского гражданства только в 90 г., по окончании Союзнической войны, на основании *Юлиева закона*.— Для союзников *Сципион* был защитником от земельной реформы *Тиберия Гракха*.
- ²⁹ ...как будто переселился к небожителям, а не в подземное царство.— Апофеоз *Сципиона*, изображаемый *Лелием*, связан с представляемым о высокой судьбе людей с заслугами перед государством. Ср. *Цицерон*, «О природе богов», II, 62; «О государстве», VI, 25.
- ³⁰ ...что смертью уничтожается все. — Имеется в виду эпикуреизм. Его распространению в Риме способствовал приезд афинского посольства в составе философов *Карнеада*, *Критолая* и *Диогена Вавилонского* (155 г.).
- ³¹ ...признававших за умершими столь священные права...— Имеется в виду культ мавнов (духи-покровители, обожествленные души умерших родичей). См. *Цицерон*, «О законах», II, 22.
- ³² *Великая Греция* — южная Италия с ее греческими колониями. В *Кротоне* *Пифагор* основал философскую школу. См. «О старости» прим. 172. После войн с *Пирром* и *Тарентом* многие городские общины *Великой Греции* утратили большую часть своих политических прав. См. *Цицерон*, «Об ораторе», II, 154; III, 139; «Тускуланские беседы», IV, 2; 10.
- ³³ Имеется в виду *Сократ*, как и выше, 7; 10.
- ³⁴ См. *Цицерон*, «О государстве», в частности VI, 9 сл.
- ³⁵ Ср. *Цицерон*, «О государстве», VI, 15; «Тускуланские беседы», I, 40 сл.; 75; 118.
- ³⁶ Ср. *Цицерон*, письмо к близким, V, 16, 4 (529).
- ³⁷ ...три-четыре пары друзей...— Мифологические герои: *Орест* и *Пилад*; *Лхилл* и *Патрокл*; *Тесей* и *Пирифой*; кроме того, *Дамон* и *Пифий* (*Финтий*). Ср. *Цицерон*, «Об обязанностях», III, 45; «О пределах добра и зла», I, 65; II, 79.
- ³⁸ ...тех, кто в этом искушен...— Имеются в виду греческие философы и риторы, находящиеся в Риме.
- ³⁹ ...кто рассмагивает эти вопросы более тонко...— Намек на стоиков.
- ⁴⁰ См. «О старости», прим. 40.
- ⁴¹ В подлиннике «*pingui Minerva*», поговорка. Ср. *Гораций*, *Сатиры*, II, 2, 3.
- ⁴² Ср. *Цицерон*, «О государстве», I, 39; «О пределах добра и зла», V, 66; «Об обязанностях», I, 17.
- ⁴³ Ср. *Аристотель*, «*Никомахова этика*», VIII, 7, 2.
- ⁴⁴ ...узы привязанности соединяют... немногих.— Как явствует из писем *Цицерона*, его знакомства были обширны. Дружеские отношения он поддерживал с ограниченным кругом лиц: *Марк Марий*, *Гай Требаций Теста*, *Луций Папирий Пет*, *Гай Маций*. Его самым близким другом был *Тит Помпоний Атик*.

- ⁴⁵ ...кто видит высшее благо в доблести...— Имеются в виду стойки, как и ниже, 21.
- ⁴⁶ Имеются в виду Луций Эмилий Павел Македонский, победитель царя Персея под Пидной (168 г.); Гай Сульпиций Гал (см. «О старости», прим. 116); Луций Фурий Фил, консул 136 г., выведен Цицероном как участник диалога «О государстве». См. «О государстве», I, 21 сл.
- ⁴⁷ ...«Жизнь жизненная»...— «vita vitalis», т. е. подлинная жизнь. См. Энный, фр. 17 Фален².
- ^{47a} Ср. Цицерон, письмо к Аттику, VIII, 14, 2 (346).
- ⁴⁸ Выражение, связанное с формулой «aquaе et ignis interdictio» (запрет предоставлять воду и огонь, т. е. оказывать гостеприимство, налагавшийся при изгнании и лишении гражданских прав). См. Цицерон, речь о доме, 78.
- ⁴⁹ Ср. Цицерон, речь в защиту Милона. 97; Палатинская Антология, VII, 251 (Симонид Кеосский).
- ⁵⁰ ...ученый муж, родом из Агригента...— Эмпедокл (V в.), по учению которого мир построен из четырех элементов: вода, воздух, земля, огонь.
- ⁵¹ Марк Пакувий (ок. 218—230) — трагический поэт. Речь идет о его трагедии, подражании «Ифигении в Тавриде» Еврипида. Орест и Пилад приехали в Тавриду, чтобы похитить изображение богини Артемиды. Они были схвачены, и царь Феоант осудил Ореста на казнь, но не знал, который из чужеземцев Орест. Ср. Цицерон, «Оратор», 36; «Об ораторе», II, 27.
- ⁵² См. Цицерон, «О государстве», III. Луций Фурий Фил был сторонником взглядов Карнеада, основателя Новой Академии.
- ⁵³ Ср. Цицерон, «О подборе материала», II, 116 сл.
- ⁵⁴ Amor — любовь, amicitia — дружба. Ср. ниже, 100.
- ⁵⁵ О Гае Фабриции Лусцине и Манин Курии Дентате см. «О старости», прим. 40.
- ⁵⁶ Тарквиний Гордый, последний царь Рима согласно традиции. См. Цицерон, «О государстве», II, 46; 51. Спурий Кассий Вецеллин, консул 502, 493 и 486 гг., предложил закон о распределении части государственных земель между плебсом, был заподозрен в стремлении к единовластию и казнен. О Спурии Мелии см. «О старости», 56. Ср. ниже, 36; речи: О доме, 101; В защиту Милона, 72.
- ⁵⁷ Война с Пирром происходила в 282—272 гг., война с Ганнибалом (II пуническая — в 219—201 гг. Ср. «О старости», 16; 43; 75; «Об обязанностях», I, 38; 40; Ливий, XXI, 4, 9; Гораций, Оды, III, 6, 36; IV, 4, 42; Ювенал, Сатиры, VII, 161.
- ⁵⁸ По учению стоиков, мудрый человек не нуждается ни в чем, хотя есть много такого, что ему было бы желательно получить. Ср. Сенека, Письма, 9; Платон, «Лисис», 215 В.
- ⁵⁹ ...кто.. сводит все к наслаждению...— т. е. эпикурейцы. Цицерон относился к учению Эпикура отрицательно. Ср. «О старости», 43 и прим. 101.
- ⁶⁰ Ср. Цицерон, письма к Аттику, IX, 10, 4 сл. (364); 13, 2 сл. (369).
- ⁶¹ Ср. Цицерон, Об обязанностях», I, 87; речи: В защиту Мурины, 15 сл.; В защиту Сестия, 72; В защиту Пландия, 2 сл.
- ⁶² О борьбе между требованиями гражданского долга и чувством личной дружбы см. Цицерон, письма к близким, XI, 27 (784); 28 (785).
- ⁶³ Гней Марций Кориолан, по преданию, отличился в борьбе против изгнанных Тарквиниев, но впоследствии вызвал к себе ненависть своим предложением во время голода продавать хлеб по низкой цене, но при условии упразднения трибуната. Кориолан бежал из Рима, перешел на сторону вольсков и повел их против Рима. См. Цицерон, «Брут», 41 сл.
- ⁶⁴ Понятия «царь» и «царская власть» для Цицерона были равносильны понятиям «тиранн» и «тиранния»; см. прим. 91. Ср. ниже, 41; «О старости», 56; «Об обязанностях», III, 82; II речь о земельном законе, 8; 15; 20; 32 сл.; речь в защиту Суллы, 25; письма к Аттику, I, 16, 10 (22); II, 13, 2 (40); к близким, IX, 19, 1 (476); VI, 19, 1 (652); XII, 1, 1 (754), XI, 5, 3 (810); 8, 1 (816).
- ⁶⁵ Цицерон дает деятельности Гракхов разную оценку: положительную во II речи о земельном законе. 10; в речи в защиту Рабрия, 14; отрицательную в речах: Об ответе гаруспиков, 41; В защиту Милона, 8; 72; в трактатах: «Об ораторе», I, 38; «Брут», 103.

- ⁶⁶ *Квинт Элий Туберон* — внук Луция Эмилия Павла Македонского и племянник Сципиона Эмилиана, был претором в 123 г. и консулом-суффектом в 118 г.; противник Гракхов; выведен Цицероном как участник диалога «О государстве». См. «Брут», 117; речь в защиту Милона, 75 сл.
- ⁶⁷ *Блоссий* — философ-стоик, сторонник Тиберия Гракха. Будучи осужден после смерти Тиберия Гракха, он бежал в Пергам к царю Аристоннику, который тогда вел войну с Римом. После поражения Аристонника в 130 г. Блоссий покончил с собой.
- ⁶⁸ *Об устах гостеприимства* см. «О старости», прим. 81.
- ⁶⁹ *Тит Попилий Ленат* и *Публий Рупилий* были консулами в 132 г.; противники земельной реформы Тиберия Гракха.
- ⁷⁰ См. *Плутарх*, «Тиберий Гракх», XX, 4.
- ⁷¹ *Квинт Эмилий Папий* и *Гай Фабриций Лусцин* были консулами в 282 и 278 гг., цензорами в 275 г.
- ⁷² *Гай Папирий Карбон* — плебейский трибун 131 г., сторонник Тиберия Гракха. Ср. *Цицерон*, речь в защиту Милона, 8; «Об ораторе», II, 170; «Брут», 103; письма к близким, IX, 21, 3 (496); к брату Квинту, II, 3, 3 (102).
- ⁷³ *Гай Порций Катон* — внук Катона Цензория, консул 114 г. См. выше, 37.
- ⁷⁴ *Гай Семпроний Гракх* — плебейский трибун 123 и 122 гг.
- ⁷⁵ ...«бетовая дорожка»...— Метафора, заимствованная из терминов, относящихся к состязаниям в цирке.
- ⁷⁶ ...царствовал в течение нескольких месяцев.— Нобилитет, к которому принадлежал Лелий, обвинял Тиберия Гракха в стремлении к диктатуре. Ср. *Цицерон*, речь в защиту Суллы, 21 сл. См. выше, прим. 64.
- ⁷⁷ Подозрение, что Сципион Эмилиан умер не своей смертью, Лелий высказал выше, 12; здесь, скорее всего, имеется в виду *Публий Корнелий Сципион Насика* Серапион, консул 138 г., возглавивший движение против Тиберия Гракха, закончившееся его убийством в 133 г. Насика бежал из Рима и умер в Пергаме.
- ⁷⁸ *Габинцев закон* 139 г. ввел тайное голосование при выборах магистратов; *Кассиев закон* 137 г.— в суде по уголовным делам. Ср. *Цицерон*, «О законах», III, 35 сл.; «Брут», 97; 106; II речь о земельном законе, 4.
- ⁷⁹ ...народ отторгнут от сената...— Возможно, что Цицерон имеет в виду современных ему популяров («народ») и оптиматов («сенат»). Ср. речь в защиту Сестия, 96 сл.
- ⁸⁰ Поэтому оба они покончили с собой.— Цицерон здесь, по-видимому, передает взгляд Лелия. Сам он отрицает самоубийство *Фемистокла* в «Бруте», 42 сл., но говорит о нем в речи в защиту Скавра, 3. Другие его сведения о *Фемистокле* тоже противоречивы. См. письма: к близким, V, 12, 5 (112); к Аттику, IX, 10, 3 (264); X, 8, 7 (388). См. *Плутарх*, «Фемистокл», XXXI. По свидетельству *Ливия* (II, 40), *Кориолан* жил в области вольсков и достиг старости. См. прим. 63.
- ⁸¹ Возможно, намек на участь *Цезаря*.
- ⁸² Цицерон не раз отказывал друзьям в исполнении их просьб, которые считал несправедливыми. Ср. письма к Аттику, V, 21, 10 сл. (249); VI, 1, 5 сл. (251).
- ⁸³ ...высказывали странные мысли...— т. е. парадоксы. См. *Цицерон*, «Парадоксы стоиков», предисловие, 4; «О пределах добра и зла», IV, 74.
- ⁸⁴ Ср. *Еврипид*, «Ипполит», 253 сл. Выше Цицерон высказывается о взглядах эпикурейцев.
- ⁸⁵ *О, превосходная мудрость!* — Имеется в виду учение Эпикура.
- ⁸⁶ Ср. *Цицерон*, речь против Писона, 19; *Гомер*, «Одиссея», XIX, 163; *Теренций*, «Самостоятельница», 876.
- ⁸⁷ *Ведь не надо слушать тех, кто хочет, чтобы доблестное сердце было жестоким и как бы железным...*— Имеются в виду стоики. Ср. *Цицерон*, речь в защиту *Мурены*, 61 сл.
- ⁸⁸ *О славе* Цицерон высказывает разные суждения. Ср. речь в защиту *Архия*, 28 сл.; «О государстве», VI, 20.
- ⁸⁹ ...люди, основывающие дружеские отношения на пользе...— Имеются в виду гедонисты (*Аристипп*, киренская школа). См. выше, 46.
- ⁹⁰ ...не надо слушать людей, пресыщенных удовольствиями...— Имеются в виду эпикурейцы и гедонисты. Ср. выше, 32; «О старости», 84.
- ⁹¹ *Тиранией* называлась форма правления, сложившаяся в VI в. в греческом полисе;

- она возникала после захвата власти лицом, часто принадлежавшим к знати, но опиравшимся на народ и действовавшим от его имени. При некоторых тираннах полисы достигли расцвета. Впоследствии тиранния стала предметом ненависти народных масс. Цицерон в большинстве случаев придает понятию «тиранн» отрицательное значение (как и понятию «царская власть»). См. Цицерон, «О государстве», I, 50; «Об обязанностях», I, 112; II, 23; III, 32; письма: к Аттику, XIV, 4, 4 (720); к близким, XII, 1, 2 (724); к Бруту, I, 4, 5 (865).
- ⁹² Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», V, 57 сл.; «Об обязанностях», I, 26.
- ⁹³ *Ведь Фортуна не только слепа сама...*— Поговорка. Ср. Цицерон, речи: Против Писона, 22; XIII филиппика, 10; Овидий, Послания с берегов Понта, IV, 8, 16.
- ⁹⁴ *Об империи* см. «О старости», прим. 99.
- ⁹⁵ Делосские и коринфские бронзовые сосуды ценились высоко. Коринфская бронза была сплавом меди, серебра и золота. См. Цицерон, речи: В защиту Секста Росция, 133; Против Верреса, (II) II, 83.
- ⁹⁶ *...было высказано три различных мнения...*— Кто именно высказал эти три положения, неизвестно; первое относится к эпикурейцам.
- ⁹⁷ В годы диктатуры Цезаря Цицерон не раз ходатайствовал перед ним за помпейцев, находившихся в изгнании. См. речи: По поводу возвращения Марцелла; В защиту Лигария; письма к близким, IV, 14, 3 (479); 6, 8 сл. (491).
- ⁹⁸ См. Цицерон, речи: Против Катилины, Против Ватиния; Против Писона.
- ^{99a} *...расчислять дружбу...*— Ср. «Об обязанностях», I, 59 и прим. 81.
- ⁹⁹ См. Цицерон, письма к близким, VII, 6—18 (135, 139, 143, 148, 150, 155, 158, 161—163, 167, 177).
- ¹⁰⁰ См. выше, прим. 13. Ср. Аристотель, «Риторика», II, 13.
- ¹⁰¹ Ср. выше, 39 сл.
- ¹⁰² Цицерон иногда — из политических соображений — выступал как защитник в сомнительных делах, например, в защиту Фонтя (69 г.), в защиту Флакка (62 г.), в защиту Милона (52 г.). Ср. «Об обязанностях», III, 40 сл.
- ¹⁰³ Ср. Ксенофонт, «Меморалии», II, 4, 1 сл.
- ¹⁰⁴ Ср. Цицерон, «Брут», 204; Феогнид, 125 сл. Бергк.
- ¹⁰⁵ Эний, «Гекуба», фр. 210 Фален². Ср. Еврипид, «Гекуба», 1226.
- ¹⁰⁶ Обвинение в уголовном деянии, окончившееся осуждением (особенно если осужденный был видным лицом), считалось заслугой и облегчало политическую карьеру молодым людям. Ср. «Об обязанностях», II, 47 сл.; «Об ораторе», II, 74; «Брут», 159; речи: В защиту Секста Росция, 83; В защиту Клуенция, 11.
- ¹⁰⁷ *...приветливость в беседе и характере...*— Возможно, что Цицерон имеет в виду Тита Помпония Аттика.
- ¹⁰⁸ *...дружба должна быть... более склонной ко всяческой ласковости и доступности...*— Возможно, что Цицерон имеет в виду своих современников: Марка Катона, Марка Брута, Сервия Сульпиция Руфа.
- ¹⁰⁹ *...свесь вместе много модиев соли...*— Поговорка. Ср. Плавт, «Жребий», 538; Аристотель, «Никомахова этика», VIII, 4, 8, Модий — 8,75 литра.
- ¹¹⁰ *...радует местность даже гористая и лесистая...*— Очевидно, древние не любили гористых и лесистых местностей. Ср. Ливий, XXI, 32, 7.
- ¹¹¹ Луций Фурий Фил и Спурий Мумий выведены Цицероном как участники диалога «О государстве». Публий Рупилий, консул 132 г., вместе со своим коллегой Публием Попилием преследовал сторонников Тиберия Гракха, за что они оба были изгнаны Гаем Граком в 123 г. В 131 г. Рупилий подавил восстание рабов в Сицилии, а затем, вместе с десятью легатами, составил уложение для Сицилии (lex Rupilia). См. Цицерон, речи против Верреса, (II) II, 39; 90; 125; III, 125; IV, 112.
- ¹¹² Квинт Фабий Максим Эмилиан — старший сын Луция Эмилия Павла Македонского, усыновленный Квинтом Фабием Максимом; его младший сын — Сципион Эмилиан, усыновленный сыном Сципиона Африканского Старшего.
- ¹¹³ Ср. Демосфен, речь о венке, 269; Теренций, «Девушка с Андроса», 43 сл.; Сенека, «О благодеяниях», II, 10, 4.
- ¹¹⁴ О Публии Рупилии см. выше, 37; 69.

- ¹¹⁵ Ср. Цицерон, речь в защиту Архия, 13; Гораций, Оды, III, 24, 58; Сатиры, I, 5, 49.
- ¹¹⁶ Педагог (греч.) — раб, сопровождавший мальчиков в школу и из школы. Обычай поручать детей попечению рабов и рабынь греческого происхождения возник в Риме после завоевания Южной Италии с ее греческими колониями — после того как римляне познакомились с греческой культурой. Рабы-греки (custodes) сопровождали юношей в путешествиях и походах.
- ¹¹⁷ Ср. Гораций, «Наука поэзии», 158 слл.
- ¹¹⁸ Неоптолем (миф.) — сын Ахилла и Деирами, воспитывался у Ликомеда, деда по матери, даря о-ва Скира. См. Гомер, «Илиада», XIX, 326; «Одиссея», XI, 508.
- ¹¹⁹ Марк Порций Катон Цензорий — см. выше, 4; ср. «Об обязанностях», I, 120.
- ¹²⁰ Квинт Помпей Непот — консул 141 г. (первый консул в плебейском роду Помпеев), цензор 131 г. (первый цензор-плебей); он будто бы обещал Лелию свою помощь при соискании им консулата, но вместо этого постарался о своем избрании в консулы. Ср. «Об обязанностях», III, 109.
- ¹²¹ Квинт Цецилий Метелл Македонский — консул 143 г., противник Сципионов. «Наш коллега» — как авгуры. Ср. «Об обязанностях», I, 87; «О государстве», I, 31.
- ¹²² Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», I, 67; письма к близким, VII, 5, 1 (134); Аристотель, «Никомахова этика», IX, 9, 10. Выражение вошло в поговорку.
- ¹²³ ...сделает как бы из двух душ одну! — Ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 56; Гораций, Оды, I, 3, 8.
- ¹²⁴ ...делаем то, что уже сделано. — *Rem actam agere*, поговорка, Ср. Цицерон, письма к Аттику, IX, 6, 6 (356); 18, 3 (374); Плавт, «Раб-обманщик», 260; Теренций, «Формион», 419.
- ¹²⁵ ...кто на досуге занимается своими делами... — Возможно, имеется в виду Тит Помпоний Аттик, отказавшийся от политической карьеры и занимавшийся коммерческими делами.
- ¹²⁶ Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», I, 65.
- ¹²⁷ Тимон Финский (V в.) — философ, прозванный мизантропом.
- ¹²⁸ Об Архите см. «О старости», 39, прим. 91.
- ¹²⁹ Ср. Цицерон, «О государстве», VI, 16 сл. Друзья Сципиона Эмилиана не были чужды пифагорейской философии.
- ¹³⁰ Возможно, намек на предостережения Аттика насчет некоторых литературных произведений Цицерона. Ср. Цицерон, письма к Аттику, XV, 14, 4 (759); XVI, 11, 1 (799).
- ¹³¹ Теренций, «Девушка с Андроса», 68. Перевод А. В. Артюшкова. Ср. Цицерон, письма к Аттику, VII, 3, 10 (293); Квинтилиан, «Обучение оратора», X, 1, 99.
- ¹³² Ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 26.
- ¹³³ Гнафон — персонаж комедии Теренция «Евнух», 252 сл. Перевод А. В. Артюшкова. См. ниже, прим. 140.
- ¹³⁴ В год своего консулата (63 г.) Цицерон высоко ставил понятие «популяр» (*consul popularis*): человек, заботящийся об интересах народа. Ср. речи: О земельном законе: I, 23, II, 6 сл.; 15; 102; III, 7 сл.; В защиту Сестия, 96 сл.; VI филиппика, 19; «Об обязанностях», I, 85.
- ¹³⁵ О Гае Папирии Карбоне см. выше, 39 и прим. 72. В 131 г. Карбон предложил закон, допускавший переизбрание плебейского трибуна на следующий год после его первого трибуната (вместо 10-летнего перерыва). Сципион и Лелий высказались против его предложения, и закон был отвергнут; он был принят несколькими годами позднее.
- ¹³⁶ Квинт Фабий Максим Эмилиан (см. выше, 69) и Луций Гостилий Манцин были консулами в 145 г. При штурме Карфагена (146 г.) Манцин одним из первых вошел в город.
- ¹³⁷ Гай Лициний Красс предложил в 145 г., чтобы члены жреческих коллегий избирались комициями, а не кооптировались соответствующей коллегией.
- ¹³⁸ ...Красс первым начал обращаться к народу, говоря на форуме. — Ранее, по обычаю, ораторы, выступая на форуме, обращались лицом к Гостилиевой курице, обычному

- месту собраний сената. Плутарх приписывает эту перемену Гаю Гракху; «Гай Гракх», V.
- ¹³⁹ ...если ты не увидишь открытого сердца...— Поговорка. Ср. Плиний мл., письма, VI, 12, 3; Сенека, письма, 59, 9.
- ¹⁴⁰ ...не будь на свете хвастливых воинов.— Лелий имеет в виду персонажи комедии Теренция «Евнух» — паразита Гнафона и воина Фрасона и персонаж комедии Плавта «Хвастливый воин» — Пиргополиника. Далее следует цитата из «Евнуха», 39; перевод А. В. Артюшкова. Ср. Цицерон, письма к близким, I, 9, 19 (159).
- ¹⁴¹ Ср. «О старости», 36; Цецилий Стаций, «Наследница», фр. 243 сл. Риббекк²; сюжет, по-видимому, заимствован у Менаандра.
- ¹⁴² Ср. выше, 26, прим. 54.
- ¹⁴³ Луций Эмилий Павел Македонский (§ 9); Марк Порций Катон Цензорий (§ 4); Гай Сулпиций Гал (§ 9); Публий Корнелий Сципион Насика (§ 101), отец убийцы Тиберия Гракха, зять Сципиона Африканского Старшего.
- ¹⁴⁴ Тиберий Семпроний Гракх — консул 177 и 163 гг., муж Корнелии, дочери Сципиона Африканского Старшего, отец известных плебейских трибунов, тесть Сципиона Эмилиана.
- ¹⁴⁵ Публий Рутилий Руф был учеником стоика Панэтия; в 133 г. он как военный трибун участвовал в осаде Нуманции; консул 105 г. В 95 г. он был легатом проконсула Квинта Муция Сцеволы в Азии; его неподкупность восстановила против него римских всадников (откупщиков); всаднический суд осудил его якобы за вымогательство, и он удалился в 92 г. в изгнание. См. Цицерон. «О государстве» I, 13; «Об ораторе», I, 229; «Брут», 85 сл.; «Об обязанностях», II, 47; III, 10.
- ¹⁴⁶ Авл Вергиний был правоведом; упоминается в «Дигестах».
- ¹⁴⁷ Ср. Гомер, «Илиада», VI, 146 сл.
- ¹⁴⁸ ...достигнуть... известковой черты. — Поговорка; см. «О старости», 83 и прим. 182.
- ¹⁴⁹ ...отдохновение, преисполненное радости.— Возможно, Цицерон имеет в виду свои дружеские отношения с Аттиком.

ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ

КНИГА ПЕРВАЯ

¹ Сын Марк, которому Цицерон посвятил свой последний философский труд — трактат «Об обязанностях», родился в 65 г. Желая дать ему философское образование и тем самым обеспечить ему политическую карьеру, отец сам следил за его воспитанием и занятиями. В 51—50 гг., во время проконсулата Цицерона в Киликии, юный Марк находился при отце. На обратном пути в Италию они останавливались на острове Родосе, возможно, для встречи с философами, жившими там.

Во время гражданской войны отец и сын Цицероны были на стороне Помпея и сената и в июне 49 г. выехали из Италии в Эпир, где юноша командовал отрядом конницы Помпея. После поражения Помпея под Фарсалом (48 г.) отец и сын в ноябре 48 г. возвратились в Брундисий, а затем, осенью 47 г., прощенные Цезарем, вернулись в Рим. В 46 г. молодой Цицерон был эдилом в Арпике.

Хотя молодой Марк не проявлял склонности к наукам, Цицерон не отказывался от своего намерения дать сыну философское образование и с этой целью в марте 45 г. отправил его в Афины, где юноша слушал философа-перипатетика Кратиппа, философов Леонида и Герода и брал уроки у ратора Горгия. Если судить по письмам Цицерона к Титу Помпонию Аттику и по его письмам к близким, в частности по письмам молодого Марка к вольноотпущеннику его отца Марку Туллию Тирону, то молодой человек учился неохотно, и его занятия чередовались с развлечениями, свойственными молодежи его круга, что тревожило отца.

Начавшаяся гражданская война прервала занятия молодого Марка Цицерона. Он вступил в войска Брута, а после его поражения под Филиппами (в 42 г.) присоединился к Сексту Помпею. В 39 г. он воспользовался амнистией, объявленной

- Октавианом в силу мизенского соглашения между ним, Марком Антонием и Секстом Помпеем, и сделал политическую карьеру: в 30 г. был консулом, в 29—28 гг. проконсулом Азии.
- См. Цицерон, письма: к Аттику, X, 11, 3 (392); XII, 24, 1 (565); 27, 2 (568); 32, 2 (573); XIV, 7, 2 (710); 13, 4 (719); 16, 3 сл. (722); 17, 5 (725); XV, 4 (749); 17, 1 сл. (750); XVI, 1, 5 (749); 3, 2 (778); к близким, XII, 16, 1 (737); от Гая Требония»; XVI, 21 (786); 25 (791); от Марка Брута, II, 3, 5 (837); Плутарх, «Цицерон», XXIV.
- ² Цицерон написал на греческом языке историю своего консулата (утрачена); в молодости он перевел с греческого языка на латинский астрономическую поэму Арата «Феномены» (III в.) См. Цицерон, «Брут», 310; письма: к Аттику, I, 19, 10 (25); 20, 6 (26); II, 1, 1 сл. (27); к брату Квинту, II, 15, 5 (144).
- ³ Ср. Цицерон, «О законах», I, 55; «Тускуланские беседы», V, 85; «Учение академиков», I, 22.
- ⁴ Ср. Цицерон, «Об ораторе», III, 53.
- ⁵ Деметрий (345—283) был родом из Фалера. Македонский царь Кассандр поручил ему в 317 г. управление Афинами; при приближении войска Деметрия Полнокрета он бежал и поселился в Александрии. Цицерон высоко ценил его как философа-перипатетика, оратора и поэта. Его сочинения утрачены. См. Цицерон, «Брут», 37 сл.; «Оратор», 92; «О законах», III, 14.
- ⁶ Феофраст (около 372—287) — ученик Аристотеля, автор «Характеров» и сочинений по зоологии, ботанике и минералогии. См. Цицерон, «Брут», 37; 121; «Оратор», 62.
- ⁷ О Платоне см. «О старости», прим. 30.
- ⁸ Демосфен (около 385—322) — величайший афинский оратор и политический деятель; до нас дошли его речи против македонского царя Филиппа («Филиппики»), Олинфские речи, речь о венке и ряд других политических и судебных речей.
- ⁹ Аристотель (384—322) — ученик Платона, основатель философской школы перипатетиков, учитель Александра Великого. С 335 г. по 323 г. вел в Афинах преподавание в Ликее, роше, посвященной Аполлону Ликейскому. До нас дошли сочинения Аристотеля по логике, риторике, философии, политико-экономические, физико-математические, по естественным наукам. См. Цицерон, «Об ораторе», III, 141; «Оратор», 62; «Тускуланские беседы», I, 7.
- ¹⁰ Об Исократе см. «О старости», прим. 31.
- ¹¹ Имеются в виду учения: 1) Аристиппа или Эпикура; 2) Иеронима; 3) Карнеада. См. III, 35; «Об ораторе», III, 62; «Тускуланские беседы», V, 85; «О пределах добра и зла», II, 35; III, 26.
- ¹² См. III, 117; «О пределах добра и зла», II, 35 сл.; 48; 62; 78; 117; «Тускуланские беседы», книги IV—V.
- ¹³ Первые — это стоики, вторые — академики и перипатетики. Ср. III, 20, 33; «О законах», I, 37 сл.; «О пределах добра и зла», II, 19; «Учение академиков», I, 17.
- ¹⁴ Аристон Хиосский и Эрилл Карфагенский (III в.) были стоиками; Пиррон Элидский основал скептическую школу. Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», IV, 43; «Учение академиков», II, 130.
- ¹⁵ Панэтий Родосский (около 180—105) — стоик, жил в Риме с 146 г. по 131 г., был другом Циципиона Эмилиана и Лелия. В 129 г. возглавил школу после смерти Антипатра Тарсийского.
- ¹⁶ ...предел добра... — т. е. высшее благо. Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», V, 15.
- ¹⁷ Ср. ниже, 101; «О пределах добра и зла», III, 24; 58 сл.
- ¹⁸ Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», II, 46; III, 37; V, 51.
- ¹⁹ Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», II, 52; Платон, «Федр», 250 D.
- ²⁰ Ср. ниже, 94.
- ²¹ О Гая Сульпиция Гале см. «О старости», прим. 116.
- ²² Секст Помпей — дядя Гнея Помпея Великого, консула 70, 55 и 52 гг., брат Гнея Помпея Страбона. См. Цицерон, «Брут», 175.

- ²³ *Ведь вся заслуга доблести состоит в деятельности...*— Важное положение, господствовавшее в нравственной философии Рима. Ср. III, 1 сл.; «О государстве», I, 1 сл.
- ²⁴ См. ниже, III, 76.
- ²⁵ *...если люди некогда пришли на свободные земли...*— Отсюда термин «ager occupatorius», т. е. земли, которые государство предоставляло в пользование частным лицам; последние должны были сдавать десятину своего урожая; земли эти оставались собственностью государства. Такое землепользование называлось *оккупацией*.
- ²⁶ Платон, письмо IX, 358 A (к Архиту). Ср. Цицерон, «О государстве», I, 8; «О пределах добра и зла», II, 45.
- ²⁷ *...верность [fides] была названа так потому, что сказанное делается [fit].*— Своеобразная этимология. Ср. Цицерон, «О государстве», IV, 7.
- ²⁸ Марк Лициний Красс Богатый— консул 70 и 55 гг., триумvir; погиб в 53 г. во время похода против парфян. Ср. III, 73 сл.; «О пределах добра и зла», III, 75; Плиний, «Естественная история», XXXIII, 47, 1; Плутарх, «Красс», II.
- ²⁹ Энный, фр. 404 сл. Фален². Ср. Цицерон, «О государстве», I, 49; «О дружбе», 36; Лукан, «Фарсалия», I, 92 сл.
- ³⁰ Ср. Цицерон, письмо к Аттику, VII, 11, 1 (303). Гай Юлий Цезарь родился в 100 г. (возможно, в 102 г.); в 68 г. был квестором, в 65 г. курульным эдлом, с 63 г. верховным понтификом, в 62 г. претором, в 59, 48, 46 и 45 гг. консулом, в 49, 47, 45 и 44 гг. диктатором; был убит заговорщиками 15 марта 44 г. Ср. ниже, 43; 57; II, 2; 23; 27; 84; III, 19; 82.
- ³¹ Понятие *о принципате* появилось еще до принципата Августа. Ср. Цицерон, XIV филиппика, 18; письмо к близким, I, 9. 11 (159); Саллюстий, Эксцерпты, речь Гая Лициния Макра, 23.
- ³² Ср. Платон, «Федон», 64 D; «Государство», I, 247 A; V, 475 B; VI, 485 F; VII 520 D; «Пир», 216 E.
- ³³ Ср. «О дружбе», 87.
- ³⁴ Теренций, «Самоистязатель», 496; Ср. Цицерон, «О законах», I, 33.
- ³⁵ Ср. III, 94 и прим. 140; Еврипид, «Ипполит», 1349 Три желания: 1) возможность возвратиться из подземного царства, 2) возможность выйти из лабиринта, 3) смерть Ипполита.
- ³⁶ *Заступники (advocati)*— уважаемые граждане, присутствовавшие на суде и оказывавшие одной из сторон нравственную поддержку; они не произносили речей.
- ³⁷ Городской претор, приступая к исполнению обязанностей, выпускал эдикт с изложением основ, каким он будет следовать. Эти эдикты, являвшиеся дополнением к нормам гражданского права и истолкованием их, составили *преторское право*; в правление императора Адриана (II в. н. э.) магистраты были лишены права издавать эдикты; прежние эдикты были сведены в так. наз. *edictum perpetuum*.
- ³⁸ Ср. Теренций, «Самоистязатель», 796:
- Злу высшему равна законность высшая.
(Перевод А. В. Артюшкова)
- Т. е. чересчур строгое соблюдение закона приводит к правонарушению. Ср. Цицерон, речь по делу Цецины, 65.
- ³⁹ По свидетельству Плутарха («Апофтегмы лаконян», 223 B), речь идет о военных действиях спартанского царя Клеомена (520—491) против Аргоса.
- ⁴⁰ Квинт Фабий Лабен был консулом в 183 г. См. Цицерон, «Брут», 81; Валерий Максим, VII, 3, 4.
- ⁴¹ См. Платон, «Горгий», 525 B.
- ⁴² *...строже всего надо соблюдать право войны.*— Отсюда и по § 40 все высказывания Цицерона относятся к международному праву. См. III, 107 сл.
- ⁴³ См. ниже, 80; Фукидид, I, 124, 2; Платон, «О законах», I, 628 E; Аристотель, «Политика», VII, 14, 454.
- ⁴⁴ Карфаген был взят и разрушен Сципионом Эмилианом в 146 г., Нуманция— в 133 г. Отсюда его прозвания Африканский Нумантинский. Ср. «О дружбе», прим. 23.
- ⁴⁵ Коринф был взят и разрушен консулом Луцием Муммием в 146 г. В 46 г. Цезарь восстановил город. Ср. III, 46.

- ⁴⁶ Если бы послушались меня.. Имеется в виду время перед началом гражданской войны (49 г.), когда Цицерон пытался примирить стороны. См. речи: По поводу возвращения Марцелла; 14; В защиту царя Дейотара, 29; II филиппика, 23 сл.; письмо к Аттику, VII, 3, 6 (293).
- ⁴⁷ После применения тарана при осаде город считался взятым силой и отдавался солдатам на разграбление. См. *Цезарь*, «Галльская война», II, 32.
- ⁴⁸ О патронате см. «О старости», прим. 80. Луций Эмилий Павел и его потомки стали патронами македонян, Фабии — патронами аллоброгов, Марцеллы — патронами сиракузян, Сципионы — патронами африканских провинций. См. *Саллюстий*, «Катилина», XII, 4 сл.
- ⁴⁹ Фециалы — коллегия жрецов бога Верности (dius Fidius); ведала соблюдением международных договоров, объявляла войну и заключала мир. При объявлении войны их старшина (pater patratus) в древнейшие времена метал копье на вражескую территорию; впоследствии он метал копье в пределах города Рима. При заключении мира фециалы приносили жертву. См. *Цицерон*, «О законах», II, 21.
- ⁵⁰ О термине «император», см. «О старости», прим. 156. Гай Попилий Ленат был консулом в 172 г.
- ⁵¹ Сын Марка Порция Катона Цензория.
- ⁵² Луций Эмилий Павел, консул 168 г. См. *Плутарх*, «Эмилий Павел», XXI.
- ⁵³ ...называли гостем.— В древнейшую эпоху чужеземца называли hostis («гость»); он имел право на гостеприимство; впоследствии это слово стало означать «враг». Reguallis — государственный преступник, изменник См. *Варрон*, «О латинском языке», V, 3; VII, 49.
- ⁵⁴ Согласно традиции, первое писаное уложение Рима составили в 451 г. десять патрициев (decemviri legibus faciendis): оно заменило собой обычное право (mos maiorum). Его текст был вырезан на 12 бронзовых досках; они погибли во время нашествия галлов, до нас дошли только фрагменты. Уложение это называлось Двенадцатью таблицами (XII Tabulae, codex decemviralis). См. *Цицерон*, «О государстве», II, 61; 63; *Ливий*, III, 35 сл.
- ⁵⁵ В подлиннике auctoritas — показания свидетеля, гарантия, право заявлять притязания. Имеются в виду тяжбы с чужеземцами, не пользовавшимися правом давности (usucapio).
- ⁵⁶ Кельтиберы — народность в Испании. Кимвры — германское племя, разбитое Гаем Марием в 101 г. под Верцеллами.
- ⁵⁷ Пунийцы нарушали договоры, жесток был Ганнибал...— Обычный упрек по отношению к пунийцам и Ганнибалу. Ср. III, 100; «О старости», 75; «О дружбе», 28; II речь о земельном законе, 95; речь в защиту Скавра, 42; *Гораций*, Оды, II, 12, 2. Ганнибал — карфагенский полководец во время второй пунической войны, был разбит Сципионом Старшим под Замой в 202 г.; отравился в 183 г.
- ⁵⁸ Энний, «Анналы», VI, фр. 194 сл. Фален². Ответ царя Пирра римским послам, во главе которых был консул 282 г. Гай Фабриций Лусцин. Ср. *Цицерон*, «Брут», 55.
- ⁵⁹ Царь Пирр вел свой род от Пирра, или Неоптолема, сына Ахилла. Неоптолем считался внуком Эака (миф.). Эак, сын Зевса и нимфы, был судьей в подземном царстве и считался образцом справедливости.
- ⁶⁰ О Марке Атилине Регуле см. «О старости», 75 и прим. 162.
- ⁶¹ Регул не счел для себя возможным выступить в сенате, так как его гражданская правоспособность уменьшилась (deminutio capitis) ввиду того, что он попал в плен. См. III, 99 сл.; *Гораций*, Оды III, 5, 42; *Ливий*, XXII, 60, 15.
- ⁶² После битвы под Каннами...— в 216 г. Ср. III, 99 сл.
- ⁶³ Эрарные трибуны первоначально были магистратами, собиравшими контрибуцию и выдававшими жалование солдатам, они составляли сословие, по цензу (300 000 сестерциев) следующее после всаднического. Цензоры были вправе зачислять граждан в это низшее сословие. Ср. *Цицерон*, речь в защиту Клуенция, 126; *Авл Геллий*, IV, 12.
- ⁶⁴ Ср. ниже, III, 86. В некоторых рукописях рассказа об этом событии нет. См. *Авл Геллий*, III, 8; *Валерий Максим*, VI, 5, 1; *Плутарх*, «Пирр», XX сл.

- ⁶⁵ Ср. Платон, «Государство», II, 361 А.
- ⁶⁶ Ср. выше, 20.
- ⁶⁷ Речь идет о продаже имущества проскриптов, совершенной Луцием Корнелием Суллой в 82 г.; далее — о конфискации и продаже имущества помпейцев; это совершил Цезарь в 49—48 гг. Ср. II, 27; речи: Против Верреса, (II) III, 81; II речь о земельном законе, 56.
- ⁶⁸ Ср. III, 13 сл.; 69; «О пределах добра и зла», V, 43.
- ⁶⁹ См. Гесиод, «Труды и дни», 349 сл.; Ср. Цицерон, «Брут», 15; письмо к Аттику, XIII, 12, 3 (631).
- ⁷⁰ Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», IV, 24.
- ⁷¹ Ср. Цицерон, «О подборе материала», I, 5. Частое рассуждение у древних.
- ⁷² Ср. Цицерон, «О законах», I, 33; Платон, «Федр», 279 С; Аристотель, «Никомахова этика», VIII, 9, 1.
- ⁷³ Эний, неизвестная трагедия, фр. 398 сл. Фален²; ср. III, 54; речь в защиту Бальба, 36.
- ⁷⁴ Древние считали воду и огонь началами, необходимыми для существования. См. «О дружбе», прим. 48.
- ⁷⁵ Ср. Платон, «Законы», VI, 776 А; Аристотель, «Политика», I, 1, 7.
- ⁷⁶ Ср. Цицерон, «О законах», II, 3; «Брут», 62; речь об ответе гаруспиков, 32.
- ⁷⁷ Ср. «О дружбе», 92. См. «О старости», прим. 172.
- ⁷⁸ Ср. ниже, 86; «О государстве», I, 7; Аристотель, «Никомахова этика», IX, 8, 9.
- ⁷⁹ Имеются в виду Марк Антоний, а в прошлом Гракхи, Катилина, Публий Клодий Цезарь.
- ⁸⁰ Ср. «О дружбе», 88 сл.
- ⁸¹ ...по расчислению обязанностей... — Так называемая «эйлогистия» стоиков: точный расчет взаимных обязанностей и услуг. Ср. «О дружбе», 58.
- ⁸² Фрагменты трагедий, 210 Риббекк². «Дева», возможно, Клелия, девушка, согласно легенде, переданная как заложница этрусскому царю Порсенне и переплывшая Тибр с целью бегства; ее возвратили царю, но он освободил ее за храбрость.
- ⁸³ Эний, «Аякс», фр. 18 Фален². Сальмакид — источник в Карию, названный по имени нимфы (мифы); его вода будто бы делала человека склонным к чувственным наслаждениям. Сальмакид — потомок этой нимфы, изнеженный человек. Ср. Овидий, «Метаморфозы», IV, 285 сл.; XV, 319.
- ⁸⁴ Под Марафоном греки в 490 г. одержали победу над персами (первая греко-персидская война); под Фермопилами они отличились в 480 г., как и под Саламином; под Платеями — в 479 г. (вторая война с персами). Под Левктрами фиванцы под предводительством Эпаминонда одержали победу над спартанцами в 371 г.
- ⁸⁵ По преданию, Горацій Кокл прославился при защите свайного моста на Тибре во время войны с этрусками (Ливий, II 10). О Дециях см. «О старости», прим. 103; о Гесе и Публии Сципионах — там же, прим. 68; о Марке Клавдии Марцелле — там же, прим. 165.
- ⁸⁶ Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», IV, 53.
- ⁸⁷ См. Платон, «Менексен», 247 А; «Лакес», 197 В.
- ⁸⁸ См. Платон, «Лакес». 182 Е — 183 А; «Государство», VIII, 545 А. «Законы», I, 630 D.
- ⁸⁹ ...тем сильнее хочет быть... единственным. — Намек на Цезаря и Помпея. Ср. Лукан, «Фарсалия», I, 125; Флор, IV, 2, 14; Веллей Патеркул, II, 33.
- ⁹⁰ Публичное право (ius publicum) — совокупность правовых норм, определявших взаимоотношения между государством и гражданином, а также и между гражданами, когда эти взаимоотношения имели значение для государства в целом. Здесь имеются в виду выступления в комициях и в суде.
- ⁹¹ Быть и казаться — частая тема в античной литературе. Ср. Эсхил, «Семеро против Фив», 592; Платон, «Государство», II, 361; Саллюстий, «Катилина», LIV, 6.
- ⁹² ...в связи с его жадной славой. — Цицерон незадолго до того написал трактат «О славе» (утрачен).
- ⁹³ Ср. «О дружбе», 7.
- ⁹⁴ Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», III, 35; «Тускуланские беседы», IV, 11.

- ⁹⁵ ...иногда надо с себя слагать.— В год своего консулата Цицерон отказался от предстоявшего ему проконсулата в Цисальпинской Галлии, а затем в Македонии. В 78 г. Луций Сулла отказался от своей диктатуры, не ограниченной сроком.
- ⁹⁶ «Наслаждение для души» (*voluptas animi*) — частое выражение у Цицерона; синоним радости, ликования (*laetitia*).
- ⁹⁷ См. «О старости», прим. 115.
- ⁹⁸ ...знаменитейшие философы...— Например, Платон, Аристотель, Зенон, Пифагор, Анаксагор.
- ⁹⁹ ...жил в деревне, удовлетворяясь управлением своим имуществом.— Например, Тит Помпоний Аттик и Марк Порций Катон Цензорий. См. Цицерон, «О государстве», I, 9; «Брут», 236.
- ¹⁰⁰ ...с таким мнением вполне согласиться нельзя.— В 63 г. в речи в защиту Мурены, 19 сл. Цицерон высказал противоположное мнение.
- ¹⁰¹ О Фемистокле см. «О старости», прим. 17; «О дружбе», прим. 80.
- ¹⁰² О Солоне см. «О старости», прим. 62.
- ¹⁰³ Ареопаг («холм Ареса») — древний совет афинской городской общины, обладавший политической и судебной властью. Ниже Цицерон называет ареопаг сенатом. См. Плутарх, «Фемистокл», X.
- ¹⁰⁴ Спартаец Павсаний командовал греческими войсками во время битвы при Платее в 479 г. Он умер в 470 г., будучи осужден за измену отечеству. См. Геродот, IX, 49 сл.
- ¹⁰⁵ О Лисандре см. «О старости», прим. 138.
- ¹⁰⁶ Ликурги — легендарный законодатель Спарты (IX в.); не смешивать с одноименным афинским государственным деятелем (IV в.).
- ¹⁰⁷ Марк Эмилий Скавр — консул 115 г., цензор 109 г., построил дорогу (Эмилиева дорога) и восстановил мост на Тибре в Риме (Миальвиев, Мульвиев, Эмилиев мост). См. ниже, 108. Ср. Цицерон, речи: В защиту Мурены, 36; В защиту Фонтетя, 24; В защиту Сестия, 39; Ювенал, Сатиры, XI, 91.
- ¹⁰⁸ Гай Марий — консул 107, 104—100 и 86 гг., руководил военными действиями против Югурты, разбил тевтонов в 102 г. и кимвров в 101 г.; противник Суллы в гражданской войне; для Цицерона образец римской доблести. См. Цицерон, речи: В защиту Гая Рабририя, 27; Против Катилины: I речь, 4; III речь, 15; IV речь, 21; В защиту Сестия, 37; 50; Об ответе гаруспиков, 51; 54; О консульских провинциях, 26; 32; письмо к Аттику, X, 10, 3 (364).
- ¹⁰⁹ Квинт Лутаций Катул — консул 78 г.; один из судей по делу Верреса; в 66 г. противник Манилиева закона о предоставлении Помпею верховного командования в войне против Митридата Понтийского. Он восстановил пострадавший от пожара храм Юпитера Капитолийского; отсюда его прозвание «Капитолийский».
- ¹¹⁰ Гней Помпей Великий — родился в 106 г. Консул 70, 55 и 52 гг. В 76 г. вел войну в Испании против Сертория; в 67 г. уничтожил пиратов на Средиземном море; в 66—63 гг. успешно воевал с Митридатом; участник триумвирата в 60 г. В 49—48 гг. во время гражданской войны был на стороне сената; после поражения под Фарсалом в 48 г. бежал в Египет, где был предательски убит. См. Цицерон, речь о предоставлении империя Гнею Помпею (О Манилиевом законе).
- ¹¹¹ Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Нумантинский — см. стр. 185.
- ¹¹² Публий Корнелий Сципион Насика Серапион — см. ниже, 109; «О дружбе», прим. 77.
- ¹¹³ Стих из поэмы Цицерона «О моем консулате». Имеется в виду подавление движения Катилины: *лавры* — триумфатора, *заслуга* — консула, не применявшего чрезвычайных полномочий. Ср. Цицерон, речи: Против Писона, 72 сл.; II филиппика, 20; письма к Аттику, I, 19, 10 (25); 20, 6 (26); 27, 6 (27); II, 3, 4 (29).
- ¹¹⁴ Имеется в виду триумф Помпея после победы над Митридатом, справленный в 60 г. Он справил первый триумф в 80 г., после победы в Нумидии над царем Ярбой, второй — в 71 г., после победы над Серторием и испанцами. См. II филиппика, 12; письмо к Аттику, I, 19, 7 (25).
- ¹¹⁵ Марк Порций Катон Цензорий — участник второй пунической войны и сторонник новой войны против Карфагена; он умер в 149 г. за три года до разрушения

- Карфагена. См. «О старости», 18; *Плутарх*, «Катон Старший», XXVII; *Тацит*, «Анналы», II, 37; *Валерий Максим*, VIII, 15, 2.
- ¹¹⁶ ..сбить с исходной позиции...— Термин гладиаторов — de gradu deicere; также в военный термин: gradus — исходная позиция, исходное положение войск.
- ¹¹⁷ «Об этом я не подумал».— По свидетельству *Валерия Максима*, VII, 2, 2, *Сципион* считал позорным такое признание, когда дело шло о военных действиях. Ср. *Цицерон*, речь в защиту Лигария, 30.
- ¹¹⁸ ..рукопашную битву с врагом...— Возможно, намек на *Цезаря*, иногда участвовавшего в рукопашном бою вместе с солдатами. См. *Светоний*, «Божественный Юлий», 57 сл.; 62; *Плутарх*, «Цезарь», XVII.
- ¹¹⁹ Ср. *Цицерон*, речь против *Верреса*, (II) IV, 120.
- ¹²⁰ ..несмотря на требование государства...— Возможно, что *Цицерон* здесь хочет оправдать свою «палинодию» (греч.: отказ от ранее высказанных взглядов и от прежней линии поведения и выступление на стороне прежних противников), т. е. свою речь о консульских провинциях (56 г.), в которой он выступил в защиту интересов *Цезаря*, одного из виновников его изгнания в 58 г. См. речи: О консульских провинциях, 18; 21; 47; В защиту *Бальба*, 60 сл.; письма: к *Аттику*, IV 5, 1 (110); к близким, I, 9 (159).
- ¹²¹ *Калликратид* — флотоводец *Спарты*, вставший во главе флота в 406 г.; был убит в бою под *Аргинузскими островами*.
- ¹²² *Клеомброт* — царь *Спарты* (380—371): пал в сражении под *Левктрами*, *Эпаминонд* — *фиванский полководец*, прославившийся в войне против *Спарты* (победа под *Левктрами* в 371 г. и под *Мантинеей* в 366 г.).
- ¹²³ *Квинт Фабий Максим Веррукос Кунтатор* — диктатор 217 г. Ср. «О старости», 10.
- ¹²⁴ Ср. *Платон*, «*Алкивиад*», I, 126 С; «Государство», I, 342 E; IV, 420 B—C; 421 B—C; «Законы», IV, 715 B.
- ¹²⁵ Ср. *Цицерон*, речь в защиту *Сестия*, 96 сл.
- ¹²⁶ Ср. *Платон*, «Государство», VI, 488 B; VIII, 567 C; «Законы», V, 731 A—B; IX, 856 B.
- ¹²⁷ Ср. «О дружбе», 77. Речь идет о разногласиях между *Сципионом Эмилианом* и *Квинтом Цецилием Метеллом Македонским*, консулом 143 г. См. ниже, III, 79.
- ¹²⁸ См. *Цицерон*, «Подразделения речей», 77.
- ¹²⁹ Ср. *Аристотель*, «*Никомахова этика*», IV, 5, 1 сл.; «*Политика*», IV, 9.
- ¹³⁰ Ср. *Аристотель*, «*Политика*», III, 16.
- ¹³¹ О *Сократе* см. «О старости», 78 и прим. 173. Ср. *Цицерон*, «*Тускуланские беседы*», III, 131.
- ¹³² О *Гае Лелии* см. выше, стр. 185; «О дружбе», 7; *Гораций*, *Сатиры*, II, 172.
- ¹³³ *Македонский царь Филипп II* правил с 359 г. по 336; покорил *Грецию* в войнах 357—338 гг. Его сын *Александр III Великий* родился в 356 г., вступил на престол в 336 г., в 335 г. подавил восстание греков, победил персов в войнах 334—330 гг., умер во время похода в *Индию* в 323 г.
- ¹³⁴ Ср. выше 69 сл.
- ¹³⁵ Ср. выше, 18.
- ¹³⁶ Ср. *Цицерон*, «*Оратор*», 71.
- ¹³⁷ Об *Эаке* см. прим. 59; *Минос* (миф.) — сын *Зевса*, царь *Крита* и законодатель. Оба они — судьи в подземном царстве.
- ¹³⁸ *Акций*, «*Атрей*», фр. 203 сл. *Риббекк* ². Ср. *Цицерон*, речи: В защиту *Сестия*, 102; I *Филиппика*, 34; *Светоний*, «*Калигула*», 30.
- ¹³⁹ *Акций*, «*Атрей*», фр. 226 *Риббекк* ². По мифу *Атрей*, сделавшись царем в *Микенах*, изгнал своего брата *Фиеста*, соблазнившего его жену. *Фиест*, задумав убить *Атрея*, внешне помирился с ним, пригласил его к себе и угостил мясом его же детей.
- ¹⁴⁰ *Цицерон* перечисляет три положения, определяющие нравственную красоту: познание истины, служение человеческому обществу, величие духа.
- ¹⁴¹ Имеются в виду умеренность и воздержность; см. выше, 98.
- ¹⁴² Ср. выше, 8; «О пределах добра и зла», III, 58.

- ¹⁴³ «*Опережать*», «*отставать*» и, ниже, «*отклониться от пути*» — выражения, относящиеся к бегам в цирке. Ср. *Гораций*, Оды, IV, 15, 9; *Платон*, «Федр», 246 В.
- ¹⁴⁴ О *Плавте* см. «О старости», прим. 118. Ср. *Гораций*, «Наука поэзии», 270 сл.
- ¹⁴⁵ В отличие от Новой аттической комедии, древняя аттическая комедия отличалась политической направленностью. Ее главные представители: Аристофан (род. около 445 г., умер после 338 г.), Евполид, Кратин. Плавт и Теренций подражали Новой аттической комедии; ее представителями были Менандр, Филемон, Дифил. Ср. *Гораций*, Сатиры, I, 4 (начало).
- ¹⁴⁶ Ср. *Цицерон*, «О дружбе», 90; «Об ораторе», II, 222; 271; «Брут», 292. О *Катоне* см. прим. 115.
- ¹⁴⁷ Ср. «Об ораторе», II, 236; 242; письмо к близким, IX, 22 (638).
- ¹⁴⁸ На *Марсовом поле* римская молодежь занималась гимнастическими упражнениями. Ср. *Гораций*, Оды, I, 8, 3; III, 7, 25; 24, 56; Послания, I, 18, 54; Сатиры, II, 1, 8; 2, 9; «Наука поэзии», 162.
- ¹⁴⁹ *Луций Лициний Красс* — родился в 140 г., был консулом в 95 г., цензором в 91 г., умер в 91 г.; знаменитый оратор; выведен *Цицероном* как участник диалога «Об ораторе», См. «Об ораторе», I, 24; II, 220; «Брут», 143; *Валерий Максим*, IX, 1, 4.
- ¹⁵⁰ *Луций Марций Филипп* — консул 91 г., противник плебейского трибуна *Марка Ливия Друса*. Марции вели свой род от царя Анка Марция. См. *Цицерон*, речи: По делу *Квинкция*, 72; В защиту *Мурены*, 36; «Брут», 173; *Гораций*, Послания, I, 7, 46.
- ¹⁵¹ *Гай Юлий Цезарь* *Страбон* *Вописк* — эдил 90 г., кандидат в консулы на 88 г. — был казнен *Марием* в 87 г. Выведен *Цицероном* как участник диалога «Об ораторе», См. ниже, 133; II, 50; III, 10; «Брут», 98; 177; «Об ораторе», II, 98; 111, III, 10; «Тускуланские беседы», V, 55.
- ¹⁵² *Марк Ливий Друс* мл. — сын одноименного консула 111 г., плебейский трибун 91 г., сторонник нобилитета; пытался возвратить сенаторам судебную власть путем compromise: римские всадники должны были получить места в сенате, городское плебс — дешевый хлеб и землю в Италии и Сицилии, италики — права римского гражданства. Он встретил сопротивление со стороны нобилитета и римских всадников; борьба окончилась гибелью *Друса* и восстанием италиков против *Рима* (Союзническая, или Итальянская, или Марсийская война, 91—88 гг.). Ср. *Цицерон*, «Брут», 222; речи: В защиту *Клуенция*, 153; О доме, 120; В защиту *Милона*, 16.
- ¹⁵³ Ср. выше, 90; речь в защиту *Мурены*, 66.
- ¹⁵⁴ Ср. *Цицерон*, «Брут», 292; *Квинтилиан*, IX, 2, 46.
- ¹⁵⁵ Государственная деятельность *Перикла* как вождя демократов началась в 469 г. Он умер в 429 г. от моровой болезни, свирепствовавшей в Афинах.
- ¹⁵⁶ *Ясон* — тиран города *Фер*, добился военного господства в Фессалии около 374 г. и начал добиваться владычества над всей Грецией; был убит в 370 г. О тираннии см. «О дружбе», прим. 91.
- ¹⁵⁷ См. *Плутарх*, «Солон», VIII.
- ¹⁵⁸ См. выше, 43; *Саллюстий*, «Югурта», 95, 3.
- ¹⁵⁹ См. выше, 25; III, 73. *Плутарх*, «Красс», VI.
- ¹⁶⁰ *Квинт Лутаций Катул* — коллега *Мария* по консулату*102 г., разделил с ним победу над кимврами; впоследствии стал сторонником *Суллы* и был проскрибирован *Марием* в 87 г. См. *Цицерон*, «Об ораторе», II, 278; «Брут», 132 сл. О его сыне см. прим. 109.
- ¹⁶¹ Ср. *Цицерон*, «Об ораторе», II, 266; 274. Возможно, что это одно и то же лицо.
- ¹⁶² *Публиций Корнелий Насика* — консул 111 г., умер в год своего консулата. См. «Брут», 128; о его отце см. выше, 76; «Брут», 107.
- ¹⁶³ *Ксенократ* (род. в 336 г.) — ученик *Платона* и *Аристотеля*; стоял во главе *Академии* в течение 25 лет; умер в 314 г.
- ¹⁶⁴ ...ничто не бывает подобающим наперекор *Минерве*. — Поговорка: т. е. вопреки склонностям человека. Ср. *Цицерон*, письма к близким, III, 1, 1(178); XII, 25, 1 (825); *Гораций*, «Наука поэзии», 385.
- ¹⁶⁵ Ср. *Цицерон*, «Тускуланские беседы», I, 15; *Ювенал*, Сатиры, VI, 187 сл.
- ¹⁶⁶ Имеется в виду самоубийство *Марка Порция Катона* в *Утике* в 46 г., после пора-

- жения помпеянцев под Тапсом. Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», III, 18; речь в защиту Мурены, 61 сл.; письмо к Аттику, XII, 4, 2 (467); 40, 1 (589). Катон впоследствии был прозван Утическим. В Африке покончили с собой и другие помпеянцы: Метелл Сципион, Марк Петрей и царь Юба. См. Гораций, Оды, II, 1, 24.
- ¹⁶⁷ ...скорее умереть, чем взглянуть в лицо тиранну.— т. е. Цезарю. О тираннии см. «О дружбе», прим. 91.
- ¹⁶⁸ См. Гомер, «Одиссея», песни V, X, XVII — XIX.
- ¹⁶⁹ По мифу, после гибели Ахилла спор из-за его доспехов, возникший между Аяксом, сыном Теламона, и Одиссеем был решен Агамемноном в пользу Одиссея; Аякс сошел с ума и покончил с собой. На эту тему был написан ряд трагедий (Софокл, Пакувий, Акций).
- ¹⁷⁰ Эпигоны (миф.) — сыновья героев, пошедших войной на Фивы; они снова осадили Фивы и взяли их. Сюжет трагедий Эсхила, Еврипида, у римлян — Акция.
- ¹⁷¹ Мед (миф.) — сын Медеи, убил, по ее наущению, Персея, царя Тавриды, и завладел его царством. На эту тему Пакувий написал одноименную трагедию.
- ¹⁷² По мифу, у Меланиппы было двое близнецов от Посейдона, который ее ослепил и заточил в тюрьму, а детей покинул в горах. Когда они выросли, они освободили мать. На эту тему Еврипид написал две трагедии (утрачены). Существовала также и трагедия Эниия.
- ³ Клитемнестра (миф.) — жена царя Агамемнона, убившая мужа; впоследствии была убита сыном Орестом. Это послужило сюжетом для Эсхила, написавшего трагедии «Агамемнон», «Хоры», «Евмениды». В Риме на эту тему написал трагедию Акций. В античном театре женские роли исполнялись мужчинами.
- ¹⁷⁴ Судьба Антиопы (миф.) сходна с судьбой Меланиппы (прим. 172). Рупилий — малоизвестный актер. Клавдий Эзоп — знаменитый трагический актер, современник Цицерона. См. Цицерон, речь в защиту Сестия, 120 сл.; «Тускуланские беседы» II, 39; IV, 55; письма: К брату Квинту, I, 2, 14 (53); К близким, VII, 1, 2, 4 (127); Гораций, Послания, II, 1, 82; Квинтилиан, XI, 3, 111.
- ¹⁷⁵ О Квинте Муции Сцеволе см. «О дружбе», прим. 3.
- ¹⁷⁶ См. Цицерон, «Брут», 82.
- ¹⁷⁷ Афинский полководец Конон в 394 г. разбил спартанский флот под Книдом и восстановил стены Афин. Его сын Тимофей участвовал в войнах за гегемонию и завоевал Эвбею, Коркиру, Самос и Сест. В 364 г. он вступил в Македонию. Ср. Цицерон, «Об ораторе», III, 139; «Тускуланские беседы», V, 100.
- ¹⁷⁸ О Ксенофонте см. «О старости», прим. 72. В своих «Меморabiliaх» (II, 1, 21) он приводит рассказ софиста Продика о Геркулесе; этот миф перешел в римскую литературу.
- ¹⁷⁹ По мифу, Геркулес (Геракл) был сыном Зевса и Алкмены, жены фиванца Амфитриона. На эту тему Плавт написал комедию «Амфитрион».
- ¹⁸⁰ Ср. Цицерон, «Брут», 304 сл.
- ¹⁸¹ Мысль: человек рождается, не обладая пороками. Ср. Цицерон, «О законах», II, 13; «Тускуланские беседы», III, 2; «О пределах добра и зла», V, 44.
- ¹⁸² Ср. «О дружбе», 76.
- ¹⁸³ Отцом Публия Африканского Старшего был Публий Корнелий Сципион, консул 218 г. См. «О старости», прим. 68. «Сын Павла» — Сципион Эмилиан, сын Луция Эмилия Павла Македонского. См. выше, 61, «Брут», 77.
- ¹⁸⁴ Римские юноши, желавшие сделать политическую карьеру, обучались у видных государственных деятелей. Ср. Цицерон, «О дружбе», 1; речи: В защиту Целия, 9; II филиппика, 3; письмо к близким, XIII, 10, 2 (448).
- ¹⁸⁵ Peregrini (чужеземцы) — чужеземцы, разъезжавшие по стране; incolae (поселенцы) — чужеземцы с постоянным местом жительства, входившие в состав городских общин, но не обладавшие гражданскими правами.
- ¹⁸⁶ Ср. Цицерон, письма к близким, IX, 22 (638).
- ¹⁸⁷ ..бывших чуть ли не киниками..— Философская школа, основанная в конце V в. Антисфеном, преподававшим в гимнасии Киносарге (Афины). Ее представителей презрительно называли киниками (от слова *κίων*, собака). Стремление возвратит-

- ся к природе приводило киников к пренебрежению к законам и установившимся правилам. Известностью пользовался киник Диоген. Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», III, 68.
- ¹⁸⁸ См. выше, 127 и прим. 186.
- ¹⁸⁹ Subligaculum — набедренная повязка, передник. Ср. Ювенал, Сатиры, VI, 70; Марциал, Эпиграммы, III, 87, 4.
- ¹⁹⁰ Ср. Цицерон, речь в защиту Клуенция, 141; Плутарх, «Катон Старший», XX.
- ¹⁹¹ Палестрами (греч.) назывались имевшиеся в греческих городах места для гимнастических упражнений, с помещением для хранения одежды и принадлежностей для упражнений (диски, мячи и пр.) и с кладовой для масла.
- ¹⁹² ...ораторская речь должна предназначаться для выступлений в суде, на народных сходках, в сенате... — соответственно трем родам красноречия: судебное (genus iudiciale), изобразительное (g. demonstrativum) и совещательное (g. deliberativum). Ср. ниже, II, 48; «О подборе материала», I, 7.
- ¹⁹³ Об упоминаемых здесь лицах см. выше, 108 сл.
- ¹⁹⁴ ...беседа, в которой наиболее искусны сократики... — Имеются в виду диалоги Платона, Ксенофонта и Эсхина. См. выше, 104.
- ¹⁹⁵ Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы» IV, 55; Сенека, «О гневе», II, 14, 1.
- ¹⁹⁶ Ср. Цицерон, VIII филиппика, 15; Эсхил, «Агамемнон», 849.
- ¹⁹⁷ ...угодляться «хвастливому воину»... — Персонаж, перешедший из новой греческой комедии в римскую fabula palliata (комедия, изображавшая повседневную жизнь). Намек на Пиргополиника из комедии Плавта «Хвастливый воин» и на Фрасона из комедии Теренция «Евнух». Ср. «О дружбе», прим. 140.
- ¹⁹⁸ Гней Октавий командовал римским флотом в македонскую войну и запер царя Персея на острове Самофракия в 168 г., справил триумф как претор; был консулом в 165 г. Ср. Цицерон, IX филиппика, 4. Палаций — часть Палатинского холма, застроенная усадьбами римского нобилитета. «Новым человеком» (homo novus) называли человека, не принадлежавшего к сословию сенаторов и первым в своем роду добивавшегося или добывшегося избрания на курульную должность.
- ¹⁹⁹ Марк Эмилий Скавр — приемный сын Суллы, был претором в 56 г. и пропретором Сардинии в 55 г. После наместничества он был обвинен в вымогательстве; Цицерон его защищал в 54 г., и он был оправдан. В 52 г. он был обвинен в подкупе избирателей и осужден. См. Цицерон, речь в защиту Скавра. См. ниже, II, 57; Плиний, «Естественная история», XXXVI, 21, 10 сл. О его отце см. выше, 76 и прим. 107.
- ²⁰⁰ Цитата из неизвестной трагедии, фр. 184 сл. Риббекк²; ср. Цицерон, II филиппика, 104.
- ²⁰¹ После победы Цезаря в гражданской войне усадьбы и дома многих помпеянцев достались цезарианцам — путем покупки на аукционе или как дар победителя. Дом Помпея достался Марку Антонию.
- ²⁰² Луций Лициний Лукулл Понтийский — консул 74 г. В первую войну с Митридатом VI (88—84) был легатом Суллы; во вторую войну с Митридатом вначале как проконсул командовал войсками, затем был заменен Помпеем. См. Цицерон, речи: О Манилиевом законе, 20; В защиту Клуенция, 137; В защиту Мулены, 33; В защиту Сестия, 93; «О законах», III, 30; «О пределах добра и зла», II, 107.
- ²⁰³ Ср. Цицерон, речь в защиту Сестия, 93.
- ²⁰⁴ Цицерон пользуется римскими терминами; ср. выше, 75. Софокл был афинским стратегом во время войн против Самоса.
- ²⁰⁵ Ambulatio — портик для прогулок с колоннадами. Такой портик был построен в Риме Помпеем и примыкал к построенному им театру, открытому в 55 г. Такие портики имелись и в усадьбах. Ср. Цицерон, «Об ораторе», I, 28; письмо к брату Квинту, III, 1, 1 (145); Марциал, Эпиграммы, II, 14, 10.
- ²⁰⁶ Ср. Цицерон, «О государстве», II, 69.
- ²⁰⁷ Ср. выше, 30; Гораций, Сатиры, I, 3, 25; Сенека, «О гневе», II, 28, 8.
- ²⁰⁸ ...чтобы толпа оценивала их произведения... — Рассказывают, что греческий живописец Апеллес прятался за картиной и слушал замечания зрителей. См. ниже, III, 10; Плиний, «Естественная история», XXXV, 36.
- ²⁰⁹ Аристипп родился в Кирене, в IV в.; он положил начало так называемой кирен-

- ской школе (гедонизм); был учеником Сократа и оставался при нем до его смерти. См. ниже, III, 116; *Гораций*, Послания, I, 17, 23.
- ²¹⁰ Ср. *Ливий*, XXXIX, 6; *Сенека*, Письма, LXXXVIII, 18—21.
- ²¹¹ *Теренций*, «Евнух», 257 сл. Перевод А. В. Артюшкова.
- ²¹² Изготовлением *блаловоний* и мазей славилась Капуя, где они продавались на улице или в районе Сепласии. Ср. *Цицерон*, речи: II речь о земельном законе, 94; В защиту Сестия, 19; Против Писона, 24; *Гораций*, Оды, I, 31, 12; II, 7, 8; 11, 16; Сатиры, II, 3, 28.
- ²¹³ Пляска на пиру, особенно в обнаженном виде, в Риме строго порицалась. Ср. *Цицерон*, речи: Против Верреса (II/III), 23; Против Катилины, II, 23; В защиту Мурены, 13; В сенате по возвращении из изгнания, 13; «О пределах добра и зла», III, 24.
- ²¹⁴ *Ludus talarius*. Это выражение понимают по-разному: 1) азартная игра в кости, 2) пение непристойных песен и непристойные танцы, причем исполнители были одеты в платве до пят (*stola talaris*). Ср. *Цицерон*, письмо к Аттику, I, 16, 3 (22); *Квинтилиан*, XI, 58.
- ²¹⁵ Клавдиев плебисцит (218 г.?) ограничивал право сенаторов и их сыновей заниматься морской торговлей и запрещал им иметь корабль грузоподъемностью более 300 амфор. См. *Цицерон*, речь Против Верреса, (II), V, 45, *Ливий*, XXI, 63, 2.
- ²¹⁶ ...сельское хозяйство — ...самое достойное человека... Дань уважения Цицерона тяготению римлян к земле. Ср. *Гораций*, Эпод II; *Вергилий*, «Георгики», II.
- ²¹⁷ Ср. «О старости», 51 сл.
- ²¹⁸ Ср. выше, 7; 10.
- ²¹⁹ Ср. «О дружбе», 87; «О пределах добра и зла», III, 65; V, 57.
- ²²⁰ Ср. ниже, 155; III, 28.
- ²²¹ Ср. ниже, II, 5; «Тускуланские беседы», IV, 57.
- ²²² Ср. *Цицерон*, «О пределах добра и зла», III, 64.
- ²²³ *Лисис* родился в Таренте в V в. См. *Цицерон*, «Об ораторе», III, 139; *Корнелий Непот*, «Эпминонд», 2.
- ²²⁴ *Дион* (род. в 409 г. в Сиракузах) — был учеником Платона и родственником тиранна Дионисия мл. Он старался отвлечь Дионисия от разврата, но был им изгнан. В 357 г. он вооруженной силой изгнал Дионисия, но сам оказался жестоким правителем и был убит в 353 г.
- ²²⁵ Ср. *Цицерон*, «Об ораторе», III, 139; «О природе богов», I, 6; речь в защиту Архия, 14.
- ²²⁶ Ср. *Цицерон*, «О подборе материала», I, 1; «Об ораторе», III, 141 сл.
- ²²⁷ Ср. *Цицерон*, «О государстве», I, 29; *Аристотель*, «Политика», I, 2, 10.
- ²²⁸ Имеется в виду Платон, «Государство», II, 369. В сл. Ср. *Цицерон*, «О подборе материала», I, 2; «О государстве», I, 40; *Лукреций*, «О природе вещей», V, 1105 сл.
- ²²⁹ ...по мановению божественной палочки... — Поговорка; возможен намек на Гермеса или на Афины Палладу, или на Кирку. Ср. *Цицерон*, «О государстве», II, 52; *Гораций*, Оды, I, 24, 16.
- ²³⁰ *Посидоний* (род. в Апамее ок. 135 г.) — был учеником Панетия и другом Помпея. Цицерон слушал его в молодости на о-ве Родосе. См. ниже, III, 10; «О пределах добра и зла», I, 2; «О природе богов», I, 7; 123.
- ²³¹ ...чтобы мудрый совершил одно из упомянутых действий... — Этот вопрос рассматривается в книге III.

КНИГА ВТОРАЯ

- ¹ ...когда надо всем властвовал один человек... — т. е. Цезарь. Ср. I, 26; «О природе богов», I, 7; выше имеются в виду свободно избравшиеся магистраты.
- ² ...лишившись своих союзников... величайших мужей. — Имеются в виду Квинт Луций Катул сын, Гай Кальпурний Писон, Луций и Марк Лицинии Лукуллы, Помпей и др. Ср. *Цицерон*, II, филиппика, 12; письмо к близким, IV, 13, 2 (478).

- ³ О, если бы государство было в таком положении, какое в нем возникало...— Т. е. после убийства Цезаря. Далее имеются в виду Марк Антоний и его сторонники.
- ⁴ ...мои сочинения, относящиеся к выступлениям в суде и в сенате.— Свои судебные и политические речи Цицерон, после их литературной обработки, выпускал в свет в виде брошюр. Таковы его «речи», дошедшие до нас. Выше говорится о философских сочинениях.
- ⁵ Ср. Цицерон, «О государстве», I, 7; «Тускуланские беседы», V, 5; «О роке», 2.
- ⁶ Ср. Цицерон, «Учение академиков», I, 11; II, 5 сл.; «О пределах добра и зла», I, 1 сл., «Тускуланские беседы», I, 1 сл.; II, 1 сл.; «О природе богов», I, 6 сл.; «О предвидении», II, 1 сл.
- ⁷ ...я сделал это в своей другой книге...— В сочинении «Гортенсий»; от него до нас дошли фрагменты.
- ⁸ ...слышать вопросы... со стороны ученых и образованных людей...— Имеются в виду представители Новой Академии. См. «Учение академиков», II, 104.
- ⁹ См. «Учение академиков», II.
- ¹⁰ ...подобен создателям этих прославленных учений...— Аристотель и Феофраст; имеется в виду учение перипатетиков. Ср. I, 1 сл.; «О предвидении», I, 1.
- ¹¹ Ср. Цицерон. «О пределах добра и зла», II, 71. Выше имеются в виду сократики и стоики.
- ¹² Ср. Цицерон, «О законах», I, 23 сл.
- ¹³ См. Платон, «Государство», I, 378 В—С; Сенека, Письма, 95, 45.
- ¹⁴ железа, меди, золота, серебра, глубоко скрытых.— Цитата из неизвестной трагедии, фр. 154 Риббек². Ср. Цицерон, «О природе богов», II, 151.
- ¹⁵ Прибавь к этому водопроводы...— В более древнее время воду проводили в Рим по подземным каналам. Она собиралась в больших резервуарах (castella), из которых поступала в меньшие, а из них— в городские бассейны (lacus), фонтаны, бани и частные дома. Для этого применялись свинцовые или глиняные трубы. Для подведения воды в Рим возводились сооружения на арках. Древнейшим водопроводом был Аппиев (Aqua Appia, 312 г.). Постройкой водопроводов и надзором за ними ведали цензоры.
- ¹⁶ Кир Старший— основатель персидского царства, умер в 529 г.
- ¹⁷ Агесилай— царь Спарты (398—360).
- ¹⁸ Дикеарх Мессанский— ученик Аристотеля, автор трудов по философии, истории и географии. Цицерон высоко ценил его. См. «Тускуланские беседы». I, 77; письма к Аттику, II, 2, 2 (28); 12, 4 (37); 16, 3 (43); VI, 2, 3 (257); VII, 3, 1 (293); XIII, 32, 2 (614).
- ¹⁹ ...Причины этой гибели, как наводнения, моровые болезни, скитания в пустынных местностях...— Например, гибель солдат Александра Македонского в Гедросии, солдат Камбиза в пустынях Африки. См. Цицерон, речь о консульских провинциях, 5.
- ²⁰ Ср. Аристотель, «Никомахова этика», II, 5, 2; Цицерон, «Тускуланские беседы», III, 7; IV, 10 сл.
- ²¹ ...недавно подверглись три войска...— Имеются в виду поражения, нанесенные Цезарем Помпею и помпеянам: под Фарсалом (48 г.), под Тапсом (46 г.), под Мундой (45 г.). См. Светоний, «Божественный Юлий», 35 сл.
- ²² О термине «император» см. «О старости», прим. 156.
- ²³ ...поражение, какое потерпел... замечательный муж...— т. е. Помпей под Фарсалом. См. прим. 110 к кн. I.
- ²⁴ ...цари или вожаки народа сулят какие-то раздачи...— Возможно, намек на закон Клодия о выдаче зерна народу (58 г.) или на земельные законы Публия Сервилия Рулла (63 г.) или Цезаря (59 г.), на отмену долгов, бои гладиаторов. См. Цицерон, речи о земельном законе; письма к Аттику, II, 5, 2 (42); 16, 2 (43); 17, 1, (44); 18, 2 (45); 19, 2 (46); VII, 7, 6 (297).
- ²⁵ ...наняты за плату.— Имеются в виду отряды гладиаторов, составленные Публием Клодием и, для борьбы с ними, Титом Аннием Милоном (57—52 гг.) или на старания Марка Антония привлечь на свою сторону ветеранов Цезаря (44 г.).
- ²⁶ Энный, «Фиест» (?), фр. 402 Фален². Ср. I, 97; Сенека, «О гневе», II, 11, 3.

- ²⁷ *Ведь против ненависти многих людей не устоять ничьему могуществу...*— Намек на убийство Цезаря. *Тиранн* — Цезарь. См. ниже, 26. Ср. «О дружбе», прим. 90.
- ²⁸ *...в связи с безмолвными суждениями...*— Это происходило в суде или в театре при появлении лица, неугодного народу. Ср. *Цицерон*, речь в защиту Сестия, 117 сл.; письмо к Аттику, II, 19, 3 (46); *Светоний*, «Божественный Юлий», 80.
- ²⁹ О законах о тайном голосовании (*leges tabellariae*) см. «О дружбе», прим. 78.
- ³⁰ Ср. *Цицерон*, филиппики: I, 29; 33; 35; II, 64; 112; 114 сл.; V, 49 сл.
- ³¹ *Дионисий Старший* — сиракузский тиранн (405—367). Ср. *Цицерон*, «Тускуланские беседы», V, 58; *Валерий Максим*, IX, 13, 4.
- ³² *Александр* — тиранн в *Ферах* (Фессалия), преемник тиранна Ясона. См. выше, I, 108; *Плутарх*, «Пелопид», XXIX.
- ³³ *Фаларид* — тиранн Агригента (570—554), велел извять полого медного быка, в котором заживо сжигали людей, разводя под ним костер. См. ниже, III, 29; «О государстве», I, 44; «Тускуланские беседы», II, 17; V, 75. Речь против Верреса, (II) IV, 73; письмо к Аттику, VII, 20, 2 (317); *Овидий*, «Тристии», III, 11, 39; *Валерий Максим*, III, 3, 2.
- ³⁴ Имеется в виду *Деметрий Полиоркет*, царь Македонии с 294 г.; в 305 г. при осаде Родоса он применил осадные машины; отсюда его прозвание «Полиоркет», осаждающий города; когда он в 287 г. отправился в Азию в поход против Лисимаха, в Македонию вторгся царь *Пирр*.
- ³⁵ См. выше I, 6 и прим. 84. Ср. *Исократ*, речь о мире, 100.
- ³⁶ См. выше, I, 35.
- ³⁷ Ср. выше, I, 43; речь в защиту Секста Росция, 16; 136; VIII филиппика, 7; *Саллюстий*, «Катилина», IX.
- ³⁸ *...что он продает свою военную добычу.*— После своей победы в гражданской войне *Сулла* в 82 г. подверг проскрипции около 40 сенаторов и 1600 римских всадников и разместил около 120 000 своих солдат на землях своих бывших противников. См. ниже, 83; речь против Верреса, (II) III, 81; I речь о земельном законе, 6; II речь о земельном законе, 56; II филиппика, 64; 103; IV фил., 2; VIII фил., 9. *Аппиан*, «Гражданские войны», I, 95; 100; 104. *Водружение копья* — символ продажи военной добычи.
- ³⁹ *...захватывал целые провинции...*— Имеется в виду Цезарь, во время своей диктатуры раздававший земли в Кампании своим ветеранам и назначавший наместников в провинции; последнее было нарушением прав сената.
- ⁴⁰ *Массилия* (н. Марсель) — была союзным городом и оставалась верна Риму во время пунических и галльских войн. Во время гражданской войны Массилия встала на сторону Помпея и была взята Цезарем после осады. Он лишил ее территории и справил триумф, во время которого несли ее изображение. Триумф после победы над союзным городом не допускался; поэтому Цицерон и говорит, что римский народ утратил свое владычество. Ср. *Цицерон*, VIII филиппика, 18; *Цезарь*, «Гражданская война», II, 1 сл. О триумфе см. «О старости», прим. 29.
- ⁴¹ Ср. *Цицерон*, XIV филиппика, 27, конец.
- ⁴² *...от которого имущество унаследовали немногие люди...*— Наследниками Цезаря были Гай Октавий (три четверти имущества), Луций Пинарий и Квинт Педий (по одной восьмой). См. *Светоний*, «Божественный Юлий», 83.
- ⁴³ *Публий Корнелий Сулла* — родственник Луция Суллы, в 82 г. участвовал в продаже имущества проскриптов. Он был избран в консулы на 65 г., но избрание было кассировано, и он был привлечен к суду за подкуп избирателей. В 46 г., после победы Цезаря в гражданской войне, Сулла снова скупил имущество проскриптов. См. *Цицерон*, речь в защиту П. Суллы; письма: К Аттику, IV, 3, 3 (92); 18, 3 (152); XI, 21, 2 (444); 22, 2 (445); К брату Квинту, III, 3, 2 (149); К близким, IX, 10, 3 (535); 15, 5 (494); XV, 17, 2 (541); 19, 3 (545); *Цезарь*, «Гражданская война», III, 51.
- ⁴⁴ *...был городским квестором.*— Очевидно, вольноотпущенник Луция Суллы. Цезарь («вторая диктатура») довел число квесторов до 40. Ср. *Цицерон*, VIII филиппика, 9.
- ⁴⁵ *...государство мы утратили полностью.*— См. стр. 182, прим. 4.

- ⁴⁶ ...идет речь в двух моих книгах...— Этот труд Цицерона, написанный, по-видимому, в июле 44 г., утрачен. Он был известен Петrarке (1304—1374). См. Цицерон, письмо к Аттику, XI, 27, 2 (765).
- ⁴⁷ Ср. Цицерон, речь по поводу возвращения Марцелла, 25 сл.; «Тускуланские беседы», III, 3.
- ⁴⁸ Ср. выше, I, 42 сл.; ниже, 52 сл.
- ⁴⁹ ...доблестях, связанных с мякостью нрава и доступностью.— Это умеренность, воздержанность, справедливость.
- ⁵⁰ Ср. Цицерон. «О пределах добра и зла». V, 66; «Тускуланские беседы», II, 32; III, 14, сл.; «Учение академиков», I, 38.
- ⁵¹ ...ни себе, ни другому...— поговорка. Ср. Плавт, «Хвастливый воин», 702.
- ⁵² ...испытание огнем.— Поговорка. Ср. Цицерон, письмо к близким, IX, 16, 2 (470); Овидий, «Тристии», I, 5, 25; Платон, «Государство», VI, 503 А.
- ⁵³ Архипират — главарь пиратов. Ср. Цицерон, речь против Верреса, (II) V, 64 сл.
- ⁵⁴ Бардулис — иллирийский царь; Цицерон называет его разбойником, так как он вел партизанскую войну. См. Диодор, XVI, 4.
- ⁵⁵ Феопомп Хиосский (IV в.) — ученик Исократы, написал историю Греции. См. Цицерон, письмо к Аттику, II, 6, 2 (33); Авл Геллий, X, 18.
- ⁵⁶ Вириат — успешно действовал в Испании в 148—146 гг. против римских войск, во главе которых стоял консул Квинт Фабий Максим Эмилиан.
- ⁵⁷ См. Геродот, «История», I, 96.— Геродот Галикарнакский (484—424) — автор истории в 9 книгах, по числу муз; «отец историй».
- ⁵⁸ Ср. Цицерон, «О государстве», II, 24; «О законах», III, 4.
- ⁵⁹ Цицерон неоднократно касается истории человеческого общества. Ср. выше, I, 157; «О подборе материала», I, 2 сл.; «О государстве», I, 40; речь в защиту Сестия, 91 сл.
- ^{59a} ...со всеми людьми всегда говорили одним и тем же языком.— Имеются в виду законы Двенадцати Таблиц. См. выше, I, 37; ниже, III, 61; 117.
- ⁶⁰ См. выше, I, 65; Ксенофонт, «Меморабиллии», I, 7, 1 сл.; II, 39; Валерий Максим, VII, 2 ext., 1.
- ⁶¹ Тиберий Семпроний Грах — консул 177 и 163 гг. См. «О дружбе», прим. 65 и 144.
- ⁶² См. I, 20 сл.
- ⁶³ ...воинскими подвигами.— Молодые римские граждане начинали карьеру с военной службы. Бог войны Марс считался покровителем юношества.
- ⁶⁴ Твое поколение было современником войны...— Имеется в виду гражданская война 49—45 гг. Первая сторона — Цезарь, вторая — сенат и Помпей.
- ⁶⁵ ...начальником отряда конницы...— ala — эскадрон (300 всадников), составленный из числа союзных вспомогательных войск; им обыкновенно командовал один из молодых людей из числа «спутников» полководца (comites, contubernales imperatoris).
- ⁶⁶ Публий Муций Сцевола — плебейский трибун 141 г., консул 133 г., верховный понтифик. См. Цицерон, «Об ораторе», II, 52; 234; «О государстве», I, 20; 31; «О законах», II, 47; 50; 52; 57.
- ⁶⁷ О Публии Рутилии Руфе см. «О дружбе», прим. 145.
- ⁶⁸ Луций Лициний Красс (см. прим. 149 к кн. I) в возрасте 21 года привлек к суду Гая Папирия Карбона, бывшего сторонника Грахков; чтобы избежать обвинительного приговора, Карбон покончил с собой. См. Цицерон, «Брут», 103; 159; «Об ораторе», I, 40; III, 74; письмо к близким, IX, 21, 3 (496). См. также «О дружбе», прим. 106.
- ⁶⁹ Ср. выше, I, 132.
- ⁷⁰ Возможно, речь идет о письмах, которые сочинялись в школах у риториков. По свидетельству Свиды, существовало две книги писем Антипатра, которого Александр Великий в 334 г. назначил правителем Македонии. Кассандр был сыном Антипатра. Антигон — полководец Александра; после его смерти в 323 г. был одним из лиц, разделивших между собой его державу (диадохии). Был убит в 301 г. в войне за раздел державы Александра Великого: отец Деметрия Полиоркета и Филиппа.

- ⁷¹ *Марк Антоний* (143—87) — консул 99 г., оратор: был убит мариянцами: отец *Гая Антония*, консула 63 г.
- ⁷² О *Публии Сульпиции Руфе* см. «О дружбе», прим. 5. В 94 г. он привлек *Гая Норбана* к суду в связи с волнениями во время его трибуната 95 г. *Норбана* защищал *Марк Антоний*; он был оправдан.
- ⁷³ *Луций* и *Марк Лициний Лукуллы* привлекли к суду авгура *Сервилия* в отместку за то, что он обвинил их отца в хищениях. О *Луции* см. I, 140. *Марк* был усмирен *Марком Теренцием Варроном* и стал именоваться *Марком Теренцием Варроном Лукуллом Лицинианом*.
- ⁷⁴ ...как я поступил ради сицилийцев...— *Цицерон* имеет в виду дело бывшего наместника Сицилии *Гая Верреса*. См. речи против *Верреса*; «Брут», 319.
- ⁷⁵ *Гай Юлий Цезарь Страбон* Вописк обвинил *Тита Альбуция*, бывшего пропретора Сардинии (133 г.), в подкупе избирателей. См. I, 108; речи: *Дивинация* против *Цецилия*, 63; О консульских провинциях, 15; В защиту *Скавра*, 40; Против *Писона*, 92. *Альбуций* удался в изгнание в Афины.
- ⁷⁶ *Луций Фуфий* в 98 г. обвинил *Мания Аквилия*, бывшего консула 101 г., в лихоимстве. *Аквилия* успешно защищал *Марк Антоний*. В 100 г. *Аквилий* подавил восстание рабов в Сицилии. В 88 г. *Аквилий* был захвачен и казнен *Митридатом Понтийским*. См. *Цицерон*, «Брут», 222; «Об ораторе», II, 124; 194; речи: Против *Верреса*, (II) V, 3; В защиту *Флакка*, 39.
- ⁷⁷ *Гражданские права, сарит* — совокупность римского гражданина.
- ⁷⁸ ...позорно для его доброго имени.— Злостное обвинение (*kalumnia*) преследовалось на основании *Реммиева закона*; наказание: клеймение лба буквой «К». Ср. *Цицерон*, речь в защиту *Секста Росция*, 55.
- ⁷⁹ *Марк Брут*, прозванный обвинителем. Его отец был известным правоведом. Ср. *Цицерон*, «Об ораторе», II, 224; 226; «Брут», 130; речи: В защиту *Клауенция*, 140 сл.; В защиту *Фонтея*, 13.
- ⁸⁰ В 80 г., когда *Цицерону* шел 27-й год, он защищал *Секста Росция*, который по проискам *Хрисогона*, вольноотпущенника и приближенного *Суллы*, был обвинен в убийстве отца. Целью обвинения было завладеть большим состоянием *Росция-отца*.
- ⁸¹ См. выше, I, 90; *Валерий Максим*, VII, 2, ext, 10.
- ⁸² Намек на *Суллу*, *Цезаря*, *Марка Антония*. См. выше, I, 43.
- ⁸³ См. *Аристотель*, «Никомахова этика», II, 7, 4 сл.; IV, 1 сл.
- ⁸⁴ *Пирушки* — угощения для народа; мясо раздавалось в сыром или вареном виде; игры — состязания в цирке (бега или скачки, *ludi circenses*) или представления в театре; травля диких зверей происходила вначале на форуме, впоследствии в амфитеатрах.
- ⁸⁵ ...берет на себя долги друзей...— По законам Двенадцати Таблиц, заимодавец был вправе лишить несостоятельного должника свободы, наложить на него оковы и заставить его отработать свой долг, продать его в рабство («за Тибр») и даже казнить. Долговое обязательство заключалось *per aes et libram* (см. «О старости», прим. 90); несостоятельный должник становился *pehux* (взятый в кабалу). *Нехух* было запрещено *Петелиевым-Папириевым законом* в 326 г.
- ^{85a} О *Феофрасте* см. выше, I, 3.
- ⁸⁶ *Мина* — аттическая серебряная монета. *Секстариий* — около 0,5 литра.
- ⁸⁷ *Публий Лициний Красс Муциан Богатый* — консул 98 г.; покончил с собой в 87 г. во время гражданской войны, при вступлении *Гая Мария* в Рим.
- ⁸⁸ О *Луции Крассе* см. I, 116 и прим. 149. О *Квинте Муции* см. I, 116 и прим. 175. *Курульные эдилы* 103 г.
- ⁸⁹ *Гай Клавдий Пульхр* — курульный эдил 99 г.; первый украсил сцену картинами, а во время игр показал народу слонов. См. *Валерий Максим*, II, 4, 6.
- ⁹⁰ О курульных эдлах *Луции* и *Марке Лицинии Лукуллах* см. выше, I, 140 и прим. 202; II, 50 и прим. 73. При играх они выставили быков против слонов. См. *Плиний*, «Естественная история», VIII, 19; IX, 170.
- ⁹¹ *Квинт Гортенсий Гортал* (114—50) — курульный эдил 95 г., консул 69 г., знаменитый оратор, защитник *Верреса* в 70 г.; в ряде процессов *Цицерон* выступал вместе с ним как защитник. См. III, 73; «Брут», 228 сл.; 301 сл.; 317 сл.; речи: Против

- Верреса, I, 33; (II) I, 24 сл.; 99; 151; II, 24; 76; III, 6 сл.; 42; 70; 182; V, 2; 22; В защиту Рабирия, 18; В защиту Флакка, 41; В защиту Сестия, 3.
- ⁹² Децим Юний Силан — консул 62 г.
- ⁹³ Публий Корнелий Лентул Спинтер — консул 57 г., способствовал возвращению Цицерона из изгнания. Он устроил над театром матерчатую кровлю. См. Валерий Максим, II, 4, 6; Плиний, «Естественная история», IX, 137.
- ⁹⁴ О Марке Эмилии Скавре см. выше, I, 138 и прим. 199.
- ⁹⁵ Помпей — построил и открыл в 55 г. великолепный каменный театр на 40 000 мест и дал игры и бои гладиаторов; было показано 410 пантер, 20 слонов и 600 львов. См. ниже, 60; речь против Писона, 65; письмо к близким, VII, 1, 2 (127); Дион Кассий, XXXIX, 38.
- ⁹⁶ Мамерк Эмилий Лепид Ливиан был в 77 г. консулом вместе с Децимом Юнием Брутом.
- ⁹⁷ ...устроить игры нужно, но в меру своих средств, как поступил я... Цицерон был курульным эдилом в 69 г. См. речь против Верреса, (II), V, 36.
- ⁹⁸ Гней Авфидий Орест — консул 71 г. Обычай жертвовать Геркулесу десятую часть дохода от какого-либо начинания перешел в обычай устраивать угощения для народа и раздавать ему мясо.
- ⁹⁹ Марк Сей — римский всадник, друг Цицерона и Аттика; в 74 г. как эдил снабжал народ зерном по низкой цене; впоследствии был осужден. См. Цицерон, речь в защиту Планция, 12.
- ¹⁰⁰ Тит Анний Милон — плебейский трибун 57 г., был одним из сторонников возвращения Цицерона из изгнания. Милон, как и плебейский трибун 58 г. Публий Клодий, располагал отрядом гладиаторов; в 52 г., в одной из стычек, Клодий был им убит. См. Цицерон, речи: По возвращении из изгнания; Об ответе гаруспиков; В защиту Сестия; В защиту Милона.
- ¹⁰¹ О Луции Марции Филиппе см. I, 108 и прим. 150. Его отец, Квинт Марций Филипп, был консулом в 186 и 169 гг.
- ¹⁰² Гай Аврелий Котта — консул 75 г., был выведен Цицероном как участник диалогов «Об ораторе» и «О природе богов». См. «Брут», 201 сл.
- ¹⁰³ Гай Скрибоний Курион — консул 76 г., в 61 г. защищал Публия Клодия в суде по обвинению в кощунстве, совершенном им в 62 г. в доме претора Цезаря во время жертвоприношения Доброй богине. См. Цицерон, речи: О доме, 77; Об ответе гаруспиков, 8; письма к Аттику, I, 12, 3 (17); 13, 3 (19); 14, 5 (20); 16, 1 сл. (22); к близким, I, 9, 15 (159).
- ¹⁰⁴ ...был избран... в свой год... — О возрастном цензе для занятия магистратур см. «О дружбе», прим. 22. Ср. Цицерон, речь против Писона, 2 сл.
- ¹⁰⁵ К театру Помпея (см. прим. 95) примыкали храм Победы, храм Венеры и портики для прогулок. См. Гораций, Оды, I, 20, 3 сл.; Марциал, Эпиграммы, VI, 21, 6.
- ¹⁰⁶ О Перикле см. выше, I, 108, и прим. 155. Пропилеи — знаменитый портик, вход в афинский Акрополь. См. Фукидид, II, 13, 31; Плутарх, «Перикл», XII сл. О Деметрии см. прим. 5 к кн. I.
- ¹⁰⁷ ...Я подробно рассмотрел в своих книгах «О государстве». — Возможно, в утраченной V книге диалога «О государстве».
- ¹⁰⁸ Эний, неизвестная трагедия, фр. 409 Фален². Ср. Плавт, «Пуниец», 633 сл.
- ¹⁰⁹ ...наше сословие — сенаторское, в которое Цицерон перешел из всаднического после своей квестуры.
- ¹¹⁰ О Луции Лицинии Крассе см. выше, I, 108. Возможно, имеется в виду его речь в защиту законопроекта Квинта Сервилия Цепиона о возвращении судебной власти сенаторам (106 г.).
- ¹¹¹ ...владельцам смежных земель... — По законам Двенадцати Таблиц, между смежными владениями должна была проходить полоса земли шириной в 5—6 футов (confinium), считавшаяся общей; право давности (usucapio) на нее не распространялось.
- ¹¹² Феофраст по справедливости высказал хвалу гостеприимству. — Возможно, в сочинении «О богатстве»; см. выше, 56.
- ¹¹³ Кимон (род. в 504 г.) — сын Мильтиада, был афинским стратегом и одержал ряд побед над персами; в 461 г. был изгнан демократической партией; по возвращении

- из изгнания снова руководил военными действиями против персов. См. *Плутарх*, «*Кимон*», X; «*Перикл*», IX. Здесь речь идет о жителях дема. В Аттике было 12 фил, делившихся на 174 дема.
- ¹¹⁴ Ср. речь в защиту Мурены, 22. Цицерон, возможно, имеет в виду деятельность правоведа и выступления в суде; брать вознаграждение за эту помощь воспрещалось Цинциевым законом 202 г.
- ¹¹⁵ ...произошло это..., когда был жив человек...— Имеется в виду правовед Сервий Сульпиций Руф, консул 51 г.; он умер в 43 г. на пути в Мутину, направляясь для переговоров с Марком Антонием. См. Цицерон, «*Брут*», 150 сл.; «*О законах*», I, 17; речи: В защиту Мурены, 7 сл.; IX филиппика; письма к близким, IV, 1 (355); 2 (386); 3 (480); 5 (560); 6 (579); 12 (493).
- ¹¹⁶ О значении, какое в Риме придавалось красноречию, см. Цицерон, «*Брут*», 58 сл.; «*Об ораторе*», I, 12 сл.
- ¹¹⁷ См. «*Брут*», 21; 157, 331 сл.
- ¹¹⁸ ...испрашивая для них милости...— т. е. должности; на одни из них избирал народ, т. е. комиции; на другие назначали консулы.
- ¹¹⁹ Кто-то метко сказал— сам Цицерон. Ср. речи: К квирирам по возвращении из изгнания, 23; В защиту Планция, 68.
- ¹²⁰ Ср. Саллюстий, «*Катиллина*», 10—13.
- ¹²¹ ...щедрая раздача зерна...— Имеется в виду Семпрониев закон (*Гай Гракх*, 123 г.) о ежемесячной выдаче каждому римскому гражданину зерна по цене в 6,5 ассов за модий. Ср. Цицерон, «*Брут*», 222; «*Тускуланские беседы*», III, 48; речи: В защиту Фонтя, 39; В защиту Сестия, 103.
- ¹²² После падения Гая Гракха его закон о выдаче зерна не был отменен сразу. В 120 (?) г. плебейский трибун *Марк Октавий* провел плебисцит, изменивший Семпрониев закон и повысивший стоимость выдаваемого зерна.
- ¹²³ Луций Марций Филлипп— плебейский трибун 104 г. Его законопроект, возможно, подготовил почву для движения Луция Аппулея Сатурнина в пользу издания земельного закона. Ср. I, 108; II, 59; III, 87; «*Об ораторе*», I, 24.
- ¹²⁴ Ср. выше. I, 157 сл.: «*О государстве*», I, 40, речь В защиту Сестия, 91
- ¹²⁵ Ср. «*О старости*», 41; «*О государстве*», III, 40. *Гай Понций*— самнитский полководец, в 321 г. нанесший римлянам поражение в Кавдинском ущелье; в 292 г. был разбит консулом Квинтом Фабием Максимом и казнен после его триумфа.
- ¹²⁶ Закон об учреждении постоянного суда по делам о вымогательстве (*quaestio perpetua de repretundis*), проведенный в 149 г. плебейским трибуном Луцием Кальпурнием Писоном Фруги и направленный против злоупотреблений римских наместников в провинциях. См. Цицерон, «*Брут*», 106.
- ¹²⁷ ...было издано столько законов...— Ацилиев закон 123 г., Сервилиев закон 108 г., Корнелиев закон 81 г., Юлиев закон 59 г.
- ¹²⁸ Итальянская война (Союзническая, или Марсийская), 90—88 гг. См. выше, I, 108 и прим. 152.
- ¹²⁹ Публий Сципион Африканский Младший, см. стр. 185; I, 76; 116.
- ¹³⁰ Луций Эмилий Павел Македонский— консул 182 и 168 гг. См. «*О старости*», прим. 38; *Веллей Патеркул*, I, 9, 6.
- ¹³¹ ...уничтожив до основания богатейший город.— Коринф, взятый и разрушенный римлянами в 146 г. Ср. I, 35; «*О природе богов*», III, 91.
- ¹³² См. *Плутарх*, «*Агис*», IX; *Диодор Сицилийский*, VII, 14, 5.
- ¹³³ ...согнать владельцев с их земель...— Possessores— лица, получившие от казны длинные или пришедшие в запустение земли в бессрочное пользование (*ager occupatorius*); см. прим. 25 к кн. I. Сулла, придя к власти в 82 г., роздал многим своим сторонникам, в частности солдатам, земельные участки, ранее принадлежавшие его противникам. Так возникло выражение «*Sullani possessores*» («*владельцы милостью Суллы*»). См. Цицерон, речи о земельном законе: I, 15; II, 98.
- ¹³⁴ *Concordia ordinum*— согласие между сенаторским и всадническим сословиями; достижение и сохранение этого согласия Цицерон считал одной из задач своего консулата. Согласие было поколеблено непримиримым отношением сената к ходатайству откупщиков (римских всадников) об уменьшении платы за откупы в провинции Азии

- (61 г.). См. *Цицерон*, речи: В защиту Клуенция, 152; III речь о земельном законе, 4; В защиту Мурены, 62; 78; письма к Аттику, I, 17, 9 сл. (23); 18, 7 (24); II, 1, 8 (27); 16, 2, 4 (43).
- ¹³⁵ По-видимому, имеется в виду земельная реформа Тиберия Гракха (133 г.). Ср. *Цицерон*, II речь о земельном законе, 57.
- ¹³⁶ Спартанский царь *Агис IV* и эфор *Лисандр* предложили отменить долги, распределить земли и принимать чужеземцев в городскую общину. Эти предложения были отвергнуты, Лисандр был предан суду; Агис был убит (241 г.). См. *Плутарх*, «Агис»; «Клеомен».
- ¹³⁷ В 222 г. спартанский царь Клеомен III был разбит македонским царем Антигоном Дисоном. В 197 г. Тит Квинкий Фламиний одержал победу над македонянами под Киноскефалами и от имени Рима провозгласил свободу Греции. В 171 г. македонский царь Персей восстал против Рима, но был разбит под Пидной в 168 г. В 148 г. Македония стала римской провинцией. В 147 г. ахейцы восстали против Рима; они были разбиты Луцием Муммием в 146 г., и Греция стала римской провинцией.
- ¹³⁸ *Арат* добился вступления Сикиона в Ахейский союз и в 245 г. был избран его главой. Он заключил союз с македонскими царями Антигоном Дисоном, а затем с Филиппом V, направленный против этолян, но был отравлен Филиппом, добивавшимся владычества над Грецией. См. *Плутарх*, «Арат».
- ¹³⁹ ...бросить имущество граждан под ноги глашатаю, чтобы он объявлял о его продаже.— Это произошло во время диктатуры Суллы и снова во время диктатуры Цезаря, после победы последнего над помпеянцами. См. выше, 27; 29.
- ¹⁴⁰ Ср. выше, I, 85 сл.
- ¹⁴¹ ...чтобы ты против моей воли пользовался моим имуществом! — В 48 г. претор Марк Целлий Руф предложил отменить задолженность по квартирной плате; несмотря на волнения в Риме, предложение это не было принято. В 47 г. было отвергнуто такое же предложение плебейского трибуна Публия Корнелия Долабеллы. Цезарь предоставил годичную отсрочку по квартирной плате. См. *Цезарь*, «Гражданская война», III, 21; *Кассий Дион*, XLII, 22; 51.
- ¹⁴² ...все это зло было в государстве уничтожено.— Имеется в виду движение Катилины. См. *Цицерон*, II речь против Катилины, 18; *Саллюстий*, «Катилина», 49.
- ¹⁴³ ...победитель, в прошлом побежденный...— Намек на двойственную роль Цезаря во время движения Катилины и на его личную заинтересованность в отмене долгов. В 63 г. задолженность Цезаря дошла до 23 миллионов сестерциев. См. *Цезарь*, «Гражданская война», III, 1; 22 сл.; *Светоний*, «Божественный Юлий», 38; 42; *Цицерон*, письмо к Аттику, X, 8, 2 (488).
- ¹⁴⁴ *Антипатр Тирский* — друг Марка Порция Катона Утического, умер в Афинах незадолго до появления трактата Цицерона «Об обязанностях».
- ¹⁴⁵ «*Домострой*» (*Oeconomicus*) — диалог *Ксенофонта*, в котором описывается жизнь богатого землевладельца.
- ¹⁴⁶ *Ян* — древнее римское божество, изображавшееся двуликим. Ему был посвящен сводчатый проход на форум, называвшийся *Ianus medius*. Около него были лавки менял. См. *Цицерон*, VI филиппика, 5; *Овидий*, «Лекарства от любви», 561; *Гораций*, Сатиры, II, 3, 18.
- ¹⁴⁷ Высказывания Катона Старшего о скотоводстве подтверждаются Колумеллой («О сельском хозяйстве», VI, введение, 4) и Плинием Старшим («Естеств. история», XVIII, 29).
- ¹⁴⁸ «А отдавать деньги в рост?» — По законам Двенадцати Таблиц, ставка по займам не должна была превышать 12% годовых, но это нарушалось, и в провинциях ставка доходила до 48% годовых. См. *Цицерон*, письма к Аттику, V, 21, 11 сл. (249); VI, 1, 3 сл. (251); 2, 7 сл. (257).

КНИГА ТРЕТЬЯ

¹ Ср. *Цицерон*, «О государстве», I, 27; речь в защиту Планция, 66. Возможно, что Катон Цензорий писал об этом в своих «Началах». См. *Плутарх*, «Апофтеммы царей и полководцев», 196 В, 1; *Энний* «Ифигения», фр. 234 сл.; 238 Фален².

- ² ...часто бываю один.— Имеется в виду время диктатуры Цезаря. Цицерон тогда проводил много времени в своих усадьбах, особенно после смерти дочери Туллии (45 г.). «Нечестивое оружие» — гражданская война.
- ³ ...избегая взоров преступников.— Имеются в виду Марк Антоний и его сторонники
- ⁴ См. ниже, 102; 105. Ср. *Плавт*, «Господа и рабы», 120.
- ⁵ ...некогда принесший покой гражданам...— Имеется в виду подавление движения Катилины. См. «О старости», прим. 115. В подлиннике игра слов: *otium* — досуг и *otium* — покой, гражданский мир.
- ⁶ ...в течение короткого времени написал больше, чем...— Цицерон написал большинство своих сочинений по философии и риторике в 46—44 гг.
- ⁷ Ср. выше, I, 9 сл.; письмо к Аттику, XVI, 11, 4 (799).
- ⁸ Ср. выше, I, 159.
- ⁹ О *Публии Рутилии Руфе* см. II, 47; «О дружбе», 101.
- ¹⁰ *Апеллес* — афинский живописец; ему одному было разрешено написать портрет Александра Македонского; написал знаменитую в те времена картину, изображавшую богиню Афродиту выходящей из морской пены («Анадиомена»). Его другая картина, о которой здесь говорится, осталась незаконченной. Ср. *Цицерон*, «О предвидении», I, 23. См. *Плиний*, «Естественная история», XXXV, 10, 36. См. прим. 208 к кн. I.
- ¹¹ По учению стоиков, в сравнении с доблестью все остальное не представляет ценности; по учению перипатетиков, к которым принадлежал Кратипп («ваши»), все прочее имеет ограниченное значение. Ср. I, 6; III, 33.
- ¹² ...все доводы, помещенные с другой стороны, едва ли обладают малейшим весом...— Намек на образное выражение перипатетика Критолая (II в.): чаша весов, на которой находятся духовные блага, настолько перевешивает чашу с материальными благами, что вдавливаются в землю и море. Ср. *Цицерон*, «Тускуланские беседы», V, 51; «О пределах добра и зла», V, 92.
- ¹³ ...кто предметы, достойные их стремлений, измеряет... доставляемым ими наслаждением...— т. е. гедонисты — Аристипп Киренский (IV в.) и его школа. См. ниже, 116.
- ¹⁴ ...кто предметы, достойные их стремлений, измеряет... отсутствием боли...— т. е. эпикурейцы. Ср. «О пределах добра и зла», II, 16. «Отсутствие боли» (*indolentia*) — перевод термина «анальгесия».
- ¹⁵ ...кто считает единственным благом то, что прекрасно в нравственном отношении...— Положение стоицизма, не вполне совпадающее с положением перипатетиков. См. I, 6; III, 11; 33.
- ¹⁶ См. ниже, 14; ср. I, 8; III, 69; «О пределах добра и зла», III, 58 сл.; IV, 15.
- ¹⁷ ...«удовлетворяет всем числам»...— Или «обладает всеми качествами». По учению стоиков, нравственный закон составляет часть законов мира, управляемого числами. Ср. «О пределах добра и зла», III, 24.
- ¹⁸ О *Дециях* см. I, 61; «О старости», 43; «О предвидении», I, 51. Имеются в виду Гней *Сципион Кальв*, консул 222 г., и его брат, *Публий Сципион*, консул 218 г., павшие в Испании во время второй пунической войны. Ср. I, 61; 121; «О старости», 29; 75; 82.
- ¹⁹ О *Фабриции* ср. I, 40; «О старости», 18; 28; 39; «О дружбе», 18; 28; 39.
- ²⁰ Об *Аристиде* см. «О старости», 21 и прим. 50.
- ²¹ Имеются в виду *Марк Катон Цензорий* (см. выше, I, 79; «О дружбе», 6) и *Гай Лелий* (см. выше, I, 90; «О дружбе», 6).
- ²² О семи мудрецах Греции см. «О дружбе», прим. 13.
- ²³ Ср. ниже, 37; выше, I, 30.
- ²⁴ ...тот, кто убил тирана, хотя это и был очень близкий ему человек.— Намек на убийство Цезаря. О *тиранных* см. «О дружбе», прим. 91.
- ²⁵ *Формула* — юридический термин, относящийся к тяжбам между частными лицами: городской претор, по ознакомлении с делом (*in iure*), назначал судью, бывшего частным лицом, и давал ему формулу, т. е. письменное разъяснение предмета тяжбы и составленное в виде условного периода указание, в каком случае судья должен признать иск и в каком случае должен в иске отказать. *Формулярный процесс* вначале применялся при тяжбах между чужеземцами, которые разбирались претором по делам

- чужеземцев (praetor peregrinus); в середине II в., на основании Эбуциева закона, формулярный процесс начали применять и при тяжбах между римскими гражданами.
- ²⁶ Историю Академии принято делить на три периода: 1) *Старая Академия* — непосредственные последователи Платона; во главе ее стояли Спевсипп и Ксенократ; 2) *Средняя Академия* — скептицизм, с двумя школами, Аркесилая и Карнеада; 3) *Новая Академия*: школа Филона из Лариссы, склонная к догматизму, и эклектически-догматическая школа Антиоха из Аскалона. Новую Академию Цицерон часто называет «нашей». См. «Об ораторе», III, 62 сл.; «Брут», 149.
- ²⁷ Т. е. академики перипатетики.
- ²⁸ Ср. *Ливий*, II, 32 (басня, рассказанная Менением Агриппой); *Сенека*, «О гневе», II, 31; *Ксенофонт*, «Меморабилли», II, 18.
- ²⁹ ...встречая противодействие со стороны природы... — т. е. со стороны естественного права, в противоположность гражданскому (цивильному) праву.
- ³⁰ Под *правом народов* (ius gentium, ius universum) Цицерон понимает естественное право, вытекающее из уз между людьми (societas generis humani), созданных богами. См. ниже, 69.
- ³¹ Ср. *Цицерон*, «О государстве», III, 33; «О законах», I, 16 сл.; II, 8 сл.; «О природе богов», II, 79.
- ³² Ср. *Цицерон*, речь в защиту Сестия, 143; «О государстве», неизвестная книга, фр. 1; «О пределах добра и зла», II, 118 сл.; III, 66; «Тускуланские беседы», I, 32; *Гораций*, Оды, III, 3, 9; IV, 5, 36; 8, 29; *Софокл*, «Трахинянки», 1010 сл.; 1160.
- ³³ Ср. выше, I, 153 сл.
- ³⁴ ...я не вправе посягнуть в своих интересах на кого бы то ни было. — Особенность морали стоиков — сознание необходимости честных намерений. Ср. *Цицерон*, «Парадоксы стоиков», III.
- ³⁵ О *Фалариде* см. прим. 32 к кн. II.
- ³⁶ ...кого в нравственном отношении прекрасно убить... — снова намек на убийство Цезаря, представляющееся Цицерону оправданным. Ср. выше, 19; II, 23.
- ³⁷ Ср. *Цицерон*, «О государстве», II, 48.
- ³⁸ Ср. *Цицерон*, «Тускуланские беседы», I, 5; «О пределах добра и зла», V, 83; *Платон*, «Менон», 86 E сл.
- ³⁹ ...к нравственно-прекрасному надо стремиться... ради него самого. — Цицерон подчеркивает различие между учениями стоиков и перипатетиков, а далее свою принадлежность к Новой Академии.
- ⁴⁰ Ср. выше, 11.
- ⁴¹ «...своим оружием...» — *Marte nostro*, поговорка. Ср. речь против Верреса, (II) III, 9; II филиппика, 95.
- ⁴² *Зенон* (332—262) родился в Киттии на Кипре, учился в Афинах у киника Кратеса и у академиков Ксенократа и Палемона; в 303 г. основал свою школу, названную стоической (от греческого *στοά ποικίλη* — портик, где он вел занятия).
- ⁴³ Ср. выше, 11 и прим. 12.
- ⁴⁴ ...киры, связанной с самим позором. — Положение стоицизма: доблесть сама по себе делает человека счастливым; наказание за совершенное зло связано с внутренней сущностью последнего и более тяжело, чем кара со стороны властей. Ср. *Сенека*, письмо 87, 24.
- ⁴⁵ См. *Платон*, «Государство», II, 359 C; *Геродот*, I, 8 сл.
- ⁴⁶ ...некоторые философы... — т. е. эпикурейцы. Ср. *Цицерон*, речь против Писона, 70; «Тускуланские беседы», I, 48; «О пределах добра и зла», II, 80.
- ⁴⁷ Традиция приписывает консулу 509 г. Луцию Юнию *Бруту* ниспровержение царской власти и изгнание царя *Тарквиния Гордого*. Ср. *Цицерон*, I филиппика, 13.
- ⁴⁸ Согласно традиции, династия *Тарквиниев*, этрусского происхождения, дала Риму его пятого царя, *Тарквиния Приска*, и седьмого, *Тарквиния Гордого*. Ср. *Цицерон*, «О государстве», II, 53; *Ливий*, I, 56 — II, 2 сл.
- ⁴⁹ ...царем, основавшим город... — *Ромул*. См. «О государстве», II, 4 сл.
- ⁵⁰ ...он убил брата... — т. е. *Рема*. См. *Ливий*, I, 7.
- ⁵¹ *Квирин* — божество, с которым впоследствии был отождествлен обожествленный

- Ромул. См. «О государстве», II, 20; «О законах», I, 3; II, 19; Эний, «Анналы», I, фр. 117 Фален²; Гораций, Оды, III, 3, 16.
- ⁵² Хрисипп (около 280—204) — философ-стоик; родился на Кипре, учился в Афинах у Клеанфа, которого в 232 г. заменил как глава школы. Противник скептицизма академика Аркесилая.
- ⁵³ ... выступать по делу столько времени, сколько позволяют законы.— Например, изданный в 52 г. Помпеев закон о сокращении магистратур незаконными путями (*lex Pompeia de ambitu*) ограничивал тремя часами время произнесения обвинительной речи и двумя часами время защитительной речи.
- ⁵⁴ Ср. Цицерон, «О государстве», VI, 26.
- ⁵⁵ Ср. Цицерон, «О дружбе», 13; «О законах», I, 22; 24; 59; «О пределах добра и зла», V, 38; «Тускуланские беседы», I, 56; 64 сл.; 70; V, 38.
- ⁵⁶ Это мог быть Дионисий Старший (см. II, 25, прим. 31) или его сын Дионисий Младший, тиранн Сиракуз с 357 г.; он был в 357 г. изгнан Дионом и стал тиранном Локр. Через 10 лет он снова завладел властью в Сиракузах, но в 343 г. был вынужден сдаться Тимолеонту и удалился в изгнание. Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», V, 63.
- ⁵⁷ Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», II, 79; «Тускуланские беседы», V, 63; Валерий Максим, IV, 7 est., 1.
- ⁵⁸ См. выше, I, 35.
- ⁵⁹ Эина пала в 457 г. См. Валерий Максим, IX, 2 est., 8; Элиан, «Пестрые рассказы», II, 9.
- ⁶⁰ Марк Юний Пенн был плебейским трибуном в 125 г., автор закона о чужеземцах. См. Цицерон, «Брут», 109; речи: В защиту Архия, 10; В защиту Бальба, 52.
- ⁶¹ Гай Папий был плебейским трибуном в 65 г. Папиев закон о чужеземцах был направлен против присвоения гражданских прав чужеземцами. См. Цицерон, речи: В защиту Архия, 10; I речь о земельном законе, 13; В защиту Сестия, 30; В защиту Бальба, 52.
- ⁶² О Луции Лицинии Крассе см. I, 108. О Квинте Муции Сцеволе см. I, 116. Лициниев-Муциев закон *de civibus redigundis* (95 г.) ограничивал предоставление гражданских прав, особенно латинянам. См. Цицерон, «Брут», 63; «Об ораторе», II, 257; речь в защиту Бальба, 48; 54.
- ⁶³ В начале второй пунической войны Ганнибал взял Сагунт в 219 г., перешел через Альпы и нанес римлянам ряд поражений. После поражения римлян под Каннами срок траура был сокращен, и все усилия были направлены на восстановление армии; от выкупа пленных отказались; в войска были привлечены совсем молодые люди, рабы и осужденные преступники, которым обещали свободу; из храмов было изъято трофейное оружие. См. Ливий, XXII, 61; XXIII, 13.
- ⁶⁴ Ксеркс I (485—465) — сын Дария I, в 480 г. возобновил войну против Греции, начатую его отцом. Он перешел через Геллеспонт, одержал в Фермопилах победу над спартанским царем Леонидом, вошел в Афины, но был разбит на море под о-вом Саламином и возвратился в Персию. Войска, оставленные им в Греции, были разбиты на суше под Платеями и на море под Микале. О Кирсиле см. Демосфен, речь о венке, 204.
- ⁶⁵ См. Плутарх, «Фемистокл», XX; Валерий Максим, VI, ехт. 2.
- ⁶⁶ После разгрома пиратов, совершенного Помпеем в 67 г., они снова усилились во время гражданской войны 49—45 гг. «Союзники» — это Массилия и царь Деиотар, на которых Цезарь наложил дань. Ср. II, 28; II филиппика, 93 сл.
- ⁶⁷ Учениками Диогена Вавилонского были Антипатр Тарсийский и Панэтий Родосский; последний был также и учеником Антипатра. См. «О старости», прим. 56.
- ⁶⁸ Ср. выше, I, 11 сл.; 153; III, 26.
- ⁶⁹ Ср. Цицерон, «О государстве», III, 29.
- ⁷⁰ Что это, как не неуказание пути заблудившемуся...— Реминисценция из Эния; ср. выше, I, 51.
- ⁷¹ Ср. Афиней, «Пир софистов», VI, 35, 10 (238 F).
- ⁷² См. Цицерон, «Об ораторе», II, 280.
- ⁷³ Гай Аквиллий Галл был в 66 г. претором вместе с Цицероном; правовед. Ср. Цицерон,

- «Брут», 154; «О природе богов», III, 74; речь по делу Цецины, 77 сл. О формуле см. выше, прим. 25.
- ⁷⁴ О Двенадцати Таблицах см. прим. 54 к кн. I.
- ⁷⁵ Плеториев закон об охране интересов малолетних, т. е. граждан моложе 25 лет, от недобросовестности их опекунов был издан в 193/192 гг. Ср. *Плавт*, «Раб-обманщик», 303; «Канат», 1382.
- ⁷⁶ ...в случае фидуциарного обязательства...— *Fiducia* — контракт, когда должник, в обеспечение своего займа, передавал займодавцу свою вещь в виде залога на определенный срок (*fiducia cum creditore contracta*); передача совершалась путем манципации (см. «О старости», прим. 90) или цессии (отступки от своего права) перед претором (*in iure sessio*). Вещь можно было передать также и другу (*fiducia cum amico contracta*) в виде дипозита, с определенной целью, к выгоде одной или обеих сторон. Займодавец обязывался возвратить залог после уплаты долга; невозвращение залога было поводом для иска (*actio fiduciae*). Возврат совершался путем реманципации.
- ⁷⁷ О *Квинте Муции Сцеволе* см. выше, I, 116; II, 57.
- ⁷⁸ Ср. *Энний*, «Медя-изгнанница», фр. 273 Фален²:
Мудрый, раз себе он не полезен, будет мудрым тщетно.
Ср. *Цицерон*, письма к близким, VII, 6, 2 (135); XIII, 15, 2 (577); *Еврипид*, фр. 905 Наук².
- ⁷⁹ *Гекатон Родосский* (IV в.) — ученик Панэтия, написал трактат «О долге».
- ⁸⁰ О *Квинте Элии Тубероне* см. «О дружбе», прим. 66.
- ⁸¹ ...достаточно нести ответственность за то, что было названо словесно...— Имеется в виду положение Таблицы VI, 1.
- ⁸² Об *авгурах*, *авгуриях* и *авспициях* см. «О старости», прим. 26; «О дружбе», прим. 15. В каждом значительном римском городе имелась крепость, кремль. В Риме крепость находилась на малой вершине Капитолийского холма. *Центумал* и *Ланарий* нам неизвестны.
- ⁸³ ...насчет всего того, что ему должно быть дано и для него сделано в соответствии с доверием.— Цицерон приводит преторскую формулу по поводу тяжбы и невыполнения соглашения; она предписывает судье вынести решение по закону, но руководствоваться также и доверием. Ср. *Гай*, Институции, IV, 47.
- ⁸⁴ *Марк Порций Катон* — плебейский трибун 91 г., отец Катона Утического. См. *Цицерон*, «Брут», 222; *Авл Геллий*, XIII, 20, 14.
- ⁸⁵ *Марк Марий Гратидиан* — внук Марка Гратидия, чья сестра была бабкой Цицерона. Усыновленный братом Гая Мария, он был плебейским трибуном в 87 г. и претором в 84 г.; казнен во время сулланских проскрипций. См. *Цицерон*, «О законах», III, 36; «Брут», 168; *Квинт Цицерон*, «Наставление по соисканию консулата», 10 (12).
- ⁸⁶ *Гай Сергий Сна Ората* был известен своей роскошью в быту. См. *Цицерон*, «Об ораторе», I, 178; *Валерий Максим*, IX, I, 1.
- ⁸⁷ *Дом* этот был предметом *сервитута*...— *Servitus* (рабство вещи, служение вещи) — вещные права, предоставлявшиеся собственнику «господствующего угодия» (*praedium dominans*): в строго определенных границах использовать соседнее угодие (*praedium serviens*). Сельские (древнейшие) сервитуты: право прохода и проезда через земли соседа, прогона и водопоя скота, проведения и черпания воды. Городские (позднейшие) сервитуты: право делать крышу с проникновением в воздушное пространство соседа, опирать балки на стену соседа, опирать постройку на чужую опору; право стока дождевой воды, спуска воды, проведения канала для нечистот; право требовать, чтобы не были застроены окна дома, чтобы не был испорчен вид из окон, чтобы соседнее строение было не выше определенной меры. Сервитуты приобретались путем манципации.
- ⁸⁸ О манципации см. «О старости», прим. 90.
- ⁸⁹ О *Луции Лицинии Крассе* см. I, 108 и прим. 149. О *Марке Антонице* см. II, 49 и прим. 74.
- ⁹⁰ Ср. выше, I, 50 сл.
- ⁹¹ О праве народов см. прим. 30. Под гражданским правом (*ius civile*) Цицерон понимает законы, постановления сената, решения суда, эдикты магистратов, разъяснения правоведов. См. *Цицерон*, «Топика», 29; «Об ораторе», I, 166 сл.

- ⁹² Ср. *Гораций*, Послания, II, 2, 1 сл.
- ⁹³ См. *Авл Геллий*, IV, 2; *Варрон*, «О сельском хозяйстве», II, 10, 5.
- ⁹⁴ *Луций Минуций Басил* — возможно, участник заговора против Цезаря. Ср. *Цицерон*, II филиппика, 107; письма: К Аттику, XI, 5, 3 (410); К близким, VI, 5 (701); *Цезарь*, «Галльская война», VI, 29; VII, 90; *Валерий Максим*, IX, 4, 1.
- ⁹⁵ О *Марке Крассе* см. прим. 28 к кн. I; о *Квинте Гортенсии* — прим. 91 к кн. II.
- ⁹⁶ *Марк Сатрий*, усыновленный *Басилом*, стал именоваться *Марком* (или *Луцием*) *Минуцием Басилом Сатрианом*. См. прим. 94.
- ⁹⁷ Здесь текст, по-видимому, испорчен. Возможно, что позорная известность связана с тем, что римские граждане, живущие в этих областях, вынуждены выбирать себе патрона, словно они — покоренный Римом народ. См. I, 35.
- ⁹⁸ См. I, 28 сл.
- ⁹⁹ ...*шелкнув пальцами*... — поговорка; таким образом господин звал своего раба. Ср. *Плавт*, «Хвастливый воин», 206; *Тибулл*, *Элегии*, I, 2, 32; *Петроний*, *Сатиры*, 27; *Марциал*, *Эпиграммы*, III, 82, 15.
- ¹⁰⁰ О пляске см. I, 150 и прим. 213. Это было бы неподобающим поступком, нарушением четвертого положения о нравственной красоте. Ср. I, 93 сл.; III, 93.
- ¹⁰¹ *Гай Флавий Фимбрия* — консул 104 г., оратор; был убит во времена господства *Цинны*. *Цицерон* называет его здесь консулом, чтобы отличить его от *Фимбрия*, легата *Луция Валерия Флакка*, проконсула Азии в 85 г. См. *Цицерон*, «*Брут*», 129; «*Об ораторе*», II, 91.
- ¹⁰² *Спонсия* — словесное соглашение при обязательствах и тяжбах между римскими гражданами, состоявшее в обмене торжественными заявлениями в виде вопроса и ответа: «Обязуешься ли ты...?» — «Обязуюсь...» (*Spondesne? — Spondeo.*). В древнейшее время спонсия носила также и сакральный характер. См. *Авл Геллий*, XIV, 2, 4 сл.
- ¹⁰³ О *Сократе* см. прим. 137 к кн. I. *Цицерон*, по-видимому, имеет в виду учение *Сократа* о единстве доблести. См. *Платон*, «*Протагор*», 329 С сл.; 349 В сл.
- ¹⁰⁴ ...*с ним играли на пальцах в потемках*... — поговорка. Игра состояла в том, что один участник ее быстро поднимал руку с тем или иным числом выпрямленных пальцев, а другой называл их число. Ср. *Цицерон*, «О пределах добра и зла», II, 52; *Светоний*, «*Божественный Август*», 13; *Петроний*, *Сатиры*, 44.
- ¹⁰⁵ См. выше, 38.
- ¹⁰⁶ О *Гае Марии* см. прим. 108 к кн. I. *Саллюстий* («*Югурта*», 63 сл.) описывает этот эпизод несколько иначе.
- ¹⁰⁷ *Квинт Цецилий Метелл* — консул 109 г., получил прозвание «*Нумидийский*» после победы над царем *Югуртой*. В 101 г. он добровольно удалился в изгнание, отказавшись дать клятву соблюдать земельный закон *Луция Аппулея Сатурнина*. В глазах *Цицерона* он был образцом древней римской доблести. См. речи: Против *Верреса*, (II) IV, 147; В сенате по возвращении из изгнания, 25; О доме, 87; В защиту *Сестия*, 37, 130; В защиту *Целия*, 59; письма: К Аттику, I, 16, 4 (22); К близким, I, 9, 16 (159).
- ¹⁰⁸ Вначале *Югурта* был союзником Рима и в 133 г. участвовал в войне против *Нуманции*; но после его воцарения в *Нумидии* между ним и Римом началась война. В 111 г. *Югурта*, за взятку, добился от консула *Луция Кальпурния Бестия* заключения выгодного для себя мира, но сенат не утвердил этого договора, и война возобновилась. Под командованием *Спурия Поступия Альбина*, затем *Квинта Метелла* и, наконец, *Гая Мария* римляне одержали ряд побед, и *Югурта*, преданный своим тестем *Боксом*, царем *Мавретании*, был взят в плен и казнен в Риме после триумфа *Мария* в 105 г.
- ¹⁰⁹ О *Марке Марии Гратидиане* см. выше, 67. Ср. *Плиний*, «*Естественная история*», XXXIII, 132; XXXIV, 27; *Сенека*, «*О гневе*», XVIII, 1.
- ¹¹⁰ ...*упорядочить положение с монетами*... — Во время второй пунической войны, когда *Ганнибал* вторгся в Италию, в Риме была выпущена неполноценная серебряная монета, что вызвало затруднения при платежах и расчетах. См. *Плиний*, XXXIII, 9, 46.
- ¹¹¹ О *рострах* см. «*О старости*», прим. 79.

- ¹¹² ...ему казалось весьма полезным.— Но этого не произошло, так как Марк Марий Гратидиан был казнен Суллой; см. прим. 85.
- ¹¹³ ...тот, кто даже тестем своим пожелал иметь человека, благодаря дерзкой отгаке которого он мог бы стать могущественным.— Имеется в виду Помпей, который весной 59 г. женился на Юлии, дочери Цезаря, для чего был расстроен ее предполагавшийся брак с Сервилием Цепионом. См. *Плутарх*, «Цезарь», XIV; «Помпей», XLVII; *Светоний*, «Божественный Юлий», 21.
- ¹¹⁴ *Еврипид*, «Финикиянки», 524 сл. Ср. I, 26. См. *Светоний*, «Божественный Юлий», 30, 5.
- ¹¹⁵ Этеокл и Полиник, сыновья Эдипа и Иокасты (миф.), изгнав своего отца после того, как был обнаружен инцест, условились царствовать поочередно по году. Полиник покинул Фивы, но когда он через год возвратился, чтобы воцариться на год, то Этеокл ему в этом отказал. Полиник обратился за помощью к Адрасту, царю Аргоса, и пошел войной на Фивы. Братья пали на поединке. Трагедия Еврипида на эту тему до нас не дошла.
- ¹¹⁶ *Еврипид* (480—406) — родился на о-ве Саламине, был слушателем Анаксагора и Сократа; в 441 г. как трагический поэт одержал в Афинах победу над Софоклом; автор ряда трагедий.
- ¹¹⁷ ...быть царем римского народа и властелином над всеми племенами...— т. е. Цезарь. См. *Светоний*, «Божественный Юлий», 79 сл. О царской власти см. «О дружбе», прим. 64.
- ¹¹⁸ ...отцеубийство отечества...— *Parricidium* — убийство римского гражданина, отца, главы ветви рода (*pater familias*); оно каралось так называемой *roepa cullei*: убицу зашивали в кожаный мешок и топили в реке или в море. «Отцеубийство отечества» (*parricidium patriae*) — частое выражение у Цицерона. Ср. речи: В защиту Секста Росция, 28 сл.: В защиту Суллы, 6; О своем доме, 133; Против Ватиния, 35; В защиту Пландия, 70; II филиппика, 17; IV филиппика, 5; XI филиппика, 29.
- ¹¹⁹ Цезарь был провозглашен отцом отечества (*parens patriae*) после своей победы над помпеянами под Мундой (45 г.); Цицерон — в 63 г. после подавления движения Катилины. См. *Цицерон*, речи: В защиту Сестия, 121; Против Писона, 6; *Ювенал*, *Сатиры*, VIII, 244.
- ¹²⁰ Ср. *Цицерон*, «О государстве», II, 52; *Ливий*, I, 49 сл.
- ¹²¹ *Акций*, «Атрей» (?), фр. 651 Риббекк². Луций Акций родился в 170 г. в Писавре; автор около 50 трагедий.
- ¹²² По мифу, Пелоп был сыном Тантала, сына Зевса. У Пелопа были сыновья Фiest и Атрей; Тантал убил Пелопа и его мясом угостил богов; Пелоп был воскрешен богами; он считался основателем олимпийских игр. Цицерон часто упоминает о пелопидах. См. Письма: К близким, VII, 28, 2 (475); 30, 1 (696); К Аттику, XIV, 12, 2 (716); XV, 11, 3 (746).
- ¹²³ ...государство... заставил служить себе.— Имеется в виду Цезарь.
- ¹²⁴ См. I, 38 сл.: *Авл Геллий*, III, 8; *Валерий Максим*, VI, 5, 1.
- ¹²⁵ *Луций Марций Филипп* — консул 91 г., противник реформ Марка Ливия Друса; см. I, 108; «Брут», 173. Марциии считали своим родоначальником царя Анка Марция.
- ¹²⁶ Марк Порций Катон — плебейский трибун 62 г., сторонник сената в гражданской войне; после поражения Помпея под Фарсалом бежал в Африку и покончил с собой в Утике после победы Цезаря под Тапсом. Последователь стоицизма. После его смерти Цицерон выпустил брошюру под названием «Катон», в которой он прославлял заслуги Катона. Цезарь и Авл Гирций ответили на нее брошюрами под названием «Антикатон». См. *Цицерон*, письма к Аттику, XII, 40, 1 (589); 41, 4 (593); 44, 1 (595); 47, 3 (599); 45, 3 (600); XIII, 50, 1 (671); 51, 1 (673). Посмертно Катон был прозван Утическим.
- ¹²⁷ ...во всем отказывал откупщикам...— В конце 61 г. римские всадники, взявшие на откуп сбор податей и пошлн в провинции Азии, потребовали от сената уменьшения откупной платы. Марк Лидиний Красс, заинтересованный материально, поддержал их требование, Катон отверг его. Цицерон, по политическим соображениям, поддер-

- живал откупщиков, стремясь сохранить «согласие между сословиями». Цезарь во время своего первого консулата (59 г.) провел закон об уменьшении откупной платы на одну треть. См. Цицерон, речь в защиту Мурены, 83; письма к Аттику, I, 17, 9 (23); 18, 7 (24); II, 1, 8 (27); Дион Кассий, XXXVIII, 7, 4; Светоний, «Божественный Юлий», 20. О согласии между сословиями см. прим. 134 к кн. II.
- ¹²⁸ По-видимому, имеется в виду получение Катона для Рима наследства, будто бы завещанного Риму царем Кипра Птоломеем. В 58 г. Публий Клодий провел закон о превращении Кипра в римскую провинцию. Это поручение было возложено на Катона. См. Цицерон, речи: О доме, 20; 52; 65; В защиту Сестия, 57 сл.
- ¹²⁹ Колон — здесь арендатор.
- ¹³⁰ О Гае Скрибонии Курионе см. II, 59 и прим. 103. Весной 68 г. Цезарь потребовал от сената предоставления прав римского гражданства транспаданцам, но получил отказ, как и в 65 г., когда был курульным эдилом. В 59 г., на основании Ватиниева закона, Цезарь получил широкие полномочия в Цисальпийской Галлии. Он основал в 51 г. Транспаданской Галлии колонию римских граждан Новый Ком и собиравшись предоставить транспаданцам права римского гражданства, что явилось бы превышением власти проконсула. Консул Марк Клавдий Марцелл предложил сенату отозвать Цезаря и велел задержать в Риме и наказать розгами члена совета колонии Новый Ком. См. Цицерон, письма: К Аттику, V, 2, 3 (184); 3, 1 (185); 11, 2 (199); К близким, VIII, 1, 2 (191); Светоний, «Божественный Юлий», 28; Плутарх, «Цезарь», XXIX.
- ¹³¹ См. выше, 63.
- ¹³² Ср. Цицерон, «О государстве», III, 30.
- ¹³³ О Диогене Вавилонском и об Антилатре см. выше, 51.
- ¹³⁴ Ср. выше, 71; «О государстве», III, 29.
- ¹³⁵ Ср. «О государстве», III, 29.
- ¹³⁶ ...договоры... «не заключены ни самоуправно, ни по злому умыслу»... Эдикт городского претора предусматривал, что договоры, заключенные даже без соблюдения формальностей, имеют силу. См. «Дигесты», II, 14, 7, 7.
- ¹³⁷ Ср. Цицерон, «О предвидении», I, 13.
- ¹³⁸ Ср. выше, 75.
- ¹³⁹ Об этом и следующем примере см. Цицерон, «О природе богов», III, 76; Овидий, «Метаморфозы», II, 1—332.
- ¹⁴⁰ «Мачеха» — это Федра. См. Еврипид, «Ипполит», 43 сл.; 1315 сл.; Платон, «Законы», III, 687 С—Е; Сенека, «Федра», 903 сл.
- ¹⁴¹ На эту тему Еврипид написал трагедию «Ифигения в Авлиде», дошедшую до нас. В подражание ему, Энний написал трагедию «Ифигения» (до нас дошли фрагменты). См. Цицерон, «Тускуланские беседы», IV, 77.
- ¹⁴² См. Публилий Сир, Изречения, 157; Сенека, «О гневе», I, 19, 8.
- ¹⁴³ См. I, 15 сл.
- ¹⁴⁴ См. выше, 50 сл.
- ¹⁴⁵ См. выше, 21 сл.
- ¹⁴⁶ См. ниже, 97 сл.
- ¹⁴⁷ См. ниже, 116 сл.; выше, I, 7; «О пределах добра и зла», V, 15.
- ¹⁴⁸ Одиссей (Улисс) предложил всем претендентам на руку Елены поклясться в том, что они подчинятся ее выбору. О безумии Одиссея см. Овидий, «Метаморфозы», XIII, 36; Плиний, XXXV, 129. Софокл написал трагедию «Одиссей безумствующий».
- ¹⁴⁹ ...с родителями, женой и сыном.— С отцом Лаертом, женой Пенелопой и сыном Телемахом.
- ¹⁵⁰ См. Акций (?), «Суд об оружии», фр. 55 сл. Риббекк². Ср. Гомер, «Одиссея», XI, 512 сл.; Овидий, «Метаморфозы», XIII, 1—138. Трагедию на эту тему написал также и Пакувий. Об Аяксе см. выше, I, 113.
- ¹⁵¹ ...сразиться с морскими волнами...— Намек на бурю, описанную в V песни «Одиссея».
- ¹⁵² О Марке Атилии Регуле см. выше, I, 39 и прим. 60; «О старости», 75 и прим. 162. второй консулат Регула — в 456 г.

- ¹⁵³ Во время первой пунической войны спартаец *Ксангипп* предложил карфагенянам дать римлянам битву на равнине, где слоны карфагенян и их конница создали бы им превосходство. Это и решило исход битвы, когда *Регул* был взят в плен. Упоминаемой *Цицероном* засады не было.
- ¹⁵⁴ *Гамилькар* Барка заставил своего сына *Ганнибала* еще в детстве поклясться в вечной ненависти к римлянам. Вопреки утверждению *Цицерона*, *Гамилькар* встал во главе войска карфагенян только в 248 г. Впоследствии он завоевал Испанию; умер в 229 г. *Цицерон* пользуется римским термином «император».
- ¹⁵⁵ Ср. *Цицерон*, «О пределах добра и зла», II, 65; «Парадоксы», II, 16; *Гораций*, *Оды*, III, 5, 41 сл.; *Валерий Максим*, I, 1, 14; *Авл Геллий*, VI, 4.
- ¹⁵⁶ ...считаем все это своей первой и высшей целью...— Речь идет о высшем благе в понимании стоиков; к нему надо стремиться ради него самого; нравственно-прекрасное и полезное неразрывно связаны между собою, так что мы, стремясь к первому, непременно достигаем также и второго.
- ¹⁵⁷ Ср. *Цицерон*, «Тускуланские беседы», I, 10 сл.
- ¹⁵⁸ ...утверждают, что божество не знает забот и не создает их другому...— Имеются в виду эпикурейцы; ср. выше, II, 59; «О законах», I, 21; «О природе богов», I, 42 сл.; *Эпикур*, письмо к Менекею, 1 сл.; *Лукреций*, «О природе вещей», II, 646 сл.; *Гораций*, *Сатиры*, I, 5, 101.
- ¹⁵⁹ ...думают, что божество всегда что-нибудь делает и совершает...— Имеются в виду стоики. См. *Цицерон*, «О природе богов», II, 75 сл.
- ¹⁶⁰ См. выше, II, 12; ниже, 104; *Сенека*, «О гневе», II, 27, 1.
- ¹⁶¹ См. выше, 3.
- ¹⁶² *Акуций*, «Атрей», фр. 227 сл. *Риббекк*². Диалог между *Фнистом* и *Атреем*.
- ¹⁶³ *Энний*, «Фнист» (?), фр. 403 *Фален*². О божестве *Верности* см. *Цицерон*, «О законах», II, 19; 28; *Гораций*, *Оды*, I, 35, 21; IV, 5, 20; Юбилейный гимн, 57.
- ¹⁶⁴ Ср. *Цицерон*. «О природе богов». II, 61; *Ливий*, I, 21, 4. Храм божества *Верности* был построен консулом 258 г. *Авлом Атилием Калатином* и восстановлен в 115 г. консулом *Марком Эмилием Скавром*.
- ¹⁶⁵ Эта речь *Марка Катона Цензория* нам неизвестна.
- ¹⁶⁶ ...самые авторитетные философы...— т. е. стоики. Ср. выше, II, 10; «Тускуланские беседы», II.
- ¹⁶⁷ См. «Тускуланские беседы», II.
- ¹⁶⁸ Первые — это стоики; см. выше, 3. Вторые — перипатетики, в частности *Кратипп*, наставник молодого *Цицерона*.
- ¹⁶⁹ См. выше, 102 и прим. 162.
- ¹⁷⁰ См. I, 97 сл.
- ¹⁷¹ См. I, 34 сл.
- ¹⁷² См. I, 40.
- ¹⁷³ *Еврипид*, «Ипполит», 612. Перевод И. Ф. Анненского.
- ¹⁷⁴ О фециалах см. прим. 49 к кн. I.
- ¹⁷⁵ *Тит Ветурий* и *Спурий Постумий Альбин* были консулами в 334 и 321 гг. В 321 г., во время второй самнитской войны, римские войска, вступившие в Кавдинское ущелье и запертые в нем, сдались без боя. Победитель мог заставить сдавшиеся ему войска, в виде унижения, пройти «под ярмом», т. е. под копьем, прикрепленным к двум копыям, воткнутым в землю. См. *Ливий*, III, 28; IX, 1 сл.; *Валерий Максим*, VI, 1, 9.
- ¹⁷⁶ *Тит Ливий* говорит о плебейских трибунах *Луции Ливии* и *Квинте Мелии*, вначале не соглашавшихся на свою выдачу врагу, но затем последовавших примеру *Спурия Постумия* и согласившихся на нее. См. *Ливий*, IX, 8, 13; 10, 1.
- ¹⁷⁷ В 137 г., во время войны в Испании, консул *Гай Гостилий Манцин* по своему почину заключил договор о капитуляции 40-тысячной армии, окруженной 4 000 нумантинцев, и о мире с Нуманией. Сенат не утвердил этого договора и, по предложению консула *Луция Фурия Фила*, постановил выдать *Манцинца* намантинцам, но они его не приняли, не согласившись на расторжение заключенного договора. *Секст Атилий Серран* был консулом в 136 г. *Квинт Помпей Непот* был консулом в 141 г., «новый человек»; в 140 г. как проконсул он заключил с нумантинцами договор, по-

- добный заключенному Манцином; договор этот был аннулирован сенатом, постановившим продолжать войну. См. Цицерон, «О пределах добра и зла», II, 54; «Брут», 103; речи: По делу Цецины, 98; Об ответе гаруспиков, 43.
- 178 ...насилие было бы возможно применить к храброму мужу...— Положение стоицизма: насилие возможно над телом человека, но не над его душой. Ср. Цицерон, «Парадоксы», II, 16; Гораций, Послания, I, 16, 73.
- 179 Ср., I, 39; III, 100 сл.
- 180 Ср. Цицерон, «О законах», II, 22.
- 181 ...священные законы...— Древние законы, нарушение которых каралось обречением виновного, вместе с его семьей и имуществом, богам. Сюда относилось и насилие над личностью плебейского трибуна.
- 182 Цензоры обладали также и правом надзора за нравами (*regimen morum*). Своим замечанием (*nota*) они могли лишить гражданина некоторых прав или преимуществ. В своих эдиктах они указывали правила поведения. Сенатора, чем-либо себя запятнавшего, они были вправе исключить из сената.
- 183 Луций Манлий Капитолийский Имперioso — был диктатором в 363 г. Марк Помпоний был плебейским трибуном в 362 г.
- 184 Тит Манлий был избран в военные трибуны в 362 г. Он был диктатором в 353 и 349 гг. В 340 г. велел казнить своего сына за то, что тот во время войны с латинянами нарушил запрет сражаться вне строя и вступил в единоборство с предводителем врагов. Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», I, 23; Ливий, VII, 3, 8—5, 9, 9, 8—10, 14; VIII, 7, 1 сл.; Валерий Максим, V, 4, 3. «Торкват» — от слова *torques*, витое ожерелье.
- 185 См. выше, I, 40; Ливий, XXII, 58, 1—61; XXIV, 18, 5—6; Валерий Максим, II, 9, 8; Авл Геллий, VII, 18.
- 186 Полибий (около 200—120) был после битвы под Пидной (168 г.) как заложник привезен в Рим, где он сблизился со Сципионом Эмилианом, при котором был во время разрушения Карфагена (146 г.). Его «История» состояла из 40 книг (большинство их утрачено) и начиналась с 220 г.
- 187 Луций Эмилий Павел — отец Луция Эмилия Павла Македонского, был консулом в 219 и 216 гг. В 216 г. его коллегой был Гай Теренций Варрон, который нашел нужным дать битву Ганнибалу; Павел стоял за выжидательную тактику. Сражение, начатое Варроном под Каннами, закончилось разгромом римлян. Павел пал в бою, Варрон бежал. Солдаты, о которых здесь говорится, были оставлены для защиты лагеря. См. Ливий, XXII, 59, 9.
- 188 См. Полибий, VI, 58, 13.
- 189 Гай Ацилий, который в 155 г. сопровождал греческих послов как переводчик, написал на греческом языке историю Рима, которая была переведена на латинский. См. Ливий, XXV, 39, 12; XXXV, 14, 5.
- 190 Об Аристиппе см. выше, I, 149 и прим. 209.
- 191 ...философы, которых Аристипп назвал киренскими и анникерийскими...— Анникерид Киренский основал около 300 г. в Александрии философскую школу, получившую его имя. Его учение было средним между учениями Аристиппа и Эпикура.
- 192 Об Эпикуре см. «О старости», прим. 101.
- 193 ...«в пешем и конном строю»...— Поговорка. См. Цицерон, письмо к близким, IX, 7, 1 (461); VIII филиппика, 21.
- 194 Метродор из Лампсака (ок. 331—278) был учеником Эпикура. См. Цицерон, «Тускуланские беседы», II, 17; «О пределах добра и зла», II, 92.
- 195 Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», II, 69.
- 196 ...«вода останавливается»...— Поговорка, основанная на пользовании клепсидрой (водяные часы). Ср. Цицерон, письмо к брату Квинту, II, 6 (8), 2 (106).
- 197 См. Цицерон, «О пределах добра и зла», I, 37; «Тускуланские беседы», III, 47; Авл Геллий, II, 6, 10.
- 198 ...связывают их с наслаждением или с пользой.— Примечательно осуждение эпикурейского понятия о дружбе, высказанное Цицероном в его последнем произведении. Друг Цицерона «эпикуреец» Атик вскоре после его смерти установил добрые от-

- ношения с Октавианом и даже с Марком Антонием. См. *Корнелий Непот*, «Аттик», 9, 3; 10, 4 сл.
- ¹⁹⁹ ...всякое наслаждение противно нравственной красоте.— В соответствии с положением стоицизма, гласящим, что предметом наших стремлений должно быть только нравственно-прекрасное. Ср. I, 6; III, 11; 33.
- ²⁰⁰ *Каллифонт* и *Диномах*.— Это философы мало известны. Ср. *Цицерон*, «Учение академиков», II, 131; 139; «О пределах добра и зла», V, 21; «Тускуланские беседы», V, 85.
- ²⁰¹ Ср. «О пределах добра и зла», II.
- ²⁰² Ср. *Теренций*, «Самоистязатель», 195 сл.
- ²⁰³ ...должен будешь принять эти три книги как чужеземцев...— Так как в них излагается учение стоиков, а молодой Цицерон — слушатель перипатетика Кратиппа.
- ²⁰⁴ ...если бы отечество громким голосом не отозвало меня с полпути...— Цицерон выехал в Грецию из Италии 21 июля 44 г. с тем, чтобы возвратиться в Рим к 1 января 43 г.; но противные ветры и политические события заставили его повернуть назад, и он возвратился в Рим 31 секстилия (августа) 44 г. Встретиться с сыном ему не пришлось, так как он был убит в начале декабря 43 г. См. письма: К Аттику, XIV, 7, 2 (710); XVI, 7, 5 (783); К близким, X, 1, 1 (787); XII, 25, 3 (825); К Бруту, I, 15, 5 (913); I филиппика, 7 сл.; *Плутарх*, «Цицерон», XLIII.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Марк Туллий Цицерон (106—43). Мрамор. Ватикан. Фронтиспис	7
Цицерон, «О старости», конец. Codex Parisinus 18420 (XII в.)	27
Цицерон, «Об обязанностях», книга третья (начало). Турин, Национальная Университетская библиотека. Рукопись XIV в. . . .	129
Марк Туллий Цицерон (106—43). Мрамор. Рим, Капитолийский музей	161

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

С — «О старости», Д — «О дружбе», О — «Об обязанностях». Римская цифра указывает книгу, арабская — параграф. Хронологические даты — до нашей эры.

- Аврелий Котта, Гай, консул 75 г. О II, 59
 Авфидий Орест Аврелиан, Гней, консул 71 г. О II, 58
 Агала, см. Сервий Агала
 Агамемнон (миф.) С 31; О III, 95.
 Агесилай, царь Спарты (401—361) О II, 16
 Агис, царь Спарты (245—241) О II, 80
 Агригент (Акрагант), город Д 24; О II, 26
 «Адельфы», комедия Теренция С 65; О I, 30
 «Академиков учение», сочинение Цицерона, О II, 8
 Академия О I, 6; III, 20
 Аквилый Галл, Гай, претор 66 г, правовед О III, 60 сл.
 Аквилый, Маний, консул 101 г. О II, 50
 Акций (Аттий), Луций, трагический поэт (170—85) Д 24; О III, 84; 102; 106
 Александр Великий (356—323) О I, 90; II, 16; 48; 53
 Александр, тиранн в Ферах (370—351) О II, 25 сл.
 Александрия, город О II, 82; III, 50
 Альбин, см. Постумий Альбин
 Альбуций, Тит, претор 105 г., эпикуреец О II, 50
 Амбивий Турпион, Луций, актер С 48
 Андроник, см. Ливий Андроник
 Анио, река О III, 112
 Анникерид Киренский, философ О III, 116
 Антигон, правитель Азии (323—301), царь Азии (306—301) О II, 48
 Антиопа (миф.) О I, 114
 Антипатр Тарсийский, стоик (II в.) О III, 51; 91
 Антипатр Тирский, стоик (I в.) О II, 86
 Антипатр, наместник Александра Великого О II, 48
 Антоний, Марк (143—87), консул 99 г. О II, 49; III, 67
 Аппеллес, живописец О III, 10
 Аполлон — С 78; Д 7; 10; 13; О II, 77
 Арат Сикионский (271—213) О II, 81 сл.
 Арганфоний, царь Таргесса (VI в.) С 69
 Аргинусские острова О I, 84
 Аргос, город О II, 81
 Ареопаг О I, 75
 Аристид, афинский государственный деятель (V в.) С 21; О III, 16; 49; 87
 Аристипп Киренский (около 435—355), гедонист О I, 148; III, 12; 116
 Аристон Хиосский, стоик (III в.) С 3; О I, 6
 Аристотель (384—322) О I, 4; II, 56; III, 35
 Арпин, город О I, 21
 Архит Тарентский, государственный деятель, философ, математик (IV в.) С 39; 41; Д 88
 Атилий Калатин, Авл, консул 258 и 254 гг., диктатор 249 г. С 61
 Атилий Регул, Марк, консул 267 и 250 гг. С 75; О I, 39; III, 99 сл.; 102 сл.; 108; 110 сл.
 Атилий Серран, Секст, консул 136 г. О III, 109
 Атрей (миф.) О I, 97; III, 106
 Аттий, см. Акций
 Афины, город С 1; 8; 41; 43; 63; Д 7; 87; О I, 1; 75; 84; 86; II, 64; 83; III, 6; 87; 121
 Африка, провинция О I, 112; III, 99
 Ацилий Бальб, Маний, консул 150 г. С 14
 Ацилий, Гай, историк (II в.) О III, 115
 Ацилий Глабрион, Маний, консул 191 г. С 32
 Ацилий, Луций, законовед Д 6
 Аякс, сын Теламона (миф.) С 31; О I, 113 сл.; III, 98
 Бардулис, царь Иллирии О II, 40
 Басил, см. Минуций Басил

- Биант, мудрец (VI в.) *Д* 59
 Блоссий, Гай (VI в.) *Д* 37
 Брут, см. Юний Брут
- Вавилония, государство *О* III, 51
 Валерий Корвин, Марк, консул 6 раз (348—299) *С* 60
 Варрон, см. Теренций Варрон
 Великая Греция (Ю. Италия) *Д* 13
 Великая Матерь богов *С* 45
 Венера, божество *О* III, 10
 Вергиний, Авл, законовед *Д* 101
 Верность, божество *О* I, 23; III, 104
 Весерис, река *О* III, 112
 Ветурий Кальвин, Тит, консул 321 г. *С* 41; *О* III, 109
 Вецеллин, см. Кассий Вецеллин
 Вириат *О* II, 40
 Вокониев закон (169 г.) *С* 14
 Вольски, племя *О* I, 35
- Габиниев закон (139 г.) *Д* 41
 Габиний, Авл, плебейский трибун 139 г. *Д* 41
 Гал (Галл), см. Сульпиций Гал
 Галлы, нашествие на Рим (387 г.) *О* III, 112
 Гамилькар Баба (247—241), карфагенский полководец, *О* III, 99
 Ганнибал, карфагенский полководец (247—183) *О* 10, 75; *Д* 28; *О* I, 38; 40; 108; III, 99; 113 сл.
 Гекатон Родосский, философ-стоик *О* III, 63; 89
 Гераклес (Геракл, миф.) *О* I, 118; III, 25
 Герники, племя *О* I, 35
 Геродот Галикарнасский, историк (V в.) *О* II, 41
 Гесиод, поэт (VIII в.) *С* 23; 54; *О* I, 48
 Гиг, царь Лидии *О* III, 49
 Глабрион, см. Ацилий Глабрион
 Гнафон (Теренций, «Евнух») *Д* 93 сл.
 Гомер (поэт) *С* 23; 31; 54; *О* III, 97
 Гораций Кокл *О* I, 61
 Георгий, софист и ритор (IV в.) *С* 13; 23
 Гортенсий Гортал, Квинт, оратор (114—50) *О* II, 57; III, 73 сл.
 Гостилий Манцин, Гай, консул 137 г. *О* III, 109
 Гостилий Манцин, Луций *Д* 96
 Гракх, см. Семпроний Гракх
 Гратидиан, см. Марий Гратидиан
 Греко-персидские войны (480—470) *Д* 42
 Греция *С* 31; 45; *Д* 7; 42; 45; *О* I, 1; 8; 51; 108; 142; 153; II, 18; 73; 82; 99; II, 18; 60; 80; 83; III, 48; 73; 82; 99
 Греция Великая *Д* 13
 «Грубиян», комедия Плавта *С* 50
- Дамон, философ-пифагореец *О* III, 45
 Двенадцать таблиц *О* I, 37; III, 61; 111
 «Девушка с Андроса», комедия Теренция *Д* 89
 Деметрий Полноркет, царь Македонии (294—287) *О* II, 26
 Деметрий Фалерский, государственный деятель (345—283) *О* I, 3; II, 60
 Демокрит, философ-атомист (около 460—370) *С* 23
 Демосфен, афинский оратор (385—322) *О* I, 4; II, 47
 Деций Мус, Публий (отец и сын) *С* 43; 75; *О* I, 61; III 16
 Диана, божество *О* III, 95
 Дикеарх Мессанский, философ-перипатетик (IV в.) *О* II, 16
 Диномах, философ *О* III, 119
 Диоген Бавилонский, философ-стоик (II в.) *С* 23; *О* III, 51 сл., 91
 Дион, стратег и тиранн Сиракуз (IV в.) *О* I, 155
 Дионисий Старший, сиракузский тиранн (430—367) *О* II, 25; III, 45 (?)
 Дионисий Младший, сиракузский тиранн (367—356, 346—343) *О* III, 45 (?)
 «Домострой», сочинение Ксенофонта *О* II, 87
 Друс, см. Ливий Друс
 Дуеллий (Дуиллий), Гай, консул 260 г. *С* 44
 Дуеллий, Марк *С* 44
 Еврипид, трагический поэт (480—406) *О* III, 82; 108
 Энон Китийский, философ-стоик (IV в.) *С* 23; *О* III, 35
- Ида, гора *С* 45
 Иде́йская Матерь (Кибела), божество *С* 45
 Иллирия, страна *О* II, 40
 Ипполит (миф.) *О* I, 32; III, 94; 108
 Исократ, афинский оратор (436—338) *С* 13, 23; *О* I, 4
 Испания *С* 32
 Итальянская война (90—88) *О* II, 75
 Италия *О* II, 75 сл.
 Ифака (Итака), остров (миф.) *О* III, 97
 Ифигения (миф.) *О* III, 95
- Кавдинское ущелье *С* 41; *О* III, 109
 Калипсо (миф.) *О* I, 113
 Калликратид, спартанский флотоводец *О* I, 84; 109
 Каллифонт, философ *О* III, 119
 Кальпурний Ланарий, Гай *О* III, 66
 Кальпурний Писон Фруги, Луций, консул 133 г. *О* II, 75

- Камилл, см. Фурий Камилл
 Каний, Гай, римский всадник О III, 58 сл.
 Канны, город С 75; О I, 40; III, 47; 113
 Капитолий, холм в Риме Д 37; О III, 104
 Капуя, город С 10
 Карвилиий Максим, Спурий С 11
 Карфаген, карфагеняне С 18; 43; 75; О I, 29; 35; 38 сл.; 108; II, 76; III, 47; 99 сл.; 110 сл.
 Кассандр, сын Антипатра (см.) О II, 48
 Кассиев закон (137 г.) Д 41
 Кассий Веллелл, Спурий, консул 502, 493, 486 гг. Д 28, 36
 Кассий Лонгин Равилла, Луций, трибун 137 г. Д 41
 Катон, см. Порций Катон
 «Катон Старший», диалог Цицерона О I, 151
 Катул, см. Лутаций Катул
 Квинкций Фламинин, Тит, консул 198 г. С I, 42
 Квинкций Фламинин, Тит, консул 150 г. С 14
 Квинкций Цинциннат, Луций, диктатор 458 г. С 56
 Квириин, божество О III, 41
 Кельтиберы, племя О I, 38
 Кимвры, племя О I, 38
 Кимон, афинский флотоводец О II, 64
 Кинеа, ритор (III в.) С 43
 Киники, философская школа О I, 128; 148
 Кир Младший, царь Персии О II, 16
 Кир Старший, царь Персии С 30; 32; 79; 81
 Киренская школа философская О III, 116
 Кирка (Цирцея, миф.) О I, 113
 Кирсил О III, 48
 Клавдий, Аппий, консул 349 г. С 41
 Клавдий Марцелл, Марк, консул 5 раз (222—208) С 75; О I, 61
 Клавдий Пульхр, Аппий, эдил 99 г. О II, 57
 Клавдий Пульхр, Гай, консул 92 г. О II, 57
 Клавдий (Клодий) Пульхр, Публий, плебейский трибун 58 г. О II, 58
 Клавдий Слепой, Аппий, консул 306 и 297 гг., цензор 312 г. С 15; 37
 Клавдий Центон, Гай, претор 175 г. С 50
 Клавдий Центумал, Тиберий О III, 66
 Клавдий Эзоп, актер О I, 114
 Клеанф, философ-стоик (IV—III в.) С 23
 Клеидя О I, 61
 Клеомброт, царь Спарты (IV в.) О I, 84
 Клитемнестра (миф.) О I, 84
 Кокал, см. Гораций Кокал
 Коллатин, см. Тарквиний Коллатин
 Конон, афинский флотоводец О I, 116
 Коринф, город О I, 35; II, 76; III, 46
 Кориолан, см. Марций Кориолан
 Корнелий Лентул Спинтер, Публий, консул 57 г. О II, 57
 Корнелий Сулла Счастливый, Луций (138—78), диктатор О I, 43; 109; II, 27; 29, 51; III, 87
 Корнелий Сулла, Публий, племянник предка. О II, 29
 Корнелий Сципион Африканский Старший, Публий (234—183), консул 205 и 194 гг. С 13; 19; 29; 35; 61; 82; О I, 121; II, 80; III, 1 сл.; 4
 Корнелий Сципион Кальв (Асина?), Гней, консул 222 г. С 29; 75; 82; О I, 61; III, 16
 Корнелий Сципион Насика Коркул, Публий, консул 162 и 155 гг. С 50; Д 101
 Корнелий Сципион Насика, Публий, консул 111 г. О I, 109
 Корнелий Сципион Насика Серапион, Публий, консул 138 г. Д 41; О I, 76; 109
 Корнелий Сципион, Публий, консул 218 г., отец Сципиона Африканского Старшего С 29; 75; 82; О I, 61; 121; III, 16
 Корнелий Сципион, Публий, сын Сципиона Африканского Старшего, приемный отец Сципиона Эмилиана С 35; О I, 121
 Корнелий Сципион Эмилиан Младший Африканский Нумантинский, Публий (185—129), консул 147 и 134 гг. С passim; Д passim; О I, 76; 87; 90; 108; 116; II, 76
 Корнелий Цетег, Марк С 10; 50
 Корунканий, Тиберий, консул 280 г. С 15; 27; 43 Д 18
 Кос, остров и город О III, 10
 Котта, см. Аврелий Котта
 Красс, см. Лициний Красс
 Кратипп, философ-перипатетик О I, 1 сл.; II, 8; III, 5 сл.; 33; 121
 Критобул С 59
 Кротона, город С 27
 Ксантипп О III, 99
 Ксенократ Халкедонский (396—314), ученик Платона, глава Академии (339—314) С 23; О I, 109
 Ксенофонт, историк, ученик Сократа С 30; 46; 59; 79; О I, 118; II, 87
 Ксеркс, царь Персии (495—465) О III, 48
 Кумы, греч. колония Д 37
 Курий Дентат, Манний, консул 290, 275, 274 гг. С 15; 43; 55 сл.; Д 18; 28
 Курيون, см. Скрибоний Курيون

- Лабеон, см. Фабий Лабеон
 Лаерт (*миф.*) С 54
 Лакедемон, см. Спарта
 Ланарий, см. Кальпурний Ланарий
 Латиняне Д 12 сл.; О I, 38; III, 112
 Левктры, город О I, 61; II, 26
 Лелий, Гай, консул 190 г. С 77
 Лелий Мудрый, Гай, консул 140 г. С *passim*; Д *passim*; О I, 90; 108; II, 31; 40; III, 16
 «Лелий», диалог Цицерона О II, 31
 Ленат, см. Попилий Ленат
 Лентул, см. Корнелий Лентул
 Лепид, см. Эмилий Лепид
 Ливий Андроник, Луций, поэт (III в.) С 50
 Ливий Друс, Марк, плебейский трибун 91 г. О I, 108
 Ливий Салинатор, Гай, консул 188 г. С 7
 Ливий Салинатор, Марк С 11
 Лидия, страна в М. Азии О III, 38
 Ликомед, царь (*миф.*) Д 75
 Ликург, законодатель Спарты (IX в.) О I, 76
 Лисандр, эфор О II, 80
 Лисандр, флотоводец Спарты (IV в.) С 59; 63; О I, 76; III, 105; 109
 Лисимах С 21
 Лисис Тарентский, пифагореец О I, 155
 Лициниев закон Д 76
 Лициний Красс Богатый, Марк, триумвир, консул 70 и 55 гг. О I, 25; 109; III, 73; 75
 Лициний Красс, Гай, плебейский трибун 145 г. Д 46
 Лициний Красс, Луций, консул 95 г., оратор О I, 108; 133; II, 47; 49; 57; 63; III, 47; 67
 Лициний Красс Муциан Богатый, Публий, консул 98 г. С 50; 61; О II, 57
 Лициний Красс, Публий, консул 205 г. С 27
 Лициний Лукулл Понтийский, Луций О I, 140; II, 50; 57
 Лициний Лукулл, Марк О II, 50; 57
 Лукулл, см. Лициний Лукулл
 Луситания, область О II, 40
 Лусцин, см. Фабриций Лусцин
 Лутаций Катул Капитолийский, Квинт, консул 78 г. О I, 76; 133
 Лутаций Катул, Квинт, консул 102 г. О I, 109; 133
 Лутаций Пинтия, Марк О III, 77
 Македония, область; македоняне О I, 37; 90; II, 26; 53; 76
 Максим, см. Фабий Максим
 Макций Плавт, Тит, комический поэт (254—184) С 50; О I, 104
 Мамерк, см. Эмилий Лепид, Мамерк
 Манилий Непот, Маний, консул 149 г. законовед Д 14
 Манлий Империиос Капитолийский, Луций, диктатор 367 г.—С 10 слл.; 15; 39; 61; О III, 112
 Манлий Империиос Торкват, Тит Д 14; III, 112
 Манлий Капитолийский, Авл О III, 112
 Манцин, см. Гостилий Манцин
 Манция, см. Муций Манция
 Марафон, равнина в Греции О I, 61
 Марий, Гай (157—86), консул 107, 104—100, 86 гг. О I, 76; III, 79; 81
 Марий Грагидиан, Марк О III, 67; 80 сл.
 Марс, божество О III, 34
 Марцелл, см. Клавдий Марцелл
 Марций Кориолан, Гней (V в.) Д 36; 42
 Марций Филипп, Квинт, консул 186 и 169 гг. С 14
 Марций Филипп, Луций, плебейский трибун 104 г., консул 91 г. О I, 108; II, 59; 73; III, 87
 Масинисса, царь Нумидии (238—148) С 34
 Массилия, город О II, 28
 «Мед», трагедия Пакувия О I, 114
 «Меланиппа», трагедия Еврипида О I, 114
 Мелий, Квинт, плебейский трибун 320 г. О III, 109
 Мелий Спурий (V в.) С 56; Д 28; 36
 Метелл, см. Цецилий Метелл
 Метродор из Лампсака, эпикуреец (330—277) О III, 117
 Милон, см. Анний Милон
 Милон Кротонский, атлет С 27; 33
 Минерва Д 18; О I, 110
 Минос (*миф.*) О I, 97
 Минуций Басил, Луций О III, 73 сл.
 Минуций Басил Сатриан, Марк О III, 74
 Муммий Ахейский, Луций, консул 146 г. О I, 35; II, 76
 Муммий, Спурий Д 69; 101
 Мус, см. Деций Мус
 Муций Манция, Квинт О I, 109
 Муций Сцевола, Квинт, консул 117 г., «Авгур» Д 1; 5; 8; 16; 25; О I, 109
 Муций Сцевола, Квинт, консул 95 г., «Понтифик» О I, 116; II, 57; III, 47; 62; 70
 Муций Сцевола, Публий, консул 133 г. (отец «Понтифика») О I, 116; II, 97; III, 62
 Насика, см. Корнелий Сципий Насика
 «Наследница», комедия Цецилия Стация Д 99

- Неаполь, город О I, 33
 Нearch Тарентский, пифагореец С 41
 Невий, Гней, поэт (около 269—194) С 20; 50
 Неоптолем (Пирр; миф.) Д 75
 Нептун, божество О I, 32; III, 94
 Нестор, царь Пилоса (миф.) С 31
 Никокл, тиран Сикюна О II, 81
 Нола, город О I, 33
 Норбан, Гай, консул 82 г. О II, 49
 Нумантинский договор О III, 109
 Нуманция, город О I, 35; 76; III, 109
 Нумиций, Тиберий О III, 109
- «Об обязанностях», сочинение Гекатона О III, 89
 «О государстве», диалог Цицерона О II, 60
 «О дружбе», диалог Цицерона О II, 31
 «О старости», диалог Цицерона Д 5; О I, 151
 Одиссей (Улисс; миф.) О I, 113; III, 97 сл.
 Октавий, Гней, консул 165 г. О I, 138
 Октавий, Марк, плебейский трибун 120 г. О II, 72
 Олимпия, город С 14; 33
 Орест (миф.) Д 24
 Орест, см. Авфилий Орест
- Павел, см. Эмилий Павел
 Павсаний, царь Спарты (408—394) О I, 76
 Пакувий, Марк, трагический поэт (220—132) Д 24
 Паламед (миф.) О III, 28
 Палатинский холм О I, 138
 Панэгий Родосский, стоик (180—111) О I, 7; 9; 90; 152; 161; II, 16; 35; 51; 60; 76; 86; III, 7 сл.; 18; 33 сл.; 63
 Папий, Гай О III, 47
 Папирий, Гай О III, 47
 Папирий Карбон, Гай, плебейский трибун 131 г., консул 120 г., Д 39; 41; 96
 Пелий, царь Иолка (миф.) С 83
 Пелоп (миф.) О III, 84
 Пелопоннесская война (431—404) О I, 84
 Пенн, см. Юний Пенн
 Перикл, афинский государственный деятель (V в.) О I, 108; 144; II, 16; 60
 Перипатетики, философская школа О I, 1 сл., 6, 89; II, 8; 16; III, 11, 20
 Персей, царь Македонии (II в.) О I, 37
 Персы О III, 48 сл.
 Пилад (миф.) Д 24
 Пирей, город О III, 46
 Пирр, царь Эпира (318—272) С 16; 43; 55; Д 28; О I, 38; 40; II, 26; III, 86
 Пиррон Элидский, философ-скептик (IV в.) О I, 6
 Писистрат, афинский тиранн (VI в.) С 72
 Писон, см. Кальпурний Писон
 Пифагор Самосский, философ (VI в.) С 23; 33; 73; 78; О I, 56; 108
 Пифагора последователи О I, 155; III, 45
 Пифий, меняла О III, 58
 Пиценская область (Италия) С 11; О III, 74
 Плавт, см. Макций Плавт
 Платея, город О I, 61
 Платон, философ (429—347) С 13; 23; 41; 44; 78; О I, 4; 15; 22; 28; 63; 85; 87; 155; III, 38 сл.
 Платона последователи О I, 2
 Платориев закон О III, 61
 Полибий, историк (204—122) О III, 113
 Помпей Великий, Гней (106—48), консул 70, 55 и 52 гг. О I, 76; 78; II, 45; 57; 60
 Помпей Непот, Квинт, консул 141 г. Д 77; О III, 109
 Помпей Руф, Квинт, консул 88 г. Д 2
 Помпей, Секст, стоик, геометр О I, 19
 Помпоний Аттик, Тит (109—32) С 1; Д 2
 Помпоний, Марк, плебейский трибун 363 г. О III, 112
 Понций Телесин, Гай, самнит С 41; О II, 75
 Понций, Гай (отец предыл.) С 41
 Понций, Тит, центурион С 33
 Попиий Ленат, Гай, консул 132 г. Д 37; О I, 36
 Порций Катон, Гай, консул 114 г., внук Катона Цензория Д 28
 Порций Катон Лициниан, Марк, сын Катона Цензория С 84; Д 9; О I, 36 сл.
 Порций Катон, Марк, внук Катона Цензория, отец Катона Утического О III, 66
 Порций Катон (Утический), Марк, плебейский трибун 52 г. О I, 112; III, 66; 88
 Порций Катон Цензорий (Старший), Марк (234—149), консул 195 г., цензор 184 г. С passim; 4; 9; 21; 76; 90; О I, 36 сл.; 79; 104; II, 89; III, 1; 16; 104
 Посидоний Апамейский, философ-стоик (135—51) О I, 159; III, 8; 10
 Постумий Альбин, Спурий, консул 334 и 321 гг. С 41; О III, 109
 Постумий Альбин, Спурий, консул 186 г. С 7
 Продик, софист (V в.) О I, 118
 Птолемей Филадельф, царь Египта (285—247) О II, 82

- Пульхр, см. Клавдий (Клодий) Пульхр
 Пунийцы, см. Карфагеняне
 Пунические войны: первая О I, 39; вторая О III, 47; третья О I, 79
- «Раб-обманщик», комедия Плавта С 50
 Регул, см. Атилий Регул
 Рем О III, 41
 Рим О III, 73, 79, 99, 112 сл.
 Родос, остров О III, 50
 Ромул О III, 41
 Росций, Секст О II, 51
 Рупилий, Луций (брат следующего) Д 73
 Рупилий, Публий, консул 132 г. Д 37; 69; 73; 101
 Рупилий, актер О I, 114
 Рутилий Руф, Публий, консул 105 г., легат Муция Сцевола в Азии в 94 г. Д 101; О II, 47; III, 10
 Руф, см. Рутилий Руф
- Сабиняне С 24; 46; 55; О I, 35; 38; III, 74
 Саламин, остров О I, 61; 75
 Салинатор, см. Ливий Салинатор
 Салмацида (миф.) О I, 61
 Самниты С 43; 55; О I, 38; III, 109
 Сарды, город С 50
 Сатрий, Марк О III, 74
 Сей, Марк О II, 58
 Семпроний Гракх, Гай, плебейский трибун 123 и 122 гг. Д 39; 41; О II, 72; 80; 121
 Семпроний Гракх, Публий, дед трибунов
 Семпроний Гракх, Тиберий, отец трибунов 133, 123 и 122 гг. Д 101; О I, 76; 109; II, 43; 80
 Семпроний Гракх, Тиберий, плебейский трибун 133 г. Д 37; 39; 41; 101; О I, 76; 109; II, 43; 80
 Семпроний Тудитан, Марк, консул 240 г. С 50
 Семпроний Тудитан, Публий, консул 204 г. С 10
 Сервилий Структ Агала, Гай С 56
 Сервилий Цепион, Гней, консул 169 г. С 14
 Сергей Сил Ората, Гай, претор 97 г. О III, 67
 Сериф, остров С 8
 Серран, см. Атилий Серран
 Сикион, город О II, 81 сл.
 Силан, см. Юний Силан
 Симионд Кеосский, поэт (556—468) С 23
 Сиракузы, город О III, 58 сл.
 Сицилия, остров и провинция О II, 50
 Скавр, см. Эмилий Скавр
- Скрибоний Курион, Гай, консул 76 г. О II, 59; III, 88
 Сократ, философ (469—399) С 59; 78; О I, 90; 108; 148; II, 43; III, 11; 77
 Сократа последователи О I, 2; 6; 104; 128; 134; II, 87; III, 20
 Солнце, божество О III, 94
 Солон, афинский законодатель (638—558) С 26; 50; 72 сл.; О I, 75; 108
 Софокл, трагический поэт (495—406) С 22 сл.; 47; О I, 144
 Спарта, город С 20; 59; 63; О I, 64; 76; 84; II, 26; 76; 80; III, 49; 99
 Стаций, см. Цецилий Стаций
 Стесихор, поэт (около 632—552) С 23
 Сулла, см. Корнелий Сулла
 Сульпиций Гал (Галл), Гай, астроном, консул 166 г. С 49; Д 9; 21; 101; О I, 19
 Сульпиций Руф, Публий, плебейский трибун 88 г. О II, 49
 Сцевола, см. Муций Сцевола
 Сципион, см. Корнелий Сципион
- Таида (Теренций, «Евнух») Д 98
 Тантал (миф.) О III, 84
 Тарент, город С 10 сл.; 39, 41
 Тарквиний Гордый, римский царь Д 28; 53; О III, 40
 Тарквиний Коллатин, Луций, консул 509 г. О III, 40
 Тартесс, финикийская колония С 69
 Теренций Афр, Публий, комический поэт (195—159) С 65; Д 89, 93; 98; О I, 30; 150
 Теренций Варрон, Гай, консул 216 г. С 65; О III, 114
 Тесей (миф.) О I, 32; III, 94
 Тимон Афинский, философ Д 87
 Тимофей, афинский флотоходец О I, 116
 Тир, город О II, 86
 Тифон (миф.) С 3
 Торкват, см. Манлий Торкват
 Транспаданцы О III, 88
 Трезена, город О III, 48
 Троя, город С 31
 Туберон, см. Элий Туберон
 Тудитан, см. Семпроний Тудитан
 Туллий Цицерон, Марк, оратор, консул 63 г. (106—43) О I, 1 сл.; 84; 155; II, 2 сл.; III, 1 сл.
 Туллий Цицерон, Марк, отец оратора О III, 77
 Тулий Цицерон, Марк, сын оратора О I, 1; 3; 15; 78; II, 1 сл.; 8; 44 сл.; III, 1; 5; 33; 121
 Турпион, см. Амбвий Турпион
 Тускул, город О I, 21; 35

Улисс, см. Одиссей

Фабий Лабен, Квинт, консул 183 г. О I, 33

Фабий Максим Веррукос Кунктатор, Квинт, диктатор 217 г., консул 233, 228, 215, 214, 209 гг. С 10 сл., 15; 39, 61; О I, 84; 108

Фабий Максим, Квинт (сын Кунктатора) С 12

Фабий Максим Эмилиан, Квинт, консул 145 г. Д 69; 96

Фабриций Лусцин, Гай, консул 282 и 278 гг. С 15; 43; Д 18; 28; 39; О I, 40; III, 16; 86 сл.

Фаетон (миф). О III, 94

Фаларид, тиранн Агригента (VI в.) О II, 26; III, 29; 32

Фалерский, см. Деметрий Фалерский

Фанний, Гай Д 3; 5 сл., 8 сл., 16 сл.; 25; 32; 100

Фалер, дем в Аттике О I, 3; II, 60

Федра (миф.) О III, 94

Фемистокл афинский архонт 493/2 гг. (около 514 — около 449) С 8; 21; Д 42; О I, 75; 108; II, 16; 71; III, 49

Феопомп Хиосский, оратор и историк (IV в.) О II, 40

Феофраст Лесбосский, философ (IV—III вв.) О I, 3; II, 56; 64

Фермопилы, ущелье в Греции С 32; О I, 61

Феры, город О I, 108; II, 25

Фивы, город в Беотии О I, 155

Фиест (миф.) О III, 102

Фил, см. Фурий Фил

Филипп, см. Марций Филипп

Филипп, царь Македонии (359—336) О I, 90; II, 48; 53

Филипп, сын Антигона О II, 48

Фимбрия, см. Флавий Фимбрия

«Финикиянки», трагедия Еврипида О III, 87

Финтий, философ-пифагореец О III, 45

Флавий Фимбрия, Гай, консул 104 г. О III, 76 сл.

Фламиниев закон С 11

Фламиний Гай, консул 223 и 217 гг. С 11

Фламинин, см. Квинкций Фламинин

Фракия, область О II, 25

Фурий Камилл, Луций С 41

Фурий Фил, Луций, консул 136 г. Д 14; 21; 69; 101; О III, 109

Фуфиев закон С 11

Фуфий, Луций, претор О II, 50

«Хвастливый воин», комедия Плавта О I, 137

Хремет (Теренций, «Самонствязатель») О I, 30

Хрисипп, стоик (250—207) О III, 42

Цезарь, см. Юлий Цезарь

Целый, холм в Риме О III, 66

Центумал, см. Клавдий Центумал

Цепион, см. Сервилий Цепион

Цетег, см. Корнелий Цетег

Цецилий Метелл, Луций, консул 251 и 247 гг. С 30; 61

Цецилий Метелл Македонский, Квинт, консул 143 г. Д 77; О I, 87

Цецилий Метелл Нумидийский, Квинт, консул 109 г. О III, 79

Цецилий Стаций, комический поэт (220—168) С 24; 36; Д 99

Цинциев закон (204 г.) С 10

Цинциннат, см. Квинкций Цинциннат

Цицерон, см. Тулий Цицерон

Эак (миф.) О I, 97

Эакиды О I, 38

Эгина, остров О III, 46

Эзоп, актер, см. Клавдий Эзоп

Элиев закон С 11

Элий Пет Кат, Секст, консул 198 г. С 27

Элий Туберон, Квинт, претор 123 г. Д 37; О III, 63

Эмилий Лепид Ливиан, Мамерк, консул 77 г. О II—58

Эмилий Лепид, Марк, консул 187 и 175 гг. С 61

Эмилий Павел Македонский, Луций, консул 182 и 168 гг. С 15; 49; 61; 77; 82 сл.; Д 9; 21; 39; О I, 116; 121; II, 76

Эмилий Павел, Луций, консул 219 и 216 гг. С 29; 61; 75; 82; О III, 114

Эмилий Папий, Квинт Д 39; О III, 47

Эмилий Скавр, Марк, консул 115 г., цензор 109 г. О I, 76; 108

Эмилий Скавр, Марк, эдил 58 г. (сын предыд.) О I, 138; II 57

Эмпедокл Акрагантский, философ (V в.) Д 24

Энный, Квинт, поэт (239—169) С 1; 10; 14; 16; 50; 73; Д 22; 64; О I, 26; 51 сл.; 84; II, 23; 62; III, 62; 104

Эпаминонд, фиванский государственный деятель (IV в.) О I, 84; 155

«Эпигоны», трагедия Эсхила, Еврипида Акция О I, 114

Эпикур, философ (342—270) С 43; О III, 116 сл.

- Эрилл Карфагенский, философ-стоик О I, 6
Этеокл (миф.) О III, 82
Этна, гора С 4
- Югурта, царь Нумидии О III, 79
Юлий Цезарь, Гай (сын Вописка) О I, 108; 133
Юлий Цезарь, Гай (100—44), диктатор О I, 26; 43; 112; II, 2; 23 сл.; 83 сл.; III, 19; 32; 82 сл.
Юлий Цезарь Страбон Вописк, Гай О I, 108; II, 50
Юний Брут, Децим, консул 138 г. Д 7
- Юний Брут, Луций, консул 509 г. С 75; О III, 40
Юний Брут, Марк («Обвинитель») О II, 50
Юний Пенн, плебейский трибун 126 г. О III, 47
Юний Силан, Децим, консул 62 г. О II, 57
Юпитер, божество О I, 118; III, 102; 104 сл.
Ян, божество О II, 89
Ясон, тиранн Фер (395—370) О I, 108

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
О СТАРОСТИ (Перевел <i>В. О. Горенштейн</i>)	7
О ДРУЖБЕ (Перевел <i>В. О. Горенштейн</i>)	31
ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ (Перевел <i>В. О. Горенштейн</i>)	58
Книга первая	58
Книга вторая	99
Книга третья	124

ПРИЛОЖЕНИЯ

Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина. <i>С. Л. Утченко</i>	159
Цицерон в годы гражданской войны 49—45 гг. и диктатуры Цезаря. Диалоги «О старости» и «О дружбе». <i>В. О. Горенштейн</i>	175
Примечания (Составил <i>В. О. Горенштейн</i>)	192
О старости	193
О дружбе	202
Об обязанностях	209
Книга первая	209
Книга вторая	219
Книга третья	226
Список иллюстраций	237
Указатель имен и названий (Составил <i>В. О. Горенштейн</i>)	238

ЦИЦЕРОН
О СТАРОСТИ.
О ДРУЖБЕ.
ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ.

*

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии
«Литературные памятники» АН СССР*

*

Редактор издательства
И. Г. Древянская

Художественный редактор
Т. П. Поленова

Технические редакторы
О. М. Гуськова и С. Г. Тихомирова

Сдано в набор 6/VII 1973 г.
Подписано к печати 3/X 1973 г.
Формат 70×90¹/₁₆. Бумага № 2.
Усл. печ. л. 18,3. Уч.-изд. л. 20,6.
Тираж 40 000 Тип. вак. 2607.

Цена 1 р. 51 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10